

КЛУБ ЛЮБИТЕЛЕЙ ФАНТАСТИКИ

ПОЛ АНДЕРСОН

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ...

ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС

МОСКВА
Объединение
“Всесоюзный молодежный
книжный центр”
1992

Перевод с английского
М. Коркина

Андерсон Пол
А 651 **Настанет время... Звездный лис. Сборник фантастических романов. Пер. с англ. М. Коркина. - М., Объединение "Всесоюзный молодежный книжный центр", 1992. - 368 с.**

Романы известного американского писателя Пола Андерсона открывают перед читателями фантастический мир, герои которого перемещаются во времени, вступают в контакт с внеземными цивилизациями, ненавидят и любят, страдают и радуются.

Удалительные сюжеты с машинками-убийцами, инопланетными чудовищами не оставят равнодушными их детей, их взрослых.

А 4703040100-030
022(01)-92 Без объявл.

ISBN 5-7012-0103-1

- © Перевод. М. Коркин, 1992
- © Макет. Агентство «СФИНКС СПб», 1992
- © Оформление. Составление. Объединение «ВМКЦ», 1992
- © Оформление суперобложки. ТОО «МИМ», 1992

**НАСТАНЕТ
ВРЕМЯ...**

ПРЕДИСЛОВИЕ

Успокойтесь, я не собираюсь утверждать, что вся эта история истинна. Во-первых, этому вы не поверите. Во-вторых, если под рассказом стоит мое имя, то ясно, что это развлекательная история. Я ведь писатель, а не пророк. В-третьих, композиция придумана мною. Места, где возникали какие-то сомнения или пробелы в массе заметок, вырезок, фотографий, воспоминаний, я заполнял своим воображением. Разумеется, имена и названия городов мне приходилось изменять. Короче, мне многое пришлось сочинить.

И, наконец, я сам во все это не верю. О, конечно, мы можем вместе полистать старые газеты, журналы, ежегодники, официальные документы. Все это займет очень много времени, а результаты, даже положительные, ничего не докажут. Так что нет смысла этим заниматься, сейчас перед нами стоят более важные и неотложные задачи.

В своем предисловии я задался целью рассказать немного о докторе Роберте Андерсоне. Своим появлением эта книга обязана только ему. И в ней я старался сохранить стиль его речи, его дух.

Я многим обязан ему. Во многих романах я использовал его идеи, моими героями я делал людей, о которых он мог рассказывать часами, сидя перед камином с бутылкой хорошего шерри и слушая Моцарта. Разумеется, все его рассказы я подвергал литературной обработке, но основные идеи принадлежали ему. Однако он решительно отказывался от своей доли в гонораре.

— Если тебе удастся продать это, — смеялся он, — то угости Карен обедом в самом экстравагантном ресторане и опустоши бутылочку аквавиты за меня.

Конечно, мы говорили еще о многом. В моей памяти сохранились почти все наши разговоры. У него было очень

развито чувство юмора. Все его рассказы, которыми он просто заваливал меня, в конце концов сводились к шутке.

Правда, часть этих рассказов по своей сути была довольно мрачной.

Несколько раз при наших встречах присутствовали его внуки, и я заметил, что та радость, которую он испытывал от общения с ними, неожиданно прерывалась глубокой печалью, даже меланхолией. А когда мы виделись в последний раз, — мы говорили о будущем — он внезапно воскликнул: «Несчастливая молодежь! Мое и ваше поколение прожило жизнь удивительно легко. Все, о чем приходилось нам думать, так это о здоровье людей и о мире под солнцем. Но теперь история возвращается к своему нормальному течению, в нормальный климат Земли — наступает ледниковый период».

Он поставил стакан на стол и наполнил его дрожащей рукой.

— Выживут только самые стойкие и везучие. Остальные... остальные будут довольствоваться тем, что им дарует судьба. Медик ведь всегда должен говорить правду, не так ли? — он печально улыбнулся и сменил тему разговора.

В последние годы жизни Роберт Андерсон был высоким и стройным человеком, немного сутулым, но в прекрасной форме, которую он постоянно поддерживал прогулками на велосипеде и крикетом. Его голубые глаза зорко смотрели из-за толстых стекол очков. Одежда и седые волосы всегда были в идеальном порядке. Речь была медленной, а особо важные места он подчеркивал жестами руки, в которой обычно держал трубку. Трубку он курил два раза в день. Своей независимостью он мог сравниться с собственным котом, но при этом сохранял непринужденную и дружескую манеру общения.

— В моем возрасте, — как-то заметил он, — для людей характерны старческие причуды, — он улыбнулся. — Но сейчас я отдаю предпочтение фактам. Вспомни эти слова, когда доживешь до моих лет.

Если посмотреть со стороны, то его жизнь была спокойной. Родился он в Филадельфии в 1895 году в семье дальних родственников моего отца. Хотя наша семья имела корни в Скандинавии, отдельные ее представители жили в Штатах еще со времен Гражданской войны. Однако ни я, ни он никогда не слышали друг о друге, пока один из его сыновей, интересовавшийся генеалогией, не узнал обо мне и не списался со мною. Затем Роберт сам нанес мне визит и пригласил меня с женой к себе.

Его отец был журналистом. В 1910 году он редактировал газету в маленьком городке Сендлак на Среднем Западе. Роберт Андерсон впоследствии говорил, что хотя его семья и была религиозной,

но имела демократические взгляды. Андерсон получил медицинское образование. А потом началась Первая мировая война. Его взяли в армию, но за океан он так и не попал. После выхода в отставку он продолжил свое образование и получил степень доктора. Со временем он вернулся в Сенлак и женился на невесте, которая очень долго его ждала.

Работы у него, как и у любого практикующего доктора, было много. И семейная жизнь складывалась довольно счастливо. Они с женой вырастили троих детей.

В 1955 году он забросил практику и много путешествовал с женой. К сожалению, она умерла в 1958 году. Андерсон продал свой дом и купил поблизости небольшой коттедж. Теперь он путешествовал редко. Как он говорил, без Кейт даже путешествия не доставляют ему радости. И все же он сохранил живой интерес к жизни.

Он говорил мне о народе, который я, а не он, назвал Маури. И говорил так, словно сам придумал этот народ, но у него не хватило времени воплотить все это в роман или повесть. Лет десять назад он почему-то очень беспокоился обо мне, но потом все пришло в норму, и он стал самим собою, хотя время от времени на него нападала какая-то хандра, и он бывал угрюмым. Во всяком случае, не было сомнений в том, что он знал, что делает, когда вписывал меня в свое завещание. Он оставил мне свои записи и воспоминания. И мне предоставлялось право использовать их так, как я сочту нужным.

А затем совершенно неожиданно Роберт Андерсон умер во сне. Нам очень не хватает его сейчас.

ГЛАВА 1

Как известно, начала определяют окончания, хотя я ничего не могу сказать о происхождении Джека Хейвига, кроме того, что сам принял его в этом мире. Разве в холодное сентябрьское утро 1933 года кто-нибудь думал о генетических кодах, о теории Эйнштейна или о других высших материях, которыми занимались ученые боги на своих олимпах, или о силе тех стран, которые мы намеревались завоевать легко и просто? Я помню, как медленно и трудно он рождался. Это был первенец Элеоноры Хейвиг, очень молодой и маленькой. Мне очень не хотелось делать кесарево сечение. Может, это и было моей ошибкой, в результате которой она не рожала дважды от одного и того же мужа. Наконец маленькое сморщенное существо очутилось в моих

ладонях. Я шлепнул его по задку, чтобы призвать к жизни, и он негодуяше закричал. А дальше все пошло как обычно.

Роды происходили на третьем, верхнем, этаже нашей больницы, расположенной на окраине города. Я снял халат и подошел к окну, откуда открывался вид на город. Я видел скопления домов вдоль замерзшей реки — кирпичных в центре города и деревянных на окраинах, — элеватор, резервуар для воды возле железнодорожной станции. Дальше под серым небом виднелись низкие холмы, между которыми тут и там можно было рассмотреть фермы. А еще дальше темнели леса Моргана. Стекла запотели от моего дыхания. От окна веяло холодом, и дрожь пробежала по моему потному телу.

— Ну что ж, — громко произнес я, — Земля приветствует твое появление, Джон Франклин Хейвиг. Надеюсь, жизнь для тебя будет приятной.

«Вообще-то ты выбрал для себя не самое удачное время появления на свет, — подумал я. — Мировая депрессия, висящая над всеми государствами, как тяжелое зимнее небо. Захват Японией Маньчжурии в прошлом году. Марш голодных в Вашингтоне. Похищение Линдберга. Этот год начался в том же духе: Адольф Гитлер стал канцлером в Германии; первый президент собирается поселиться в Белом Доме; отмена сухого закона почти неизбежна... — в общем, в этом полушарии немного теплеет».

Я вошел в комнату ожидания. Томас Хейвиг вскочил с кресла. Этот человек никогда открыто не проявлял своих чувств, но вопрос, мучивший его, трепетал на губах. Я взял его за руку:

— Поздравляю, Том. У тебя мальчик.

Мне пришлось почти под руки вести его вниз, в холл.

Об этом мне пришлось вспомнить несколько месяцев спустя.

Сенлак был коммерческим центром небольшого сельскохозяйственного района. В нем было также несколько предприятий легкой промышленности, работающих на местном сырье.

У меня не было выбора, и мне пришлось участвовать в политической жизни города, хотя я старался свести к минимуму свою активность и оставаться подальше от политических интриг. Поймите меня правильно. Это мои люди. Я люблю их и даже восхищаюсь. Они и есть соль земли. Но человеку нужна не одна только соль.

У нас с Кейт был очень миленький, тесный кружок друзей. Банкир ее отца, который стал и моим банкиром. Я часто поддразнивал его, так как он считал себя демократом. Кроме того, одна леди, которая устроила у себя общественную библиотеку.

Несколько профессоров из Хольберг колледжа. Правда, они жили в сорока милях от нас, а в те времена это было достаточно серьезное расстояние. И Хейвити.

Они были уроженцами Новой Англии — и немного домоседами. Сам он преподавал физику в школе. Стройный, с острыми чертами лица, он был похож на тех, кого учил. Студенты очень любили его, к тому же он был неплохим футболистом. Элеонора была более смуглая, живая, хорошо играла в теннис и занималась благотворительностью. Она считала, что каждый должен приносить какую-нибудь пользу.

И я был удивлен, когда она однажды позвонила мне и попросила немедленно прийти. В ее голосе слышалась истерика.

В те времена квартира врача отличалась от нынешних, особенно в провинциальных городах. Я переоборудовал две комнаты в большом старом доме, в котором мы жили. Одна из них была предназначена для собеседования, другая — для осмотра и лечения, в том числе и для небольших хирургических операций. У меня были фармацевт и секретарь. Кейт помогала в различного рода бумажной работе. Оглядываясь сейчас назад, я понимаю, что основная ее работа заключалась в том, что она развлекала пациентов, ожидавших приема. Обходы клиентов я делал по утрам.

Я прекрасно помню, что то утро было чрезвычайно жарким. На небе ни облачка, совершенное безветрие. Деревья, мимо которых я шел, обдавали жаром, как раскаленные зеленые печи. В чахлой тени деревьев стонали от жары собаки и дети. Ни одна птица не нарушала своим пением знойную тишину. Мною овладел страх. Элеонора так выкрикнула имя своего Джонни, что мне стало не по себе.

Когда я вошел в освежаемую вентиляторами полутьму ее дома, она обняла меня, вся дрожа.

— Я сошла с ума, Боб? — спрашивала она снова и снова. — Скажи мне, я сошла с ума?

— Спокойно, спокойно, — промурлыкал я. — Ты звонила Тому?

Том сейчас был на работе, которой занимался во время каникул, контролировал качество работы на небольшой кондитерской фабрике.

— Нет, я... я думала...

— Сядь, Элли, — я оторвал ее руки от себя. — По-моему, ты вполне в своем уме. Может, ты перегрелась? Успокойся, расслабься, покрути головой. Вот так. Тебе уже лучше? Тогда расскажи, что произошло.

— Джонни. Два Джонни. А потом снова один, — она охнула, — ДРУГОЙ.

— Да? Элли, расскажи поподробнее.

В ее глазах был ужас, когда она рассказывала свою историю.

— Я... я мыла его, когда услышала детский крик. Я подумала, что это на улице, но он как будто слышался из спальни... да-да, из спальни. Я завернула Джонни в полотенце — не могла же я оставить его в воде — и пошла посмотреть. И там, в колыбели своего мальчика, я увидела другого ребенка, голенького, уже сырого. Он кричал и сучил ногами. Я была так удивлена, что... выронила своего ребенка. Я стояла над колыбелью, и он не мог упасть на пол. Но... Боб, он вообще не упал, он исчез... растворился в воздухе. Я инстинктивно попыталась схватить его, но ухватила только полотенце. Джонни исчез! Кажется, я потеряла на несколько секунд сознание. И когда очнулась, его не было.

— А другой мальчик?

— Он... он остался... мне кажется...

— Идем, посмотрим...

Оказавшись в спальне, я сказал:

— Ну что ж, здесь никого нет, кроме старого доброго Джонни.

Она стиснула мою руку:

— Он как две капли воды похож на Джонни.

Ребенок уже успокоился и что-то довольно бормотал.

— Он совсем такой же, — говорила Элли, — но это не Джонни.

— Элли, у тебя просто галлюцинация. Это и не удивительно, ведь сейчас так жарко, а ты еще слишком слаба.

Никогда раньше я не сталкивался с подобным. Все это было весьма необычно, особенно для такой уравновешенной женщины, как Элли. Но мой голос прозвучал убедительно, не хуже, чем у медицинских светил.

Однако она успокоилась не полностью, и мне пришлось достать сертификат новорожденного и сравнить отпечатки рук и ног Джонни и этого младенца в колыбели. После этого я напоил Элли кофе, прописал тоник и вернулся к своей работе.

Через неделю я совершенно забыл об этом случае. Это был год, когда наша единственная дочь схватила пневмонию и умерла сразу после того, как ей исполнилось два года.

Джонни Хейвиг рос очень умным, впечатлительным, но любил одиночество. Чем лучше он ходил и говорил, тем меньше проявлял склонность к общению. Он с большим удовольствием рисовал, лепил глиняных зверюшек, пускал по реке кораблики. Элеонора очень беспокоилась о нем, Том совершенно не беспокоился.

— Я был таким же, — говорил он. — У него будет ужасная юность, но он будет вознагражден за это, когда станет взрослым.

— Нужно внимательно смотреть за ним, — заявила Элеонора. — Ты не знаешь, как часто он исчезает. О, это для него игра, прятки. Он прячется везде. И когда-нибудь он найдет способ проникнуть через забор, и тогда... — ее пальцы сжались, — он может сбежать.

Кризис наступил, когда ему было четыре года. Сначала он прекратил свои прятки, как бы поняв, что это всех беспокоит. Но затем однажды утром его не нашли в постели. Нигде не нашли. Полицейские, соседи, весь город искал его.

В полночь зазвонил звонок у двери. Элеонора спала, выпив по моему наставлению снотворное. Том сидел возле стола один и курил. Услышав звонок, он вскочил, уронив стул и сигарету — пятно на ковре еще долго напоминало ему эту мучительную ночь, — и бросился к двери.

На пороге стоял человек. Воротник его пальто был поднят, широкие поля шляпы бросали тень на его лицо. Но Тому было не до этого. Все его внимание было обращено на мальчика, которого человек держал за руку.

— Добрый вечер, сэр, — сказал приятный голос. — Не этого ли юного джентльмена вы разыскиваете?

И когда Том упал на колени перед сыном, схватил его, плача и пытаясь выговорить слова благодарности, человек исчез.

— Странно, — впоследствии говорил мне Том. — Ты знаешь, Эльм Стрит хорошо освещена. Даже бегом ее невозможно пробежать из конца в конец за минуту. Кроме того, заслышав топот ног бегущего человека, все собаки залаяли бы. Но когда я через минуту посмотрел на улицу, она была пуста.

Джонни ничего не сказал о том, где он был. Он извинился, сказал, что больше не будет, и пошел спать.

И действительно, больше он не убегал. Более того, его одиночество закончилось: он нашел себе друга, сына Данберов. Пит был физически лучше развит, чем Джонни. Он не был дураком: сейчас он занимает довольно высокий пост в какой-то фирме. Но Джон — он потребовал, чтобы его теперь так называли — верховодил во всем. Они играли в игры Джона, ходили на его любимые места на реке, а позже — в лес Моргана.

Мать Пита вздыхала в моем пропахшем лекарствами кабинете: «Мне кажется, Джон гораздо более мечтателен и впечатлителен, чем Пит. Весь мир для него полон контрастов. Это тревожит меня». Шел уже второй год после его исчезновения, и я видел Джона всего пару раз во время обычных осмотров. Поэтому я

был удивлен, когда Элеонора попросила встречи, чтобы обсудить кое-что. Она рассмеялась по телефону:

— Ты же знаешь, Том — истинный янки. Он не разрешает мне обсуждать с врачом социальные проблемы, касающиеся нашего сына,— ее смех был каким-то резким.

Я откинулся на спинку своего скрипучего кресла, переплел пальцы и спросил:

— Значит, ты говоришь, что он рассказывает о том, чего не может быть, но во что он абсолютно верит? Ничего особенного. Обычное явление.

— Я думаю, Боб,— она нахмурилась,— что он слишком много знает.

— Возможно. Особенно в свете того, что за последние месяцы он очень сильно развился как физически, так и умственно. Однако у меня, как у врача-практика, давно сложилось убеждение, что «средний» и «нормальный» не одно и то же... Хорошо. У Джона есть воображаемые партнеры?

Она попыталась улыбнуться:

— Да. Воображаемый дядя.

Я поднял брови.

— В самом деле? Это он сам сказал тебе?

— Нет. Разве дети рассказывают что-нибудь своим родителям? Я просто слышала, как он говорил Питу, что дядя приходит и берет его в самые замечательные путешествия.

— Дядя Джек? Какие путешествия? В то королевство, о котором ты рассказывала? Где правит Леон Лев?

— Н-нет. Совсем другое. О Звериной стране он сам рассказывал мне и знал, что это чистая фантазия... Но эти путешествия с дядей... нет... они совсем другие. Все подробности, которые я слышала, очень реалистичны. Например, визит в лагерь индейцев... Он рассказал, что делают индейцы, описал, как пахнет сохнущая кожа, догорающий костер... А в другой раз он говорил о полете на самолете. Я могу понять, что он вообразил себе самолет величиной с дом. Но его самолет без пропеллера, летит бесшумно и очень быстро. В самом самолете показывают фильмы. Цветные. Он даже говорил, как самолет называется. Реактивный. Да, да, реактивный.

— Ты боишься, что у него воображение обгоняет развитие? — спросил я беззаботно. А когда она кивнула, проглотив комок в горле, я наклонился вперед и похлопал ее по руке.— Элли, воображение — это самое драгоценное, чем владеет ребенок. А способность воображать детали — вообще неоценимый дар. Твой сын не просто здоров. Он, может быть, гений. Постарайся не убить в нем это.

Я все еще верю, что я был прав. Ошибался, но был прав.

А тогда я хмыкнул и сказал:

— А что касается реактивного самолета и прочего, то я могу показать тебе десятки тайников, где они с Питом прячут книжки издательства Бака Роджерса.

Всем маленьким мальчикам приходит срок идти в школу. Этот срок настал и для Джона. Нет никакого сомнения, что он направился туда без особой охоты.

Впрочем, как и все остальные дети. Кому охота сидеть в помещении, когда вокруг столько интересных дел? Однако учился он прекрасно. И особенно его захватила история. «Звезда пролетела поблизости от Солнца и выпустила облако огненного газа, которое и стало планетами... Периоды мировой цивилизации — это Египет, Греция, Рим, Средние века и наше время, которое началось в 1492 году...»

Круг его друзей расширился. Их родители сетовали: «Мой Билли на четыре года старше... Мои Джимми и Стюарт младше Джонни на два года и четыре года...» На этом жизненном этапе такая разница в возрасте казалась непроходимой пропастью, но, тем не менее, Джонни умудрялся организовывать детей. Он вообще обладал организаторскими способностями. Например, Элеонора полностью доверяла ему подготовку празднования дня рождения Тома.

На восьмом году жизни он испытал новое ощущение. Два старших мальчика из другого района города решили, что будет весьма забавно, если они подстергут кого-нибудь из детей по дороге из школы и поколотят. В сентябре еще можно было найти пустынные места.

Но им не повезло: они нарвались на Джона Хейвига. Впоследствии они жаловались, что Джон созвал целую армию ребят себе на помощь.

Когда эти двое пожаловались своим родителям, то получили хорошую трепку. «Идиоты всегда трусы», — сказали отцы сыновьям.

Долгое время на Джонни все смотрели с обожанием и трепетом, хотя он отказывался рассказать подробности сражения.

Прошло время — и инцидент канул в Лету. Это был год, когда пала Франция.

— Какие-нибудь новости о воображаемом дяде? — спросил я Элеонору, когда мы встретились на какой-то вечеринке. Я подошел к ней, чтобы избавиться от политических разговоров.

— Что? — недоуменно спросила она. Мы стояли на крыльце дома. Из освещенных окон слышались смех, разговоры. С площадки доносились удары игроков в крикет. Полная луна висела над часовней колледжа Хольберга.

— О,— проговорила она.— Ты имеешь в виду моего сына? Нет, ничего подобного. Ты был прав. Это прошло.

— Или он научился скрывать,— подумал я вслух.

Она была уязвлена.

— Значит, ты думаешь, что он не доверяет нам? Впрочем, да, он никогда не говорит нам ничего важного...

— Спокойно,— быстро сказал я.— Он во всем следует своему отцу. Элли, не беспокойся, все будет хорошо. Лучше пойдем выпьем.

В моих записях точно указан день, когда Джек Хейвиг — да, да, теперь я стал называть его Джеком — на время потерял над собой контроль.

Вторник, 14 апреля 1942 года. За день до того Том Хейвиг сделал гордое заявление своему сыну. До этого он ничего не говорил о своих надеждах, потому что не был уверен, что они сбудутся. И вот счастливый день настал. Школа приняла его отставку, а армия зачислила в свои ряды.

Несомненно, он мог бы остаться. Ему было больше тридцати лет, он был учителем. По правде говоря, он служил бы стране лучше, если бы остался. Но крестовый поход был объявлен, полетели «дикие гуси», и тень смерти нависла над крышами Сендака. Даже я, человек средних лет, и то рассматривал возможность примерить форму. Но меня не взяли.

Звонок Элеоноры поднял меня с постели еще до рассвета.

— Боб, приезжай! Прямо сейчас, пожалуйста! Джонни! Он в истерике! Хуже, чем в истерике! Я боюсь... Мозговая лихорадка... Боб, приезжай!

Я поспешил и вскоре сжимал его худенькое тело, пытаюсь понять его выкрики, сделать инъекцию. Джек кричал, вешался на шею отца, расцарапал себя до крови, бился головой о стену.

— Папа! Папа, не уезжай! Они убьют тебя! Я знаю, я знаю! Я видел! Я видел, как возле этого окна плачет мама! Папа, папа! Не уезжай!

Я держал его под действием лекарств почти целую неделю. Столько времени потребовалось, чтобы успокоить его. И до самого мая он оставался тихим и бессловесным.

Это была совершенно ненормальная реакция. Другие дети гордились своими отцами, рассказывая об их истинных или выдуманных подвигах. Джек был не таким.

Постепенно он оправился и вернулся к занятиям в школе. Все свое свободное время он воображал, что находится рядом с Томом. И писал ему письма каждый день. Он писал отцу, который был убит в Италии 6 августа 1943 года.

ГЛАВА 2

Любой доктор не мог бы перенести свои профессиональные неудачи, если бы у него не было удач. Я считаю Джека Хейвита одной из своих несомненных удач. Пусть я не смог помочь ему как врач, зато я помог ему как человек.

Мой опыт позволил мне увидеть это. Я видел, что мальчик серьезно страдает.

В 1942 году в восточных штатах продажа бензина еще не была ограничена. Я распределил между коллегами свою практику, а когда закончились занятия в школе, мы с Биллом отправились в путешествие. И взяли с собой Джека.

В Миннесота Эрроухед мы наняли лодку и отправились в первозданную дикость озер, речек и ручьев, которые простирались вплоть до Канады. Целый месяц мы были предоставлены самим себе: я, мой тринадцатилетний сын и этот мальчик, которому, как я думал, было девять лет.

Это была страна moskitov и дождей. Грести против течения — это очень трудная работа, но тем лучше. Чтобы устроить лагерь и приготовить пищу, тоже требовались значительные усилия. Джеку нужны были трудности, он должен был работать до изнеможения. Прошло несколько дней, и природа начала излечивать его.

Восхитительные рассветы, легкий холод по ночам, легкая рябь на поверхности воды, песни птиц, шелест листьев, ароматы леса, белки, бравшие пищу прямо из рук, неохотно удалявшиеся лани... Однажды даже появился медведь, и мы почтительно уступили ему место; закаты солнца, которые мы наблюдали через тучи стремительно кружащихся летучих мышей. Сумрак, костер, рассказы, ребячье удивление Билла, который впервые видел все это, спальный мешок, звездное небо... Из всего этого Джек должен был заключить, как огромен мир и как ничтожны мы в нем со своими радостями и горестями.

Такова была основа для излечения.

Когда мы вернулись, я сделал ошибку. Я сказал ему:

— Надеюсь, Джек, ты понял, что все рассказы о Томе — плод твоего воображения. Нет такой вещи, как предсказание будущего.

Он побледнел, отвернулся и убежал от меня. Я затратил несколько недель, пока снова не добился его доверия.

И то не полностью. Он не доверял мне ничего, кроме мыслей и надежд самого обычного мальчика. Я больше не поднимал вопроса об отце. Он тоже. Но, насколько позволяли мне время и обстоятельства, я старался понемногу заменять ему отца.

Пока шла война, мы не предпринимали больших путешествий. Однако у нас всегда были под рукой деревенские дороги для пеших прогулок, лес Моргана для пикников, река для рыбной ловли и купания. Недалеко было также озеро Винниго с моей маленькой лодкой. Джек часто приходил в мою мастерскую при гараже и мастерил там кормушки для птиц и всякую мелочь. Мы могли разговаривать там.

Я уверен, что к тому времени, когда пришло известие о гибели Тома, Джек уже обрел спокойствие. Все были уверены в том, что его предвидение было чистой случайностью, игрой воображения.

Элеонора начала работать в библиотеке плюс несколько часов в неделю в госпитале. Вдовство потрясло ее. Долгое время она была подавленной и необщительной. Кейт и я старались почаще вытаскивать ее в люди, но она чаще отклоняла предложения, чем принимала их.

А когда она наконец покинула свою раковину, то оказалась в кругу людей, которые раньше не были ее друзьями. Я не удержался, чтобы не заметить:

— Ты знаешь, Элли, я рад, что ты снова в обществе. Но, прости, меня удивляют твои новые друзья.

Она покраснела и отвернулась.

— Да,— тихо сказала она.

— Хорошие люди, конечно. Но их нельзя назвать интеллигентными, верно?

— Д-да...— она выпрямилась в кресле.— Боб, будем честными. Я не хочу умирать хотя бы из-за того, что есть Джек, есть ты. Но я не хочу быть и погребенной заживо, как это было со мной эти два года. Вы все... с кем мы раньше... вы все женаты...

И я прекратил бесполезный разговор. Она все равно не поняла бы, насколько ей чужды эти новые друзья, громко смеющиеся, громко разговаривающие, с чисто практическим умом, насколько далеки они от Джека, как глубоко он презирает их.

Ему было уже двенадцать лет, когда два атомных взрыва уничтожили два города и вместе с ними остатки девственности человечества. Хотя развитие Джона перестало идти с такой скоростью, как это было в 1942 году, он все же намного опережал своих сверстников. И это укрепило тот вакуум, который он сам создал вокруг себя. Больше у него не было близких друзей. Вежливо, но непреклонно Джек отклонял любые попытки сблизиться с ним. Он учился, и учился хорошо, но все свое свободное время он проводил один. Он читал много книг, в основном по истории, совершал далекие прогулки на велосипеде, рисовал или лепил из глины.

Не хочу сказать, что он был угрюмым бироком. Я уверен, что в будущем он стал бы нормальным человеком. Так как он больше не зависел от меня, то хорошо относился ко мне. Разница в возрасте между ним и Биллом теперь сгладилась, и в 1948 году они вместе с Джимом и Стюартом совершили путешествие в Северную Миннесоту.

Когда они вернулись, мой второй сын спросил меня:

— Отец, ты не знаешь, что мне почитать по философии?

— Что? — я отложил газету. — Философия в тринадцать лет?

— А почему нет? — Кейт оторвалась от своего вышивания. — В Афинах он начал бы раньше.

— Ну что ж... Философия — пространная наука, Джим. Что именно тебя интересует?

— О... свободная вол... пространство... и все такое. Джек и Билл много говорили об этом во время путешествия.

Я узнал, что Билл, который теперь учился в колледже, начал было изображать из себя учителя, но очень скоро запутался в вопросах Джека. Как была написана история Вселенной, как возникла сама Вселенная? Или: почему ты считаешь, что мы сами сделали свой выбор? А если нет, то как мы можем воздействовать на свое будущее?

Когда я спросил сына, что подарить ему на Рождество, он ответил:

— Что-нибудь, что помогло бы мне понять теорию относительности.

В 1949 году Элеонора вторично вышла замуж. И ее выбор был катастрофическим.

Свен Биркелунд выглядел великолепно. Родители вывезли его из Норвегии, когда ему было три года, сейчас ему было сорок. Преуспевающий фермер с огромным хозяйством и прекрасным домом в десяти милях от города. Он был ветераном войны. Недавно овдовел, и у него росли два сына: Свен, шестнадцати

лет, и Гарольд, девяти лет. Огромный, рыжеволосый, громогласный, он произвел на нас с Кейт тягостное впечатление. Но он не был нищен и тяги к знанию: выписывал «Ридерс Дайджест», «Нейшнл Географик», «Кантри Джентльмен», читал книги, которые ему изредка попадались. Кроме того, он любил путешествовать и был опасным соперником в бизнесе.

И все же... Элеонора. Она была полна жизни, а со времени смерти Тома прошло шесть лет.

Когда человек влюбляется, его бесполезно отговаривать. И мы с Кейт не пытались. Мы были на свадьбе, поздравили молодых, пожелали всего самого лучшего. Более всего меня беспокоил Джек. Мальчик рос замкнутым. Он двигался и говорил как робот.

Когда они переехали в новый дом, Джек стал редко видаться со мною. Впоследствии он ничего не говорил о жизни там. Я тоже не спрашивал. Но судите сами: Элеонора — приверженка епископальной церкви. Джек родился агностиком, Биркелунд был слепо верящим в Библию лютеранином. Элеонора с Джеком привыкли к легкой городской пище, Биркелунд и его сыновья обожали мясо и картошку. Том в свое время сделал из Элеоноры политического либерала. Биркелунд, если не занимался счетами, то слушал радио, смотрел телевизор. По своим политическим взглядам он был ревностным и активным американским легионером. Он яростно поддерживал сенатора Джозефа Маккарти.

И так далее. Я не имею в виду, что Элеонора была полностью разочарована. Я уверен, что Биркелунд всячески старался завоевать ее уважение, но оставил эти попытки, когда потерпел поражение. Элеонора скоро забеременела, и это несколько укрепило их союз, который по этой причине продлился несколько дольше.

Для Джека жизнь там была адом. Его новые братья, дубликаты своего отца, отрицательно отнеслись к его появлению в доме. Младший, интересы которого заключались в охоте и свиданиях с девушками, презирал его за то, что Джек не любит убивать животных и щупать девушек. Гарольд находил много способов мучить его. И это было нетрудно, так как Джек был младше и не мог защитить себя кулаками.

Джек страдал.

В конце 1950 года родилась Ингеборг. Биркелунд был разочарован, что родилась девочка, но все же шумно отпраздновал ее рождение. Все гости перепились, а Биркелунд неоднократно в течение вечера говорил с громким смехом о своем намерении сделать сына, как только доктор разрешит.

Мы с Кейт тоже были приглашены, но под благовидным предлогом отказались. Поэтому я сам не видел, а только слышал, как Джек покинул праздничный пир, и как негодовал по этому

поводу Биркелунд. Позже Джек рассказывал мне: «Когда гости, которые могли двигаться и не уснули на полу, разошлись, он загнал меня в сарай и сказал, что сейчас будет вышибать из меня дерьмо. Я сказал, что если он попытается, я убью его. Я не шутил, и он понял это и, рыча, удалился. После этого мы перестали разговаривать. Я делал свою работу беспрекословно, но после обеда я всегда уходил к себе».

Вот так.

Равновесие держалось до начала декабря. Что нарушило его, я не знаю, да и не в этом дело. Как-то Элеонора спросила Джека, думал ли он, в каком колледже собирается учиться, Биркелунд закричал: «Я не дам ни доллара на его учение, пусть служит стране, как служил я!»

Разыгралась ссора, после которой Элеонора сбежала по лестнице в слезах.

На следующий день Джек исчез.

Он вернулся в конце января, не сказав ни слова, где был и что делал. Он заявил, что если Биркелунд будет вмешиваться в его дела, он убежит навсегда. Я уверен, что он завоевал право оставаться одному, и никто не лез к нему. Следует сказать, что его поведение и внешность заметно изменились после этого исчезновения.

Снова все пришло в зыбкое равновесие. Но через шесть недель, в воскресенье, Джек отправился на свою обычную прогулку. Гарольд заметил это, вошел в его комнату и обшарил стол. И свою находку он сразу же принес отцу. Это было концом всего.

Снег валил на землю густой пеленой. Все казалось бело-серебряным. На улице было удивительно тихо.

Элеонора сидела в гостиной и плакала.

— Боб, ты должен поговорить с ним, мы должны помочь ему снова... Что случилось, когда он убежал? Что он делал?

Кейт обняла ее и прижала ее голову к себе.

— Ничего страшного, моя дорогая, — проговорила она. — Не беспокойся. Всегда помни, что Джек — сын Тома.

Я ходил взад и вперед и вперед по пушистому ковру. В комнате царил полумрак, так как не зажигали свет.

— Давайте будем следовать фактам, — заговорил я более уверенно, нежели чувствовал сам. — У Джека оказалась эта брошюрка, которую Свен назвал коммунистической пропагандой. Свен хотел позвать шерифа, прокурора, всех, кто мог бы заставить Джека сознаться, с кем он общался во время своего отсутствия. Ты выскочила из дома, взяла машину, встретила мальчика по дороге и привезла сюда.

— Да-да... Боб, я не могу здесь остаться. Там Ингеборг... Свен будет разыскивать меня...

Я помолчал.

— Ты сказала, что выхватила эту брошюру?

— Я... — Элеонора отстранилась от Кейт. Сквозь слезы она с силой сказала: — Теперь, когда нет вещественного доказательства, ему нет смысла звать полицейских.

— Могу я посмотреть это?

Она колебалась.

— Это... чепуха, Боб. Ничего важного. Джек ждет...

Он ждал в моем кабинете, пока мы разговаривали. Он прекрасно владел собой.

— Мы поговорим, — сказал я, — а пока Кейт напоит тебя кофе и накормит. Кроме того, я же должен знать, о чем говорить.

Элеонора всхлипнула, кивнула, залезла в свою сумочку и подала мне несколько листов бумаги, сложенных вместе. Я устроился в своем любимом кресле, заложив ногу за ногу, закурил трубку и стал читать.

Я прочел ее дважды. И трижды. Я совершенно забыл о женщинах.

Вот это. Здесь вы не найдете загадок.

Но вернемся назад. Сейчас одиннадцатое марта 1951 года от Рождества Христова.

Гарри Трумен стал президентом Соединенных Штатов, победив на выборах Томаса Дейви плюс бывшего вице-президента, который впоследствии имел мужество признаться, что его партия была перчаткой на руке Москвы, столицы Советского Союза, которая, как когда-то уверяло нас наше обожаемое ФБР, была столицей мировой демократии, нашим верным союзником в святой войне за вечный мир. Но теперь многое изменилось. Молодые американцы умирали в боях через пять с половиной лет после победы! И их убивали северокорейцы и китайцы. Меньше чем два года назад взорвалась первая русская атомная бомба. Чуть раньше образовалось НАТО, державшее под ружьем сотни дивизий. Многие из нас сейчас находились в каком-то эмоциональном параличе, мы вели обычную жизнь, но каждое мгновение ожидали, что разразится Третья мировая война...

Да, я не мог осуждать Свена Биркелунда за его реакцию на этот документ.

Но я читал и все больше удивлялся.

Тот, кто написал это, прекрасно знал терминологию коммунистов — я сам кое-что подобное читал, хотя не был коммунистом и даже не сочувствовал им. А что же Джек?

Но вернемся назад. Попытаемся понять наш мир в 1951 году.

Мы прекрасно знали, что у нас, американцев, есть проблемы, но знали также, что при наличии времени и доброй воли мы разрешим их. Со временем люди всех рас, любого цвета кожи и вероисповедания будут жить бок о бок, вместе трудиться и вместе распевать песни. Дело «Браук против Министерства Образования» будет еще не скоро. Студенческие волнения происходят только в других странах, а у нас правительство беспокоится только об апатии студентов. Французы в Индокитае чувствуют себя хозяевами и не испытывают заметных трудностей.

Только-только появились телевизоры, и мы обсуждаем последствия этого события. Межконтинентальные ядерные ракеты еще только разрабатываются, и никто еще не может представить себе, какое это грозное оружие. Много говорят о перенаселении, но эта тема скоро будет забыта. Пенициллин и ДДТ считаются друзьями человека. Смог пока что ощущается только в Лос-Анжелесе и иногда в Лондоне. Океан, бессмертный отец всего живого, вечно будет принимать и хранить в себе отходы человечества. Космические полеты предполагаются только в будущем веке, хотя какой-то сумасшедший миллионер предложил финансировать проект. Компьютеров очень мало. Это настоящие мастодонты, сверкающие лампочками и очень дорогие. Если вы следите за научными новостями, то немного знаете о транзисторах и, может быть, даже мечтаете о дешевом карманном радиоприемнике в руках американца. Все противозачаточные средства чисто механические. Кто-то говорит о генах, хромосомах. В общем, если человек не очутится в каменном веке, то ему суждено превратиться в машину.

Переселитесь в год 1951, если сможете, и прочтите, как это сделал я, эту брошюру, на первой странице которой напечатано: «Джон Ф. Хейвиг. 1970 год».

ГЛАВА 3

Словарь колледжа Уитхит

АКТИВИСТ — человек, борющийся за освобождение. Если это фашист, то он исповедует маккартизм.

АГРЕССИЯ — международная политика, проводимая фашистами.

ЧЕРНЫЙ — африканский житель, имеющий цвет кожи от коричневого до цвета слоновой кости. Не путать с КОРИЧ-

- НЕВЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ и ЖЕЛТЫЙ. Это слово заменило первичное НЕГР, считающееся оскорблением.
- БОМБЕЖКА** — метод проведения войны путем сбрасывания с самолета взрывчатых веществ. Осужден за возможность уничтожения детей, стариков, женщин и других мирных жителей, как это происходило в Берлине, Гамбурге, Дрездене, Осаке, Токио и т. д.
- КОРИЧНЕВЫЙ** — выходец из Мексики. Происходит от цвета кожи. Не смешивать с ЧЕРНЫЙ, КРАСНЫЙ, БЕЛЫЙ, ЖЕЛТЫЙ.
- ЖЕСТОКОСТЬ** — любое действие, производимое полисменом. См. СВИНЬЯ.
- ШОВИНИЗМ** — уверенность любого БЕЛОГО, что его страна превыше всего.
- ШОВИНИСТ** — человек любой расы, национальности, пола, исповедующий шовинизм. Любой фашист непременно шовинист.
- КОЛОНИАЛИСТ** — любой европеец или североамериканец, считающий, что имеет право сохранять в своей собственности территории вне своей страны, если на них когда-либо поселились его предки.
- КОНЦЕНТРАЦИОННЫЙ ЛАГЕРЬ** — замкнутый район, где содержатся люди, находящиеся в оппозиции к своему правительству или оккупационным силам. Ни одна прогрессивная страна или движение освобождения не используют концентрационные лагеря.
- КОНФОРМИСТ** — тот, кто принимает существующий порядок без лишних вопросов.
- КОНСЕРВАТОР** — см. АГРЕССИЯ, БОМБЕЖКА, ЖЕСТОКОСТЬ, ШОВИНИЗМ, КОЛОНИАЛИЗМ и т. д.
- ПРЕСТУПНИК** — фашист, в частности, арестованный и наказанный.
- ДЕМОКРАТИЯ** — нация, свободно выбирающая свое правительство, которое выражает волю народа.
- РАЗВИТИЕ** — в фашистских странах: создание военного потенциала для захвата чужих стран. В прогрессивных странах: использование естественных ресурсов для удовлетворения нужд народа.
- ЭКОЛОГИЯ** — наука, изучающая взаимодействие людей с окружающей средой.
- ОСАДКИ** — радиоактивные материалы, распространяющиеся в атмосфере и губительно воздействующие на здоровье людей.
- ФАШИСТ** — тот, кто делает все, чтобы обеспечить процветание Запада.
- ГЕРОЙ** — тот, кто рискует жизнью во имя прогресса.

- ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРАВА** — все права людей на свободу. Не путать с правами на собственность — это изобретение западной идеологии.
- ИМПЕРИАЛИСТ** — человек, утверждающий, что любая западная страна имеет право на свои заграничные территории.
- ОСВОБОЖДЕНИЕ** — свержение западных правительств, освобождение от западного влияния. Движение освобождения стремится создать народную республику.
- ЛЮБОВЬ** — чувство, которое могло бы разрешить все общечеловеческие проблемы.
- ЖЕРТВА** — человек, страдающий и умирающий во имя освобождения.
- МАККАРТИЗМ** — сокрушение политических противников путем ложного обвинения их в участии в коммунистическом заговоре.
- НАЕМНИК** — солдат, служащий за деньги чужому правительству.
- ВОЕННО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМПЛЕКС** — директорат военных и политических лидеров в США. Не путать с военными и индустриальными лидерами в СССР или других народных республиках.
- РАКЕТА** — самонаводящееся устройство, способное доставлять к месту назначения взрывные устройства.
- НАПАЛМ** — желеобразный бензин. Осужден всеми либеральными правительствами как жестокое оружие.
- НОНКОНФОРМИСТ** — тот, кто принимает все прогрессивные взгляды, не задавая лишних вопросов.
- ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ** — оружие, в котором используется ядерная энергия. Применяется фашистскими правительствами для агрессии, а прогрессивными правительствами — для достижения мира.
- ОРГАНИКА** — пища, где применяются только натуральные продукты, следовательно, в ней не содержится никаких вредных для здоровья людей веществ.
- МИР** — окончательное решение проблемы фашизма. Мирное сосуществование — фаза, предшествующая наступлению мира.
- ПЛУТОКРАТ** — гражданин республики, обладающий огромными богатствами, но отказывающийся разделить их с бедными и использующий свое богатство для достижения власти. Не путать с КЕННЕДИ.
- БЕДНЫЙ** — класс людей, имеющий меньше, чем все.
- ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ** — законное право людей на то, что они получили или заработали законным способом.
- РАСИСТ** — белый человек, который не бежит тушить пожар, если горит дом черного.
- РЕАКЦИОННЫЙ** — не прогрессивный.

КРАСНЫЙ — происходящий от американских индейцев. Борющийся за освобождение.

РЕПРЕССИИ — подавление активистов, отказ предоставить им прессу, радио, ТВ. Не смешивать с действиями прогрессивных правительств против вмешательства реакционных элементов.

РЕСПУБЛИКА — страна, где политическую власть получают при помощи выборов, а не по наследству.

САМООПРЕДЕЛЕНИЕ — право этнической группы управлять самой собой. Например: Биафра, Восточный Пакистан, Гое, Катанга, Синай, Тибет, Украина и пр.

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ — организация, использующая войска Швеции, Индии, Ирландии, Канады во всех частях света, чтобы способствовать самоопределению народов.

ВЕТЕР ПЕРЕМЕН — поэтическая метафора для определения поражения реакционных сил. Неприменима в случае поражения прогрессивных сил.

ОСВОБОЖДЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ — движение, противоположное по смыслу мужскому движению шовинизма.

КСЕНОФОБИЯ — недоверие к иностранцам.

ЖЕЛТЫЙ — выходец из Монголии или Восточной Азии.

ГЛАВА 4

Когда я вошел в свой кабинет, он показался мне чужим. Этот круглый стол, настольная лампа с гусиной шеей, обтянутое кожей кресло, шкаф с книгами, дипломы в рамках на стенах. Через раскрытую дверь видны шкафы с инструментами, многие из которых узнал бы даже Кох — все это было вне времени, маленький островок в океане, который скоро будет смыт волнами времени. Я теперь знал, что в ближайшие десять лет мне придется бросить практику.

Снегопад усилился, сумрак стал гуще. Джек включил лампу, чтобы можно было читать журнал. Вокруг пятна света сгустились тени. Урчал радиатор. Он делал воздух теплым и сухим.

Джек поднялся:

— Прошу простить меня за беспокойство, доктор Андерсон.

Я махнул ему рукой, чтобы он снова сел, сам устроился в кресле, достал табак для трубки. Я уже слишком много выкурил за сегодняшний день, но мои пальцы нужно было чем-то занять.

Джек кивнул на брошюру, которую я положил на стол.

— Как вы это находите? — ровным голосом спросил он.

Я стал протирать очки. Это был уже не тот мальчик, который знал, что потеряет отца, и не юноша, отстаивающий право на лучшую жизнь перед своим приемным отцом. Нет, передо мной был взрослый человек с усталыми глазами.

Это были серые глаза на узком длинном лице с прямым носом. Темно-серые волосы, стройное тело Тома, рот с полными подвижными губами Элеоноры. Нет, это был Хейвиг, и я в этом не сомневался.

Он всегда одевался довольно небрежно, и сейчас был одет так, как будто вернулся с прогулки в лес. Он был скорее насторожен, чем встревожен, но не отводил своего взгляда от моего.

— Ну что же, оригинально,— я стал набивать трубку.— Правда, должен признать, что несколько необычно.

— Да, конечно. Это сувенир. Думаю, что мне не следовало приносить словарь сюда.

— Откуда? Где ты был, Джек?

— Так. Гулял.

Я вспомнил ответ того человека, который привел малыша к отцу. И кое-что еще.

Я чиркнул спичкой, и огонь показался мне неожиданно сильным. Затем долго раскуривал трубку, пока вкус табака не заполнил рот. И только после этого я смог заговорить.

— Послушай, Джек, у тебя будут неприятности. Еще больше их будет у твоей матери,— такое начало удивило его.— Я ваш друг и хочу вам помочь. Но ты, черт побери, отказываешься помочь мне.

— Док, мне бы очень этого хотелось,— прошептал он.

Я похлопал по брошюре:

— О'кей. Скажи мне, ты работаешь над научно-фантастическим романом, действие которого происходит в 1970 году, и это заготовки для твоего романа? Прекрасно. Я думаю, ты зря скрываешь это. Но дело твое. Все осложняется тем, что твоя брошюра напечатана. Ни одна фирма не будет печатать для частного лица. Только для организации. Что это за организация?

— Нет никакой организации. Только несколько друзей,— он весь напрягся.— Всего несколько среди громадного стада свиней.

Я встал:

— Как насчет того, чтобы выпить?

Теперь он улыбнулся.

— Благодарю. Это именно то, чего мне хочется.

Достав бутылку бренди, я разлил его по рюмкам. У меня всегда была в запасе бутылка. Иногда и мне, и моим пациентам

требовалось выпить, особенно когда я выносил им окончательный приговор. Но Джек...

И я снова ощутил, что Джек уже не ребенок.

Он выпил очень умело. Где он мог научиться? Ведь его не было всего месяц.

Я снова сел и заговорил:

— Я не собираюсь пытать у тебя никаких тайн, Джек, хотя ты знаешь, что в моей работе приходится выслушивать много тайных признаний людей, и я всегда свято хранил доверенные мне секреты. Нам стоит продумать твоё дальнейшее поведение, чтобы избавить твою мать от лишних забот, и ты обязан мне помочь.

Он нахмурился:

— Вы правы. Но самое неприятное в том, что я не знаю, что же сказать вам.

— Может быть, правду?

— Док, вам этого не хочется. Поверьте мне.

— Красота — правда, правда — красота... Помнишь Китса? Он был врач, он знал лучше, Джек. Ставлю десять долларов на то, что я расскажу тебе десяток правдивых историй, которые изумят тебя больше, чем твоя история изумит меня.

— Я не приму пари,— хрипло сказал он.— Это будет нечестно.

Я ждал.

Он допил бренди, поставил стакан на стол. В желтом свете его лицо казалось совсем изможденным. Но вот на нем выразилась решимость.

— Налейте мне еще,— сказал он,— и я расскажу вам.

— Отлично,— бутылка немного дрожала у меня в руке, когда я наполнял стакан.— Клянусь хранить твою тайну.

Он рассмеялся странным смехом:

— Не надо клясть, док. Вы и так будете молчать.

Я ждал.

Он сделал глоток, посмотрел куда-то за меня и пробормотал:

— Я очень рад. Я всю жизнь несу в себе огромную тяжесть, а теперь могу разделить ее с вами.

Я выпустил клуб дыма.

И тут он пылко заговорил:

— В основном я был в округе Сан-Франциско, в Беркли. Больше года я провел там.

Мои пальцы сжали трубку.

Он кивнул:

— Да, да. Меня не было дома месяц, но на самом деле прошло почти восемнадцать месяцев. 1969-1970 годы,— после паузы он добавил: — Да, примерно полтора года. Но из этого времени

нужно вычесть время, которое я затратил на путешествие в более далекое будущее.

Пар шипел в радиаторе. На лбу Джека выступили капельки пота. Он крепко стиснул свой стакан. Но, несмотря на напряжение, голос его был ровным.

— У тебя есть машина времени? — выдохнул я.

Он покачал головой.

— Нет, я могу передвигаться во времени сам. Не спрашивайте меня, как, я не знаю, — он слабо улыбнулся. — Что, док? Параноя? Иллюзия того, что я представляю собой что-то необычное в космосе? О'кей. Я проведу демонстрацию, — он обвел рукой кабинет: — Проверьте, что здесь нет никаких ходов, никаких таинственных аппаратов. Ведь это же ваш кабинет.

Я тупо повиновался и обошел кабинет, хотя был уверен, что здесь нет ничего такого, да и не может быть.

— Все в порядке? — спросил он. — Хорошо. Тогда я перенесу себя в будущее. Полчаса? Нет, вам придется слишком долго сидеть и курить. Пятнадцать минут, — он сверил свои часы с настенными. — Сейчас 4.17. Я отправляюсь в 4.30 плюс-минус несколько секунд. Только пусть никто не занимает это кресло в течение этого времени.

Меня всего трясло.

— Хорошо, Джек, — Кровь бурными толчками текла по венам.

Он улыбнулся, тронул меня за руку:

— Старый добрый док. Ну, пока.

И он исчез. Я услышал только легкий вздох воздуха, и ничего больше. Кресло было пусто. Я пощупал. Ничего.

Я сидел за столом четверть часа. Совершенно не помню, о чем я думал в то время.

И вдруг он снова очутился в кресле.

Я постарался не упасть в обморок. Джек поспешил ко мне:

— Успокойтесь, док. Все в порядке. Выпейте.

Потом он продемонстрировал мне путешествие в прошлое. На пару минут...

Была уже ночь.

— Нет, я не знаю, как это происходит, — сказал он. — Но я ведь многого не знаю о себе. Я не знаю, как работают мои мускулы, какие химические процессы происходят во мне. Док, вы должны согласиться, что наши научные познания всего лишь легкая зыбь на поверхности тайны.

— Что ты чувствуешь при этом? — спросил я, с удивлением обнаруживая, что спокойствие вернулось ко мне. Хиросима вывела

меня из равновесия на более долгое время. Может быть, в глубине души я подозревал в Джеке что-то подобное?

— Трудно описать, — он нахмурился. — Я... я просто хочу попасть в прошлое или будущее. Совсем так, словно я хочу сделать что-то, взять что-то... И это происходит, — он старательно подыскивал слова. — Пока я путешествую во времени, я нахожусь в темноте. В темноте, где мелькает свет при чередовании дня и ночи. Затем я решаю остановиться — и останавливаюсь, становясь обычным человеком в обычном мире. Во время путешествия я совершенно не воспринимаю движения воздуха. При этом я задерживаю дыхание и не дышу во время путешествия.

— Подожди. Если ты при этом не можешь дышать, то как ты видишь мелькание света? — спросил я.

— Не знаю, док. Я читал учебники физики, чтобы понять хоть что-то, но ничего не узнал. Видимо, меня перемещает какая-то сила, сила, действующая в четвертом измерении. Если она электромагнитной природы, то я еще могу как-то объяснить, что фотоны захватываются ее полем и я улавливаю их. А вещество, материя не воспринимаются мною. Но это только предположение. Я не специалист. Мне бы хотелось, чтобы этим явлением занялся настоящий ученый.

— Твоя теория слишком сложна для меня, мой друг. Но ты сказал, что твое перемещение не мгновенно. Сколько же времени оно длится? Какова его скорость? Сколько лет в минуту, например?

— Все зависит от меня. От силы моего желания. Однако я заметил, что чем больше скорость перемещения, тем больше я устаю. Значит, я трачу свою энергию на перемещение во времени. Правда, я никогда не путешествовал больше нескольких минут — на несколько столетий.

— Когда ты был ребенком... — я замолчал.

Он кивнул:

— Да, я слышал об этом. Когда мать выронила меня, я переместил себя в прошлое чисто инстинктивно — и оказался в колыбели.

Он сделал глоток бренди.

— Моя способность перемещаться во времени росла вместе со мной. Мне кажется, что сейчас для меня нет границ. Однако я ограничен по массе вещей, которую могу брать с собой. Это всего несколько фунтов, считая одежду. Чуть больше — и я не смогу переместиться. Если, к примеру, вы схватите меня, то я останусь на месте, пока вы меня не отпустите. Кроме того, я возвращаюсь на то же самое географическое место, откуда отправился в путешествие, независимо от вращения Земли.

— Странно, что ты с детских лет тщательно хранил эту тайну.

— Да. Но я причинил матери много беспокойства. Правда, я не помню всего. Кто может припомнить свои первые шаги? Потребовалось много времени, чтобы я оценил свою уникальность. А когда я наконец-то понял, то испугался. Может быть, это плохо. Или я урод. Но дядя Джек объяснил мне все.

— Это тот неизвестный, который привел тебя обратно, когда ты исчез в детстве?

— Да. Я тогда отправился в прошлое, чтобы посмотреть на индейцев. Но я нашел только лес. Он меня отыскал, и мы с ним вместе путешествовали во времени, это было очень приятно. Потом он взял меня за руку и показал, как вернуться домой. Он не выпускал меня несколько минут, чтобы я увидел страдания своих родителей. И он достиг своей цели. Я понял, что мой дар приносит страдания другим.

Он говорил так, словно переживал все заново.

— Мы совершили впоследствии много интересных путешествий. Дядя Джек был прекрасным гидом и наставником. Я полностью подчинился его требованиям соблюдать тайну. И только кое-где намекнул своему другу Питу. Дядя Джек многое показал мне, чего я сам никогда бы не увидел.

— Но ты путешествовал и сам,— напомнил я ему.

— Изредка. А вы помните, когда на меня напали два идиота? Я тогда совершил несколько переходов в близкое прошлое, чтобы меня стало восемь.

— А когда ты узнал, что отец идет на войну, ты решил убедиться, что он вернется живым?

— Да,— он нахмурился.— Я стал передвигаться в будущее с небольшими интервалами. И однажды я увидел, как мать плачет у окна. Тогда я отправился обратно и нашел телеграмму. О, я думал, что никогда больше не смогу путешествовать во времени. Просто не захочу.

Тишина окутала нас. За окном медленно падал снег.

Я прервал наше молчание вопросом:

— Когда в последний раз ты видел своего ментора?

— В 1969 году. А перед этим незадолго до того, как узнал о своем отце. Дядя Джек был очень добр ко мне. Мы с ним отправились в круглый цирк, видимо, конца XIX века. Я спросил, почему он так печален, а он снова напомнил мне о необходимости соблюдать тайну.

— И ты знаешь, кто он?

У него приподнялся уголок рта.

— А как вы думаете, кто он?

— В прошлом году я отправился в прошлое. Мне нужно было сбежать с фермы. Вы понятия не имеете, как прекрасна была эта страна до того, как пришли поселенцы. И индейцы! У меня появились друзья среди них. Мне не нужно было даже знать их языка, кроме нескольких слов. А девушки... они всегда были так ласковы, так готовы на все для меня...

Я не мог не улыбнуться.

— А Биркелунд-младший издевается над тобой, потому что ты не назначаешь свидания девушкам.

Он ухмыльнулся.

— Можете себе представить, как эти путешествия облегчали мою душу,— затем он заговорил серьезно: — И вы можете себе представить, каким невыносимым становился для меня этот дом Биркелунда. И не только дом — весь этот мир. Что я буду делать в колледже? Слушать глупое хихиканье девчонок и монотонные голоса преподавателей? Я ведь уже вырос, вырос, и видел столько разных чудес!

— Значит, именно твое положение в доме заставило тебя отправиться в будущее?

— Да. Я был вне себя от ярости. Я надеялся увидеть могилу Биркелунда. Двадцати лет, думал я, будет достаточно. И я переместился в конец 1969 года. Дом стоял на месте.

— А Свен?

— Думаю, что он был жив,— голос его был свирепым.— Я не стал проверять. Моя мать к этому времени разведется с ним.

— И?...

— Вернется в Массачусетс. Третье ее замужество будет счастливым. Мне не следовало причинять ей в то время беспокойство, и я вернулся. Отсутствовал я месяц, а по возвращении показал Биркелунду, что в мои дела соваться не стоит.

Я видел, что Джек очень страдает.

Сколько раз я видел такое выражение лица у своих больных. Я поспешно спросил его:

— Ты сказал, что встречался с дядей Джеком, твоим вторым «я»?

— Да,— он был рад перемене темы.— Он поджидал меня в 1969 году. Я прибыл ночью в дубовую рощу, так как не хотел лишних свидетелей. В то время роща была уже вырублена, а участок засажен кукурузой. Он снял для меня комнату в отеле, и мы несколько дней провели вместе. Он рассказал мне о моей матери, показал старые газеты с объявлениями, показал ее письмо к нему... ко мне. Потом он дал мне тысячу долларов. Док, какие цены через двадцать лет! Он предложил мне посмотреть страну.

Из газеты я узнал, что Беркли остался там же, где и был. А на другом краю бухты — Сан-Франциско. Я всегда хотел посмотреть его.

— А как Беркли? — спросил я, вспомнив свои визиты в этот университетский городок.

Он рассказал, как мог, но никакие слова в 1951 году не могли бы описать того дикого, феерического, возбуждающего, ужасающего, гротескного удара по всем чувствам, которые наносил этот город в конце семидесятых годов, семнадцатой декады двадцатого столетия.

— У тебя не было неприятностей с полицией?

— Нет. Я остановился в 1960 году, зарегистрировался под фальшивым именем и явился в 1969 году с регистрационной картой, где было сказано, что мне двадцать один год. Люди на улицах притягивали меня. Я бродил среди них, слушал их разговоры, оценки происходящего... Целый месяц я провел с радикалами. Странное существование со строгой конспирацией, демонстрации, попойки, неопрятные девушки...

— Да, твое описание не слишком привлекает, — заметил я.

— Я уверен, что дядя Джек хотел, чтобы я почувствовал жизнь изнутри, чтобы я узнал, куда катится цивилизация, вскормившая меня. И теперь я изменился.

— М-м-м... Я бы сказал, что ты увидел какую-то новую роль, новое поле деятельности. Что случилось?

— Я предпринял путешествие в более далекое будущее.

— И?

— Док, — сказал он чересчур спокойно. — Вы можете считать себя счастливым. Вы уже старик.

— Значит, я умру? — сердце мое застучало.

— Ко времени катастрофы — несомненно. Правда, я не проверял. Однако я установил, что в 1970 году вы все еще были живы и здоровы.

Я удивился, почему он не улыбнулся, но потом понял: он не упомянул о Кейт.

— Война... Война со всеми ее ужасами придет позже, — продолжал он тем же звенящим металлическим голосом. — Но все ведет к нему, к этому шабашу ведьм, часть которого я видел в Беркли.

Он вздохнул, потер уставшие глаза.

— Я вернулся в 1970 год с ощущением, что волна надвигается, грозя затопить все. Но очень мало людей в 1970 году видели это. Очень мало. Они помогли мне напечатать и распространить это. Они считали меня ярым республиканцем.

— А ты не республиканец?

— О, боже, нет. Я не вижу ни одной политической партии, которая могла бы сделать что-нибудь полезное в течение трех-четырех поколений. Все они будут только хуже.

Он допил свой стакан, отклонив предложение наполнить его снова.

— Мне нужно сохранить голову свежей, док. Ведь мы должны разработать подходящую версию. Теперь я понимаю, что навлек на себя серьезные неприятности. Правда, в том времени было бы то же самое.

— Время не меняется? — удивился я. — Значит, мы завязли в нем, как мухи в застывшем янтаре?

— Не знаю, не знаю. Но я знаю, что все мои усилия были напрасны. Мои первые друзья назвали меня предателем, а других, новых, совсем мало. Мы не сможем распространять свои взгляды на всю страну, на весь мир.

— В политике нельзя ожидать чудес, — сказал я. — И нельзя верить тому, кто обещает их.

— Правильно. Я это тоже понял. Поэтому я решил, что мой долг — вернуться назад и оставаться с матерью. По крайней мере я смогу сделать этот мир менее ужасным для нее, — его тон смягчился. — Конечно, я сделал глупость, сохранив эту копию. Мне помогла сделать ее очень милая девушка... Ну что же, мне хотя бы повезло в одном: еще один человек будет знать тайну моей жизни. Только теперь я стал понимать, как был одинок.

— Ты один такой? — спросил я.

— Не знаю. Думаю, что не один. Таких, как я, конечно, очень мало. Но я думаю, что есть и другие путешественники во времени. Как мне найти их? — воскликнул он. — А если мы соберемся вместе, что мы сможем сделать?

ГЛАВА 5

Биркелунд ничего не смог извлечь из этого. Я увиделся с ним, рассказал, что этот памфлет написан для любительского спектакля и носит чисто сатирический характер. После этого я прочел ему нотацию, как нужно вести себя с приемным сыном и женой. Он выслушал ее, хотя и неохотно. В конце концов, как я уже говорил, он не был злым человеком.

И все же ситуация осталась взрывной. Джек добавлял к ней пороху своим надменным поведением.

— Он так изменился,— со слезами говорила мне Элеонора.— Даже внешне. И я не могу винить за эти трения Свена и его мальчиков. Джек ведет себя возмутительно.

Конечно, так оно и было. Как мог вести себя человек, ненавидящий этот дом, скучающий в школе, имеющий на плечах тяжкий груз знания будущего?

— Я думаю,— сказал я,— лучше всего предоставить ему свободу.

— Боб, но ему же всего восемнадцать лет,— запротестовала она.

Ему был уже двадцать один, а может, и больше, по моим подсчетам.

— Он достаточно взрослый, чтобы пойти в армию,— после паузы я продолжил: — Это даст ему шанс найти себя! Раз он пойдет добровольно, срок службы будет минимальным.

— Только после того, как он получит образование.

Я понимал ее разочарование.

— Он может учиться заочно, Элли. Или учиться во время службы. Там организуются курсы. Он способный мальчик и справится с учебой. Боюсь, что это единственное, что можно сделать для него.

Джек сразу же согласился. Он выяснил, что его могут послать в Европу.

— Там я буду изучать историю,— сказал он.— Кроме того, я буду изучать оружие и технику войны. Ведь в двадцать первом веке я, скорее всего, буду убит.

Армия, конечно, не была приспособлена для его темперамента, но он, тем не менее, получил необходимую тренировку, знания по электронике. И постоянно совершал путешествия в будущее, став старше еще на два года.

Его письма ко мне содержали лишь слабые намеки на происходящие события, так как они прочитывались Кейт. Мне было очень трудно скрывать от нее эту ужасную тайну.

И вот однажды он пришел ко мне и несколько часов показывал фотографии и рассказывал, рассказывал, рассказывал...

— Док, вы и представить себе не можете, как отличались друг от друга люди средних веков. Они были разными в разных местах, в разные годы...

Он видел легионы Цезаря, триумфально шествующие по Риму, видел узкие серые тени кораблей викингов в фиордах Осло, видел Леонардо да Винчи за работой... Однако у него не было времени посвящать себя наблюдениям. Много ли может узнать человек, попавший в совершенно чужую эпоху, если он едва может произнести несколько слов, если его каждую минуту могут арестовать — уж слишком подозрительно он выглядит.

Я чувствовал себя предателем по отношению к Кейт. Но уж если Джек мог хранить тайну от своей матери, то и я должен хранить ее.

Представьте, если все узнают о том, что человек может путешествовать во времени? Ведь начнется столпотворение. Он станет жертвой тех, кто захочет узнать свое будущее, или попадет в руки жаждущих власти людей, станет игрушкой в руках тех, кто делает идеологию; другие будут пытаться уничтожить его, чтобы он не рассказал людям, что ждет нашу цивилизацию. И если он сможет пережить все это, то у него не останется другого выбора, как только бежать в иное время и там скрыть свой дар.

Нет, лучше хранить эту тайну с самого начала.

Но тогда какой смысл в этом фантастическом даре судьбы? Или проклятии?

— В конце своей службы я больше думал, чем путешествовал,— сказал он.

Мы плыли на лодке по озеру Винного. Джек вернулся домой уже две недели назад, но ему еще многое нужно было рассказать мне. У него были дела и дома. Его мать разводилась с Биркелундом, оставляя дом, где испытала столько страданий, и ей требовалась моральная поддержка сына. Прошло два моих года — и теперь передо мной сидел мужчина, молодой мужчина, но уже испытавший боль и смятение жизни. Джек Хейвиг, сидевший передо мной, теперь полностью владел собой.

Я отложил весла и достал трубку. Весна отражалась в голубой глади озера. Сладостью дышало от полей, зелени лесов, яблоневых садов. Дул легкий ветер. В его потоке медленно плыл в высоте ястреб.

— Да, у тебя было над чем подумать,— отозвался я.

— Во-первых, как происходит перемещение во времени.

— О, скажи мне, как оно происходит?

Он даже не улыбнулся.

— Я изучал физику, электровику, я стал специалистом в этих областях. И читал много специальной литературы. И все теории в один голос утверждают, что это невозможно. Все начинается с того, что для этого требуется огромное количество энергии.

— Э пур си муове, и все-таки она вертится.

— Что?... А, да, док, я изучал итальянский, перед тем как посетить Италию эпохи Ренессанса. Я обнаружил, что Галилей никогда этого не говорил. Более того, он даже не бросал шаров с наклонной башни в Пизе,— он открыл еще по бутылке пива для каждого из нас.— Но в этих разговорах об энергии есть кое-что, о чем не подозревает современная наука. Математики

говорят, что путешествие во времени эквивалентно передвижению со скоростью больше скорости света, что также не допускает современная наука.

Я смотрел, как кольца дыма тают в воздухе.

— Ты оставил меня далеко позади,— заметил я.— Я ничего не понимаю в твоих словах, кроме уверенности, что в твоём даре не замешана никакая нечистая сила.

Он кивнул:

— Да. Что бы это ни было, оно связано с законами природы, с соотношением «энергия-масса». Но тогда почему только я способен на это и никто больше? Поэтому я предположил, что это связано со структурой моих генов.

— Генов?

— Да. Через несколько лет будет открыт молекулярный базис наследственности.

— Что? — я резко выпрямился.— Ты должен рассказать мне об этом.

— Потом... потом. Я сообщу вам всю информацию по этому вопросу, хотя там еще многое неясно. Главное в том, что наши гены — это не просто матрица для воспроизведения организма. Они действуют всю жизнь, управляя организмом. Их можно назвать веществом жизни. Но весь механизм до конца наша цивилизация, пожалуй, не сможет понять. Она еще раньше уничтожит сама себя. Однако лично я предполагаю, что существует что-то вроде резонанса в этих огромных молекулах. И если частота резонанса всех генов одинакова, то человек — путешественник во времени.

— Интересная гипотеза,— промямлил я. Для меня в его присутствии уже становилось обычным состояние ничего непонимания.

— Я — эмпирическое доказательство этому,— сказал он с усилием.— Док, у меня было несколько женщин. Правда, не в этом времени. Для него я слишком застенчив и скован. Нет, в будущем времени и в прошлом. Там все это происходит гораздо проще. Тем более, что я окутан какой-то завесой таинственности.

— Поздравляю,— сказал я, не сумев придумать ничего лучше.

Он смотрел на воду.

— Я не влюблен в них,— сказал он.— Если постель — это все, что от меня требуется, как, например, с девушкой из Дакоты три сотни лет назад, прекрасно. Но если требуется нечто большее, то я не могу на это пойти. Ведь тогда мне придется жить с нею всю жизнь. Думаю, что я никогда не свяжу себя женитьбой. Прежде чем вступить в связь с девушкой, я заглядываю на несколько лет вперед, чтобы убедиться, что связь со мной не причинит ей вреда.

После паузы он продолжал:

— Я отклоняюсь, но это важно для меня. Возьмем, к примеру, Мэг. Я был в Елизаветинском Лондоне. У меня почти не возникало проблем из-за незнания эпохи, хотя мне нужно было постичь произношение и жаргон того времени. Слиток серебра, который был со мною, мне удалось легко превратить в деньги, хотя я подозреваю, что торговец обманул меня. Во всяком случае, моего капитала хватило, чтобы снять комнату в маленькой гостинице и пойти в «Глобус». В общем, мне не хотелось особенно стеснять себя.

Однажды я оказался в бедном квартале. Какая-то женщина схватила меня за рукав и стала предлагать мне свою молодую дочь. Сначала я возмутился, а потом решил встретиться с бедной девочкой. Может, я смогу ей чем-нибудь помочь.

Она очень нервничала, но была решительной, и когда она мне все объяснила, я вынужден был признать, что для человека с независимой натурой лучше быть проституткой, чем вести честный образ жизни, но находиться у кого-либо в услужении.

Она была очень веселая, красивая, и она сказала, что с большим удовольствием будет иметь дело со мной, чем с кем-нибудь другим. Что мне было делать? Если бы я начал ее перевоспитывать, она не поняла бы ничего и прогнала бы меня или убежала бы сама, — он сделал глоток пива. — Олл райт, — сказал он. — Я переехал в более просторную квартиру и взял ее с собой. Мэг была женщиной очень молодой, но женщиной. Мы прожили вместе четыре года ее жизни.

О, разумеется, я совершал путешествия во времени, возвращаясь в двадцатый век. Иногда не очень часто, я перемещался во Францию, хотя такие путешествия длились довольно долго. И я верил, что Мэг оставалась верна мне. Вам следовало бы видеть, как она отшивала своих родственников, требующих, чтобы она облапошила меня. Я сказал ей, что нахожусь на службе Дании...

Впрочем, к чему детали? В конце концов, какой-то молодой коммивояжер влюбился в нее. Я дал ей приданое и благословил ее. Я даже проверил, что в ближайшие десять лет у них все будет нормально.

Он вздохнул:

— Док, она подарила ему поддюжины ребятишек, начиная с первого года семейной жизни. Но от меня у нее никого не было. И я решил, что ни одна женщина не может подарить мне ребенка...

Джек сообщил мне, что он даже прошел тест на дееспособность, который показал, что у него все в норме. И он, и я были смущены его откровенностью.

— Может быть,— медленно проговорил я,— ты мутант? Мутант до такой степени, что слишком сильно отличаешься от обычного человека?

— Да. Я думаю, что мои гены совершенно иные.

— Но если есть женщина, путешествующая во времени...

— Верно, док.

Он долго сидел молча, потом сказал:

— Главное, конечно, не в этом. Пожалуй, самое главное — найти других таких же, как я, если они есть, и попытаться предотвратить все грядущие ужасы. Я не могу поверить, что я — всего лишь бессмысленная случайность.

— Как ты предполагаешь найти их?

Его взгляд был пронзительно-холодным.

— Начну с того, что стану богатым.

Прошли годы, но я мало что знал о его делах. Время от времени он появлялся у нас, но я думаю, только для того, чтобы сохранить нашу дружбу, а не для того, чтобы держать меня в курсе дел. Все чаще и чаще он казался мне плодом моего воображения, настолько чужим он был в заботах нашего маленького городка, ритм жизни которого убыстрялся с каждым годом с ростом наших сыновей и другими повседневными проблемами. Но когда он появлялся вновь, как бы вынырнув из ночи, я снова бывал захвачен странной судьбой этого необычного человека.

Не хочу сказать, что он был фанатиком, хотя последовательно вынашивал идею спасения мира. Его интеллект развивался в самых разных направлениях, хотя преобладала история и антропология. К тому же судьба подарила ему способность быстрого познания языков. Мы с ним часто обсуждали, как незнание языков и способность быстро изучать их подрезает крылья путешественникам во времени. Сардонический юмор, сочетающийся в нем со среднестатистической вежливостью, делали его весьма приятным собеседником. Он полюбил роскошную жизнь, но мог жить и в весьма скромных условиях, не жалуясь. Я заметил, что он очень равнодушен к красоте, как естественной, так и к красоте настоящего искусства. Особенно он любил классицизм, барокко, китайскую музыку, красивые корабли и оружие, а также эллинистическую архитектуру. Боже, если ты существуешь, я от всего сердца благодарен тебе, что мне удалось увидеть фотографию Джека Хейвига на фоне неразрушенного Акрополя.

Я был единственным, с кем он поделился своей тайной, но не единственным, кто был его другом. Теоретически он мог завести дружбу со всеми знаменитостями прошлого и будущего, такими,

как Перикл, Эйнштейн, Шекспир, Линкольн... но практически это было трудно сделать. Кроме трудностей, связанных с языком, законами, обычаями, всем укладом жизни, существовали трудности вхождения в контакт: все знаменитости обычно очень заняты. Нет, Хейвиг рассказывал мне о таких людях, как его маленькая Мэг, которая уже триста лет назад обратилась в прах, или горный человек, сопровождавший еще Льюиса и Кларка, или старый усатый солдат армии Наполеона...

— История не стремится быть лучше, док, совсем не стремится. Мы только воображаем себе это. Но подумайте, отбросьте все романтические легенды и оставьте только голые факты. Ведь, к примеру, в 1800 году, когда Франция захватила всю Европу, никак не могла бы возникнуть Первая мировая война, в которой западная цивилизация сама бы стремилась перерезать себе горло. А мы сейчас еще кровоточим от ран, которые нанесли сами себе в 1914 году.

Иногда он предпринимал путешествия во времени в чисто развлекательных целях.

— Если быть честным, — как-то ухмыльнулся он, — то мне все больше и больше нравятся низкопробные развлечения.

— Париж Тулуз-Лотрека? — спросил я. Он уже сообщил мне, что ранний декаданс, в основном, был создан людьми из высших классов, которые подвизались — и не без успеха — в искусстве.

— Нет, там я еще не был, — признался он. — Как-нибудь побываю. Но Старквилль в цвету...

Его не интересовала проституция. Он уже много знал о том, какими жестокими могут быть условия жизни людей, и к чему это может привести. Он любил ранний джаз, любил компанию тех молодых людей, о которых он сказал, что эти парни гораздо более реальны, чем молодежь нашего времени, не говоря уже о семидесятых годах.

А тем временем он делал себе состояние.

Вы можете подумать, что это было легко. Достаточно посмотреть на цены в 1929 году и в наше время.

На самом деле это не так. Что он мог делать?

Он мог покупать в Европе серебро или золото и обменивать его на деньги в XIX или XVIII веке. Он мог покупать марки или монеты прошлого и продавать их коллекционерам. Он мог взять с собой алюминиевые предметы и переместить их в ту эпоху, когда алюминий стоил дороже золота. Но это все были мизерные сделки. К тому же они были ограничены тем, что Джек не мог переносить больших тяжестей. Кроме того, он не хотел обращать на себя внимание.

Он рассматривал возможность вкладывания денег в предприятия, чтобы стричь купоны, но правила этой игры были настолько сложны, что он не хотел тратить время на их изучение. И еще: ему хотелось основать свое богатство в своем собственном времени.

В конце концов он преуспел в своем намерении. Правда, он не рассказал мне подробностей операции. Я знал только самую общую картину.

Джон Франклин Хейвиг основал фонд, который доверил одному из самых надежных банков, и распорядился, чтобы проценты выплачивались «любому его наследнику мужского пола» по достижении двадцати одного года. А затем Джон Франклин Хейвиг в 1964 году обратился в банк и стал обладателем миллионного состояния. Сенлакская «Трампет» с трепетом сообщила о рождении нового миллионера, получившего наследство от дальнего родственника.

— Вот и все,— сказал он мне.— Теперь мне нужно только выписывать чеки.

Я должен еще упомянуть о помощи, которую он оказал матери и некоторым другим людям. Но в целом благотворительностью он не занимался.

— Это не выход, док,— говорил он мне.— Благотворительность — это все равно, что лечить насморк, когда надвигается эпидемия чумы.

Но я знал, что он, тем не менее, помог нескольким несчастным и сделал большой вклад в какую-то либеральную организацию.

— Мы нуждаемся в резервах для жизни,— сказал он.— Всех форм жизни. Нетронутые уголки природы нужны нам сегодня для духовного совершенства. А завтра — для сохранения самой жизни на Земле.

— Будущая война,— говорил Джек,— будет не просто выяснением отношений между капиталистическим и коммунистическим миром, как мы представляли в пятидесятых годах. Я могу лишь очень слабо представить себе, что произойдет. И неудивительно. Никто сейчас, да и в будущем, не может дать точного анализа последствий. Док, ученые много спорят о причинах и последствиях прошлых войн, но никто не задумывался, к чему может привести будущая. А ведь достаточно вспомнить о гигантском облаке пыли, которое окутает землю после ядерных взрывов, чтобы понять: Землю ждет новый ледниковый период.

У него сложилось впечатление, что Третья мировая война, как и Первая,— это конфликт, которого все ждут, но никто не хочет, и о последствиях которого никто не задумывается. Он

считал, что более важны экологические послевоенные проблемы, чем политические и идеологические.

— Я уверен, что в пустыню обратятся огромные области планеты. И не только в пространственном смысле, но и во временном. Вы знаете, док, что океан снабжает атмосферу половиной кислорода? В 1970 году инсектициды будут обнаружены и в планктоне. А в 1998 году океан превратится в зловонную клоаку, к которой даже подойти будет страшно.

— Но это все можно предсказать и представить,— заметил я.

Он поморщился:

— О, да. Сейчас много говорят о защите окружающей среды. А она буквально бьется о ветровые стекла огромных автомобилей, принадлежащих волосатым бесцеремонным молодым людям. И эти автомобили загаживают землю и воздух... Люди стали совершенно беззаботными.

Это логическое заключение из общей тенденции. Я знаю, глупо всю вину возлагать на тех, кто готовит будущую войну. Тем более, что я до сих пор не знаю, как она возникла. Но, док, я имею моральное право утверждать, что большая часть зла произрастает в этой стране, самой могущественной в мире, передовой как в хорошем смысле, так и в плохом. Америка не хочет ощутить свою ответственность за ту мощь, которой она обладает.

Америка сделает попытку наказать своих врагов в Азии, но эта попытка будет не очень уверенной, и Америка потеряет много своих сынов из-за ничтожной цели. Надеюсь сложить нескладываемое, Америка растеряет своих последних друзей. Люди, которые будут выбраны в правительство, будут бороться с инфляцией, повышением цен, повышением налогов, а это все равно что заклеивать бумагой трещины в фундаменте. Экономический комплекс приведет к немогущей международной политике. Белое большинство попытается свалить все экономические трудности на спину цветного меньшинства, последние начнут бунтовать, и в этом мятеже погибнут последние остатки прогресса. А наши глупые попытки сбалансировать то, что мы берем из окружающей среды, и то, что мы вкладываем в нее...

Сначала американцев охватит чувство вины. Затем постепенно они станут апатичными. В Америке создадутся огромные запасы денег. Их жизненные потребности будут полностью удовлетворены, но что касается духовной жизни...

И вот в феврале 1964 года Хейвиг вступил во владение наследством, которое создал сам для себя. После этого он постарался зачеркнуть свое прошлое, и всю оставшуюся жизнь

он называл себя не иначе, как «дядюшка Джек». Я спросил его, что он намеревается делать дальше, и он ответил:

— Я хочу узнать как можно больше о том, что нас ждет.

Я задумался, но подавил желание спросить его о своем будущем. Теперь я понимаю, сколько бы ему пришлось рассказывать о моем будущем до дня смерти Кейт.

Я никогда не спрашивал Хейвига, видел ли он раньше могилу Кейт. Может, он и знал все, но молчал об этом. Как врач, я знаю, что такую информацию очень трудно хранить и при этом улыбаться.

Теперь Хейвиг занимался в нашем университете, а в перерывах между занятиями делал визиты в прошлое... Он больше не хотел, попадая в чужое общество, оставаться немым. Более того, он хотел иметь базу, с помощью которой он мог бы изучать изменения языка со временем, в прошлом и будущем.

Он сконцентрировался на латинском и греческом, который был более распространен во времени и пространстве, чем классический. Кроме того он занимался французским, немецким, итальянским, испанским, португальским, еврейским, арабским, арамейским и одним из языков полинезийской группы.

— Там была цивилизация еще до наших темных веков,— сказал он мне.— Я никак не мог попасть в ту эпоху, попадал либо в ее начало, либо в конец. Ты понимаешь, очень трудно понять чужую эпоху. Предположим, ты — путешественник во времени из Египта времен фараонов. И ты попадаешь в сегодняшний мир и изучаешь его. Многие действия людей абсолютно непонятны тебе, более того, ты даже не можешь понять, хорошо то, что они делают, или плохо. Потребуются многие годы, чтобы хоть немножко научиться понимать мир.

Поэтому я хочу начать со старых эпох, откуда можно перекинуть мостик к будущим временам.

Он подробно изучал историю. Можно даже сказать, стал профессиональным историком. Побывав во многих жестоких эпохах, он говорил, что ни мрачное средневековье с его сожжением еретиков, ни массовая резня где-нибудь в Турции не сравнится по жестокости и ужасу с тем, что ждет Землю в будущем.

— Тогда погибнут почти все люди. Надеюсь, что моих коллег, путешественников во времени, эта участь не постигнет, и я смогу встретиться с ними когда-нибудь в более счастливых или, вернее, в менее несчастных эпохах.

А когда ему биологически исполнилось тридцать лет, ему повезло. Это случилось в Иерусалиме, в день Распятia на Кресте.

Он рассказал мне о своих планах в 1964 году. Его политика заключалась в следующем: разделить эти двадцать веков так, чтобы его личный календарь и официальные календари не слишком расходились.

После этого я долго не виделся с ним. Он больше не жил в Сенлаке, а перебрался в Нью-Йорк, где устроил себе штаб-квартиру. Правда, он иногда навещался и к нам. Кейт находила это очень трогательным. Я тоже, хотя знал, что он просто нуждается во мне, ведь я был его единственным доверенным лицом.

— Ну что ж, ты был прав,— сказал я, выслушав его.— Это именно тот момент, когда каждый путешественник во времени, если он христианин, захочет оказаться в Иерусалиме. Почему ты не сделал этого раньше?

— Это не так просто, док. Это очень сложное путешествие на абсолютно чужую территорию. А точная дата? Или даже сам факт?

— Ты имеешь в виду, что сомневался в исторической личности Христа. Я знаю, ты атеист, но тайна вокруг его имени...

— Док, кем он был, был ли он, представляет для меня не только академический интерес. Люди с тех пор прожили века с этой верой. Моя жизнь, я уверен в этом, дана мне не для того, чтобы я занимался чистыми исследованиями, хотя мне бы очень хотелось. Я видел слишком много человеческих несчастий. Путешествие во времени имеет свою реальную ценность: с его помощью можно попытаться спасти человечество,— он улыбнулся.— Вы знаете, док, что я не святой. Но я хочу что-то сделать.

Он улетел из Нью-Йорка в Израиль в 1969 году. К этому времени евреи уже закрепились в Иерусалиме, и по нему можно было ходить более или менее спокойно. Из своего отеля он направился по иерихонской дороге, неся с собой сумку, пока не добрался до апельсиновой рощи, где можно было укрыться. Здесь он дождался ночи и начал готовиться.

Арабский костюм он купил в лавке для туристов. Продавец заверил его, что именно так одевались арабы в библейские времена. Нож, больше для еды, чем в качестве оружия, он прицепил к поясу. Огнестрельное оружие он почти никогда не брал с собой. В кожаном мешке был арабский разговорник (для американских студентов), пища, кое-какая посуда, таблетки от живота, антибиотики, дезинфицирующие средства и деньги (несколько монет эпохи Римской империи и небольшой слиток золота, который можно было обменять).

Хейвиг сложил современную одежду в мешок, затем взял последнее из своего снаряжения. Он называл этот прибор «хронолог». Тот был разработан им и изготовлен по его указаниям в 1980 году на основе последних достижений электроники.

Я видел этот аппарат. Это был ящик с ручкой для переноски, размером 24 на 12 и на 6 дюймов. Открыв крышку, можно было увидеть ручки управления и индикаторы. В ящике размещался миниатюрный компьютер, питающийся от никель-кадмиевой батареи. Вес аппарата составлял пять фунтов, половину того веса, который Хейвиг мог брать с собой. Этот прибор представлял для него большую ценность.

Представляете: он планирует перенестись в прошлое или будущее и в определенный момент. Как ему это сделать? На небольшом промежутке времени можно ориентироваться по смене дня и ночи, отсчитывать их. А если дальше? На тысячи лет? Здесь-то его и выручает хронолог, отсчитывая время с большой точностью.

Ночь была ясная, холодная. Даже шел пар изо рта при дыхании. На севере светились огни Иерусалима, а со всех сторон наступала тьма, пересекаемая лишь огнями редких домов и фарами проезжающих машин. Хейвиг сориентировался по Луне и звездам, выставил точное время по Гринвичу, затем покрутил верньер, установил стрелку на деление, соответствующее определенной дате в Anno Domini 33.

Дата точно не установлена, напомнил он себе. Но, во всяком случае, эта дата больше похожа на правду, чем все остальные. Он рассмеялся. Единственное, в чем можно быть уверенным, это то, что все произошло в середине зимы. Иначе как бы пастухи могли уйти из своих домов пасти стада?

Он сделал несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы насытить кровь кислородом. Затем набрал полную грудь воздуха, но не напрягаясь, чтобы не тратить энергии, — и погрузился в силовое поле Земли.

Как он мне рассказывал, ощущение было примерно такое, как у пловца, преодолевающего сильное приливное течение. Он перемещался во времени, и тишина окружала его. Он замечал только солнечные восходы и закаты.

Вот он увидел взрыв, призрачный, бесшумный. Может, это Война за Независимость? Или эпизод Первой мировой? Но это было уже позади. В туманной ночи XIX века он решил остановиться, чтобы снова глотнуть свежего воздуха. Еще он хотел сориентироваться по звездам, хотя хронолог никогда еще его не подводил. Однако ему это не удалось. Поблизости

оказались несколько всадников, видимо, турецкие воины. Они не увидели его в темноте, и он продолжил свой путь.

Остановившись в другой раз, он заметил, что местность вокруг изменилась. Контуры оставались те же самые, но вокруг росли деревья, простирались возделанные поля. Видимо, эта местность периодически страдала от засух, так как ранее он видел здесь пустыню и знал, что она будет пустыней в том времени, куда он направлялся. Вдали он увидел огромный стадион. Видимо, здесь крестоносцы устраивали свои турниры, пока Салладин не вышвырнул их из своего пропахшего кровью королевства.

Остановки для дыхания становились все чаще. Путешествие истощало его силы. И им овладело возбуждение: ведь всего через несколько часов осуществится его мечта. Сердце тяжелым молотом бухало в груди.

На панели хронолога замигала лампочка.

Маленький прибор с огромной скоростью проделал все вычисления, учитывая возможные возмущения электромагнитного и гравитационного полей Земли, и определил нужное время с большой точностью.

Вспыхнул красный свет. Хейвиг прибыл на место назначения.

Заканчивалась ночь с четверга на пятницу. Если верить Библии, то уже состоялась Тайная Вечерня, канули в прошлое душевные муки в Гефсиманском саду, и Иисус уже лежал связанный, ожидая решения своей судьбы. Его скоро приведут к Пилату, осудят, распнут на кресте, пронзят копьём, объявят мертвым и похоронят.

— Они привязывают на кресте,— говорил мне Хейвиг.— Гвозди не выдержат тяжести тела, и ладони порвутся. Иногда гвозди все же вбивают, но в дополнение к веревкам. Это просто специальное наказание, так что можно сказать, что Библия в этом вопросе правдива,— он закрыл лицо руками. — Док, я видел, как они висят: черные, распухшие, языки высунулись наружу, они не могут даже стонать, только хрипят, никаких мыслей в их обезумевших глазах. Ужас, ужас. Воистину счастлив тот, у кого слабое здоровье, и он может быстро дожидаться смерти... В огромной толпе, может быть, найдется несколько родственников или друзей, но они не могут выказать свое горе, не могут даже плакать. Остальные в толпе отпускают шуточки, смеются, едят, пьют, поднимают на руки детишек, чтобы им было лучше видно... Что же такое человек?

А чем мы лучше? Ведь наш век — это век Воркуты и Бухенвальда, век Бельгийского Конго и юга Соединенных Штатов.

Может быть, в такие моменты я совсем не завидовал его способности путешествовать во времени.

Утро высветило восточное небо. У него за спиной оказался чей-то сад, а вддали он увидел дома. Дорога представляла собой сплошную грязную жижу. Вдалеке, прячась в утреннем полумраке, раскинулся на холмах Иерусалим — город царей Иордов и римских проконсулов. Он был гораздо меньше того Иерусалима, каким он стал через два тысячелетия. Вблизи городских ворот были раскинuty шатры и палатки. Это окрестные жители пришли в священный город на святую неделю. Воздух был холодным и пах землей. Слышалось пение птиц.

— Раньше всегда было много птиц, — говорил мне Хейвиг.

Он сидел на земле, задыхаясь, пока наконец не пришел в себя. Почувствовав сильный голод, он взял кусок овечьего сыра и ломоть хлеба. Жадно пережевывая, он с удивлением подумал, что ест самую обычную для этого периода времени и места на Земле пищу. Пищу, которую ел сам Христос.

Если он существовал. Никогда на Земле не переводились ученые, считавшие, что Христос — это просто миф, вроде какого-то Озириса-Митры. Предположим, что его не было. Вернее, был, но совсем не такой, каким его изображают церковные книги, не живым воплощением Создателя Вселенной. Была бы жизнь на Земле лучше, если бы люди следовали его заветам?

Хейвиг задумался, но вдруг вспомнил о своей цели. Он вздохнул и поднялся. Из-за горизонта появилось солнце.

Хейвиг пошел по дороге. Вскоре к нему присоединилась группа людей.

Люди встали затемно. Они убрали дома, приготовили пищу, сделали все дела, так как завтра была суббота. Бородатые люди в лохмотьях подгоняли тощих ослов, нагруженных товарами. Дети, едва начавшие ходить, перебирали зерно возле шатров, а те, что были чуть постарше, выгоняли овец на пастбище. Хейвиг шел по дороге, и вместе с ним шли к городу шейхи, священники, бродяги, крестьяне, какие-то полупьяные девицы, два торговца из Анатолии в широкополых шляпах. И вдруг он услышал топот копыт и лязг железа. Это проехал отряд римлян, возвращающихся в город после ночного патрулирования.

Я видел его фотографии, и легко могу представить себе эту картину. Она была гораздо менее красочна, чем вы можете вообразить, вы, живущие в мире анилиновых красителей. Ткани тогда были, в основном, серого, тускло-коричневого, грязно-голубого тонов. Но шум стоял невероятный. Пронзительные вопли, смех, ругательства, обрывки песен, звучание музыкальных

инструментов, шарканье ног, скрип колес, стук копыт, лай собак, блеяние овец, фыркание верблюдов — и над всем этим птичьи трели. Эти люди не были чопорными англичанами: при разговоре они отчаянно жестикулировали, рубили воздух ладонями, хлопали друг друга по спине или по плечу, стискивали зубы, хватались за кинжалы, чтобы через секунду, отбросив свою ярость, залиться жизнерадостным смехом. А запахи! Едкий лошадиный пот, пот людей, дым угасающих костров, запахи готовящейся пищи, запах навоза, запах седельной кожи, нагретой на солнце. Хейвиг ненавидел это время, когда в живых людей вбивали гвозди, но, наблюдая жизнь простых людей, он не испытывал ни омерзения, ни презрения.

Ворота Иерусалима были открыты. Сердце Хейвига забилось еще сильнее...

И он нашел.

Это случилось почти сразу. Пальцы коснулись его спины. Он повернулся и увидел невысокого широколицего человека, одетого, как и Джек, тоже безбородого, с короткими волосами и светлой кожей.

Лицо незнакомца было покрыто потом. Стараясь перекричать шум толпы, он спросил:

— Эс ту перегинатор темпорис?

Он говорил с сильным акцентом поляка XIII века, но Хейвиг, изучавший как классическую, так и вульгарную латынь, понял его.

— Ты путешественник во времени?

Хейвиг в первый момент даже не мог ответить. Он утратил чувство реальности. Вот конец его поискам!

Или их поискам.

Хейвиг был высокого роста, необычайного для этой местности. Он оставил голову непокрытой, чтобы можно было видеть его волосы и нордические черты лица. Иерусалим в те годы был достаточно космополитичен. И в нем свободно могли жить иностранцы. Хейвиг надеялся, что его собратья узнают в нем одного из своих, узнают человека, чуждого этому времени. И вот его надежда сбылась.

Они сидели в таверне и разговаривали: Вацлав Красицкий из Варшавы 1738 года, Хуан Мендоза из Тихуаны 1924 года, и те, кого они нашли.

Джек Хейвиг. И Конрад ван Левен, воин прибыл сюда, чтобы с помощью меча освободить Спасителя, когда тот понесет свой

крест на Голгофу. Его спас Красицкий за мгновение до того, как римский легионер был готов выпустить ему кишки. Он ошеломил брабантца вопросом: «Откуда ты знаешь, что этот человек — твой Господь?» И седобородый монах-ортодокс, говоривший только на хорватском языке и отзывающийся на имя Борис. Видимо, он прибыл из семнадцатого века. И тощая женщина, которая сидела, не поднимая глаз от своей миски, и говорила на языке, которого никто не мог понять.

— И это все? — недоверчиво спросил Хейвиг.

— У нас есть еще несколько агентов в городе, — ответил Красицкий. Они говорили по-английски. — Мы встретимся в понедельник, а потом... хм, после Вознесения. Предположим, что они найдут еще несколько путешественников, но все же нас будет слишком мало, чтобы мы могли надеяться совершить что-нибудь существенное.

Хейвиг осмотрелся. Посетители сидели, скрестив ноги на грязных коврах, и пили из глиняных чашек, которые мальчик-слуга наполнял из бурдюка. Вокруг бурлил Иерусалим. О, Святая Пятница!

Краицкий был спокоен. Он сказал, что оставил свой город и свою эпоху ради Французского Просвещения. Шепотом он сообщил, что его партнер Мендоза — гангстер. Вернее, он сказал «наемник», но смысл этого слова Хейвигу был понятен. «Мне лично плевать на то, что какого-то еврейского портного, страдающего излишней любовью к проповедям, казнят, — сказал он, ухмыляясь. — Но ты относишься к этому иначе, да? Что ж, по крайней мере среди нас появился один разумный человек».

Хейвиг спросил:

— Неужели нас, путешественников во времени, так мало?

Краицкий пожал плечами:

— Кто знает? Многим не так просто прибыть сюда. В твоё время достаточно сесть на самолет — и ты здесь через несколько часов. А в другие эпохи это связано с большими трудностями. Мы читали о средневековых пилигримах. Но сколько было их в пропорции к общему населению? Сколько их погибало в пути? Кроме того, некоторых путешественников во времени нам просто не найти, так как они не желают быть найденными. А может, они даже не подозревают, что есть подобные им, которые ищут их.

Хейвиг посмотрел на него, на непроницаемого Хуана Мендозу, на полупьяного Конрада, грязного Бориса, неизвестную сумасшедшую женщину и подумал: «Естественно. Нельзя же было ожидать, что дар путешествия во времени будет распространяться выборочно. Нет, им обладают люди самого разнообразного интеллекта и направления ума. С какой стати я решил, что представляю собой нечто необычное, специфическое?»

— Мы не можем тратить много времени на поиски,— сказал Красицкий.— Нас слишком мало,— он хлопнул Хейвига по колену.— О, Святая Богородица, как обрадуется Сахэм, когда узнает, что мы нашли тебя!

В конце вечера еще были найдены отшельник из Сирии третьего века и авантюрист из Ионии второго века после Рождества Христова. Сказали еще об одной женщине, видимо, коптской христианке. Но она скрылась прежде, чем ее успели задержать.

— Плохой урожай,— хмыкнул Красицкий.— И все же...

И он повел свою группу. Сначала они остановились после Пятидесятницы, затем отправились в двадцать первый век.

Пыль клубилась над пустыней. От Иерусалима ничего не осталось, кроме костей и нескольких руин. Но тут их ждал остроносый самолет, с вытянутыми назад крыльями и атомным реактором. Видимо, командование так и не успело ввести этот военный корабль в действие, застигнутое врасплох нападением противника.

— Мы летели через Атлантику,— говорил мне Хейвиг.— Штаб-квартира была устроена там, где когда-то был Висконсин. Да, они позволили мне забрать хронолог из моего тайника. Хотя они никак не могли понять, зачем он мне нужен. Сами они пользовались для определения точного времени возвращения маяком. И не любили долгих путешествий в прошлое, так как это укорачивало длительность жизни.

В конце двадцать первого века жизнь в Америке только-только начала возобновляться. Все селения, в том числе и наша штаб-квартира, были под сильной охраной, так как в любую минуту могли подвергнуться нападению бандитов и мародеров...

Я не знаю, видел ли мой друг Хейвиг Иисуса Христа.

ГЛАВА 7

После сотни лет разрухи и опустошения изменения были довольно значительными. Почва оправилась от загрязнения и начала плодоносить, что способствовало росту населения. Хлебные поля раскинулись среди низких холмов под летним небом, по которому гуляли легкие облака. Выросли деревья, в листве которых пели птицы и шумел ветер. Люди были заняты работой. У них не было ничего, кроме ручных инструментов и машин, приводимых в движение животными, но зато это были прекрасно изготовленные вещи. Опыт человечества не пропал даром. Все

люди были похожи друг на друга, так как мужчины и женщины были одеты абсолютно одинаково, в голубые рабочие брюки и куртки. Их лица были обветрены, покрыты прочным загаром, волосы отросли до самых плеч, все мужчины носили бороду. Люди были довольно низкие, по стандартам нашего времени, у многих были очень плохие зубы — или же их не было совсем. И все же они были гораздо счастливее своих предков эпохи Судного Дня.

Люди поднимались, чтобы поприветствовать путешественников, возвращавшихся с аэродрома, а затем сразу же возобновляли свою работу. Иногда встречались солдаты верхом на лошадях. Они были одеты в голубую форму, стальные шлемы, вооружены кинжалами, луками со стрелами, топорами и пиками, на которых развевались красные флажки. Они почтительно салютовали путешественникам.

— Видимо, вам приходится быть готовыми ко йсему? — беспокойно заметил Хейвиг.

— А что делать? — рявкнул Красицкий. — Большая часть мира, в том числе и этот континент, находится в состоянии варварства и дикости. Мы не можем снабжать всех продуктами и другими средствами жизни. Нас окружают монголы. Они могут нахлынуть, как торнадо, если мы снимем наши защитные линии. Наши солдаты охраняют рабочих от бандитов. Эти люди должны быть благодарны нам за все то, что мы делаем для них.

Средневековый уклад жизни повторялся и в городе. Семьи не жили в отдельных домах. Они селились вместе вблизи крепости, под ее защитой, и вместе работали. В отличие от средневековых городов, здесь было довольно чисто, хотя и недоставало того шарма, которым отличались города древности. Однообразные кирпичные дома, стоящие вдоль асфальтовой полосы дороги — все было размеренно и скучно, как в любом городке Викторианской эпохи. Должно быть, пришло на ум Хейвигу, это следствие полной разрухи и необходимости быстрого восстановления, а в таких условиях приоритет приобретают быстрота и прочность, а не красота. Да и экономические соображения играли здесь не последнюю роль. Компания двигалась дальше. Хейвиг заметил деревянное здание причудливой архитектуры, какой-то азиатский стиль. Красицкий сказал ему, что это замок, где люди молятся Ясу и приносят жертвы Октаю, божеству монголов.

— Дайте людям религию, сделайте жрецов своими союзниками — и люди будут подчиняться вам, — сказал Красицкий.

Хейвиг поморщился:

— А где же тогда виселицы?

Краицкий удивленно посмотрел на него:

— Мы не практикуем публичных повешений. За кого ты нас принимаешь?

После паузы он добавил:

— Неужели ты думаешь, что мы могли бы сохранить человечество в эти жестокие десятилетия только с помощью сладкой водички проповеди?

Впереди показалась крепость. Высокие кирпичные стены с бойницами, ров с водой из реки, окружающий стены. Архитектура замка тоже носила печать функциональной направленности, которая лежала на всем городе. По обеим сторонам ворот и вдоль всех стен были установлены тяжелые пулеметы, несомненно, собранные из частей, оставшихся от прошлого. По равномерному шуму Хейвиг догадался, что в крепости работают несколько генераторов, приводимых в движение моторами.

Часовые приветствовали идущих. Засели трубы. Опущился подъемный мост, и копыта лошадей зацокали по каменным плитам небольшой площади.

Группа Красицкого прибыла в замок. Со всех сторон к ним сбегались люди, что-то возбужденно крича. Судя по ливреям, это были, в основном, слуги. Но Хейвиг почти не обратил на них внимания, так как оно было поглощено той, что уверенно прокладывала путь через толпу, пока не встала прямо перед ними.

Она заговорила громко, возбужденно. Хейвиг едва понимал ее хриплую речь.

Женщина была почти одного роста с Джеком. Крепко сбитая, с широкими плечами и бедрами, сравнительно маленькой грудью, большим ртом, прекрасными зубами. Правда, двух зубов у нее не было. Потом он узнал, что их ей выбили в драке. Волосы, густые и тяжелые, спускались до пояса, в ушах болтались варварские серьги — большие медные кольца. Глаза у нее были карие и немного раскосые, под тяжелыми густыми ресницами, загорелая кожа в нескольких местах была обезображена шрамами. В общем, в ней чувствовалась примесь азиатской или индийской крови. Одета она была в просторную красную тунику и кожаные сапоги. На поясе нож, револьвер, лента с патронами, на цепочке болтался вырезанный из кости череп ласки.

— Откуда ты? — ее палец ткнулся в грудь Хейвига. Затем последовал взрыв хохота. — Ты должен все рассказать, приятель.

— Сахэм ждет нас, — напомнил ей Красицкий.

— О'кей. Я тоже буду ждать, но не очень долго, слышишь?

Когда Хейвиг спрыгнул с лошади, она обхватила его руками за шею и крепко поцеловала в губы. От нее пахло солнечным светом, кожей, потом, дымом... и женщиной. Так он встретился с Леонсой Народа Ледников, Скулой Вахорна.

Они находились в кабинете, размеры которого и роскошь убранства поражали. Пол был покрыт темно-серым ковром с густым

ворсом, стены отделаны панелями темного дуба. Шторы на окнах тяжелые, отливающие мягким блеском. Хейвиг присмотрелся и понял, что они спиты из меха норки. Благодаря своей массивности и тщательности отделки, стол, стулья и диван были неотъемлемой частицей этой эпохи, этого замка, но, насколько смог заметить Хейвиг через открытые двери, они контрастировали с аскетизмом обстановки в других помещениях. На стенах в серебряных рамках висели фотографии. На одной из них, старинном дагерротипе, была изображена печальная женщина в платье девятнадцатого века. Остальные фотографии были сделаны современными камерами с телеобъективом. Хейвиг узнал Сесилия Роде, Бисмарка, молодого Наполеона. Однако не смог узнать желтобородого человека в восточном халате.

Из окон кабинета, находившегося на пятом этаже замка, открывался вид на город и его окрестности. Полуденный свет лился через стекло. Приглушенно стучали двигатели генераторов.

— Не хочешь послушать музыку? — Калев Уоллис включил миниатюрный магнитофон, сделанный во время, непосредственно предшествующее Судному Дню. Зазвучала музыка. Уоллис уменьшил громкость и сказал:

— Это произведение очень подходит к данному моменту. Я ужасно рад, что ты с нами, Хейвиг! — Хейвиг узнал Шествие Богов из «Золота Рейна».

Все остальные, что пришли с ним, включая и проводников, уже исчезли. У Уоллиса была с ними лишь коротенькая беседа, причем он не скрывал своего пренебрежения к этим людям.

— Но ты совсем другое дело, — сказал Сахэм Хейвигу. — Ты именно такой, какие нам очень нужны. Хочешь сигарету?

— Я не курю.

Уоллис долго стоял, а затем произнес как бы про себя, но достаточно громко:

— Я основатель и господин этого государства. Мы здесь поддерживаем дисциплину и субординацию. Меня называют «сэр».

Хейвиг взглянул на него. Человек среднего роста, среднего телосложения, с грубо слепленным плосконосым лицом, густыми бровями, серо-рыжими усами, которые переходили в бакенбарды. Он весь был в черном, с серебряными пуговицами и эмблемами. Воротник, эполеты и обшлага были украшены золотом. За поясом были кинжал в богатой оправе и автоматический пистолет. Однако, в нем не было ничего смешного. Напротив, он внушал почтение. Голос его звучал уверенно и мог бы производить гипнотическое воздействие, если бы Уоллис захотел этого. Его маленькие светлые глаза смотрели уверенно, с превосходством.

— Вы понимаете, это все ново для меня, — наконец сказал Хейвиг. — Мне нужно время, чтобы привыкнуть... сэр.

— Конечно, конечно,— просиял Уоллис. Он хлопнул Хейвига по спине.— Все будет в порядке. Ты далеко пойдешь, мой мальчик. Здесь нет границ для человека, который знает, что он хочет, и имеет все, чтобы добиться своей цели. Ты ведь тоже американец. Честный добрый американец! Из той Америки, которая была сама собой. К сожалению, среди нас мало таких, как ты.

Он опустился в кресло:

— Садись. Нет, подожди. Видишь мой бар? Я выпью бурбона на два пальца. А себе налей, что хочешь.

Хейвиг поискал глазами соду и лед, но, к своему удивлению, не нашел. Ну что ж, видимо, Уоллису это и не нужно, а вкусы других его не интересуют.

Усевшись в кресло со стаканом рома в руке, он посмотрел на Сахэма и сказал:

— Я мог бы рассказать свою биографию, сэр, но думаю, что будет полезно сначала познакомиться с этим государством, Ээрий...

— Конечно, конечно,— Уоллис кивнул большой головой и затянулся сигаретой. Дым был очень едким и кислым.— Но сначала несколько фактов из твоей биографии. Родился в... 1933, ты сказал? Что ты думаешь о своем времени?

— Что? Хм... Ничего хорошего. Я перемещался в будущее, чтобы узнать, что ждет впереди.

— Это все моральное разложение, Хейвиг. Ты понимаешь это, не правда ли? — внезапно голос Уоллиса загремел.— Цивилизованные люди стали врагами друг другу: сначала — в войне, затем — в моральном плане. Империя белого человека рухнула быстрее, чем Римская. Все, что было завоевано лучшими сынами расы, было потеряно за одно поколение. Раса потеряла свою гордость. Предатели — большевики и международные евреи, занимающие высокое положение — внушили простому белому человеку, что будущее мира за черными. Я видел все это, я изучал твою эру. Ты, живущий в то время, видел это?

Хейвиг задумался:

— Я видел глупость, предубеждение, суеверия. Грехи отцов часто передаются детям.

Уоллис решил не обращать внимания на отсутствие почтительного обращения. Он улыбнулся и снова заговорил:

— Знаю, знаю. Не думай, что я расист. Многие из цветных вполне приличные люди. Зулусы, например, или индейцы апачи, или японцы. Путешественники этих рас, которых мы можем найти, займут достаточно высокое положение среди наших агентов, какое займешь и ты. Черт побери, я восхищаюсь вашими израильтянами, по крайней мере, теми их действиями, о которых

я слышал. Нечистокровный народ, не имеющий ничего общего с библейскими евреями. Прекрасные солдаты и умницы. Я вообще отношусь с симпатией к тем, кто сохраняет свое национальное лицо и гордость. И меня выводят из себя те, кто использует такие выражения, как ниггер, краснокожий, чанк, кайк, уоп... Ты знаешь, о чем я говорю. И среди таких очень много чистокровных белых, которые либо полностью утратили разум, либо продались врагам.

Хейвиг гадал, что же послужило основой для расистских взглядов Сахэма. И вспомнил, что еще Авраам Линкольн говорил о врожденной неполноценности негров.

— Сэр,— осторожно начал он,— я думаю, что нам не стоит спорить, пока мы окончательно не выясним терминологию друг друга. А сейчас лучше поговорить о чисто практических вопросах.

— Ну, конечно,— прорычал Уоллис.— У тебя есть мозги, Хейвиг. Ты человек действия, хотя, конечно, в известных пределах. Но я буду честным: мозги — вот что нам требуется в данный момент. Особенно, если эти мозги получили профессиональную подготовку в реалистической философии.— Он махнул сигарой.— Посмотрим на этих, кто прибыл сегодня в Иерусалим. Бранитца и грека еще можно потренировать, и тогда они смогут быть солдатами, разведчиками, служить прикрытием в путешествиях по времени. А остальные...— он прищелкнул языком,— не знаю. Это просто какая-то отрыжка прошлого. Единственная надежда, что женщина сможет рожать детей.

— Что? — Хейвиг привстал в кресле. Что-то внутри него подпрыгнуло.— Мы можем иметь детей?

— Друг с другом, да. Мы уже успели это выяснить. Но не с обычными людьми. Это мы тоже выяснили. Но ты можешь взять себе какую-нибудь крошку, чтобы она согревала тебе постель. У нас есть рабы, захваченные нами во время рейдов. Только не нужно читать мне мораль. Бандиты постоянно нападают на нас, и если мы не будем брать пленников, нам придется убивать их,— он стал серьезным.— У нас очень мало женщин-путешественниц во времени. И к тому же не все из них стремятся стать матерями. Правда, способность путешествовать во времени не передается по наследству. Так что нам не удастся создать новую расу. Мы, разумеется, даем детям хорошее образование, предоставляем привилегированные посты в администрации, когда они вырастают. Так я гарантирую преданность своих агентов. Но, по правде говоря, мне иногда нелегко подыскать такую должность, где бы такой ставленник не приносил вреда. Да, что-то вроде аристократии, но нам не сделать ее наследственной. Да я и не хочу делать этого.

— Чего же вы хотите, сэр? — осторожно спросил Хейвиг.

Уоллис отложил сигарету, сделал глоток, сложил руки на столе:

— Восстановить цивилизацию. Иначе для чего же нас создал Бог?

— Но... когда я путешествовал в будущее...

— Федерация Маури? — его лицо исказилось гневом, тяжелый кулак грохнул по столу. — Ты много успел увидеть? Думаю, что нет. Я изучал ту эпоху, Хейвиг. Говорю тебе, что это сборище ниггеров, которые сейчас, пока мы здесь сидим, набирают силу. И это происходит только потому, что они меньше всех пострадали от войны. Они хотят завоевать весь мир, оседлать все человечество, в том числе и нас, белую расу. Они хотят навеки остановить прогресс... — он откинулся назад, тяжело дыша, глотнул виски и заявил: — Но у них ничего не выйдет. Я боюсь только одного: что люди привыкнут к их ярму. Но потом... Вот для чего я создал Ээрию, Хейвиг! Чтобы подготовить будущее...

— Я родился в Нью-Йорке в 1853 году, — сказал Сахэм. — Мой отец был мелким торговцем и убежденным баптистом. Мать... вот ее фотография, — он показал на бледную фотографию печальной женщины, и нежность проступила на его лице. — Я был последним из семи детей, и отец не тратил на меня много сил и энергии, так как его любимым сыном был старший. Я с ранних лет научился быть замкнутым, держать язык за зубами. Когда мне официально исполнилось семнадцать лет, я поехал в Питсбург. К этому времени мое второе, более старшее «я» из будущего хорошо поработало надо мною. К этому времени я уже знал свое предназначение.

— А как вы сделали себе состояние? — спросил Хейвиг из чисто дипломатических соображений.

— Просто спекуляция землей, так это называется в деловых кругах. Во всяком случае, когда мне исполнилось тридцать пять лет, я решил, что пришло время заняться тем, для чего меня создал Бог.

Конечно, я не оправдал надежд отца, но, я полагаю, это судьба всех путешественников. И я верю, что Бог предопределил каждому человеку то, что он должен сделать на Земле.

Затем Уоллис рассмеялся так, что его живот заходил волнами.

— Да, я понял, что жизнь дается человеку только затем, чтобы он совершил то, что ему предназначено!

Он протянул свой пустой стакан:

— Налей. Я обычно мало пью, но видит Бог, как мне хотелось поговорить с умным человеком. Тут есть несколько умных людей, вроде Красицкого, но он иностранец. Кроме того, есть пара

американцев, но я с ними провел столько времени, что могу заранее сказать, как они ответят на любое мое слово. Налей себе и мне, и поболтаем немного.

Теперь и Хейвиг мог задать вопрос:

— А как вы вошли в свой первый контакт, сэр?

— О, я нанял множество агентов, разбросанных по всему девятнадцатому веку. Они печатали объявления в газетах, журналах, альманахах. Разумеется, они не употребляли слов «путешественник во времени», более того, они даже не знали, зачем мне это. Сам я не писатель, а человек действий, но у меня были деньги, и я мог нанять себе мозги.

Хейвиг кивнул.

— Это и мне приходило в голову, сэр. Но в мое время идея путешествия во времени была уже затрепана авторами научно-фантастических романов. Так что если бы я предпринял что-либо подобное, то неминуемо привлек бы к себе общее внимание. Так сколько же вы собрали?

— Сэр.

— Прошу прощения, сэр.

Уоллис тяжело вздохнул.

— Одиннадцать. Из всего этого проклятого столетия одиннадцать, — он пренебрежительно махнул рукой. — Лучший из них Остин Колдуэлл. Он был заросшим щетиной пограничным жителем, когда пришел ко мне, но потом стал одним из моих лучших помощников. Это он назвал меня Сахэм. Я очень люблю его.

Затем маг и предсказатель будущего с ярмарки, профессиональный игрок и девушка с юга. Это все американцы. За границей мы нашли баварского солдата, агента Инквизиции в Испании, венгерскую еврейку, студента из Эдинбурга, который чуть не тронулся, отыскивая в книгах объяснение своему дару, кокетку из Парижа и молодую крестьянскую чету из Австралии. С последними нам просто повезло. Они сами нашли друг друга, это единственный случай среди путешественников, когда они оказались соседями...

Ты видишь, какое разнообразие характеров, и можешь представить языковые проблемы, проблемы транспортировки, проблемы убеждений.

— Но не более, чем с последними из найденных? — Хейвиг почувствовал себя извлеченным.

— Да, примерно столько же. Ты же понимаешь: одни боятся присоединиться к нам, другие просто не хотят оставлять старую жизнь, третьи считают, что им выгодно оставаться в таком состоянии, так как можно торговать предсказаниями будущего, кто-то не хочет бросать жену и детей. Я даже обдумывал план

похищения у такого жены, но какой толк от путешественника, который крайне неохотно отправляется за тобой? Мужчину можно запутать и добиться от него повиновения, но женщины... они чересчур трусливы, чтобы бояться чего-то определенного.

Хейвиг вспомнил ту бесшабашную девушку, которая поцеловала его во дворе, но ничего не сказал.

— Как только у меня появились подчиненные, — продолжал Уоллис, — я смог расширить сферу своих действий. Теперь я мог изучать большие временные интервалы, и на основе полученных наблюдений формировать план действий. В первую очередь следовало создать фонды и опорные пункты в различных эпохах. Теперь я мог собирать путешественников из различных эпох, мог выбрать место, где лучше всего основать Ээрику. Изголодавшиеся местные жители с радостью встретили меня как своего повелителя, принесшего им зерно для посевов и обеспечившего им защиту.

Хейвиг потер подбородок:

— Могу я спросить, сэр, почему вы выбрали именно это место?

— Разумеется, спрашивай, что хочешь. Сначала я подумал о прошлом, но даже в доколумбовой Америке мы могли бы оставить следы, которые озадачили бы будущих археологов. В этом же столетии феодализм, подобный нашему, распространен по всей планете, поэтому мы здесь не будем уникальными. Конечно, наши подданные знают, что мы обладаем неким могуществом, и они называют нас магами, детьми богов, духов, кому что нравится. К моменту возрождения цивилизации о нас останутся только неясные слухи, ученые будут считать, что когда-то здесь существовал религиозный культ, один из многих.

Хейвиг задал еще один вопрос:

— Насколько я знаю, как раз в настоящее время формируется культура Маури в Тихом океане. Их будущие археологи наверняка будут больше заинтересованы твоей колонией, чем поселениями темных варваров.

— Ты, разумеется, прав, — согласился Уоллис. — С точки зрения Маури. Но не следует забывать, что именно мы наследники великой культуры. Просто нам не повезло.

Хейвиг должен был согласиться. Действительно, Океания была слишком незначительна, чтобы подвергнуться атомной бомбардировке. Омывающие острова воды были загрязнены меньше всего и быстрее очистились. Но к этому времени человек уже стал редким явлением на планете. Люди на этих островах жили почти в примитивном состоянии, и их жизнь почти не зависела от современной технологии. А в развитых странах Северной Америки, Европы, Азии люди начали погибать миллионами, когда

был уничтожен индустриально-сельскохозяйственно-медицинский комплекс.

Теперь, когда все погибло, требовалось либо время, либо информация, чтобы восстановить индустрию.

Хейвиг отважился спросить:

— Сэр, вы не думаете, что Маури в своем прогрессе послужат нам?

— Естественно,— вскинулся Уоллис.— Я даже буду помогать этим ублюдкам. Но только так, чтобы они смогли сесть в седло — и ни на йоту больше. Мы будем пристально наблюдать за их развитием, чтобы не отпустить слишком далеко.

Казалось, он хочет сменить тему разговора, так как он продолжал:

— Мы должны быть очень осторожны, чтобы не упустить лидерство. Сейчас мы управляем территорией двух штатов. Необходимо добиться, чтобы мы управляли не только в пространстве, но и во времени. Мы должны подбирать руководителей из числа необычных людей. Для этого, к примеру, можно проследить жизненный путь какого-нибудь способного мальчишки. Убедившись в его способностях и преданности, можно будет готовить его к занятию соответствующего поста.

— Но ты не думай, мы не чудовища и не паразиты. Иногда нам приходится быть жестокими. Но наша цель одна: вернуть человечество на тот путь, по которому его направил Бог.

Он наклонился вперед.

— И мы это сделаем,— прошептал он.— Я путешествовал в будущее. И хотя пройдут тысячелетия, я видел... Ты с нами?

ГЛАВА 8

— Следующие несколько месяцев все было хорошо,— сказал мне Хейвиг.— Я был очень осторожен. Например, я скрыл некоторые биографические события и точные даты. Более того, я не стал раскрывать истинное назначение хронолога, и Уоллис потерял к нему интерес. После этого я припрятал его. Если эти люди именно таковы, какими я хотел бы их видеть, они потом простят мне мои колебания и недоверие.

— Но что заставляет тебя тревожиться?

Он поморщился:

— О, сначала мелкие детали. Вроде общего стиля поведения Уоллиса. Хотя мне не удалось завести с ним более близкого

знакомства, так как он сразу же переместился в будущий год. Представляешь, какие возможности для контроля за своими подчиненными?

— Да, если во время его отсутствия подчиненные не устроят заговор.

Джек покачал головой:

— Не та ситуация. В каждой эпохе у него есть преданные сторонники, а кроме того, целый отряд преданных путешественников, которые постоянно курсируют во времени туда-обратно, контролируя положение вещей в любой точке пространства и времени.

— К тому же, как можно устроить заговор с тупыми фермерами, рабочими, надменными солдатами и чиновниками. Ведь все они — разноязыкая толпа, не объединенная никакими общими интересами. Почти все они собраны из средней Западной Европы.

— Почему? Разве в других эпохах меньше путешественников?

— Нет, не меньше. Просто в этом случае препятствием служит языковой барьер, культурное наследие. Трудности слишком велики, и результаты не оправдывают затраченных усилий. Путешествие в Иерусалим было только экспериментом. И, если не считать меня, результаты поиска оказались разочаровывающими.

— В Ээрии официальным языком был английский, и каждый был обязан изучать его. Но, несмотря на это, я с трудом общался с обитателями замка. Дело не в том ужасающем акценте, с которым они говорили. Дело в том, что наше мышление было в корне различно. С моей точки зрения все они были мошенниками. С их точки зрения я был чистоплועм, сосунком. Они все с подозрением относились друг к другу, следили друг за другом, каждого считали своим врагом. Как можно было объединить их?

— А почему они должны были быть иными? Ведь им приходилось жить как петухам, в постоянной драке. Драка за лучшую пищу, за удобства, за слуг, за женщин для постели, за развлечения, за должность. Каждый из них обучался тому, к чему был способен. Наиболее умные занимали посты в администрации, наиболее сильные становились командирами воинских отрядов, остальные превращались в клерков. Меня стали тренировать на должность разведчика во времени. Нет, в целом, поначалу, мне не на что было жаловаться.

— Но все же тебе не понравились твои новые приятели, — заметил я.

— Почему, некоторые понравились. Например, Уоллис вызывает симпатию своей целеустремленностью. Или его лейтенант

Остин Колдуэлл, уже седой, но крепко сбитый, большой шутник, прекрасный наездник. Он любит выпить и знает много разных историй. К тому же, он полон юмора и весьма дружески ко мне относится, что облегчило мое существование там в первое время. Рэйел Оррик, бывший ярмарочный маг, восхитительный старый мошенник; Джерри Дженнингс, английский школьник из 1918 года. И еще некоторые. И Леонса... — он зачарованно улыбнулся, — особенно Леонса...

Он только въехал в свои двухкомнатные апартаменты в замке, как тут же получил подарок. Леонса подарила ему медвежью шкуру и бутылку гленливета из прошлого. Он не был уверен, что подарок вызван сердечностью, как не был уверен и в расположении остальных, но ее манеры поражали Хейвига еще больше, чем ее ужасный диалект. Жадный поцелуй всего через пять минут после знакомства, затем ее неприкрытое внимание... Но Хейвиг был занят обдумыванием более важных вещей и не обратил на это внимания.

Он отказался от предложенной ему девушки. Ему это совсем не понравилось. Это послужило еще одно причиной, чтобы согласиться на предложение Леонсы провести вместе выходной день.

Бандиты были давно изгнаны из близлежащих областей, и конные патрули постоянно следили, чтобы они не появлялись вновь. Так что можно было без охраны поехать в лес. Они взяли с собой пистолеты, но не для защиты, а скорее как знак принадлежности к привилегированной касте, которой разрешено иметь оружие.

Леонса выбрала дорогу, которая пролегла среди полей, дремавших под утренним солнцем. Затем они поехали по извилистой тропе и оказались в лесу, который всколыхнул в душе Хейвига воспоминания о лесе Моргана. Запах свежескошенного сена смешивался с запахом прелых листьев и сырого мха. Было тепло, но свежий ветерок шевелил листву и заставлял плясать солнечные зайчики в траве и на лице. Вверху между веток шныряли белки. Глухой стук копыт эхом отдавался в тишине леса.

По пути она расспрашивала его, и он с готовностью отвечал. Какой мужчина откажется рассказать о себе привлекательной женщине? Особенно, когда для нее твое прошлое кажется непостижимым. Языковой барьер рухнул. Она была здесь недавно, всего год, если учитывать путешествия во времени, но уже сносно говорила по-английски, особенно сейчас, когда не была возбуждена. К тому же, он привык к особенностям ее произношения.

— Значит, ты из Высоких Лет? — вздохнула она, наклонилась в седле и погладила его руку.

— Что ты называешь этим именем? — спросил Хейвиг. — Эпоху перед Судным Днем?

— О, это когда люди научились летать к луне и к звездам, — он понял, что несмотря на свои внушительные размеры, эта девушка еще совсем юна. Ее раскосые глаза излучали свет, когда она смотрела на него. Они буквально светились под ее рыжими волосами, которые сегодня были причесаны и затянуты лентой.

«Когда мы сами себя осудили на смерть и подписали приговор», — подумал Хейвиг. Но он не стал говорить это вслух.

— А ты, кажется, пришла из более благополучного времени, — сказал он.

Она улыбнулась, потом сразу сделалась задумчивой, потерла подбородок и долго смотрела на уши своей лошади. Наконец она сказала:

— И да, и нет. Думаю, что и у тебя так же.

— Может, ты мне объяснишь? Я слышал, что ты из будущего, но больше ничего не знаю.

Она кивнула, и волны розового света прокатились по ее волосам.

— Примерно сто пятьдесят лет. Народ Гласьер.

Когда они въехали в лес, им стало невозможно передвигаться рядом. Она поехала впереди, а Хейвиг сзади, восхищаясь ее грациозной посадкой в седле. Она рассказывала, изредка поворачиваясь и посылая ему солнечную улыбку.

По ее описанию своей родины он узнал гористую и красивую местность, известную ему сейчас как Гласьер и Ватертон Парк. Сейчас ее предки находились где-то в восточной части, оттесненные ордами монголов, захватывающих пространства для своих стад. Они были больше охотники, чем фермеры, изредка грабили соседние племена, торговали мехами, кожей, шкурами. Пока что они не были объединены и жили замкнутыми кланами.

Но со временем их численность и территория увеличится, и тогда без твердой организации, без законов им не обойтись. Дикие люди перестают быть дикими, когда преимущества закона и порядка входят в их умы. Несомненно, их вождь Инджун Самель, который начнет вколачивать им новые понятия, разобьет много голов.

— Когда я оставила свою родину, — говорила Леонса, — все уже было спокойно. Монголы ушли, и мой народ продолжал торговать и воевать с соседями. Причем все больше и больше он стал заимствовать от них. Как я узнала, через сотню лет после моего ухода Гласьер объединился с Союзом Норвес. Но я не хочу возвращаться к ним.

— Мне кажется, что здесь ты тоже ведешь довольно суровую жизнь.

— Могло быть и хуже. Да и не в этом дело. Я могла бы уйти и в другую эпоху... Вот мы и приехали.

Они привязали лошадей на небольшой лужайке. Вокруг них склонились деревья, шелестя листвой. В густой траве мелькали поздние одуванчики. Леонса распаковала пакет с провизией, огромное количество разнообразных фруктов и сэндвичей. Хейвигу этого количества еды хватило бы на неделю.

Сначала они решили выпить и немного отдохнуть. Леонса села, прислонившись к стволу дерева, и разлила вино в серебряные стаканчики.

— Продолжай,— напомнил он.— Я хочу услышать о тебе.

Ее ресницы затрепетали. Он заметил легкие морщинки на лице.

— А, ничего интересного для тебя, Джек.

— Пожалуйста, мне интересно.

Она радостно рассмеялась. И все же история, которую она рассказала, была скорее печальной, чем веселой.

В роду Гласьер существовали традиции равенства между полами, которые либо никогда не умирали, либо возродились в ту эпоху. Женщины, как и мужчины, ходили на охоту, участвовали в сражениях. Разумеется, существовала и некоторая специализация. Мужчины выполняли тяжелую работу, требующую физической силы, а женщины делали то, что требовало терпения, усидчивости. Кроме того, прерогативой женщин было то, что Леонса называла скулой: предсказания, толкование снов, чтение и письмо, лечение некоторых болезней, изгнание злых духов. И еще... напускание тумана на глаза, наведение порчи.

И никто из женщин не делал тайны из своего умения.

Ее отец был (или будет) воином по имени Вольфскин-Джем. Он погиб во время нападения враждебного клана Лафи. Его жена Онда вместе с детьми спаслась и нашла убежище в клане Донналь. Затем последовали годы войн и интриг. И только потом остатки Раньянов нашли союзников и после кровопролитного сражения вернулись в свою страну. Леонса, шпионка во времени, играла ключевую роль в этой войне. И она неизбежно стала новой Скулой племени.

Сначала она внушала друзьям не ужас, а почтение. Она жила и развлекалась, как все остальные юноши и девушки. Но постепенно дар выделил ее из всех, окружил благоговейным трепетом. И, обладая такой Скулой, Вахорн приобрел могущество среди других кланов.

А Леонса стала совсем одинокой. Все ее сверстницы выходили замуж, и постепенно она осталась одна с Ондой в старом вигваме

Джема. У нее были любовники, как это принято среди незамужних, но ни один не просил ее стать женой, словно она была нечто неприкосновенное, запретное. А затем даже любовники оставили ее. Нет, они иногда приходили, но приходили искать совета, а не наслаждения. Разочаровавшись в дружбе, Леонса стала требовать, чтобы ее брали в разбойничьи набеги на соседей. В этих набегах погибали люди, и она уже не раз слышала, что ее соплеменники требуют, чтобы она заколдовала их от смерти. Ведь она наверняка может, ведь она же Скула... или не хочет? Затем умерла Онда.

Вскоре прибыли разведчики во времени и нашли ее по слухам. Она с радостью и слезами приветствовала их. Вахорн больше никогда не увидит ее.

— О боже,— Хейвиг обнял ее за плечи.— С тобой поступили так жестоко.

— Там было так хорошо: охота, игры, лыжи, песни,— она выпила немного вина.— Я неплохо пою. Хочешь послушать?

— Конечно.

Она вскочила, вынула из сумки маленькую гитару и тут же вернулась обратно.

— Я также играю на костяной флейте. Но не могу же я играть на флейте и петь. Вот песня, которую я сочинила сама. Когда я была одинока, я все время сочиняла песни.

К его удивлению, пела она прекрасно. И те слова песни, которые он мог понять, наполняли его трепетом.

— Ну как? — спросила она, закончив.

— Прекрасно,— ответил Хейвиг.— А что ты еще умеешь делать?

— О, я умею читать и писать. Играть в шахматы. Конечно, здесь правила игры несколько отличаются от тех, что были у меня дома, но я быстро освоила их. Остин научил меня играть в покер, и я много выигрываю. И еще я умею шутить.

— Что?

Она улыбнулась и прижалась к нему.

— Я думала, мы пошутим после ленча, Джек, сладкий мой,— прошептала она. — Но почему бы нам не пошутить до и после? Ммм?

И вскоре он узнал, когда неописуемое наслаждение поглотило его, что еще одно слово к этому времени изменило свой первоначальный смысл.

— Вот так,— сказал он мне.— Мы жили вместе, пока я не покинул ту эпоху — несколько месяцев. И это было восхитительно. Мне нравилась эта девушка.

— Но ты не любил ее?

— Я — нет. Думаю, нет. Хотя, что такое любовь? Впрочем, оставим это,— он посмотрел в окно. Там была ночь.— У нее горячий характер, и она часто заводилась по пустякам. Еще больше ее злило то, что я не вступаю с ней в ссоры,— он потер усталые глаза.— Не похоже на мой темперамент, да, док? И, к тому же, я ревновал ее. Она спала со многими до того, как появился я. Она продолжала делать это и после, хотя и не так часто. Она просто не представляла, как можно не лечь в постель с мужчиной, если он тебе понравился. Естественно, она предоставила мне такую же свободу относительно других женщин. Но... мне она была не нужна.

— Почему же она ни от кого не забеременела?

Лицо Джека исказила гримаса.

— Она потребовала, чтобы ее отправили в годы, непосредственно предшествовавшие Судному Дню. Отчасти для того, чтобы посмотреть, но ее главной целью было запастись противозачаточными средствами. Она хотела иметь детей, но только тогда, когда будет к этому готова. А до тех пор она хотела наслаждаться жизнью. Она любила наслаждения.

— Но раз она все время оставалась с тобой, значит, между вами существовали какие-то узы, привязанность.

— Конечно. Я пытался разъяснить тебе, что меня притягивало в Леонсе. Что же касается нее... трудно сказать. Хорошо ли мы знали друг друга? Да, и насколько вообще могут узнать друг друга мужчина и женщина? Мои знания и интеллигентность возбуждали ее. Буду честным, пожалуй, у меня там был самый высокий уровень интеллектуального развития. А я полагаю, люди всегда чувствуют тягу к своим антиподам. Я вовсе не был похож на какого-нибудь дикого горца или твердолобного наемника эпохи Ренессанса.

Он снова загадочно улыбнулся.

— Тем не менее, она подарила мне много радости, и я всегда буду благодарен ей за это и за то, что произошло потом.

Подозрения Хейвига развивались постепенно. Он старался сопротивляться им, но они крепили, особенно когда он заметил, что здесь в разговорах стараются не касаться некоторых тем и не отвечать на некоторые вопросы. Остин Колдуэлл заметно терялся, когда Хейвиг затевал беседы на запретные темы, а Рэйел Оррик старался перевести разговор на выпивку или, когда выхода не было, неохотно цедил: «Придет время, ты все узнаешь, сын мой». Другие же просто советовали ему заткнуться.

Он был не один в подобной изоляции. Но другие просто не обращали внимания на это, и только юный Джерри Дженнингс воскликнул: «Клянусь Богом, ты прав!»

То же самое сказала и Леонса, правда, в более крепких выражениях, и сразу же постаралась оправдать этот заговор молчания:

— Мы с Конрадом появились в одно время. А ты еще раньше.

— Я пробудил ее любопытство, и она нашла свои методы удовлетворить его. О, совсем не то, что ты думаешь, док. Нет, она просто воспользовалась тем, что могла перепить любого мужчину, и, спойв того или иного, начинала выпытывать у него то, что ее интересовало. А по ночам, хихикая, как нашкодившая школьница, она рассказывала мне о том, как проникала в самые заповедные тайны Ээрии, проскальзывала в самые различные периоды времени существования Ээрии, чтобы узнать, вынюхать.

— Насколько я могу понять,— сказала она,— Уоллис просто боится, что ты и подобные тебе возмутитесь, когда увидите, что делают его агенты в некоторых временах и некоторых местах.

— Впрочем, я и сам пришел к такому выводу,— сказал Джек.— Я видел ранние века и знаю, какие люди рождаются в них. Путешественники ничем не отличаются от людей своего времени. То, что они приходят сюда, не меняет их природы.

— Судя по всему, тебя будут постепенно вводить в курс дела,— сказала Леонса.— А от меня все это скрывали только потому, что я с тобой.

— И ты примиришься со всем этим?

— А что? Иногда приходится быть жестоким. Разве люди твоего времени не такие?

И он с болью вспомнил свое время, бесчеловечные деяния той эпохи: жестокую эксплуатацию коренных жителей в колониях, изгнание индейских племен с их исконных земель и так далее.

Леонса просто продолжала:

— Слабых всегда притесняют и угнетают, если только им не повезет и кто-либо сильный не встанет на их защиту. Если бы я была бессмертна, я никогда бы не убила ни одного животного, даже для пищи, мой дорогой. Так давай же играть так, чтобы получить выигрыш.

Он долго раздумывал над этими словами.

— Во всяком случае,— сказал он, и в его голосе я услышал горечь,— я еще раз убедился, что золото лучше, чем дерьмо.

— И то, что цель не всегда оправдывает средства,— заметил я.— Иначе говоря, совершенства достигнуть невозможно. Хотя в

реальном мире всегда можно выбрать меньшее из зол. Как врач, могу сказать, что иногда выбор очень труден. Например, чтобы избавить пациента от неизлечимой мучительной болезни, кажется милосердием дать ему яд. Но продолжай, пожалуйста.

— Мне показали эпоху Маури, чтобы я сам мог убедиться, что их лидеры стали тиранами и делают все, чтобы остановить прогресс. Правда, это был переходный период, и мне пришлось согласиться, что когда гегемония Маури начнет распространяться по всему миру, нам необходимо будет вмешаться, остановить рост их могущества и обусловить возврат к прогрессу.

— Разумеется, не открыто, — возразил я. — Так как человечество не будет готово воспринять ваше появление.

— Конечно, конечно. Нам придется ждать целые столетия, пока мы не станем достаточно сильными для такого вмешательства.

— Леонсе разрешили путешествовать в будущее?

— Да. Уоллис благоволил ей. Она много рассказывала мне о том, каких высот достигла будущая цивилизация. Правда, она не была уверена, что это и есть прогресс. Она говорила о воздушных кораблях, о дирижаблях с электромоторами, ранчо в океане, солнечных батареях, широком использовании бактерий для изготовления топлива, развитии теоретических и прикладных наук, особенно биологии.

Он остановился передохнуть, и я вставил вопрос:

— Неужели именно в таких выражениях твоя дикарка обо всем рассказывала?

— Нет-нет. Ее впечатления были более общими. Но она, как охотница и шаманка прекрасно умела наблюдать и делать выводы. Она могла проследить общий ход событий. Я понял, что будущие люди, достигнув одной высоты, не спешат к следующей. Они не совершенствуют свои достижения, только расширяют сферу их применения.

Вряд ли это устраивало Уоллиса с его стремлением к постоянному совершенствованию, к идеальному обществу. Общество быстро двигалось к своей последней стадии, как мне показалось, ретрогрессии, всеобщей жестокости. Агенты Ээрии еще не создали достаточно мощной организации, и поэтому они не рисковали проводить детальные исследования. И они не понимали, что лежит за всем этим. Все казалось достаточно мирным, спокойным, но непонятным. По опыту своих редких путешествий в будущее я уже готов был поверить Уоллису.

— Что же это было за общество? — спросил я. — Ты можешь мне что-нибудь сказать?

— Очень немного. У меня не было времени. Странно звучит, не правда ли? Но это так. Не забывай, что я это делал почти в полном секрете от всех.

— Насколько я понимаю, путешествия в будущее не уничтожили твой скептицизм в отношении цели Уоллиса? — спокойно спросил я, несмотря на бурю в душе.

Он пробежал пальцами по волосам:

— Подумай, док. Вспомни таких высокоинтеллигентных людей, как Бертран Рассел и Генри Уоллис. Они совершили путешествие по сталинской России и по возвращении домой заявили, что там, конечно, как и везде, есть свои проблемы, но они, в основном, обусловлены чисто внешними факторами и при доброй воле правительства могут быть успешно решены. И будут решены. Не забывай также, что их проводники послушно следовали инструкциям Кремля и показывали только то, что иностранные визитеры могут правильно, с их точки зрения, интерпретировать. — Его улыбка была неприятной. — Может, проклятие моей жизни состоит в том, что я потерял желание верить?

— Значит, ты не веришь в то, что Ээрия принесет миру пользу? И ты думаешь, что у Маури тебе показывали только нетипичные плохие черты цивилизации?

— Не совсем так... Все зависит от интерпретации. А вот вам пример...

В одном из своих путешествий в будущее он сумел познакомиться с одним сверхсекретным документом. В нем говорилось, что ученые Хиндурая разработали водородный генератор, который покончит с извечной нехваткой горючего на Земле. Однако правительство Маури сделало все, чтобы сведения об этом открытии не стали известны народу.

Мотивом служило то, что такой генератор послужит возрождению машинной цивилизации, а Земля не вынесет второго такого удара.

И все же... в будущем цивилизации Маури Хейвиг видел огромные бесшумные машины, видел людей, животных, свежую траву... и чистый воздух.

— Были ли социологи Ээрии искренни в своей вере? Или же они просто старались сохранить свое положение? Или и то, и другое? Или ни то, ни другое? Или что? И несет ли людям это будущее добро? Откуда я могу знать?

— А ты спрашивал об этом своих компаньонов? — спросил я.

— Конечно. Во-первых, Остина Колдуэлла, честного человека, твердого, как те индейцы, которые охотились за его скальпом.

— Что же он сказал тебе?

— Прекратить свои дурацкие вопросы и во всем довериться Сахэму. Сахэм уже сделал очень много, не так ли? Сахэм все изучил и все обдумал. Он не считает, что знает все, но для этого у него есть мы. Он пользуется нашей объединенной мудростью и ведет по правильному пути.

Я извинился и вернулся в Ээрию вместе с ним.

ГЛАВА 9

Вскоре после этого Джек получил два дня, которые провел в обществе Леонсы, залечивая свои душевные раны. Период его тренировок и обучения затянулся; уже наступила зима, так что он мог с удовольствием отдаться зимним видам спорта. Кроме того, он перечитал Историю Будущего, написанную Уоллисом, и сделал некоторые выводы, учитывая те события, которым он был свидетелем. Он даже обсудил некоторые проблемы с Вацлавом Красицким, который был самым образованным из нынешних правителей замка.

Сахэм признавал, что его труд далек от совершенства, но в своих путешествиях он видел больше, чем кто-либо. Он побывал в самых разных уголках Земли, что было недоступно его подчиненным из-за ограниченности транспортных средств. Он разговаривал с очень многими людьми самых разных эпох.

Уоллис знал, что Ээрия будет существовать под его контролем следующие два столетия. Он встретился с самим собой и выяснил, что первая фаза плана успешно претворяется в жизнь. К тому времени эта крепость подлежала эвакуации. Новая цивилизация распространилась повсюду, и государство, подобное Ээрии, уже не могло существовать изолированно. Оно должно было выходить на широкую арену.

Новая база будет создана в будущем. Хейвиг посетил ее и обнаружил, что она в корне отличается от старой. Широко использовались новые материалы, изощренные конструкции. Все было, в основном, сосредоточено под землей. Там была новейшая техника, автоматизация, термоядерные реакторы.

Это была эра восстаний против Маури. Их попытки навязать свою философию всему человечеству с треском провалились. Сомнения, недовольства, мятежи вспыхивали в разных уголках Земли. В одной из стран был разработан водородный реактор, и

она не делала из этого секрета. Разваливались старые союзы и блоки, на их обломках возникали новые.

— Нам постоянно нужны терпение и жестокость,— писал Уоллис.— Теперь у нас гораздо больше материальных ресурсов, чем в эру Первой фазы, и гораздо больше опыта и умения для их эффективного использования. Главное, что нам нужно сейчас сделать — это увеличить наши военные силы за счет пересылки в эту эпоху путешественников. Я прекрасно понимаю, что подобная операция связана с большими трудностями. У нас нет надежды победить весь мир. Наша империя должна двигаться к цели медленно, но неуклонно.

Так чем же должна закончиться Фаза-2? Уоллис был уверен, что на планете люди Ээрии с ее высокоразвитой энергетикой и техникой будут вне конкуренции. Уоллис был уверен, что Фаза-3 пойдет под знаком объединения всех народов планеты под эгидой новых хозяев, под знаком создания человека нового типа. Заглянув в далекое будущее, Уоллис увидел такие чудеса, что был не в состоянии описать их.

Однако эта часть книги была довольно смутной. Точную информацию было трудно собрать. Уоллис продолжал описывать будущее, но уже без подробностей. Он уже знал, что его жизнь закончится в Первой Фазе. Он встречал там самого себя, уже довольно старого человека.

— И я рад, что послужил воле Бога, выполнил его предназначение. Вряд ли наука найдет возможность делать старого человека молодым, найдет способ сделать человека бессмертным. Но я уверен, что природа путешествий во времени будет открыта, и, возможно, они будут доступны каждому. И тогда люди найдут нас, тех, кто создал их будущее, и отдадут нам должное!

Хейвиг сжал губы. Он подумал: «Я уже видел, что происходит, когда человеку навязывают идеологию. Впрочем, здесь он выступает скорее учителем, чем хозяином.— А потом он задумался.— Служить этому человеку значит превратить мой дар в ничто, а жизнь сделать никчемной».

Его вызвал Красицкий. Это был холодный день. Солнечные лучи играли на сосульках, свисающих со стен башен и крыш. Хейвиг съежился от холода, пересекая двор.

Красицкий был в форме. Он сидел в служебном помещении.

— Садись,— приказал он.

Жесткий стул скрипнул под Хейвигом.

— Как ты думаешь, ты готов к своей работе?

Дрожь пробежала по телу Хейвига. Его пульс участился.

— Д-да, начинать страшно. Я...— он выпрямился.— Да.

Красицкий достал какие-то бумаги из стола.

— Я посмотрел, каковы твои успехи, и решил как лучше использовать тебя с минимальным риском. Я знаю, что ты сам приобрел богатый опыт в путешествиях и уже сейчас представляешь ценность для нас. Однако ты еще не выполнял наших заданий, — он коротко улыбнулся. — Моя идея базируется на твоих индивидуальных особенностях.

На лице Хейвига ничего не отразилось.

— Нам нужно расширять нашу деятельность. Особенно в части поиска путешественников. Ты рассказывал о своем визите в Константинополь периода Византии. По-видимому, это самое удобное место, откуда можно начать системный поиск в средних веках.

— Прекрасно! — возбужденно воскликнул Хейвиг. Радость охватила его. — Центр цивилизации! Все торговые пути проходят через него...

Красицкий поднял руку:

— Постой. Это позже. Когда у нас будет достаточно людей, широкая сеть агентов. А сейчас мы ограничены в своих возможностях. Не забывай, мы должны к определенному времени завершить Фазу-1. Нет, Хейвиг, сейчас требуется сделать нечто иное, более важное.

— Что?

— Если бы у нас было много денег той эпохи, нам было бы там легче работать. Но ты же знаешь, как сложно переправлять ценности через время. Следовательно, мы должны раздобыть их на месте. И быстро.

Хейвига охватили неясные подозрения.

— Не думаешь же ты о грабеже?

— Нет, — Красицкий покачал головой. — Слушай. Нападение на мирный город, достаточно мощное, обязательно попало бы в книги историков, о нем узнали бы все. Кроме того, это опасно само по себе. Ведь наши люди не могут применять огнестрельное оружие, а византийская армия и полиция сильны и дисциплинированы. Нет, это было бы сумасшествием.

— Что же тогда?

— Воспользоваться хаосом и забрать то, что в противном случае стало бы добычей безжалостных грабителей.

Хейвиг молча ждал.

— В 1204 году Константинополь был разграблен крестоносцами во время Четвертого Крестового Похода. После них Константинополь был полностью разрушен, — Вацлав махнул рукой. — Почему бы нам не получить свою долю? — он всмотрелся в лицо Хейвига. — К тому же, мы выплатим компенсацию жителям, поможем им сохранить свою жизнь.

Хейвиг выругался в сердцах.

Джек провел много времени в библиотеке, просматривая пленки и стараясь подобрать костюм, соответствующий эпохе. Самолет доставил его в окрестности Стамбула двадцать первого века, где сейчас были только развалины. Самолет улетел сразу же, как только Хейвиг отправился в прошлое. Здесь все еще было заражено радиоактивностью. Он еще не открыл наличия у него хронолога и теперь должен был отсчитывать время по восходам и закатам солнца.

Леонса была в ярости от того, что Хейвиг не взял ее с собой. Она не принесла бы пользы, даже наоборот, привлекла бы к ним излишнее внимание.

Хейвиг решил изобразить пилигрима-скандинава, разумеется, католика, но менее твердолобого, чем французы, венецианцы, арагонцы и другие западноевропейцы, которые, подобно волкам, старались задушить умирающую империю. Конечно, лучше всего было бы предстать в роли русского — их было много в Византии, — но русские уже тогда отличались крайней ортодоксальностью взглядов. Хейвиг не стал рисковать, боясь провала, и сразу отбросил эту мысль.

Он также решил, что появляться в год нападения слишком рискованно. Ведь любой чужестранец в годы войны подозрителен, особенно такой, который обо всем расспрашивает, всем интересуется. В 1203 году после морского штурма крестоносцы захватили Константинополь. Они посадили на трон своего ставленника и начали грабить страну, прежде чем отправились в Святые Земли. Ставленник обнаружил, что сундуки царской казны пусты, и исчез. Начались трения между франками и восточными римлянами, в результате которых в январе 1204 года трон занял Алексис, сын римского императора. Три месяца он и его сторонники старались изгнать из страны крестоносцев. Но надежда, что Бог поможет им, лопнула, и Алексис, не отличавшийся мужеством, сбежал. Крестоносцы снова вошли в Константинополь, и началась резня.

Хейвиг выбрал весну 1195 года. Это было прекрасное время года, кроме того, у него было время акклиматизироваться здесь. У него были прекрасные документы, которые дали ему возможность спокойно пройти в город, и слитки золота для обмена на деньги. Подбрав комнату в приличной гостинице — приличную комнату, не имеющую ничего общего с комнатой в современных американских отелях даже высокого класса, — он начал вживаться в ситуацию.

Свой первый визит он нанес в 1050 год. Здесь была та же роскошь, та же космополитическая многоцветность, которую он

встретил и в 1195 году. Новый Рим все еще оставался королем Европы.

Хейвиг увидел его с теневой стороны.

Дом и лавка Дукаса Манассиса, ювелира, стояла на холме близ центра города. Этот дом, окруженный соседними зданиями, был обращен глухой стеной к вымощенной плитами улице. Но с его плоской крыши открывался чудесный вид: был виден весь город, и даже местность за городскими стенами. Отсюда были видны домики городских предместий, многочисленные церкви, монастыри, где хранились великолепные библиотеки с трудами Эсхила и Сафо, ипподром, величественный комплекс дворцовых зданий. Если посмотреть в другую сторону, можно было увидеть сверкающую гладь Мраморного моря, бухту Золотой рог, где теснились торговые парусники.

На улицах города было оживленно. Шум колес, цоканье копыт, шарканье подошв, крики, песни, смех — все смешалось в одном биении сердца большого города. Ветер приносил запахи моря, которые смешивались с запахом жареного мяса, конского навоза, запахами человека. Хейвиг с наслаждением вдыхал этот воздух.

— Благодарю тебя, кириос Хаук, — сказал Дукас Манассис. — Я очень рад, что тебе тут нравится. — По всему было видно, что он очень удивлен тем, что франк не охаивает все греческое. Впрочем, Хаук Томассон не был франком или кем-нибудь из союзников англичан. Он приехал сюда из какого-то северного королевства.

— Это я должен благодарить тебя, кириос Манассис, за то, что ты показал мне все это, — ответил Хейвиг.

Они обменялись поклонами. Византийцы никогда не были скованы строгими правилами поведения. Это был пылкий народ, отличавшийся во все времена врожденным вкусом, чувством прекрасного. Однако отношения между людьми высших классов характеризовались утонченной церемонной вежливостью.

— Ты проявил интерес, — ответил Дукас. Это был седобородый человек с красивым лицом, на котором выделялись близорукие глаза. Его шуплое тело, казалось, терялось в свободном хитоне.

— Ты очень добр ко мне, — пробормотал ювелир. — Однако я чувствую, что все хорошее и прекрасное от Бога, и мы, подданные Рима, должны больше думать о нем, а не об удобствах своей жизни.

— Что это? — Хейвиг показал на раскидистое дерево перед домом.

Дукас улыбнулся:

— Это для моей дочери. Она очень любит цветы, но мы не можем слишком часто вывозить ее за город.

Женщины в Византии имели довольно почетный статус и пользовались многочисленными привилегиями. Дукас решил, что его собеседник нуждается в дальнейших пояснениях, и продолжал:

— Возможно, мы, я и Анна, слишком балуем ее. Но она у нас одна. Я был женат раньше, но мои сыновья от Евдокии уже выросли. Ксения — первый ребенок Анны и моя первая дочь. Повинуясь импульсу, он добавил: — Кириос Хаук, не считай меня слишком гордым, но я действительно рад встретить дружески настроенного иностранца. Мне очень приятно говорить с тобой. Не согласишься ли ты принять приглашение на ужин?

— Почему нет? Благодарю тебя, — Хейвиг решил, что это хорошая возможность разузнать все о Византии. Все византийские торговцы и ремесленники были объединены в гильдии, управляемые префектами. А этот ювелир, весьма искусный в своем деле, наверняка много знал о своих коллегах. Да и много другой полезной информации мог узнать от него Хейвиг.

— Ты не будешь возражать, почтенный гость, если мои жена и дочь разделят с нами трапезу? — спросил Дукас. — Они не будут мешать нам. Мне очень хочется послушать тебя. Ксения, прости мою гордость, еще ребенок, ей пять лет, но она уже умеет читать.

Она оказалась прекрасным ребенком.

Хаук Томассон вернулся на следующий год и рассказал, какое он занял положение в одной из афинских фирм. Греция входила в состав империи, но большая часть ее торговли находилась под контролем иностранцев. Деятельность Томассона часто заставляла его бывать в Константинополе, и он был рад возобновить знакомство с мудрым Манассисом и надеялся, что его дочь примет небольшой презент...

— Афины, — благоговейно прошептал старый ювелир. — Теперь ты живешь в самом сердце Эллады! — он положил руки на плечи посетителя. Слезы стояли в его глазах. — О, как это чудесно! Так чудесно! Ты воочию увидишь то, что снится мне всю жизнь! Это даже лучше, чем посетить святые места!

Ксения с благодарностью приняла игрушку. Как зачарованная, она за обедом и после него слушала рассказы иностранца, пока старшие не отправили ее спать. «Славный ребенок, — думал Хейвиг. — Совсем не избалованный, хотя и единственный, а Анна не собирается иметь еще детей».

Джек и сам наслаждался этими приездами. Встреча с человеком умным, наблюдательным, чувствительным — это

удовольствие в любую эпоху. И он в будущем поможет Манассису избежать кошмаров и катастроф.

Хейвиг знал это, так как тщательно исследовал будущее. Но он задавал себе вопрос: не слишком ли он внимателен к семье Манассиса? Нужно ли так часто наносить ему визиты, проводить с ними праздники, приглашать на обеды? Ему пришлось немного превысить расходы по сравнению с тем, что ему было позволено. Наплевать. Он мог и сам финансировать себя при помощи ставок на ипподроме. Беспроигрышных ставок. У агента, работающего в одиночку, большие возможности.

Ему было противно лгать своим друзьям. И только одно утешало его: он делает это ради их спасения.

Голос Ксении был тонок и звонок, слыша или вспоминая его, Хейвиг думал о птичьих трелях. Она всегда радовалась его появлению и болтала с ним до тех пор, пока родители не заставляли ее уйти в свою комнату.

Она была тоненькой, как тростинка. Хейвиг не знал ни одного живого существа, которое бы двигалось с такой грацией. Когда позволяли приличия, ее ноги пританцовывали, а не ступали по полу. Ее волосы цвета полуночи полностью закрывали нежную точеную шею. Кожа была светлой и чистой, овал лица правильный, губы всегда чуть приоткрыты. А на лице выделялись глаза, огромные, бездонно-черные, под большими пушистыми ресницами. Такие глаза можно было увидеть только на мозаике Равенны, на лице императрицы Теодоры Великой. И эти глаза невозможно забыть.

Странно было видеть эти глаза раз в несколько месяцев, которые для Хейвига были часами и днями. Каждый раз Хейвиг видел, как девочка с поразительной быстротой превращается в девушку. И еще он понял, что сам свободно плывет по бескрайней реке времени, тогда как ей приходится барахтаться практически на одном месте.

Дом стоял в саду, где было много цветов, апельсиновых деревьев, играл фонтан. Дукас с гордостью показал Хейвигу свое последнее приобретение: бюст Константина на пьедестале, того самого, кто признал христианство Рима и по чьему имени был назван Новый Рим.

— Хотя мастерство древних ваятелей давно утрачено, — говорил Дукас, — но все же посмотри, как величественно его лицо с твердо сжатыми губами...

Десятилетняя Ксения хихикнула.

— В чем дело, дорогая? — спросил отец.

— Ни в чем,— ответила она, но хихикать не перестала.

— Нет, скажи нам. Я не буду сердиться.

— Он... он не хочет произносить важную речь, но ему очень хочется пукнуть...

— Клянусь Вакхом! — воскликнул Хейвиг.— Она права.

Дукас долго крепился, но затем не выдержал и присоединился к общему веселью.

— О, неужели ты не пойдешь с нами в церковь? — взмолилась девочка.— Ты не знаешь, как там красиво поют, как таинственно сверкает пламя свечей, как удивительно пахнет ладаном...— ей уже одиннадцать лет, и она переполнена Богом.

— Мне очень жаль,— сказал Хейвиг.— Я ведь католик.

— Святым все равно. Я спрашивала папу и маму. Они тоже не против. Мы можем сказать, что ты русский. Я покажу тебе, что нужно делать,— она схватила его за руку.— Идем!

Он пошел за нею, не понимая, хочет ли она обратить его в свою веру или действительно просто стремится показать своему обожаемому дядюшке что-то интересное и красивое.

— Это так чудесно! — на ее глазах выступили слезы, когда она прижала к груди драгоценный подарок к своему тринадцатому дню рождения.— Папа, мама, посмотрите! Хаук подарил мне книгу! Все пьесы Еврипида! И это мне!

Когда она ушла, чтобы переодеться к праздничному обеду, Дукас сказал:

— Это поистине королевский подарок. Не только из-за высокой стоимости, это подарок для души.

— Я знал, что она любит древних классиков, как и ты.

— Простите меня,— вмешалась Анна,— но, может, в ее возрасте Еврипид слишком сложен...

— Сейчас сложные времена,— ответил Хейвиг.— Трагические судьбы древних могут укрепить ее сердце, и она мужественно встретит свою судьбу.— Он повернулся к ювелиру.— Дукас, я еще раз говорю тебе. Я клянусь, я знаю, что венецианцы ведут сейчас переговоры с другими франками...

— Ты говорил это,— ювелир кивнул. Его волосы и борода были почти белыми.

— Тебе с семьей еще не поздно выехать куда-нибудь в безопасное место. Я помогу.

— Где же может быть более безопасно, чем здесь, за этими стенами, куда не может ворваться ни один враг. А если я брошу свою лавку, мы все будем страдать от бедности и голода. А что делать моим слугам и ученикам? Они же не могут поехать со

мной. Нет, мой друг, нам следует оставаться здесь и довериться Богу,— с печальной усмешкой произнес Дукас.— Послушай, дружище, ты совсем не меняешься. Ты такой же, каким я увидел тебя впервые.

Хейвиг проглотил слюну.

— Я думаю, что не скоро вновь появлюсь в Константинополе. Мои хозяева, учитывая складывающиеся обстоятельства... Будь осторожен. Старайся быть незаметным. Прячь золото и поменьше бывай на улице. Особенно по ночам. Я знаю франков.

— Хорошо, я буду иметь это в виду, Хаук. Но ты преувеличиваешь. Ведь это же Новый Рим.

Анна взяла их обоих под руки, неуверенно улыбаясь.

— Может, хватит политики, мужчины,— сказала она.— Украсьте улыбками свои постные лица. Сегодня день рождения Ксении. Разве вы забыли?

Хейвиг вышел от Манассиса весьма озабоченный.

Он вернулся назад, в более счастливое время, снял комнату в гостинице, плотно поужинал и лег спать. Утром он хорошо позавтракал. Это было не лишне для человека, которому скоро предстоит сражаться.

Вскоре после этого он переместился вперед, в апрель 1204 года.

Он должен был быть просто сторонним наблюдателем. Полученный им приказ был до неприличия прост: оставаться вне опасности, ни во что не вмешиваться, под страхом наказания не влиять на события. Сделать все, чтобы вернуться живым, так как им нужны сведения.

По городу ревели пожары. Клубился горький дым. Люди, как обезумевшие крысы, то прятались в домах, то выбегали из них. И везде их ждало одно и то же: убийства, насилия, грабежи, избиения, издевательства. На улицах валялись трупы. Кровь текла по сточным канавам. Матери оплакивали детей, дети с громким плачем искали своих матерей, пока не становились жертвами обезумевших от крови и убийств вандалов. Всех служителей церкви подвергали жестоким пыткам, чтобы они выдали тайники с церковной утварью. Все было разграблено: предметы искусства, драгоценности рассыпались по всему континенту. Мало что сохранилось. Не думая о культурной ценности вещей, варвары выламывали драгоценные металлы и камни, остальное сжигалось. Так погибло многое из того культурного наследия, что хранил Константинополь до этого ужасного дня. И турки были здесь ни при чем. Все сделали крестоносцы.

Таким было начало тринадцатого столетия, которое католицизм называл апогеем цивилизации, хотя именно тогда западные церковники нанесли удар по восточному оплоту христианства.

А через полтора столетия, опустошив Малую Азию, турки вошли в Европу.

Хейвиг вернулся назад и стал постепенно перемещаться в будущее, время от времени переходя в нормальное время. Так он добрался до того момента, когда франки вошли в город. И он снова видел убийства, грабежи, разрушение, видел бандитов, насытившихся убийствами, подгоняющих своих пленников, нагруженных добычей. Он знал, что не может изменить ни прошлого, ни будущего, но он должен был взять из прошлого то, что ему нужно.

Хейвиг отмечал места, где останавливались мародеры с добычей, и передавал записи людям из Ээрии, которые, переодетые крестоносцами, «забирали» награбленное. В этом бедламе можно было сделать все что угодно, не привлекая особого внимания. Добыча переносилась на корабль, стоящий в безопасном месте.

Красицкий обещал Хейвигу, что они, насколько возможно, позаботятся о жителях. Им ничего не угрожало, и даже оставалось немного денег, чтобы они могли переселиться в другое место и начать новую жизнь.

Можно было не опасаться, что такие добрые поступки демонов-франков попадут в хроники, хотя, наверное, рассказы о них будут жить в фольклоре. Правда, через пятьдесят семь лет, когда Михаил Палеолог покончит с зависимостью от римлян, все рассказы об этом забудутся.

Хейвиг не участвовал в действиях агентов. Он и так многое сделал и многое видел. А то, что он видел, было ужасно. Поэтому он перенесся в прошлое и там плакал, спал, приходил в себя, набирался сил для будущего.

Дом Манассиса был в числе первых, которые он исследовал. Хотя и не самый первый. Хейвиг хотел сначала немного приучить себя к картине разрушения.

Он лелеял надежду, что дом Манассиса останется нетронутым. Константинополь был слишком велик, в нем было много храмов, где можно было спокойно взять огромные ценности, чтобы грабители ломились в каждую дверь.

Хейвиг не испытывал особого страха. Если что-то потребуется сделать, то кто, кроме него, сделает это? Тем не менее, когда он, приближаясь к дому Манассиса, увидел десяток грязных мужчин, направляющихся к распахнутой двери, сердце его оборвалось. Ярость охватила его, и вскоре три франка упали на землю и больше не шевелились, а остальные с криками разбежались. Хейвиг был очень доволен.

Его возвращение было сложной операцией. Ему пришлось долго ждать самолета в зараженном радиоактивностью мертвом Стамбуле.

Ему было о чем подумать. Он только удивлялся, почему раньше это не пришло ему в голову. Но теперь он понял, что несмотря на то, что Уоллис и его лейтенанты использовали технику двадцатого века, они оставались людьми своего, девятнадцатого столетия. Нет, теперь ему нужно было хорошенько обдумать все, чему он был свидетелем, в чем принимал участие.

— Прекрасная работа,— сказал Красицкий, прочтя отчет Хейвига.— Превосходно. Я уверен, что Сахэм наградит тебя за это.

— Да? Благодарю,— ответил Хейvig.

Красицкий долго рассматривал его:

— По-моему, ты похудел.

— Можешь называть меня Рип ван Винкль,— пробормотал Хейvig.

Красицкий понял, откуда у него такой изможденный вид, ввалившиеся глаза, тик на щеке.

— Я понимаю. Ты заработал отдых. Думаю, тебе захочется побыть в своем времени. Больше не думай о Константинополе. Если нам понадобится узнать что-то, мы подождем твоего возвращения,— на его лице появилась теплая улыбка.— Иди. Мы поговорим потом. Полагаю, нам удастся сделать так, чтобы твоя подружка сопровождала тебя. Хейvig... Хейvig...

Хейvig спал.

Все началось позже. Вместо того, чтобы наслаждаться отдыхом, он начал размышлять.

ГЛАВА 10

Он проснулся с выкристаллизовавшимся решением. Было еще рано. Утренний свет падал на высокие серые крыши зданий Рив Гош, Париж, 1965 год, такие же холодные, как и воздух, спокойствие которого еще не нарушало движения транспорта. В номере отеля стоял полумрак. Леонса мирно посапывала в постели. Они всю ночь провели в ночном клубе, слушая шансонье, по желанию Хейвига, хотя Леонса предпочитала яркие и красочные шоу в мюзик-холле. После этого они вернулись в отель и долго занимались любовью, несколько лениво и утомленно, но ласково. Леонса даже не пошевелилась, когда несколько часов

спустя в дверь постучали, и горничная принесла кофе с рогаляками.

Хейвиг был удивлен своей решимостью. Все больше и больше он ощущал, что просто идет навстречу неизбежному. Совесть уже устала мучить его и предъявила ультиматум.

И, несмотря на опасность, он впервые ощутил в своей душе мир и покой.

Он поднялся, умылся, оделся, собрал свое снаряжение, которое было уже подготовлено. Два небольших блока в его багаже. Обычное снаряжение агента во времени, такое же, какое он брал с собой в Иерусалим, плюс пистолет и хронолог. Ему пришлось выдержать борьбу с Леонсой, так как хронолог не позволял взять сюда побольше серебра, но он смог настоять на своем. Затем Джек взял паспорт, сертификат о прививках и толстый кошелек с деньгами.

После этого он долго смотрел на спящую девушку, ему было жаль расставаться с нею. Она радовалась жизни и доставляла ему радость. Неприятно тайком покидать ее. Может, оставить записку? Нет, нет. Он всегда может вернуться. Если же он не вернется... ну что ж, она прилично знает язык, обычаи, у нее достаточно денег. Не пропадет.

Любила ли она его? Может, ей просто нужны мужчины? Впрочем, теперь это неважно. Главное, он ее любил.

Он наклонился над нею.

— Пока, Рыжая,— прошептал он и коснулся губами ее губ. Затем он выпрямился, подхватил чемоданы и вышел из комнаты. Вечером он уже был в Стамбуле.

Это путешествие заняло очень много времени, проведенного в самолетах, аэропортах, автобусах.

Потом Джек говорил мне с угрюмой улыбкой:

— Ты знаешь, какое самое удобное место для проведения тайного хроокинеза? Телефонная будка? Нет. Туалетная комната. Очень романтично, не правда ли?

Перед последним рывком он хорошо поужинал в одиночестве, затем принял снотворное: нужно было хорошенько отдохнуть перед делом.

Константинополь, вторая половина дня 13 апреля 1204 года... Хейвиг вышел на аллею, ведущую на холм. Тишина давила на него: не было привычного стука копыт, скрипа колес, звона колоколов, смеха, голосов, криков детей. Но в этой тишине слышался отдаленный рев пожаров и вопли перепуганных людей. Где-то совсем рядом послышался лай собаки.

Он приготовился. Девятимиллиметровый «смит-и-вессон» висел на поясе, карманы куртки были набиты патронами. Остальное

снаряжение и хронолог он засунул в металлический ящик, который сейчас висел у него за спиной.

Он шел по улице и видел закрытые двери, окна с закрытыми ставнями. Все люди спрятались в домах; голодные, перепуганные, они пытались найти спасение в молитвах. Это был район ювелиров. Разумеется, здесь жили не только ювелиры. Бедняки жили везде. По внешнему виду домов никак нельзя было сказать, кто здесь живет, богач или бедняк. Видимо, те, кто разрушил дом Манассиса, руководили толпой. Здесь ли они еще? Хейвиг не был уверен, что прибыл в нужное время, но вскоре увидел их.

Он завернул за угол. На мостовой лежал труп мужчины с разбитой головой. Над ним склонилась женщина. Хейвиг, проходя мимо, услышал: «Разве недостаточно того, что тебя заставили предать нашего соседа? Во имя Христа, разве этого недостаточно?»

«Нет»,— подумал он.

Он прошел мимо. Что он мог сделать для этой несчастной женщины. Ведь в своей одежде он был для нее франком. Хотя в то время, когда он родился, она сама, ее горе было погребено пылью столетий.

По крайней мере, подумал он, теперь я знаю, как крестоносцы обнаружили лавку Дукаса. Видимо, прежде чем грабить город, разведчики, знающие греческий язык, тщательно изучили этот район и теперь со своими товарищами решили тут пожить. И еще пришла уверенность, что время прибытия рассчитано правильно.

Вопли, звон оружия, стук каблуков по мостовой разносились по улицам, металась среди домов. Хейвиг оскалил зубы. Да, подумал он, я пришел вовремя.

Он ускорил шаг. Он хотел скорее подойти к дому, чтобы знать, с кем придется иметь дело.

Вот и эта улица. Тяжесть навалилась на него, мускулы одеревенели, подошвы стучали по камням в такт ударам сердца, во рту пересохло, горький дым раздражал ноздри.

Один из раненых крестоносцев увидел его, с трудом встал на колени, поднял руки. Кровь залила его плащ, капая на мостовую.

— Друг,— прохрипел он.— Брат, ради Иисуса...

Другой, еще живой крестоносец мог только стонать.

Хейвигу очень хотелось ударом ноги выбить ему зубы, но он устыдился своего порыва. Он шагнул мимо стоящего на коленях крестоносца, тянувшегося к нему, поднял руки и крикнул по-английски:

— Прекратите огонь. Я из Ээри! Инспекция! Прекратите огонь и впустите меня,— и, чувствуя тяжесть в животе, пошел к двери.

Возле двери стояла повозка, запряженная мулом. Животное было привязано к дверной скобе. Оно двигало ушами, отгоняя мух, и без интереса смотрело на умирающих крестоносцев. Видимо, в повозке предполагалось везти драгоценности, золото, серебро к поджидающему кораблю.

Вход никем не охранялся. Хейвиг остановился, осмотрел дверь. Тяжелая, массивная. Видимо, франки хотели взломать ее. Внезапно она открылась. Хейвиг понял, почему: засов был взорван. Кажется, мальчики Уоллиса воспользовались динамитом. Почему они ворвались сюда силой? Такое появление напугает всех в доме, затруднит задачу переправки их в безопасное место.

До него донесся крик из дома:

— Нет, о, нет, пожалуйста!

Это был крик Ксении, сопровождаемый ругательствами и хохотом. Хейвиг отшатнулся, словно его ударили.

Как он ни старался, он пришел поздно. К моменту его прибытия агенты взломали дверь и проникли в дом. Они поставили человека у дверей, чтобы тот встретил грабителей, о которых предупредил Хейвиг. Сейчас он сделал свое дело и присоединился к остальным, чтобы поразвлечься вместе с ними.

Секунду, которая показалась ему вечностью, Хейвиг ругал себя за свою глупость. Или наивность, он был еще новичком в таких делах. Хватит. Сейчас он здесь, и нужно спасти хотя бы то, что можно спасти.

Его крика никто не слышал. Он крикнул еще раз и пошел в дом, в знакомые комнаты. Крик о помощи слышался из той части дома, где находилась лавка и кладовые.

Туда согнали всю семью, учеников, слуг. В большой комнате было светло, так как двери и окна, выходившие в маленький дворик, патио, были открыты. Хейвиг увидел цветочные клумбы, апельсиновые деревья в темной густой зелени, фонтан, разбрызгивающий воду... даже бюст Константина, который безразличным взглядом смотрел на все вокруг. В комнате рядами стояли шкафы и столы, где находились произведения искусства, созданные Дукасом и его учениками.

Сам Дукас лежал возле входа. Его череп был расколот. Кровь залила пол, впиталась в белую тунику, окрасила седую бороду. Его рука все еще сжимала миниатюрный ювелирный молоточек, которым он хотел защитить своих женщин.

Здесь находились четыре агента, одетые крестоносцами. Хейвиг сразу узнал их. Мендоза, преступник из Испании двадцатого века. Хейвиг встречался с ним в Иерусалиме. Мориарти, бруклинский маклер и гангстер девятнадцатого века. Он держал в руках наготове большой пулемет. Ганс, ландскнехт шестнадцатого века,

с любопытством наблюдал, как Конрад из Брабанта борется с Ксенией, спасая Иисуса.

Девушка кричала и кричала. Ей было только четырнадцать лет. Ее волосы растрепались, слезы текли по лицу, оставляя следы на щеках. Конрад обхватил ее за талию одной рукой, а другой срывал с нее одежду. Тяжелая палица висела у него на поясе. На ней запеклась кровь и мозги убитых людей.

— Я за тобой,— ухмылялся Ганс.— Я за тобой...

Конрад, повалив Ксению на влажный пол, стал расстегивать брюки. Анна стояла, словно слепая и глухая ко всему, над телом мужа. Затем она бросилась к дочери. Ганс свалил ее на землю одним ударом.

— А тебя потом, может быть,— сказал он.

Мориарти смотрел на них и смеялся.

Окрик Хейвига снова не был услышан ими, настолько они были захвачены происходящим. Мендоза первым увидел Хейвига и вскрикнул. Конрад отпустил Ксению и встал.

Ксения умоляюще смотрела на Хейвига. Никогда еще он не видел такого света в ее глазах.

— Хаук! — крикнула она.— Хаук!

Мендоза поднял пистолет.

— В чем дело? — спросил он.

Хейvig теперь понял, как далеко его рука от оружия, но не ощущал страха, только бешенство, ярость, душевную боль, отвлечение.

— Это я должен спросить, в чем дело? — процедил он.

— Ты забыл, что тебе приказано? Я знаю все. Твоя задача — разведка. Ты не должен был подвергаться риску, появляясь в такое время.

— Я сделал свое дело, Мендоза, и вернулся, чтобы закончить свои личные дела.

— Это запрещено! Уходи отсюда, и мы позже поговорим, докладывать мне о тебе или нет.

— А если я не уйду? — Хотя он и старался сохранить спокойствие, его голос постепенно повысился до крика.— Я увидел то, что не ожидал увидеть, не все сразу, а небольшими фрагментами. Поэтому я каждый раз шел на компромиссы, и в конце концов дошел до того, что вынужден либо стать как все вы, либо убить себя.

Мендоза пожал плечами, но дуло его пистолета было все время направлено в живот Хейвига.

— Чего же ты хотел? Мы пользуемся тем человеческим материалом, который нам удастся добыть. Эти ребята ничем не хуже крестоносцев. Как все люди. Разве не так, Джек, скажи честно?

— Они хуже. Потому что они имеют возможность появляться в любом месте, в любой эпохе и творить зло, не боясь возмездия. Представляю, как они проводят свои отпуска. Наслаждение причинять боль и страдания другим усиливается с практикой и опытом.

— Послушай...

— А Уоллис, черт бы его побрал! Неужели у него нет способа контролировать этих животных?

— Хейвиг, ты слишком много говоришь. Убирайся отсюда, или я арестую тебя!

— Таких, как я, вы все время держите в неведении, пока мы не примиримся с этой болтовней относительно того, что миссия Ээрии слишком важна для всего человечества, чтобы мы могли тратить свои драгоценные жизни на обычную гуманность. Верно?

Мендоза сплюнул:

— Ну, хватит. Ты и так наговорил слишком много. Ты арестован. Ты будешь препровожден в будущее, и Сахэм будет судить тебя. Веди себя хорошо, и, может быть, тебе удастся легко отделаться.

Наступила тишина, нарушаемая только всхлипами Ксении, которая держала на коленях голову матери и не отрывала глаз от Хейвига. Все остальные — и домашние Дукаса, и приспешники Мендозы — тоже смотрели на него.

Хейвиг принял решение в эти мгновения. Он оценил положение каждого в комнате, переместился назад во времени на несколько минут, выхватил пистолет и снова вернулся в это время. Прогрели выстрелы, и голова ландскнехта разлетелась на куски. Хейвиг снова переместился назад во времени, чтобы появиться в другом конце комнаты.

Впоследствии он не мог даже припомнить, как все это происходило. Сражение было чересчур яростным и коротким. Ведь его противники тоже были способны к таким действиям. Мориарти уже исчез из комнаты, когда Хейвиг появился снова. Прогрел выстрел Мендозы. Хейвиг, не задерживаясь, переместился вперед по времени, где сразу заметил убегающего Мориарти. Хейвиг застрелил гангстера и вернулся назад.

Мексиканца уже не было. Джек проскользнул в прошлое на целые сутки. Ему нужно было вдохнуть свежего воздуха, вытереть пот с лица и успокоиться. Наконец он пришел в себя и смог вернуться, чтобы просканировать во времени всю битву. Но Мендозу он так и не смог обнаружить. Видимо, мексиканец переместился далеко вперед, в эпоху Ээрии, чтобы вызвать помощь.

Это означало, что действовать надо быстро. Друзья Хейвига не могли перемещаться во времени. Враги не смогут точно попасть

в это время, так что у Хейвига и византийцев еще была возможность скрыться. Но времени у них было совсем немного.

Хейвиг вернулся в комнату. Возле стены лежал умирающий Мориарти. Домашние, слуги и ученики Дукаса сбились в кучу. Некоторые из них были ранены в перестрелке. Бардас лежал мертвым.

— Я пришел спасти вас,— сказал Хейвиг. Голос его прозвучал странно в этой комнате, где повисла атмосфера страха и смерти. Он перекрестился: — Во имя Отца, Сына и Святого Духа. Во имя Девы Марии и всех святых. Быстро идите за мной, иначе вы все погибнете.

Он помог Ксении подняться. Девушка вцепилась в него обеими руками, и он погладил ее длинные спутанные волосы, вспомнив, как держал ее, когда она была ребенком. Через плечо он крикнул остальным:

— Иоханнес, Ницефорус, вы понесете свою хозяйку Анну. Остальные, кто может, будут помогать раненым.— Затем у него вырвалось по-английски: — Черт бы вас побрал! Нужно убираться отсюда побыстрее!

Они тупо повиновались Хейвигу. На улице он остановился, снял плащ с убитого крестоносца. С другого трупа — меч. Ножны он не стал брать, чтобы не терять времени. Меч крестоносца давал ему возможность провести свой небольшой отряд через город, не боясь, что их остановят.

Вскоре силы оставили его, и он был вынужден сесть, опустив голову, чтобы немного прийти в себя.

Ксения опустилась возле него на колени, гладила его и шептала:

— Хаук! Милый Хаук, что с тобой?

— Все нормально,— наконец смог произнести он.

По крайней мере, пока. Впрочем, вряд ли Ээрия будет обшаривать весь город в его поисках. И все же ему следовало обеспечить безопасность своим подопечным и себе. Он поднялся и, пошатываясь, повел их дальше.

— Я оставил их в каком-то монастыре,— рассказывал он мне впоследствии.— Монастырь был переполнен беженцами. В следующие несколько дней я устроил их получше, вручив настоятелю монастыря богатые дары. Мне это было нетрудно сделать, так как я просто грабил крестоносцев. Это было противно, но просто. Благодаря моим взносам монастырь смог покупать пищу для тех, кто искал здесь убежище.

— А как насчет крестоносцев?

— Что я мог сделать? Их было слишком много.

Я потрепал его по плечу.

— Успокойся, ты ни в чем не повинен. Зла всегда больше.

Он слабо улыбнулся:

— Благодарю, док.

Я уже давно превысил свой табачный рацион, но час был поздний, и мои нервы требовали помощи. Взяв трубку, я начал ужасную церемонию ее чистки. Жуткий запах табака распространился по комнате.

— Что ты сделал дальше?

— Вернулся в двадцатое столетие — разумеется, в другой отель — и хорошенько выспался. А потом... Что касается моих византийцев, то я уже больше ничем не мог им помочь. Но я предупредил их, чтобы они не болтали о моей помощи. Пусть говорят, что они просто сбежали. Чтобы не привлекать к себе внимания, самое лучшее было предоставить их своей судьбе. Теперь мне нужно было позаботиться о себе.

Я сделал глубокую затяжку:

— И что же ты сделал?

Он плотнул. Виски обожгло ему горло.

— Я знаю дату, когда я последний раз был Дж. Ф. Хейвигом, — сказал он. — В 1965 году. Это было мое последнее пребывание в нормальном времени, так что с этого момента мое существование безопасно.

— А агенты Ээрии не могли нанести удар раньше?

— О, они могли бы появиться и подстроить что-нибудь. Но я сомневаюсь, что они стали бы даже пытаться. Никто из них не знает жизни в двадцатом веке.

— Значит, ты считаешь, что происшедшее и зафиксированное событие изменить невозможно?

От его улыбки мороз пошел у меня по коже.

— Я знаю, что путешественник во времени не может ничего изменить. Я пытался сделать это, но безуспешно. Это было еще в юности, когда я хотел вернуться назад и предупредить отца, что его ждет.

— И? — выдохнул я.

— Док, помнишь мою сломанную ногу?

— Да. Подожди... Так значит, это...

— Я зацепился за проволоку на лестнице как раз в тот день, когда решил отправиться в путешествие... А когда я выздоровел и был готов начать снова, то получил экстренный вызов от моей страховой компании, и мне пришлось заняться срочными делами. А когда я вернулся в Сенлак, оказалось, что мать окончательно порвала с Биркелундом и нуждается в моем присутствии. Я посмотрел на двух невинных детей, которых она принесла в этот мир — и принял на себя эту ношу.

— Ты думаешь, это вмешался Бог?

— Нет-нет. Это просто логическая невозможность изменить прошлое. Каждое мгновение времени — это прошлое бесконечного множества других мгновений.

— Значит, мы все просто марионетки в руках Времени?

— Я не говорил этого, док. Более того, я не верю в это. Мне кажется, что все мы являемся частью какого-то грандиозного механизма. И чем меньше мы знаем, тем шире диапазон нашей свободы.

— Значит, это похоже на наркотики. Человек добровольно принимает химическое соединение, которое закрепощает его мозг.

— Может быть, может быть,— Хейвиг шевельнулся в кресле, глядя в ночь. Затем сделал еще глоток виски.— Пожалуй, у нас нет времени на философские размышления. Ищейки Уоллиса охотятся за мной. Они кое-что знают о моей биографии и могут выследить меня.

— Поэтому ты так долго избегал встреч со мной?

— Да,— он положил руку на мое колено.— Пока была жива Кейт. Ты помнишь?

Я кивнул.

После этого он заговорил быстро, не вдаваясь в подробности, давая только общую схему своих действий. Он быстро распределил свое состояние по банкам, положив вклады на вымышленные имена. Таким образом Дж. Ф. Хейвиг исчез со сцены. А так как в двадцатом столетии у него не было близких, кроме матери и доктора, то никто не удивился его внезапному исчезновению. А их он может предупредить письмом.

— Мне ты посылал, в основном, почтовые карточки, открытки,— сказал я. — Ты заставил меня понервничать.— И, после паузы: — Где же ты был?

— Замаскировав свои следы, насколько это возможно, я отправился обратно в Константинополь.

На пожарищах и развалинах Нового Рима был восстановлен относительный порядок. Прежде всего, правительство и оккупационные войска нуждались в пище и воде. Поэтому жителей города нельзя было больше грабить и держать под страхом смерти. Им нужно было обеспечить возможность спокойно трудиться. Позже Болдуин Фландрский, наместник императора в той части мира, куда входил Константинополь, решил выжимать из своих подданных побольше. Но вскоре в войне с болгарами он был захвачен в плен и умер в тюрьме. Его преемник, Анри Первый, продолжал ту же политику. Король латинян мог принижать греков, ввергать их в бедность, брать в солдаты. Но за все это он должен был обеспечить им относительную безопасность.

Ксения уже находилась в женском монастыре. Хотя она была здесь всего лишь гостьей, ее содержание было довольно строгим. Она встретилась с Хейвигом в холодной комнате с кирпичными стенами под неусыпным надзором сестры-монахини. Ксения была одета в накидку из грубой темной шерсти и не смела даже коснуться руки своего посетителя-мужчины, несмотря на его щедрые дары монастырю. Хейвиг смог увидеть ее глубокие темные глаза, заметил, что, несмотря на все трудности и лишения, которые ей пришлось перенести, ее тело округлилось, наполнилось женственностью, а звуки ее голоса вернули его назад, в те счастливые дни, когда она и ее отец...

— О, Хаук, милый Хаук! — она тут же испуганно отшатнулась, перекрестилась, стала опускаться на колени, бормоча:

— Я... извините меня... благословенный...

Старая монахиня нахмурилась и шагнула к ним.

Хейвиг замахал руками.

— Нет, Ксения,— воскликнул он.— Я такой же смертный, как и ты. Клянусь. Случилось нечто странное. Может быть, я смогу объяснить тебе позже. Но поверь мне, моя дорогая, я всего лишь человек, и ничего больше.

Она всхлипнула, но вовсе не от разочарования.

— Я... я так рада... я рада, что ты пойдешь в рай после смерти, но...

Но сегодня он не входил в число ее строгих и хмурых византийских святых.

— Как твоя мать? — спросил он.

— Она постриглась в монахини,— едва расслышал он.— И убеждает меня сделать то же самое.

Тонкие пальцы стиснулись в кулачки так, что даже косточки побелели; глаза, полные ужаса, смотрели на него.

— Я должна сделать это? Я ждала тебя, чтобы ты сказал мне...

— Пойми меня правильно, док,— сказал Хейвиг.— В монастыре было все нормально. Однако там были слишком строгие правила, слишком много ограничений. Ты же католик и можешь себе представить. Ксения любила своего Бога, но и книги она тоже любила. Они были частью ее жизни. В ней был слишком силен дух классической античности, и у меня не хватило духа разочаровать ее. Ведь, в конце концов, и я приложил усилия, чтобы она так рано познала реальный живой мир. А сейчас впереди у нее были лишь молитвы и служение Богу, и ничего, кроме Смерти, не откроет перед нею двери монастыря. А ведь она родилась свободным ребенком, жившим под вечно ласковым солнцем.

— И что же ты сделал?

— Я нашел престарелых супругов, которые согласились взять ее. Они были бедны, но я помог им деньгами. Они были бездетны и чрезвычайно радовались, когда всевышний в моем лице подарил им дитя. Она тоже привязалась к ним. Так что все устроилось хорошо.

— Разумеется, ты периодически появлялся у них.

Хейвиг кивнул. Мягкая улыбка тронула его губы.

— У меня было много своих дел, но в последующие три года я несколько раз навещал Ксению. И мои посещения становились все чаще и чаще.

ГЛАВА 11

Этот корабль был огромным тримараном. С мостика Хейвиг смотрел на чистую широкую палубу, отделанную твердыми сортами дерева. Он видел люки, стрелы грузовых лебедок, моторы, элементы солнечных батарей. Цивилизация Маури испытывала недостаток металла, и поэтому он использовался только в самых крайних случаях. Каюты тримарана были украшены пышными тропическими цветами. На каждом носу корабля стояла вырезанная из дерева фигура, представляющая одного из божественной троицы: создатель Танароа в центре, Лезу Харисти со своим крестом слева, а справа Пан с зубами акулы, олицетворяющий смерть и темные стороны жизни.

Но вовсе не варвары создали этот огромный корабль. Его тройной киль обеспечивал великолепные гидродинамические свойства корабля. Три мачты были, разумеется, оснащены парусами, но эти паруса управлялись небольшими двигателями на биологическом горючем. Эти паруса, управляемые компьютером, постоянно отслеживали направление ветра, чтобы максимально использовать его тянущую силу. Экипаж состоял из четырех конаков и двух женщин-вахин, которые не были перегружены работой.

Капитан Реви Лоханессо получил образование в университете Веллингтона, И-Залан. Он говорил на нескольких языках, и его английский вовсе не был какой-то искаженной версией вульгарного американского.

Могучий загорелый капитан, в саронге и с босыми ногами, медленно произнес, чтобы его понял пассажир, только-только приспособившийся к современному языку:

— Мы разрабатываем новую технологию, ведь мир машин был полностью уничтожен. Нам нужно найти новые пути развития на

отравленной Земле. Мы еще не полностью разрешили свои проблемы. Но сделано много, и я уверен, что будет сделано еще больше.

Океан медленно гнал аквамариновые волны. Они накатывались на тримаран, обдавая тело могучего корабля веселыми брызгами. Солнце сверкало на крыльях альбатросов. Где-то вдали вверх взметнулся фонтан, выпущенный китом. Ветер не свистел в ушах — тримаран и ветер летели с одинаковой скоростью, — но освежал кожу, приносил соленый аромат моря и далеких цветущих островов. На палубе полуголый юноша извлекал из деревянной флейты чарующие звуки, а девушка танцевала перед ним, изгибаясь стройным телом. Оба они были почти совсем обнажены, и смотреть на них было очень приятно.

— Ты создал великую вещь, брат Томас, — сказал Лоханессо. — Тебя будут чествовать, когда ты прибудешь. — Он поколебался и сообщил: — Я не радировал, чтобы Федерация прислала за тобой самолет. Честно говоря, дирижабли, конечно, быстрее, но менее надежны, чем корабли. Двигатели там слабые, а противопожарный катализатор для водорода еще только проходит испытания.

— Я прибыл туда, — говорил мне впоследствии Хейвиг, — чтобы узнать правду о цивилизации Маури в момент ее взлета. И я увидел, что это совсем не дикари, вернувшиеся в лоно природы. Даже их мозг был более конструктивно устроен, чем у многих людей двадцатого века. Правда, пока они не могли получить хорошего горючего для летательных аппаратов. У них не было даже гелия для создания безопасных дирижаблей. Мы перестарались, уничтожив все, что могли.

— Твоего открытия ждали несколько столетий, — сказал капитан. — Так что ничего, если в Веллингтоне подождут еще несколько недель.

— Если я собирался глубоко изучить цивилизацию Маури, понять, какой процент правды заключался в рассказах Уоллиса о ней, я должен был проникнуть туда. Я мог бы легко прикинуться одним из обитателей островов. Но какая польза была бы правительству от еще одного варвара. И тут мне пришло в голову... — Хейвиг ухмыльнулся. — Ты можешь отгадать, док? Нет? О'кей. В двадцатом веке я приобрел партию радиоизотопов, вроде углерода-14. Я упрятал их в надежном месте и направился в будущее. Здесь я стал братом Томасом, человеком с далекого материка, получившим неплохое образование. Ты понимаешь, док? Основное направление их исследования чисто биологическое. Во-первых, оно обусловлено необходимостью заживления ран Земли, ее животного и растительного мира, во-вторых, организм человека — натуральный преобразователь солнечной энергии. Но

у Маури не было ядерного реактора, позволявшего метить атомы для исследований. Поэтому моя находка была для них «божьим даром».

— Ты думаешь, что меня примут как ученого? — тревожно спросил Хейвиг капитана. — Но это совсем не так. У нас все такие, как я.

Лоханессо положил руку ему на плечо:

— Не бойся, друг. Мы торговый народ. Мы платим за то, что имеет цену для нас, а то, что предлагаешь ты — бесценно. Кроме того, мы хотим распространять цивилизацию и знания повсюду. А для этого нам нужны союзники. Умные и знающие люди

— Вы действительно хотите переделать все человечество?

— Переделать? Ты имеешь в виду, создать наши копии? Нет, конечно. Я не вхожу в правительство, но я читаю отчеты о дебатах, труды наших философов. Основная причина гибели предыдущей цивилизации, машинной культуры заключалась в том, что она стремилась сделать всех людей одинаковыми. Разумеется, это не единственная причина, но одна из тех, что привели мир к катастрофе. — Лоханессо ударил могучим кулаком по поручням. — Черт побери, Томас, нам нужно все человеческое многообразие, многообразие обликов, способов мышления, образов жизни!

Он рассмеялся и закончил:

— Конечно, в разумных пределах. Например, от пиратов нужно избавляться. Ну, хватит на сегодня. Уже полдень. Мне нужно проделать кое-какие измерения, а потом мы пообедаем. Считай, что ты еще не жил, раз не пробовал моего пива.

— Я провел больше года среди ранних Маури, — рассказывал Хейвиг. — И получил там именно те знания, которые мне были нужны для достижения моей цели. Это были очень милые добрые люди. О, разумеется, среди них были и подлецы, и мошенники. У них были свои недостатки, но в целом Федерация того времени была самой счастливой и наиболее пригодной для нормальной жизни человека. Чего не скажешь о более ранних стадиях развития, которые я прошел вплоть до двадцатого столетия. Там я сел на самолет и перелетел из Веллингтона в Стамбул. Я хотел увидеться с Ксенией. Вскоре мы поженились.

Об их совместной жизни, о пяти счастливых годах, проведенных с нею, он рассказывал мало. Да это и понятно. Я тоже никому не рассказывал о своей жизни с Кейт.

Впрочем, их жизнь была довольно сложной. Им приходилось жить затворниками, скрываясь от агентов Ээрии.

К тому же, ему было не так просто заниматься предпринимательством. Он не мог начать свое дело в этом мире гильдий, монополий, сложных взаимоотношений, ибо даже тогда, когда

отсутствовала регулярная связь с метрополией, слухи и сплетни разносились со скоростью курьерского поезда. Ему стоило немалых усилий утвердиться в роли агента некоего датского торгового дома, выполняющего скорее роль наблюдателя, чем комиссионера, и, следовательно, не связанного с франками. Финансы не были для него проблемой, ведь он сумел захватить с собой достаточно золота. Однако он должен был иметь разумное объяснение своему богатству.

Хейвиг подумывал о том, чтобы им с Ксенией перебраться куда-нибудь в безопасное место, например, в Россию или Западную Европу. Но в Россию нахлынули татары, а в Европе господствовала Святая Инквизиция. Следовательно, перед ними всегда будут разворачиваться жуткие сцены, свидетелями которых они здесь были. Кроме того, они не останутся незамеченными. Каждому будет ясно, что они выдают себя не за тех, кто они есть на самом деле. Поэтому Хейвиг купил дом в пригороде Константинополя. Там обычно жили чужестранцы.

Чтобы еще больше обезопасить себя от агентов Ээри, он придумал себе новое имя, Джон Андерсон, и приучил Ксению называть себя так. К счастью, она была нелюбопытна и не задавала глупых вопросов вроде: почему он сменил имя, почему он, такой богатый и знатный, решил жениться на ней, бедной девушке. Если ему так захотелось иметь ее, почему он не сделал ее своей наложницей?

— Насколько ты посвящал Ксению в свои дела? — спросил я.

— Я ничего ей не сказал. Правда могла только повредить ей. Она всегда была простодушной девушкой с открытым сердцем. Она совершенно спокойно приняла мои объяснения относительно моего имени. И она никогда не спрашивала меня о делах, так как понимала, что, когда я с ней, мне совсем не хочется думать о делах. И она была права.

— Но как ты объяснил ее чудесное спасение?

— Я ответил, что молился своему святому, который, видимо, принял мои молитвы. Она была так напугана насильниками, что едва помнила, как все тогда происходило. Поэтому она мне безоговорочно поверила. Мне было больно смотреть на нее, такую нежную, такую юную, как ребенок. Я ведь знал, что нам не суждено иметь детей.

— Хм. Кстати, о религии. Она стала католичкой, или ты перешел в ортодоксальную веру?

— Ни то, ни другое. Я не требовал от нее перемены веры. Что же касается меня, то я должен был оставаться примерным католиком, чтобы не потерять доверие у своих торговых партнеров, итальянцев и франков. Мы нашли священника,

который обвенчал нас, а потом западного епископа, который за определенную мзду отпустил мне грехи. Ксения же вообще не заботилась об этом. Она вполне терпимо относилась к вопросам веры и религии. Она была уверена, что я не буду гореть в аду после смерти, ведь мой святой так хорошо относился ко мне. А кроме того, она была так счастлива,— он рассмеялся.— И она постоянно пребывала в таком состоянии.

Сначала их дом был совершенно пуст, но со временем был обставлен и украшен со вкусом, который она унаследовала от отца. С крыши дома был виден залив Золотой Рог, стены и купола Константинополя на другом берегу. С такого расстояния Константинополь казался богатым, неразграбленным городом.

В доме жили трое слуг. Совсем немного для того времени, когда работы было очень много, а нанять людей — очень непросто. У Хейвига в услужении был грум-каппадокиец с лицом мошенника. Он был женат на кухарке, которая работала у них же. Ксения с удовольствием возилась с их детьми, баловала их. Она ухаживала за садом, который вскоре стал настоящим уголком рая. Остальное время она занималась шитьем, проявляя при этом настоящий талант, читала книги, которые приносил Хейвиг.

— Византийцы,— говорил Хейвиг,— были полны суеверий. Магия, гадания, амулеты от дурного глаза, предзнаменования, приворотные зелья... Ксения увлекалась астрологией. Естественно, ее увлечение было безвредным. Она составляла гороскопы, интерпретируя их так, как ей казалось интересным. Часто ночью мы вместе ходили наблюдать звезды. О, как она была прекрасна в лунном свете. Я постоянно боролся с искушением принести ей телескоп. Хотя бы маленький. Но это было слишком рискованно.

— Ты многое сделал, чтобы преодолеть интеллектуальную пропасть между вами,— заметил я.— В случае с Леонсой тебе было проще. Ты заполнил эту пропасть сексуальными наслаждениями.

— Ничего особенно я не сделал, док. Она была моложе меня лет на пятнадцать. Она многое не знала из того, что знал я, но знала много такого, чего не знал я. Во-первых, она с детства читала классиков, что не принято в нашем веке. Поэтому у нее сформировалось идеальное чувство прекрасного. Она наизусть читала из Эсхила и Софокла, Сафо и Аристотеля. Она хорошо знала древнюю историю, искусство, архитектуру, обычаи.

Он остановился, переводя дыхание. Я ждал.

— Мы любили друг друга; я с удовольствием наблюдал за ней, когда она легко передвигалась по дому, делая свои дела, постоянно напевая нежные мелодии.

Они оба не любили гостей, хотя Хейвигу время от времени приходилось приглашать в дом своих компаньонов и агентов. Но Ксения тогда скрывалась в своей комнате. К счастью, в то время было не принято, чтобы хозяйка присутствовала при таких встречах. А если в гости приходили ее друзья, тогда Хейвигу приходилось скрываться. Ведь он был Джоном Андерсоном, чужим в этой стране.

Когда ему приходилось исчезать, он, с одной стороны, был рад переменам, а с другой — очень грустил при разлуке с Ксенией. Правда, ему, чтобы оправдать свою роль коммерсанта, довольно часто приходилось отлучаться. Хотя его канцелярия находилась прямо в доме, дела фирмы требовали, чтобы он встречался со своими агентами в городе или даже в других городах.

— Вот так и протекала моя жизнь,— говорил мне Хейвиг.— Я вел жизнь преуспевающего коммерсанта с солидным капиталом и любимой женой и в то же время перемещался в будущее, чтобы изучить Федерацию Маури, ее расцвет, ее величие, ее постепенное угасание и конец.

Сумерки медленно наползали на остров. Внизу, у подножия холмов, уже начинали зажигаться фонари, но вода еще излучала свет дня. В темно-голубом небе зажглась Венера. На веранде дома Карело Кеадзиму курилась ароматная кадильня. Старик пробормотал:

— Увы. Мы идем к концу. Умиравший мир. Смерть так же реальна для целого народа, как и для отдельных личностей...

Хейвиг молчал, стоя возле умирающего друга на коленях.

— Я следовал за ним всю его жизнь,— говорил мне Хейвиг.— Он начал, как блестящий молодой философ. А закончил жизнь государственным деятелем. Я говорю тебе о нем, так как ты один из тех двоих моих современников, которым я могу доверять свои тайны. Видишь ли, я не мудрец, я могу лишь скользить по поверхности жизни, собирая информацию. Но могу ли я интерпретировать собранные факты, могу ли я понять, что происходит? Откуда мне знать, что должно быть сделано, что может быть сделано... Я просто пролетел по поверхности лет, а Карело Кеадзиму жил, работал, мыслил в самой гуще событий. Мне была нужна его помощь.

— Вы видите,— сказал Хейвиг,— один элемент вашей культуры слишком развит за счет остальных.

— Судя по тому, что вы рассказали мне, да,— его хозяин надолго задумался, но эти минуты ожидания не показались Хейвигу бесконечными.— Вернее, тебе кажется, что в будущем

возникнет конфликт между двумя концепциями, которые мы, Маури, стараемся сохранить в равновесии: наука, рационализм, планирование, контроль... и мифы, освобожденная психика, человек, как часть природы, откуда он черпает знания и мудрость...

— Мы, Маури,— продолжал старик,— когда-то возвели то доброе, что нам казалось важным, в ранг идола, фетиша, совершенно забыв о другом, хорошем, выбросив его из обращения. Во имя сохранения национальных культур мы старались заморозить целые народы в таком состоянии, которое казалось нам наилучшим. Опаснейший анахронизм! Во имя сохранения экологии мы старались запретить все работы, которые могли проложить путь к звездам. Неудивительно, что такая стратегия породила множество оппонентов.

После долгого молчания он сказал:

— Но, согласно твоим рассказам, Джек, друг мой, в будущем человечество откажется от науки и сохранит только минимум технологии, необходимый для поддержания жизни на планете. Люди еще больше углубятся в себя, в мистицизм... Я правильно тебя понял?

— Не знаю. У меня сложилось такое впечатление. Но это только впечатление. Я многого не понимаю, и от меня потребовались бы годы жизни, чтобы понять все. Даже не все, а хотя бы столько же, сколько я понял в вашей жизни. А жизнь будущих Маури ускользнула от меня.

— И парадокс углубляется,— сказал Кeadзиму.— Посреди пасторальных пейзажей стоят могучие заводы, которые вибрируют и гудят, наполненные загадочной энергией. В небеса взлетают громадные бесшумные корабли... Это ты и не можешь понять. Ты не можешь себе представить, откуда это у них... Я прав?

— Да,— с несчастным видом сказал Хейвиг.— Карело, что мне делать?

— Мы находимся с тобой на одной ступени знаний. Чему я могу научить тебя?

— Карело, я единственный человек, который пытается увидеть через тысячелетия. Но я не могу! Я чувствую, это невозможно. Ээрия внесет машинные аспекты в будущую жизнь. И что тогда будет?

Кeadзиму легонько коснулся его.

— Успокойся. Человек мало что может сделать. Но если это малое принесет пользу, то этого достаточно.

— Принесет пользу? Но если будущему человечеству предстоит жить под тиранией нескольких человек, обладающих техникой? Разве это нужно людям? И что можно сделать?

— Как политик, я уклоняюсь от ответа,— его внезапная сухость удивила Хейвига.— Но думаю, что ты видишь будущее в слишком черном цвете. Деспотизм можно уничтожить. Маури, со своей концентрацией на биологии, тоже могут оставить будущему очень плохое наследство.

— Что? — Хейvig даже привстал.

— Отточенный металл может рубить дерево и человеческую плоть,— сказал Кeadзиму.— Взрывчатка делает котлованы, но может уничтожить и людей. Наркотики... да, да. Уверяю тебя, что это главная из проблем, которая очень беспокоит наше правительство. И это не обычные наркотики, стимулирующие воображение, нет, мы уже имеем химические вещества, которые могут заставить человека поверить во все, что ему скажут.

Я, в общем, рад, что гегемония Федерации в будущем прекратится. Следовательно, вина за то, что произойдет с человечеством, ляжет не на нас.— Кeadзиму нагнулся к Хейвигу.— Но ты, несчастный путешественник во времени, ты вынужден думать о будущем. Этот вечер — вечер мирного неба. Смотри на звезды, вдыхай ароматы, слушай пение птиц, ощущай дыхание ветра. Будь заодно с Землей.

Я сидел в своем коттедже над книгой. Сенлак, ноябрь 1969 года. Ночь была удивительно ясной и пронзительно холодной. Мороз украсил невиданными узорами окна.

Проигрыватель излучал музыку Моцарта, на моих коленях лежал томик стихов Китса, возле меня на столе стоял стакан, куда было налито на два пальца виски. Воспоминания роились в моей голове и иногда заставляли улыбаться. Прекрасное время для старого человека.

Кто-то постучал в дверь. Я произнес нечто невнятное, с трудом поднялся с кресла и, придумывая предлоги для извинения и отказа, пошел к двери. Мое настроение не улучшилось, когда собака, едва не сбив меня с ног, бросилась к двери. Я держал этого бесцеремонного пса только потому, что его любила Кейт. Еще совсем щенок, когда умерла его хозяйка, сейчас он уже сам близок к могиле.

Когда я открыл дверь, морозный воздух окутал меня. Снега еще не было, земля промерзла насквозь, казалось, до самого экватора. А за дверью стоял человек, который буквально трясся от холода в своем легком не по сезону пальтишке. Он был среднего роста, щуплый, светловолосый, с острыми чертами лица.

Хотя я не видел его уже пять лет, эти годы не стерли его из моей памяти.

— Джек! — воскликнул я. Волна слабости нахлынула на меня. Он вошел, закрыл дверь и сказал неровным, прерывающимся голосом:

— Док, ты должен мне помочь. Моя жена умирает.

ГЛАВА 12

— Жар и озноб, боль в груди, красные пятна на щеках, кашель... все это похоже на пневмонию, — кивнул я. — И все это сопровождается головной болью, болью в спине и шее... Возможно, развивается менингит.

Сидя на краешке стула, Хейвиг спросил:

— Что же делать? Антибиотики...

— Да, да. Я не люблю прописывать лекарства заочно, а тем более, давать рекомендации тому, кто не имеет права этим заниматься. Так что сейчас бы я предпочел порекомендовать кислородную палатку...

— Я могу... — воскликнул он, но затем угас. — Нет, баллон с газом слишком тяжел.

— Ну что ж, она молода, — я попытался его успокоить. — Возможно, стрептомицин... — я поднялся, похлопал его по согнутой спине. — Успокойся, сынок. Послушай, что я скажу... — и я признался, что пять лет назад в беседе с одним писателем из Калифорнии не смог удержаться и рассказал ему отдельные детали эпохи Маури, о которых узнал от Хейвига. Эта странная культура заинтриговала меня, и я подумал, что этот человек, писатель, тренированный в размышлениях и предположениях, сможет объяснить мне некоторые загадки и парадоксы. Естественно, я ничего не сказал ему о Хейвиге и об источнике информации. Выслушав меня, писатель попросил разрешения использовать некоторые мысли в своих произведениях, и я не нашел причин для отказа.

— И рассказы были опубликованы, — с виноватым видом сказал я Хейвигу. — Интересно, что в некоторых рассказах он даже сумел предсказать то, что я узнал от тебя лишь позже, например, борьбу правительства с теми, кто пытается возродить машинную технологию. Что, если агенты Ээрии выйдут на след?

— У вас есть эти рассказы? — спросил Хейвиг.

Я дал ему книгу. Хейвиг быстро просмотрел ее. Озабоченность исчезла с его лица.

— Не думаю, что следует беспокоиться, — сказал он. — Он изменил имена, место действия, и кроме того, ошибался гораздо

больше, чем оказывался прав. Если кто-нибудь из знающих будущее прочтет эти книги, он подумает, что это простое совпадение, случайное попадание в цель. Но я сомневаюсь, что кто-нибудь прочтет это. Эта книга скоро забудется. Агенты Ээрии не могут просматривать все издаваемые книги.

Мне кажется, что я чрезмерно осторожен. Если за столько времени на нас не вышел еще ни один агент, значит, вряд ли это случится. Несомненно, они проверили вас и решили, что вы бесполезны для них. И все равно, я не посещал тебя столько времени только ради твоей безопасности.

Помолчав, он добавил:

— Более того, они даже не устроили мне ловушку там, где живет моя мать. Видимо, это кажется им слишком рискованным, ведь они плохо знают нашу эпоху. Так что будь спокоен, док, я думаю, все будет о'кей. Но сейчас ты должен помочь мне.

— Почему ты пришел ко мне? Ведь в эпоху Маури медицина получила хорошее развитие.

— Слишком хорошее. Она там носит только профилактический характер. Поэтому я считаю, что в случае с Ксенией лучше воспользоваться современными мне знаниями.

Я потер подбородок. Затрещала отросшая за ночь щетина.

— Я всегда знал, что хемотерапия имеет свои пределы.

Хейвиг беспокойно шевельнулся:

— Дай мне шприц и ампулы, и я пойду.

— Полегче, полегче,— заметил я.— Помни, что я не практикую, и у меня нет лекарств. Нам придется ждать, когда откроется аптека. Кроме того, я хочу немного почитать о лекарствах. Антибиотики могут иметь побочные эффекты, так что я должен подготовить тебя. Но прежде всего тебе нужно немного выпить и поспать.

— Ээрия...

— Успокойся,— сказал я этому усталому, издерганному человеку, в котором я все еще видел мальчика.— Ты сам только что сказал, что эти бандиты потеряли интерес ко мне. Если бы они следили за моим домом, то они уже были бы здесь. Согласен?

Он тяжело кивнул.

— Вероятно.

— Я одобряю твою осторожность, но все же настаиваю, чтобы ты сообщил мне о всех стадиях болезни твоей жены.

— Могу ли я?... Сначала у нее была сильная простуда. В те времена болезни протекают гораздо сильнее, чем сейчас. Дети мрут как мухи. Родители не проявляют особой любви к ребенку первую пару лет. Вероятно, именно потому, что высока детская смертность, и родители не хотят привязываться к ребенку.

Ксения, заболев, не ложилась в постель, хотя чувствовала себя плохо... А тем вечером... — он не мог договорить.

— Ты просмотрел ее будущее?

Запавшие глаза дико посмотрели на меня.

Я не могу понять, почему он боялся заглянуть в будущее Ксении, узнать, когда она умрет. Неужели он считал, что незнание спасет его свободу, вернее, иллюзию свободы. Я ничего не знаю, кроме того, что он оставался у меня два дня, давая отдых телу и учась делать инъекции. Затем мы распрощались. Ни он, ни я не знали, увидимся ли снова. Он уехал на такси в аэропорт, сел в самолет и полетел в Стамбул, чтобы там переместиться в прошлое, где его захватят агенты Ээрии.

Был ноябрь 1213 года. Хейвиг выбрал этот месяц, потому что знал: будет грязь, слякоть, холод, и агенты Ээрии не будут дежурить у моего дома. Но на берегу бухты Золотой Рог погода будет не такая холодная, хотя пронзительный ветер дул через Черное море из России, неся с собой дождь. В домах византийцев для защиты от холода имелись только медные жаровни, каминные здесь были слишком дороги. Маленькое тело Ксении содрогалось от холода, в легких слышались хрипы.

Хейвиг прибыл в Стамбул в район доков и пошел окружной дорогой, чтобы не навести шпионов. Дорога была почти пустой. В одной руке он нес хронолог, в другой — плоский чемоданчик, где заключалась жизнь Ксении. Дождь сыпал с серого неба, и вскоре вся его одежда промокла до нитки, холод подступил к телу. Звук его шагов по скользким камням гулко разносился по пустынным улицам. Он торопился. Ведь прошло уже больше пятнадцати минут с тех пор, как он покинул Ксению. Было три часа дня, а сумерки уже повисли над городом.

Дверь его дома была заперта, ставни опущены, а сквозь щели пробивался свет.

Он постучал, ожидая, что новая служанка, Зулалия, так, кажется, ее зовут, откроет дверь и впустит его. Она, конечно, удивится, увидев, что он так быстро вернулся, ну да и черт с нею.

Заскрипели петли, дверь открылась. В дверном проеме стоял бородатый человек в византийской одежде. Дуло пистолета в его руке показалось Хейвигу огромным.

— Не двигайся, Хейвиг, — сказал человек по-английски. — Не пытайся бежать. Помни, что женщина у нас.

Единственное, что напоминало о строгости византийских нравов в их спальне, была Икона Девы Марии. Свет, проникавший через щели в ставнях, освещал стены, разрисованные яркими цветами и веселыми зверушками. Ксения лежала в постели. Она была такая маленькая, такая худенькая в своей

ночной рубашке. Кожа, обтягивающая ее хрупкие кости, была как свежевывающий снег, слегка окрашенный розовым рассветом. Губы ее пересохли, потрескались. Густые волосы разметались по подушке, с бледного лица смотрели огромные испуганные глаза.

Человек в одежде римлянина, которого Хейвиг не знал, крепко и профессионально держал Джека за левую руку. Справа его держал Хуан Мендоза. Он был одет как римлянин с запада, точно так же, как и Вацлав Красицкий, стоявший у постели Ксении.

— Где слуги? — автоматически спросил Хейвиг.

— Мы пристрелили их, — сказал Мендоза.

— Что?...

— Они не знали, что такое пистолет, и поэтому смерть не испугала их. Мы не могли позволить, чтобы они своими криками предупредили тебя. Заткнись.

Мысль об убитых слугах, о том, что их дети станут сиротами, оглушила Хейвига. Его страдания усугубились тем, что он услышал кашель Ксении.

— Хаук... — прохрипела она. — Нет, нет, Джон...

Она протянула к нему тонкие бессильные руки, но он не сдвинулся с места.

Широкое лицо Красицкого заметно постарело. Он сказал с холодным удовлетворением:

— Должно быть, тебе интересно узнать, что мы потратили большую часть своей жизни, чтобы выследить тебя. Ты много должен нам, Хейвиг.

— Но... к чему это вам?

— Не думал же ты, что мы оставим тебя в покое? И не только потому, что ты убил наших людей. Ты много знаешь, умен и поэтому опасен для нас. Мне поручили разыскать тебя.

«Они слишком меня переоценивают», — тупо подумал Хейвиг.

— Мы должны знать, что ты делал, — сказал Красицкий. — Прими мой совет и расскажи правду.

— Но как...

— Чисто детективная работа. Мы предположили, что эти греки дороги тебе, раз ты поступил так, и ты непременно вступишь с ними в контакт. Признаю, ты неплохо запутал следы. Но, тем не менее, мы сумели выследить тебя. Узнав от соседей, что твоя жена серьезно больна, мы стали ждать, когда ты выйдешь, зная, что ты скоро вернешься. — Красицкий посмотрел на Ксению.

Она содрогнулась и тихонько заскулила, как скулит собака, когда убивают ее хозяина.

— Ради Христа! — воскликнул Хейвиг. — Отпустите меня, дайте мне вылечить ее.

— Кто они, Джон? — спросила Ксения. — Что они хотят? Где твой святой?

— А кроме того,— сказал Мендоза и еще сильнее заломил руку Хейвига,— Пат Мориарти был моим другом.

Боль заполнила все сознание Хейвига, и он как будто издалека слышал голос Красицкого:

— Если ты будешь хорошо себя вести и пойдешь с нами без шума, мы оставим ее в покое. Я даже сделаю ей укол, ведь, насколько я понимаю, в чемоданчике шприц и лекарства?

— Этого... недостаточно... пожалуйста, пожалуйста.

— Хватит. Я тебе сказал, что мы истратили на тебя целый год жизни. Не заставляй нас терять еще больше. К тому же, мы рискуем. Слушай, ты хочешь, чтобы тебе сломали руку?

Хейвиг вздрогнул и заплакал.

Красицкий выполнил свое обещание и сделал укол Ксении, но сделал неумело, и она вскрикнула от боли.

— Все хорошо, моя дорогая, все хорошо. Святые будут хранить тебя...— сказал Хейвиг и повернулся к Красицкому.— Дайте мне попрощаться с нею. Я сделаю все, что вы требуете, только дайте попрощаться...

Красицкий пожал плечами:

— О'кей, если ты поторопишься.

Мендоза и другой человек держали Хейвига, когда он склонился над Ксенией.

— Я люблю тебя,— сказал он ей, не зная, слышит ли она его, охваченная болезнью и ужасом. Губы, которых он коснулся своими губами, были совсем не такими, какие сохранились в его памяти.

— Олл райт,— сказал Красицкий.— Идем.

Перемещаясь во времени, Хейвиг потерял ощущение людей, держащих его. Они как бы стали частью его самого. Только мелькание света в комнате стало реальностью. Он видел, как Ксения исчезла, слышал ее крик, в следующее мгновение он уже видел ее неподвижной, увидел, что кто-то вошел в комнату, затем в комнате толпились люди, плачущие, воздевающие руки к небу... и затем в комнате было пусто, в следующее мгновение в ней уже оказались другие люди, чужие люди...

Теперь при первой же остановке он мог начать сопротивляться, но должен был обуздать себя. Нельзя прибыть в Ээрию с искалеченным телом и душой, нужно быть готовым ко всему, что придумает для него Калед Уоллис. Нужно сохранить способность мстить.

Но эти мысли мелькали у него в голове как нечто постороннее. Всю его душу заполнила смерть Ксении. Он уже едва видел, как их дом вспыхнул от пожара, когда турки взяли город, как затем город стал отстраиваться, как перед ним мелькали лица, лица, лица... до тех самых пор, когда город был стерт с лица земли

гигантским взрывом. Они остановились среди радиоактивных развалин и полетели на самолете через океан, чтобы продолжить путешествие в будущее, где их ждал Сахэм. Но в Джеке не было ничего, кроме Ксении.

Он видел, как она осталась одна умирать в пустой комнате.

Хотя в Ээрии стояло жаркое лето, камера башни, куда поместили Хейвига, была сумрачная и холодная. В ней было пусто, если не считать умывальника, матраца и двух прямых стульев. Из единственного окна открывался вид на поля, где трудились крестьяне.

Металлический трос длиной в пять футов, закрепленный на ноге, был прикован к кольцу, вмурованному в стену. Да, это был единственный способ удержать в заключении путешественника во времени.

— Садись, — приказал Калек Уоллис.

Он пристроил свой широкий зад на одном из стульев вне досягаемости Хейвига. Черная борода с эполетами, тщательно уложенные рыжие бакенбарды — все это подчеркивало превосходство Уоллиса над Хейвигом, который так и остался в древней одежде. На лице Хейвига были синяки, глаза обведены черными кругами.

Уоллис махнул сигарой.

— Я не очень зол на тебя, — сказал он. — Я даже восхищаюсь твоей энергией, умом. Мне бы хотелось, чтобы ты использовал их для меня. Именно поэтому я приказал своим мальчикам дать тебе отдохнуть перед этим интервью. Надеюсь, твои нервы пришли в норму. Садись.

Хейвиг повиновался. Он все еще был в подавленном состоянии духа. Всю ночь ему снилась Ксения. Он был с нею в огромном тримаране, который скользил по водной глади. А затем его паруса превратились в крылья, и он взмыл в небо к звездам.

— Мы здесь одни, — сказал Уоллис. Конвой ждал за дверью, тяжелой и закрытой. — Ты можешь говорить свободно.

— А если я не буду?

Глаза, устремленные на него, ударили, как пули.

— Ты будешь. Я человек терпеливый. И я не позволю тебе и дальше разрушать то, что я создаю. Я оставил тебе жизнь только потому, что надеюсь, что ты компенсируешь тот вред, который нанес нашему делу. Например, ты хорошо ориентируешься во второй половине двадцатого века. У тебя там есть деньги. Это может оказаться полезным для нас.

Хейвиг запустил руку под тунiku и почесался. Он тупо подумал: «Драма превратилась в комедию. Я, потерявший жену, любимую жену, нахожусь в плену, ожидаю пытки. Мне даже не

позволено вымыться, так что у меня чешется все тело, и от меня дурно пахнет».

Как-то он сказал Ксении, что ее любимые классические поэты весьма далеки от реальной жизни. И она, чтобы доказать ему обратное, прочла Гомера, греческие драмы, гимны... Голос ее звучал вдохновенно, палец бегал по строчкам, а среди роз гудели пчелы...

— Я слышал, что ты завел себе женщину в Константинополе,— сказал Уоллис.— Она заболела и умерла. Я сочувствую тебе. И все же, ты сам виноват во всем,— он качнул тяжелой лысой головой.— Да, да. Ты виноват в том, что случилось с нею. Я не говорю, что твой Бог наказал тебя. Природа сама делает с человеком то, чего он заслуживает. Белый человек не имеет права связываться с такими женщинами. Она же левантийка, а это значит, что в ней кровь азиатская, может, еврейская, может, и примесь негритянской.— Уоллис снова выразительно махнул сигарой.— Я ничего не имею против, когда мои мальчики развлекаются,— сказал он с игривой улыбкой.— Они имеют на это право, так как выполняют трудную работу. Но ты, Джек, ты женился на ней!

Хейвиг попытался не слушать его. Но слова Уоллиса проникли в его мозг.

— Это еще хуже, чем кажется на первый взгляд. Это символично. Ты опустился на низший уровень, ибо такая, как она, не могла подняться до тебя. И ты уронил достоинство целой расы,— его голос стал жестким.— Ты не понимаешь? Это всегда было проклятием белого человека. Он всегда более интеллигентен и чувствителен, и он всегда открывался тем, кто ненавидит его. Он впускал в свой дом лживых лицемерных людей, и проходило много времени, прежде чем он убеждался, что открылся врагам, хитрым и жестоким. О, да, я изучал твой век. Именно тогда произошло то, что готовилось десятилетиями, пришел в действие заговор, уничтоживший мир белого человека, открывший ворота монголам и Маури. Ты знаешь, что я считаю величайшей трагедией всех времен? Это когда два величайших гения, каких когда-либо создавала раса белых людей, возможные спасители от нашествия славян и китайцев, оказались в состоянии войны друг с другом. Дуглас Макартур и Адольф Гитлер.

Хейвиг сплюнул на пол в негодовании и ярости:

— Если бы генерал услышал это, я не дал бы и гроша за твою жизнь!

Странно, но Сахэм не выказал гнева.

— Ты как раз подтверждаешь мои слова.— В его тоне вдруг появилось что-то похожее на жалость к Хейвигу.— Джек, я хочу, чтобы ты понял всю перспективу. Я знаю, в тебе сильны

инстинкты самосохранения. Они только погребены в тебе под грудой коварной лжи и лицемерия. Ты видел эту негритянскую империю будущего, и ты просто не видишь, что нужно сделать, что можно сделать, чтобы снова направить белую расу по дороге эволюции.

Уоллис раскурил сигару, ее кончик ярко засветился.

— Разумеется, сегодня ты не в себе. Ты потерял свою жену и скорбишь по ней. Я тебе очень сочувствую. К этому времени она все равно давно была бы мертва. Разве не так? — Голос его ужесточился. — Все умирают. Кроме нас. Я не верю, что мы, путешественники во времени, смертны. Ты можешь быть среди нас и будешь жить вечно.

Хейвиг очень хотел сказать, что он не желает входить в их число, пока там Уоллис, но сдержался. Он ждал продолжения.

— Да, в далеком будущем нас ждет награда. Мы найдем бессмертие, мы войдем в число богов...

Где-то вдали закаркала ворона. Трубные звуки угасли в голосе Уоллиса.

— Я надеюсь, ты будешь с нами, Джек. Надеюсь. Ты сделал много полезного для нас, до того как сошел с ума. Ты позволил нам широко внедриться в ту эпоху. Поверь мне, Калев Уоллис помнит добро.

Разумеется, ты, подробнее узнав о нашей миссии, был шокирован. Но что ты скажешь о Хиросиме? Что ты скажешь о многих солдатах, твоих товарищах, Джек, которые были вынуждены умереть за американскую свободу? И ты противопоставил им эту гречанку, в которую ненароком влюбился.

Ты провел там несколько лет. И собрал много информации. Как насчет того, чтобы поделиться ею? И передать нам свои деньги? Этим ты заслужишь возвращение в наше братство.

Или ты хочешь раскаленное железо, щипцы для выдирания ногтей, свидание с теми, кто имеет огромный опыт заставлять людей тщетно мечтать о смерти? Я не позволю тебе быстро умереть...

Ночь сначала пришла в камеру, затем заглянула в окно. Хейвиг тупо смотрел на ужин, принесенный ему, пока тарелка не скрылась во тьме.

Он должен принять решение. Уоллис, возможно, врет о будущем Ээри. Если Хейвиг не может сбежать отсюда, то должен присоединиться к ним в надежде, что добрый дух Ксении спасет его.

Ведь если, например, Уоллис узнал о психонаркотиках Маури и послал за ними людей...

Ну что же, Юлий Цезарь тоже отошел от своих принципов и заложил основы западной цивилизации, которая дала миру собор

в Шартре, Франциска Ассизского, пенициллин, Баха, Билль о Правах, Рембрандта, астрономию, Шекспира, эмансипацию женщин, Джейн Адамс, следы человека на Луне, космос... и ядерную боеголовку, тоталитаризм, автомобили, Четвертый Крестовый поход... но в целом, с точки зрения бесконечности...

Может ли он, Джон Хейвиг, противостоять будущему во имя маленького обожаемого комочка праха?

Может ли он? Скоро придет слуга Уоллиса, чтобы просмотреть, записал ли что-нибудь Хейвиг на оставленный ему магнитофон.

Он, Хейвиг, должен помнить, что заслуживает бессмертия не больше, чем Дукас Манассис, Ксения или кто-нибудь другой...

И все же он не должен развязывать врагу руки, не должен давать ему возможности свободно ориентироваться в той эпохе. Пусть враги истратят на это хоть всю свою жизнь...

Чья-то рука коснулась его. Он с трудом вынырнул из объятий беспокойного сна. Мягкая ладонь зажала ему рот. И в темноте ночи послышался шепот Леонсы:

— Тихо, дурачок...

Вспыхнул луч фонарика. Он осветил металлический трос, затянутый на ноге Хейвига.

— Ах,— выдохнула она.— Вот как они тебя... Держи,— она протянула ему фонарик, но Хейвиг, сердце которого отчаянно колотилось, не мог держать его ровно. Леонса выругалась, взяла фонарик обратно и, зажав его в зубах, стала пилить трос напильником.

ГЛАВА 13

— Леонса, моя дорогая, ты не должна...— пробормотал он.

Она сердито проворчала что-то. Хейвиг покорно замолчал. Звезды смотрели в окно.

Когда трос был перепилен, он выпрямился. На ноге осталось металлическое кольцо. Она выключила фонарик, сунула его в карман: Джек успел заметить, что Леонса в джинсах, куртке, с ножом и пистолетом.

— Слушай,— прошептала она.— Ты переместишься вперед, в утро. Пусть они принесут тебе завтрак, а потом возвращайся сюда. Ты понял? Я хочу, чтобы они считали, что ты сбежал утром. Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь,— слабо сказал он.

— Хорошо,— она коротко поцеловала его.— Иди.

Хейвиг стал медленно перемещаться вперед во времени. Когда за окном стало совсем светло, он остановился, аккуратно поправил перерезанный трос, чтобы не был заметен разрез, и стал ждать. Никогда еще время не тянулось так медленно.

Вскоре пришел охранник с кофе и едой.

— Привет,— со сдержанным спокойствием поздоровался Хейвиг.

Охранник бросил на него суровый взгляд и предупредил:

— Ешь быстро. Тебя ждут для разговора.

Хейвиг с ужасом подумал, что охранник останется в камере. Но тот ушел. Когда дверь закрылась, Хейвиг в изнеможении сел. Ноги не держали его.

Леонса... Он глотнул кофе. Воля и силы вернулись к нему. Когда он вернулся в нормальное время, то услышал хриплый шепот:

— Ты можешь перемещаться? Если нет, ты погиб.

— Я попытаюсь.

— Хорошо,— пауза.— Иди.

Он услышал легкий шелест воздуха, заполняющего вакуум, где он только что был, и понял, что исчез.

— Где я? — тихо спросил он.

Она, вероятно, видела в темноте лучше, чем он, так как сразу подошла к нему.

— Все о'кей?

— Да. Вероятно.

— Не болтай,— сказала она.— Возможно, они решат проверить и это время. Держись за меня, и полетим в прошлое. Не торопись. Я буду приспосабливаться к тебе.

В тренировки людей Ээрии входило и совместное перемещение, когда партнер, ощущая скорость перемещения другого, увеличивал или уменьшал свою хронокинетическую энергию.

Прошло несколько суток. Дверь в камере не была заперта. Они спустились по лестнице, прошли через двор и вышли в ворота, которые в то время всегда были открыты. Вскоре они оказались в лесу и стали перемещаться в прошлое, останавливаясь для отдыха только по ночам.

Страдая от усталости и горя, Хейвиг едва поспевал за Леонсой. Она освободила его. Освободила ли?

Она действительно подарила ему свободу. Ему только требовалось время, чтобы поверить в это.

Они сидели в лесу. Было лето. Колумб еще не родился. Гигантские деревья сплетались друг с другом, образуя непродоходимую чашу. Их густые запахи заполняли воздух. На земле лежала плотная тень. Где-то барабанил дятел. В очаге, сложенном

из камней, горел огонь. На нем жарился глухарь, которого принесла Леонса.

— Я никогда не думала, — сказала она, — что мир был так чудесен до того, как люди испакостили его машинами. Я больше не мечтаю о Высоких Годах, когда люди летали в космос. Я там побывала, с меня достаточно.

Хейвиг, прислонившись к стволу дерева, испытывал странное ощущение «дежа вю» — уже виденного. И он сразу понял причину: через несколько тысячелетий он и она... Он посмотрел на нее более внимательно. Ярко-рыжие волосы, собранные в узел, померкший загар, мальчишеская одежда на сильном теле — она, казалось, появилась прямо из его времени. В ее английском совершенно исчез акцент родного языка. Но она и сейчас была всегда вооружена, и ее опасная кошачья грация осталась при ней.

— Сколько времени ты там была? — спросил он.

— После того, как ты бросил меня в Париже? Три года. — Она наклонилась и перевернула птицу на углях.

— Прости. Я поступил жестоко. Почему ты решила освободить меня?

Она нахмурилась.

— Я хотела, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— А ты не знаешь? — с удивлением воскликнул он. — Но если ты не знала, за что меня арестовали, как ты могла освободить меня?

— Ты расскажешь мне?

Он стал говорить без лишних подробностей. Ее раскосые глаза внимательно смотрели на него, хотя на лице ничего не отражалось. В конце концов она сказала:

— Ну что же, кажется, я поступила правильно.

Он подумал, почему? Вряд ли бы она протестовала против убийства и грабежей...

Она заговорила, как бы отвечая на его мысли:

— Если бы борьба была честной: сила против силы, ум против ума... Но эти шакалы... они напали на беспомощных. И больше для развлечения, чем для наживы, — она с хищным видом ткнула ножом птицу. Жир стал капать на раскаленные угли. Вспыхнули языки желтого пламени.

— Кроме того, какого черта мы должны помогать машинам вернуться в мир? Чтобы люди могли назвать Калеба Уоллиса богом?

— Когда ты узнала, что меня схватили, почему ты решила освободить меня? Почему пошла на открытый бунт против Уоллиса?

Леонса пожала плечами:

— Мы сможем наслаждаться жизнью вместе с тобой, не думая о том, что произойдет или должно произойти,— она внимательно посмотрела на него.— Это мы с тобой можем сделать. Найдем себе укромное местечко для житья... Ведь мы же не собираемся жить в Ээрии?

— Я совсем не уверен, что победа Ээрии предрешена. Из того, что я смог узнать...— размышления позволили ему заполнить пустоту, которая образовалась в нем со смертью Ксении.— Леонса, ты не права, отрицая начисто науку и технологию. Их только нужно правильно использовать. Природа никогда не была в идеальном равновесии. Всегда находились виды, лучше других приспособленные к жизни в данных условиях. И первобытный человек был так же легко уязвим, как и цивилизованный. Почти все люди умирали довольно молодыми от болезней, которые, как ты знаешь, в будущем научились лечить. Маури делают больше, чем просто стараются возродить жизнь на Земле. Они пытаются создать сбалансированную экологию. Но это возможно только в том случае, если у них будет развита наука и технология.

— Кажется, они не добьются успеха.

— Я не могу ничего сказать по этому поводу. Это таинственное будущее. Его еще предстоит изучить,— Хейвиг протер глаза.— Позже, гораздо позже. Сейчас я слишком устал. Одолжи мне свой нож, я нарежу после обеда веток, чтобы хорошенько выспаться за это время.

Она опустилась возле него на колени, обняла одной рукой, другой пробежала по его волосам.

— Бедный Джек,— прошептала она.— Я была жестока к тебе, прости. Но ты, когда ушел, тоже причинил мне боль. Спи, спи. Сейчас у нас мир.

— Я не поблагодарил тебя за спасение,— сказал он.— Я в вечном долгу перед тобой.

— Тупица,— Леонса крепко обняла его.— Почему, ты полагаешь, я вытащила тебя оттуда?

— Но... но... Леонса, я видел, как умерла моя жена...

— Да, да,— всхлипнула она.— Как бы мне хотелось попасть туда и познакомиться с этой девочкой... Если она дала тебе счастье... Но это невозможно, я знаю. Ну что ж, я буду ждать, Джек, я буду ждать столько, сколько понадобится...

Они не были подготовлены для жизни в доколумбовой Америке и могли там остаться лишь очень ненадолго. Они могли перенестись вперед во времени, купить необходимое и вернуться обратно. Но после того, что они оба выстрадали, безмятежная идиллия была для них невозможна.

Самым главным было состояние здоровья Хейвига. Его душевная рана залечивалась медленно, но она залечивалась, хотя после нее остался шрам — решимость объявить войну Ээрии.

Он думал, что это просто желание отомстить убийцам Ксени. Леонса встала на его сторону, как любая женщина ледникового периода встает рядом со своим мужчиной. Он признал, что до некоторой степени она права.

— Самое странное, — говорил он Леонсе, — что в эпоху Маури и позже не рождались путешественники во времени. Хотя, может, они остаются инкогнито, как это случалось в ранней истории. Может, они боятся продемонстрировать свою уникальность. Ах, если бы мы знали хотя бы одного...

— Ты интересовался?

Они сейчас находились в гостинице середины двадцатого века. Вокруг бурила ночная жизнь Канзас-Сити. Хейвиг не прикасался к своим вкладам в банках. Он сначала хотел убедиться, что не находится на крючке агентов Уоллиса. Мягкий свет лампы падал на Леонсу, которая сидела в прозрачном пеньюаре на постели, прижав колени к подбородку. Она ничем не проявляла своих чувств к нему, и была для него только сестрой. Охотница научилась терпению, а Скула умела читать в душах людей.

— Да, — сказал он. — Я тебе рассказывал о Карело Кeadзиму. У него есть связи по всему миру. Если он не знает о путешественниках во времени, значит, никто не знает. Леонса, нам придется рискнуть и отправиться в будущее, к Маури.

Снова проблемы, снова освоение нового мира.

Подумайте. Одна эпоха не мгновенно и полностью заменяет другую. Каждая тенденция замаскирована многочисленными подводными течениями. Так, например, Мартин Лютер вовсе не был первым протестантом. Просто он был первым, кто поднял эту проблему. И его успех был обусловлен многочисленными поражениями его предшественников. Гуситы, долларды, эльбигензианцы — вот фундамент его успеха. Но и они уже имели под собой основу, заложенную в предыдущих веках.

Если вы хотите изучить эпоху, то в какой ее год следует перенестись?

Вы можете путешествовать во времени, но чтобы остановиться у цели, необходимо обеспечить базу для жизни, крышу над головой. Поэтому предварительно следует сделать несколько путешествий в будущее для подготовки всего необходимого.

Хейвиг переместился на западный берег Северной Америки тридцать первого столетия. Там существовал некий гибрид англо-испано-маури. Хейвиг взял там грамматику, словарь,

материалы для чтения. После недолгой, но интенсивной практики он и Леонса почувствовали себя готовыми к переселению.

Этот город притягивал к себе посетителей с разных частей света, и еще два чужака не могли привлечь к себе особого внимания. Да, Сансиско был Меккой пилигримов: ведь знаменитый гуру Дуаго Самито здесь делал свои откровения. Никто не верил в чудеса, но люди верили в то, что если стать на высоких холмах над городом, слиться с небом над головой и морем под ногами, то тебя может посетить особый дар внутреннего видения.

Перед пилигримами не стояла финансовая проблема. Эта эпоха была эпохой процветания. Каждый из жителей мог разделить пищу и кров с пилигримами, получая в награду рассказы бывалых людей, много повидавших на свете.

— Если вы ищете Хозяев Звезд,— сказал хозяин, у которого они остановились,— то действительно, они здесь есть. Но они есть везде, и в вашей стране тоже.

— Мы просто хотели узнать, они такие же, как у нас, или нет,— ответил Хейвиг.— Я слышал, Хозяева отличаются большим разнообразием.

— Верно.

— К тому же, это нисколько не удлинит наше путешествие.

— Тут можно не ходить самим. Достаточно связаться с помощью этой системы,— хозяин дома показал на аппарат голографической связи, стоящий в углу. Это была странная конструкция, которая смотрелась здесь примерно так же, как японский замок в средневековой Европе или готическая церковь в Японии эпохи Мэйдзи.

— Хотя, полагаю, у них на станции сейчас никого нет,— заметил хозяин.— Они приходят не часто.

— Мы, по крайней мере, посмотрим, где они живут.

Смуглый человек кивнул:

— Да, вы получите ощущение спасения. Идите с Богом.

Утром, после часового пения и медитации семья вернулась к обычным делам. Отец вручную обрабатывал небольшой сад. Для него это было чисто психологической необходимостью, а не экономической. Мать продолжала работу над параматематической проблемой. При одном взгляде на ее записи у Хейвига закружилась голова. Дети занялись сложной электронной системой, которая выполняла функции преподавателя и воспитателя.

Шагая по дороге, где грязь налипала на сапоги, в то время, как в небе проносились сложные машины, Леонса вздохнула:

— Ты прав. Мне никогда не понять их.

— Для этого может потребоваться целая жизнь,— согласился Хейвиг.— В историю человечества вошло что-то новое. Не обязательно плохое, но новое.

И, немного погодя, он добавил:

— Впрочем, подобное уже бывало. Разве мог палеолитический охотник понять неолитического земледельца? Разве мог сравниться человек, живущий под божественной властью короля, сравниться с живущим в свободном государстве? Я не всегда понимаю тебя, Леонса.

— И я тебя,— она схватила его за руку.— Давай постараемся.

— Мне кажется,— сказал Хейвиг,— повторяю, кажется, что эти Хозяева Звезд живут в ультрамеханизированном мире, что находится в вопиющем контрасте с жизнью на остальной Земле. Они появляются нерегулярно, их жилища, в основном, пусты. Не кажется ли тебе, что они — путешественники во времени?

— Но ведь они несут добро, разве не так?

— Значит, они не из Ээрии? Почему нет? Вполне возможно, что они начинали именно там. Внук пирата вполне может стать обожаемым королем.— Хейвиг привел свои мысли в порядок.— Насколько я могу понять, причем следует учесть, что я плохо понимаю их новейший язык, они появляются, чтобы торговать идеями и знаниями, а не материальными ценностями. Их влияние на Земле, с одной стороны, ничтожно, но с другой — весьма впечатляюще. И, насколько я мог заметить, оно постоянно растет. Видимо, они провозвестники новой цивилизации, которую я не могу себе даже представить.

— Но местные описывают их иногда похожими на людей, иногда — нет.

— У меня тоже сложилось такое впечатление. Может, это просто фигуральное выражение?

Он посмотрел на нее. Солнце сверкало в ее волосах, на лице блестели капельки пота. Он остро ощутил запах ее тела. Плащ пилигрима прилип к ее ногам, совершенно не скрывая их формы. Где-то поблизости слышалось пение птиц.

— Посмотрим, если удастся,— сказал он.

Она улыбнулась.

Город с устремленными в небо шпилями и изящно закругленными куполами был пуст. Невидимый барьер задержал их. Они двинулись вперед во времени, пока не увидели в воздухе корабль. Тогда они остановились.

Корабль приземлился. Команда спустилась на землю по невидимому трапу. Хейвиг видел мужчин и женщин. Сверкающая одежда обтягивала их тела. Хейвиг понял, что подобных совершенных существ Земля не могла создать ни раньше, в эпоху

динозавров, и не создаст позже, когда болезненно распухшее красное солнце будет медленно сжигать ее.

Леонса вскрикнула. Хейвиг едва успел схватить ее, прежде чем она исчезла, уносясь в прошлое.

— Неужели ты не поняла? — спрашивал он. — Неужели ты не поняла все чудо этого события?

Они стояли на высоком хребте. Бесчисленные звезды были рассыпаны на небе от одного горизонта до другого. Метеориты прочерчивали небо. Воздух был холодный, при дыхании образовывались облака пара. Леонса прижалась к Хейвигу. Вечная тишина космоса окружала их.

— Посмотри, — сказал он. — Каждая из этих звезд — солнце. Неужели ты думаешь, что во Вселенной больше нет планет, населенных живыми существами?

Она содрогнулась.

— Но то, что мы видели...

— То, что мы видели — чудо... — он старался подыскать слова. Ведь они росли в разное время. Что для него было реальностью, достижимым будущим, для нее являлось всего лишь туманной легендой.

— Откуда человечество может получить толчок к вливанию нового духа, новых возможностей? После эпохи Маури человечество не замкнулось в себе. Оно начало распространяться дальше во Вселенную, за пределы, которых не достигало раньше.

— Расскажи мне, — молила она. — Помоги мне!

Неожиданно для себя Хейвиг поцеловал ее. Они остались одни во вселенной, слились воедино.

Но счастливых концов нет. Нет никаких концов. Ничто не кончается. Правда, нам выпадают счастливые мгновения.

Пришло утро, когда Хейвиг проснулся возле Леонсы. Она еще спала, теплая, мягкая, положив руку ему на грудь. На этот раз ее утомили его мысли и рассуждения, а не его тело.

— Док, — говорил он мне хриплым от отчаяния голосом, — я не мог оставаться там, в этом подобии рая. Я нигде не мог оставаться, не мог позволить себе не вмешиваться в будущее.

Я уверен, что будущее идет туда, куда надо. Но могу ли я в этом быть по-настоящему уверен? Да, да, меня зовут Джек, а не Иисус. Моя ответственность за будущее где-то должна кончаться, но где?

И даже если человечеству предназначено счастливое будущее, где дорога, которая ведет туда? Помнишь, однажды я высказал мнение, что Наполеон должен был выполнить свою миссию: объединить Европу, собрать ее вместе. Но Гитлеру этого нельзя

было позволить. Нельзя было допустить его победы. А как мне рассматривать Ээрию?

Он разбудил Леонсу. Девушка быстро собралась, чтобы следовать за своим мужчиной.

Они могли посетить Карело Кеадзиму, но он мало чем мог помочь им. Кроме того, он занимал слишком высокое положение, жизнь его была у всех на виду.

Меня не очень интересовало, кого хотят найти Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна.

ГЛАВА 14

12 апреля 1970 года. Весна, только что нарождающаяся зелень, еще сырая после ночного дождя, белые облака на небе, отражающиеся в лужах на дорожках, сырая холодная земля, липнущая к пальцам, когда я стоял на коленях, сажая луковицы ирисов.

И тут под колесами машины заскрипел гравий. В ворота въехала машина и остановилась на лужайке возле небольшого каштана. Машина была мне незнакома, и я выругался про себя, поднимаясь с колен, чтобы встретить посетителей. Когда из машины вышли люди, я сразу же узнал мужчину, но не смог опознать его спутницу.

— Док! — Хейвиг бросился ко мне с раскрытыми объятиями. — Боже, как я рад тебя видеть!

Я не очень удивился. После того, как он несколько месяцев назад был у меня, я все ждал, что он вернется, если еще жив. Но только сейчас я понял, как мне не хватало его.

— Как твоя жена? — спросил я его.

Его лицо сразу стало печальным.

— Ее больше нет. Я расскажу... позже...

— О, Джек... Прости...

— Ничего. Ведь для меня это произошло полтора года назад.

А когда он обернулся к рыжеволосой девушке, приехавшей вместе с ним, улыбка вновь появилась на его лице.

— Док, Леонса, вы уже много слышали друг о друге. А теперь встретились.

Как и он, Леонса совершенно не обратила внимания на то, что мои руки запачканы землей. Встреча была для меня очень неожиданной. Я ведь еще не видел никого, прибывшего из

времени. Хейвиг не в счет. А эта женщина совершенно из другой эпохи.

Охотница, шаманка, прорицательница, любовница многих и убийца многих... и вот она передо мною, одетая в самую обыкновенную одежду: модный костюм, нейлоновые чулки, туфли на высоких каблуках, в руке сумочка, на губах обычная помада, и говорит она на английском языке, совершенно не отличающемся от моего.

— Здравствуйте, доктор Андерсон! Я давно мечтала встретиться с вами.

— Входите в дом,— с трудом выговорил я.— Пойдемте умоемся, а потом я угощу вас чаем.

Леонса очень старалась остаться невозмутимой, но это ей плохо удавалось. Хейвиг рассказывал, а она то и дело вставала со стула, подходила к окну, смотрела на тихую улицу.

— Успокойся,— сказал он ей наконец.— Мы же все проверили, просканировали этот промежуток времени. Помнишь? Никаких агентов Ээрии мы не обнаружили.

— Не могли же мы проверить каждое мгновение,— возразила она.

— Нет, но... я через неделю буду тебе звонить и спрошу, все ли у вас было в порядке, так что не удивляйся.

— Может, они что-нибудь подготовили,— сказала Леонса.

— Вряд ли. Мы списаны со счета. Я уверен.

— Вероятно, я нервничаю чисто по-женски.

Поколебавшись, Хейвиг сказал:

— Если бы они следили за нами и знали о наших контактах с доком, они нанесли бы мне удар через него. Нет,— обратился он ко мне,— я могу навлечь на тебя неприятности, док. Прости меня. Именно поэтому я не поддерживаю контакта с матерью.

— Все в порядке, Джек,— я попытался изобразить улыбку.— Это немного развлекает меня с тех пор, как я отошел от практической работы.

— Но все будет о'кей,— сказал Джек.— Я позабочусь об этом.

Леонса вздохнула. Долгое время стояла тишина, только с улицы доносился шелест ветвей на ветру. По небу проносились облака.

— Значит, ты считаешь, что я спокойно доживу до смерти?

Он кивнул.

— Ты знаешь, когда это случится?

Он сидел неподвижно.

— Хорошо, не говори. Но не потому, что я боюсь. Я простой смертный, и я знаю, что это случится. Однако я не завидую тебе. Когда я умру, ты потеряешь друга.

Засвистел чайник.

— Значит,— говорил я несколько часов спустя,— ты не собираешься быть пассивным? Ты хочешь что-то предпринять относительно Ээрии?

— Если смогу,— тихо ответил Хейвиг.

Леонса, сидевшая рядом с ним, стиснула его руку.

— Что ты говоришь! — воскликнула она.— Я сама была там, в будущем. Недолго, но я видела, как Ээрия стала могущественной. Я видела Калеба Уоллиса, выходящего из самолета. Он был стар, но я его видела,— она стиснула кулаки.— И никто не убил этого ублюдка!

Я взял свою трубку. После обеда мы сидели в моем кабинете среди книг и картин. Солнце уже поднялось высоко, и я объявил, что теперь можно выпить немного виски. Но все же атмосфера в кабинете оставалась напряженной. Я почти физически ощущал горе и гнев, который хранили в себе эти двое.

— Ты не полностью изучил будущее Ээрии? — поинтересовался я.

— Да, мы читали книги Уоллиса и слушали его рассказы. Я не думаю, что он лгал. Он эгоист, но в таких вопросах лгать не будет.

— Ты не понял меня,— я махнул трубкой.— Я спросил, изучал ли ты Ээрию внимательно, год за годом?

— Нет,— ответила Леонса.— Раньше не было причин, а теперь слишком опасно,— она внимательно взглянула на меня. Все-таки она была очень привлекательна.— Вы что-то имеете в виду, док?

— Может быть,— я достал спички, зажег трубку. Этот маленький очаг в моей руке всегда действовал на меня успокаивающе.— Джек, я думал о том, что ты рассказал мне в последний визит. Это естественно. У меня было время для размышлений. И ты сам сейчас пришел ко мне в надежде, что я дам тебе совет. Верно?

Он кивнул. Мелкая дрожь била его тело.

— Я, разумеется, не могу сказать, что решил ваши проблемы,— предупредил я.— Я могу сказать только то, что ты сам говорил мне когда-то: свобода таится в неизвестном.

— Продолжайте,— выдохнула Леонса. Она сидела, стиснув кулаки.

— Ну что ж,— сказал я, глубоко затянувшись.— Твое последнее утверждение еще больше укрепило меня в моем мнении. Уоллис верит, что его организация, модифицированная, но базирующаяся на том, что он создал, будет доминировать после эпохи Маури. Из того, что вы видели, это кажется мне сомнительным. Следовательно, где-то когда-то произойдет упадок Ээрии. И вообще, о будущем Ээрии вы знаете только со слов

Калеба Уоллиса, который крайне тщеславен и родился более сотни лет назад.

— А какое имеет значение дата его рождения? — спросил Хейвиг.

— Большое. Наш век — жестокий век. Мы получили жестокие уроки, каких себе даже представить не может поколение Уоллиса. Кроме того, общий стиль жизни, уровень науки... Он наверняка слышал что-то, например, об операционном анализе, но никогда не пользовался им.

Хейвиг напрягся.

— Твой хронолог — это пример мышления человека двадцатого века. Кстати, что с ним?

— Я оставил его в Стамбуле, когда меня схватили. Думаю, что люди, которые стали жить в этом доме, либо выбросили его, либо разобрали на части из любопытства. Я уже сделал себе новый.

Мне стало не по себе. Я начал понимать Леонсу, охотницу из дикого племени.

— Те люди, которые тебя схватили, даже такой неординарный и изощренный человек, как Красицкий, даже не подумали взять этот прибор для изучения. И это прекрасная иллюстрация моей точки зрения, Джек. У каждого путешественника во времени есть проблема попадания точно в нужный момент. И только ты подошел к разрешению этой проблемы научно: разработал прибор и нашел компанию, которая изготовила его для тебя.

Я выдохнул облачко голубого дыма:

— Это никогда не приходило в голову Уоллису. И никому из его окружения. Для них это недоступно. У них совсем не такой образ мышления.

Снова наступила тишина.

— Ну что ж, — заговорил Хейвиг, — я путешественник во времени, рожденный в самый поздний период.

Я кивнул.

— И воспользуйся своим преимуществом. Ты уже сделал это, решив изучить эпоху после Маури. Никто бы из окружения Уоллиса не осмелился бы на это. Помни, что Уоллис — выходец из века, где главным было не тщательное изучение с обоснованными выводами, а предсказания, предположения. Это век Максвелла, Пирса, Рикардо, Клаузевица — мыслителей, гениев. Но семена, которые они посеяли, не взошли в то время. Я уверен, что Уоллис, как и другие путешественники во времени, — дитя своего века, хотя он и смог отбросить кое-какие предрассудки и стать суперменом.

У Леонсы был озадаченный вид. Естественно, моя философия была непонятна ей. Хейвиг тоже не все понимал.

— Что ты предлагаешь? — спросил он.

— Ничего конкретного. Только общую концепцию. Сконцентрируйся на стратегии, а не на тактике. Не пытайся в одиночку воевать в целой организацией. Заручись союзниками.

— Откуда мне их взять?

— Везде и во всех временах. Уоллис неплохо поставил дело с набором агентов. Но он действует слишком грубо, и, наверняка, многие не попадают в его сети. Тогда, в Иерусалиме, в день казни, вероятно, было много путешественников. Его агенты смогли найти только тех, кто не очень старался скрыть свою уникальность. Нужно попытаться найти остальных.

— Хм. Я уже и сам думал об этом,— Хейвиг потер подбородок.— Может, стоит пройти по улицам, напевая мессу на греческом языке.

— И на латинском тоже,— я сжал трубку.— И еще одно. Может, тебе не стоит слишком уж засекречивать себя. Ты уже не ребенок.

Я говорил о тебе в Беркли, в Колледже Хольберга, разумеется, не называя тебя. В Беркли хорошие люди и настоящие ученые. Я могу назвать тебе тех, с кем я говорил и кто принял факт твоего существования. Они могут помочь тебе, уважая твое доверие.

— Но почему? — спросила Леонса.

Хейвиг вскочил и стал метаться по комнате, объясняя ей:

— Чтобы открыть мир, дорогая. Не может быть, чтобы такие, как мы, рождались только на Западе. Это бессмысленно. Китай, Япония, Индия, Африка, Америка — миллиарды людей! И мы... — он замолчал, чтобы перевести дух.— Мы можем отбросить плохих, отобрать лучших, молодых, вывести их на правильный путь, черт побери! О, боже! Что нам эти тупицы из Ээрии? Мы будем делать будущее, а не они!

Конечно, это было непросто. Они провели много лет в подготовке. Это позволило им наладить отношения и между собой. Когда я увидел их в следующий раз, они вели себя по отношению друг к другу как давно женатая и счастливая пара. И все равно, это было трудное время для них.

Это время требовало четкого мышления и трезвого реализма. Благодаря мне Хейвиг встретился с теми учеными, о которых я говорил. Когда он сумел убедить их, они познакомили его со своими коллегами, и у Хейвига образовался настоящий мозговой центр, который руководил его действиями. Некоторые из этих ученых ради Хейвига и его миссии даже ушли в отставку, что озадачило непосвященных коллег. Временами я слышал кое-что об их успехах. Они разработали много методов вступления в контакт с путешественниками, если перечислять их все, нужно

было бы написать еще одну книгу. Многие из них не увенчались успехом, но некоторые сработали.

Например, тот, кто ищет своих собратьев, должен обращать внимание на необычайность, отличие того или иного человека от окружающих. Шаманы, ведьмы, колдуны, совершающие чудеса. Крестьянин, который среди засух и прочих бедствий умудряется получать хорошие урожаи. Торговец, чьи корабли регулярно возвращаются домой, несмотря на штормы и ураганы. Воин, прославившийся как неуловимый шпион и разведчик. А когда путешественник выявлен, встает не менее сложная задача привлечь его на свою сторону.

Найти путешественников во времени — это только начало. Их нужно организовать. Как? Почему они должны согласиться покинуть свои дома, привычное окружение, пойти на определенные ограничения, положить свои жизни на что-то призрачное, неясное? И что может остановить их, когда они устанут от одиночества и захотят вернуться домой?

То, что они встретятся с подобными себе, конечно, окажет свое воздействие. На этом сыграл Уоллис, сыграет и Хейвиг. Но этого, конечно, мало. Кроме того, Уоллис обещал всем власть, величие, он утверждал, что каждый из них — творец будущего.

Что же мог сказать своим товарищам Хейвиг, чтобы они прониклись ненавистью к Ээрии, поняли необходимость войны с нею?

Я завидовал громадности задачи Хейвига. Представьте: отыскать, а затем выковать твердый сплав из конфуцианского учителя, охотника на кенгуру, польского школьника, месопотамского крестьянина, западноафриканского кузнеца, мексиканского вакеро, эскимосской девушки... Даже просто собрать вместе этот причудливый калейдоскоп потребовалось много сил. А потом еще многим из них приходилось говорить, что они путешественники во времени...

Они проходили тренировки в разных местах и эрах. После чего подвергались тесту на правдивость, определялись их способности. В отдельных случаях — очень небольшой процент — люди отправлялись обратно по домам. Им платили и с ними прощались. К этому времени они получали мало информации о враге, с которым предстояло бороться, и не могли вступить в контакт с Ээрией.

Остальные отправлялись на главную базу для дальнейшего обучения.

База находилась именно там, где в будущем расположится Ээрия, но только на много тысяч лет назад в эпоху раннего плейстоцена. Такая предосторожность создавала множество проблем. Например, чтобы перемещаться в будущее, нужно было

создавать промежуточные базы для отдыха, где можно было бы не только передохнуть и набраться сил, но и переодеться в соответствии с требованиями эпохи.

Но безопасность была дороже всего. Их крепость стояла на высоком холме, у подножия которого мирно катила воды река. Она сверкала на солнце, как бронза.

Хейвиг собрал общество, в котором женщины и мужчины были примерно в равном количестве. Это было настоящее общество, спаянное общими целями. У них уже появились свои обычаи, ритуалы, законы... Да, это был настоящий триумф Хейвига. Сахэм создал армию, а человек, поклявшийся уничтожить его, создал племя.

Хейвиг и Леонса были у меня в марте, тогда их работа была в самом разгаре. И только в День Всех Святых я услышал продолжение истории.

ГЛАВА 15

Тени пронеслись мимо нас, когда время неудержимо рвалось вперед. Они имели форму и цвет, массу и размеры только тогда, когда мы останавливались поесть, поспать, глотнуть воздуха. Над этими холмами пронеслись годы, десятилетия, столетия. Менялся ландшафт, наступали ледники, сопровождаемые снежными бурями. Затем они таяли, оставляя после себя громадные озера, из которых пили воду мастодонты. Затем эти озера зарастали травой, превращались в болота... И снова приходили ледники, и снова они таяли, но теперь по окружающим бескрайним прериям бродили стада бизонов, чья тяжелая поступь заставляла землю содрогаться. И вот появились первые люди, меднокожие, вооруженные копьями с кремниевыми наконечниками. А затем снова наступила Большая Зима — и снова потепление, и снова люди, но уже вооруженные луками и стрелами. Потом пришли завоеватели, огнем и мечом добывающие себе право жить на этой благословенной земле...

Для последнего отдыха группа Хейвига остановилась в доме одного фермера, который не был путешественником, но которому можно было доверять.

Свет фонаря отражался от гладкой поверхности кухонного стола. В печи горели, потрескивая, поленья. На печи стоял громадный кофейник. Хотя до ближайших соседей было полдня езды на лошадях, и дом стоял среди деревьев, Олаф Торстад всегда принимал гостей после наступления темноты. То, что

кто-нибудь увидит свет в его окнах, не смущало его: подумают, что он страдает бессонницей.

— Вы уже собираетесь? — спросил он.

— Да, — ответил Хейвиг. — Мы уйдем перед рассветом.

Торстад взглянул на Леонсу:

— О, леди как будто собралась на войну.

— Женщина должна идти за своим мужчиной. — И с ухмылкой добавила: — Джеку не удастся отделаться от меня.

— Да, другие времена, другие нравы, — вздохнул Торстад. — Но я рад, что родился в 1850 году. Хотя я очень благодарен вам за то, что вы сделали для меня.

— Для нас ты сделал больше, — ответил Хейвиг. — Мы поселили тебя именно здесь потому, что нам нужна база поблизости от Ээрии. Ты все время рискуешь, когда мы прячем у тебя свои вещи. Но сегодня все кончится. — Джек изобразил улыбку. — Ты можешь пользоваться всем тем, что осталось после нас, жениться на девушке, с которой помолвлен, и прожить остальную жизнь в мире и покое.

Несколько секунд Торстад смотрел на него. И затем коротко спросил:

— В мире? Но ведь вы вернетесь? Расскажите, что случилось? Пожалуйста...

— Если победим, — ответил Хейвиг и подумал, сколько таких обещаний он дал своим помощникам, разбросанным по разным эпохам. Он вскочил с кресла. — Принеси оружие для моих людей. Нам пора действовать.

У Хейвига не было огромной армии. Отряд состоял из трех тысяч человек. Туда входили и женщины. Это было слишком большое число, чтобы держать их на одной промежуточной базе, так как могли возникнуть различные слухи, которые дошли бы до врага и насторожили его. Поэтому небольшие группы были разбросаны по разным эрам. Теперь все пришло в движение. Все группы стали собираться к исходной точке.

Хейвиг и подлюжины его друзей стояли в первое утро 1077 года непрерывного существования Ээрии. Звезды ярко сверкали в западной части неба, но уже начали блекнуть на востоке. В призрачном свете виднелись кирпичи стен и башен, стекла окон, покрытые инеем булыжники мостовой. Необычайная тишина царила над миром, словно все звуки вымерли на этом холоде, который пощипывал гортань и легкие при дыхании.

Эти ребята хорошо знали, что им нужно делать, и, тем не менее, Хейвиг испытующе посмотрел на них, на тех, кого он выбрал для выполнения самого важного дела.

Все они были одеты одинаково: темно-зеленые парки, брюки, заправленные в кожаные сапоги, шлемы, оружие, пояс с

патронами. Он знал эти лица лучше, чем свою ладонь. Ведь он провел с ними много лет. Леонса с широкими скулами, выпуклым лбом, чувственными губами, которые он так часто целовал. Чао, Индхлову, Гуттиерез, Белявский, Маатук ибн Пахаль. Они на мгновение скрестили руки и приготовили оружие, так как часовые могли заметить их и поднять тревогу.

Крепость всегда тщательно охранялась, но теперь, когда Ээрия процветала уже столько лет, никто бы не осудил часовых, которые в утро Нового Года решили покинуть свои посты и отметить праздник.

— О'кей,— сказал Хейвиг.— Я люблю тебя, Леонса.

Ее губы скользнули по его губам. Отряд прошел к двери башни, где жил Калев Уоллис.

Она была заперта. Ругательство сорвалось с прекрасных губ Леонсы. Пистолет Маатука выпустил пулю в замок. Звук выстрела ударил по барабанным перепонкам, заметался между спящими стенами.

Хейвиг повел отряд в башню. Позади он услышал крик, который только удивил его, но не встревожил. Вперед, на лестницу!

Звуки шагов по каменному полу гулко раздавались в тишине. Они быстро поднимались по темной и пыльной спиральной лестнице. Гуттиерез и Белявский остались внизу охранять главный вход в лифт. Индхлову и Чао начали обыскивать второй и третий этажи, чтобы обнаружить апартаменты секретаря Уоллиса. Хейвиг не знал, кто сейчас секретарь. И апартаменты Остина Колдуэлла. А Хейвиг был уже на следующем этаже, перед обитой медью дверью в апартаменты Уоллиса.

Она даже не была заперта. Сюда никто не мог войти без разрешения. Если он, конечно, не намеревался уничтожить все, созданное Сахэмом. Хейвиг широко распахнул дверь.

Он сразу узнал этот мохнатый ковер, тяжелую мебель, фотографии на стенах. Воздух был сырой и спертый. Через морозные узоры на окнах свет едва проникал сюда. Маатук остался охранять вход.

Хейвиг и Леонса прошли через кабинет в спальню.

Уоллис вскочил с огромной двухспальной кровати, закрытой пологом. Хейвиг был поражен, увидев, как прошедшие годы действовали на Уоллиса. Он был совершенно седой, кожа на лице изборозжена сетью красных прожилок. Жалкое впечатление, которое он производил, увеличивалось ночной рубашкой. Он бросился к столу, где лежал пистолет.

— Ка-а-а! — крикнула Леонса, прыгая вперед.

Уоллис исчез из виду. Она тоже, успев ухватиться за него. Через мгновение они появились вновь, катаясь по полу. Он не

мог исчезнуть во времени, так как Леонса не пускала его. На фоне их хриплого дыхания слышались всхлипывания наложницы за пологом. Хейвиг бегал вокруг, пытаясь помочь. Но они так крепко сплелись, что он не находил просвета, куда бы мог ударить.

В прихожей прогремели выстрелы.

Хейвиг бросился к двери и, распластавшись на полу, выглянул. В коридоре неподвижно лежал Маатук. Он хрипло дышал, истекая кровью. Видимо, ему прострелили легкие. Пистолет Колдуэлла искал следующего врага. Видимо, ветеран войн в Индии сумел убить Чао, который успел все же ранить Остина. Однако Колдуэлл убил и Маатука.

— Вы окружены! Сдавайтесь! — крикнул Хейвиг.

— Иди... к дьяволу... предатель... — и снова рывкнул колыт.

Хейвиг проскользнул во времени на минуту вперед, вышел из двери и выстрелил.

Его пуля пробуровила воздух и разбила стекло на фотографии Шарлеманя. Колдуэлл был мертв.

Во дворе слышались взрывы. Хейвиг поспешил к Леонсе. Она зажала ногами нижнюю часть тела Уоллиса и пальцами рук сдавливала сонную артерию. Уоллис бил ее кулаками по рукам, но она сдавливала и сдавливала. Удары Сахэма все слабели, и вот его руки безвольно упали.

— Быстро! — простонала она. — Быстро!

Хейвиг достал из кармана наручники и тонкую цепочку. Он быстро приковал Уоллиса к ножке кровати.

— Он никуда не денется, если кто-нибудь не освободит его. Ты будешь охранять его.

— И пропустить все самое интересное? — вскрикнула она.

— Это приказ! — рывкнул Джек. Леонса бросила на него испепеляющий взгляд, но повиновалась. — Этот пленник — сердцевина всего плана. Я пришлю кого-нибудь сменить тебя, — сказал он и про себя добавил: — После боя.

Он ушел. Наложница тоже исчезла. Хейвиг подумал, обрадовалась она неожиданному освобождению или огорчилась?

На следующем этаже был балкон, с которого обозревался весь двор. Отсюда Сахэм произносил свои проповеди. Хейвиг вышел на балкон и в бледном свете наступающего утра посмотрел вниз. Там царил хаос боя, слышались крики, стоны, выстрелы. Тут и там валялись мертвые, раненые, искалеченные.

Шум боя оскорблял мирные небеса.

Хейвиг не мог понять общей картины боя и достал бинокль. С его помощью он мог узнавать отдельных людей. Или трупы... да, Хуан Мендоза... и... О, боже, Джерри Дженнингс, которого он надеялся спасти...

Новый отряд его армии вынырнул из времени и вступил в бой. Внезапно на крепость опустился парашютный десант: его люди, выпрыгнувшие из самолета в двадцатом веке, приземлились сейчас, в точно назначенный час, так как каждый из них был снабжен хронологом. В рядах воинов Ээрии было полнейшее смятение. Они не ожидали нападения. К тому же, они еще не отошли от празднования Нового Года. А если добавить, что им противостояли воины, специально подготовленные для такой битвы, четко знающие свои обязанности, победа Хейвига была неизбежной.

Сейчас для Хейвига главным было позволить ускользнуть как можно меньшему числу агентов. Он опустил бинокль, взял в руки микрофон передатчика и стал руководить боем.

— Скрыться удалось немногим,— рассказывал он мне.— Но и тех мы поймали позже. Ведь из регистрационных книг Уоллиса мы знали о них все, так что нам не составляло труда узнать, куда они могли скрыться. Никто из них не был суперменом. Все они были либо хлюпиками, поставленными Уоллисом выполнять работу клерков, либо воинами, тупоголовыми, суеверными и жестокими. Уоллис никогда не старался дать своим людям разностороннее образование. Он развивал в каждом только то, что хотел взять от него. Ведь если человек образован, он начинает думать, начинает задавать лишние вопросы.

Следовательно, те, кто успел бежать из империи, не были высокоморальными людьми, и единственное, о чем они думали — это о спасении собственной шкуры. Я не думаю, что такие люди без денег, без образования смогут жить спокойно в какой-либо эпохе цивилизованного мира. Нет, единственное, куда они могут скрыться — это дикие племена. Там они могут стать знахарями, прорицателями. Во всяком случае, они кончат жизнь ползеными членами общества.

— Так было покончено к Ээрией,— мурлыкающим голосом сытой тигрицы сказала Леонса.

— Да, в военном смысле,— быстро вступил ее муж.— Но работы предстояло много. Нам нужно было превратить всех пеонов Ээрии в свободных граждан. Фаза-2 характеризовалась тем, что мы уничтожили рабство. И наши агенты тоже стали самими собою, а не воинами. Они могли свободно посещать прошлое, но только для исследования и поиска новых членов нашего братства. И если для операции требовались деньги, мы добывали их посредством справедливого обмена ценностями.

Леонса ласково погладила его по щеке.

— Джек родился в сентиментальное время,— промурлыкала она.

Я нахмурился, желая понять все до конца.

— Подождите,— сказал я,— но перед вами стояла еще одна важная проблема — проблема пленников. Что вы сделали с ними?

Воспоминание об этом заставило Хейвига сдвинуть брови.

— Да, трудно было найти правильное решение,— сказал он.— Мы не могли освободить их. И мы не могли вечно держать их заточенными в секретной тюрьме.

Леонса сморщилась:

— Уж лучше тогда быть расстрелянным.

— Так вот,— продолжал Хейвиг.— Ты помнишь, я рассказывал о психопрепаратах, изобретенных в эру Маури? Мой друг Карело Кеадзиму боялся их. Человек, находящийся под действием такого наркотика, подвержен стойкому внушению. Он верит всему, что ему скажут. Абсолютно. Это становится частью его существа, его убеждением. И его собственный мозг изобретет для него какое угодно объяснение. Ты понимаешь, что все это значит? Полнейшее промывание мозгов! Такое полное, что жертва даже не будет подозревать, что когда-то у него в голове было что-либо другое.

Я присвистнул:

— Боже, неужели ты привлек на свою сторону всех этих мясников?

Хейвига передернуло.

— Нет. Я никогда бы не смог работать с бандой... зомби. Ведь мне пришлось бы стереть в их памяти всю прошлую жизнь и... нет, это непрактично. Кеадзиму устроил нескольких моих парней в школы обучения психотехнологии, но все равно работа была слишком большой.

Он перевел дыхание, как бы собираясь с силами.

— Нет, мы просто уничтожили в наших пленниках веру в путешествие во времени. Затем перенесли их по их домам в их времена. Там им было сказано, что у них было помешательство, дьявольское наваждение, словом, то, что соответствовало времени. Теперь все кончено, они здоровы, но никогда не будут позволять себе даже думать об этом, и должны вернуться к нормальной жизни.

Я улыбнулся:

— Ну что ж, должен признать, что идея неплохая. Мне самому нередко приходилось лгать пациентам.

— Но у нас было два исключения, док,— сказала Леонса.

— Иди за мной,— сказал психотерапевт. Его голос был мягким. Одурманенный наркотиками Калек Уоллис ухватился за его руку. Они ушли, а Хейвиг остался в томительном ожидании.

Время текло очень медленно, но наконец психотехник сказал ему, что он может войти.

Пожалуй, самым удивительным для Хейвига было то, что Уоллис прекрасно выглядел. Он величественно сидел за столом в своем кабинете, где уже были убраны следы сражения и пятна крови.

— Привет! — воскликнул он. — Добрый день, мой мальчик, добрый день! Садись. Нет, сначала налей нам. Ты знаешь, что я люблю.

— Значит, ты вернулся с трудного задания? Тебя долго не было. Ты постарел. Я уверен, что ты прекрасно справился. Я еще не читал твоего отчета, но собираюсь. А пока давай выпьем, — он поднял стакан. — За наше здоровье.

Хейвиг заставил себя сделать глоток и опустился в кресло.

— Ты, несомненно, слышал, что я немного приболел, — продолжал Уоллис. — Что-то вроде мозговой лихорадки. Сейчас уже все позади, и я решил, что мы должны сосредотачивать все усилия на том, чтобы увеличивать наше могущество в нормальном времени. Что ты думаешь об этом?

— Мне это кажется мудрым решением, — прошептал Хейвиг.

— Мое решение вызвано тем, что мы потеряли много людей, пока тебя не было. Сплошное невезение. Ты слышал? Остин Колдуэлл. И Вацлав Красицкий... Эй, ты побледнел. Тебе плохо?

— Да, сэр. Просто устал... Я провел столько лет в прошлом...

Это Леонса нашла Красицкого, прикованного цепью, вытащила пистолет, сказала «Ксения» и пристрелила его. И Хейвиг даже не испытал никакого сожаления по этому поводу.

— Я скоро приду в себя, сэр.

— Прекрасно, прекрасно. Нам нужны такие люди, как ты. — Уоллис потер лоб и снова заговорил пронзительным голосом, в котором явственно слышалось недоумение: — Здесь так много людей. А все старые ушли... Куда? Я не знаю. Я смотрю с балкона и вижу только чужаков. Я знаю, что должен увидеть кого-то, кого зовут Хуан... Ганс... других... Но я не вижу их. Может, они мне приснились, когда я болел?

Он поежился, словно зимний ветер проник в этот кабинет, наполненный тропическим теплом.

— Теперь я очень часто чувствую себя одиноким, совсем одиноким в пространстве и времени...

Хейвиг изобразил участие.

— Все, в чем вы нуждаетесь сейчас, сэр, — это в хорошем отдыхе. Вам нужно хорошенько отдохнуть. Могу предложить интересные места.

— Да, я думаю, ты прав. Я возьму отпуск. — Уоллис сделал глоток из стакана и взял сигару.

— После возвращения, сэр, вам не следует так много работать. Главное сделано, все налажено и течет по намеченному руслу.

— Знаю, знаю.

— Теперь нам уже не нужно ваше постоянное руководство. У нас много компетентных людей, знающих, что и как делать. Теперь нам, в основном, нужен ваш гений предвидения, ваш стратегический дар, который позволяет определить фундаментальные направления.

Уоллис явно был доволен, хотя и пытался скрыть это. Он раскурил сигару.

— Я говорил об этом с офицерами,— продолжал Хейвиг.— Они сказали, что уже обсуждали это с вами. Сэр, позвольте мне добавить свои слова к их просьбе. Мы считаем, что для вас нужно составить расписание для посещения будущего в разные моменты времени, где вы сможете посмотреть своими глазами, как идут дела, и дать соответствующие указания. Расписание будет составлено так, чтобы истратить как можно меньше вашей драгоценной жизни. Она нужна для осуществления больших проектов.

— Да. Я и сам уже думал об этом,— закивал Уоллис.— Сначала, как ты сказал, хороший отдых, чтобы привести в порядок свои мысли и избавиться от головокружения. Затем... затем путешествие в будущее, выдача указаний, оценка перспектив... да, да, да...

— Великолепно! — воскликнул я.— Такая месть...

— Это не месть,— сказал Хейвиг, поджав губы.

— И как же он выглядел, когда вернулся из путешествия?

— Меня тогда не было. Люди, которые сопровождали его, рассказывали мне, что представление удалось как нельзя лучше. Он посетил настоящие потемкинские деревни, где жизнь была именно такой, какую он хотел видеть. А затем его перенесли в прошлое, в уютное местечко, которым был бы доволен сам Потемкин, известный сибарит, и устроили ему настоящую оргию, чтобы облегчить ему конец...

Кулак Хейвига стукнул по подлокотнику кресла.

— И он закончил свою жизнь. Ночью он вскрикнул, а затем его комната опустела. Видимо, он куда-то швырнул себя во времени, так как его искали и в прошлом, и в будущем, но не нашли.

Хейвиг допил стакан. Я видел, что он нуждается в подкреплении, и предложил еще.

Леонса погладила его.

— Не казни себя, дорогой,— промурлыкала она.— Он не стоит этого.

— Скорее я не стою,— хрипло ответил он.— Лучше не обсуждать этот вопрос.

— Я... я не понимаю,— я не мог остаться без объяснений.

Леонса повернулась ко мне. Она мягко улыбнулась, как бы извиняясь за слабость и уязвимость ее мужчины. То, что она сказала, для нее было просто замечанием, не имеющим решительно никакого значения:

— Нам потом сказали, что умирающий мозг освободился от действия наркотика, и Уоллис перед смертью вспомнил то, что произошло на самом деле.

ГЛАВА 16

31 октября 1971 года пришлось на воскресенье. Это значит, что завтра дети пойдут в школу. Глядя на детей, я вспомнил о своих детях, когда они были в этом же возрасте, и Кейт. Я развел огонь в камине, приготовил свою любимую кружку с горячим сидром, набил трубку, поставил любимую пластинку Кейт на проигрыватель и сел у огня, погруженный в воспоминания. Мне было спокойно, и я был счастлив.

Однако этот день чем-то тревожил меня. Он был холодным, ветренным. Солнце сверкало в кристально-чистом небе. Деревья стояли алые, бронзовые, желтые, четко вырисовываясь на фоне неба. Я вышел прогуляться.

На пешеходных дорожках Сенлака передо мной катились листья, подгоняемые ветром. Они издавали странные звуки, похожие на смех, когда домхозяйки пытались стрести их в кучу. За городом раскинулись поля, пустынные, темные, чего-то ожидающие. Стаи ворон все еще кружились над ними, зловеще каркая. Я сошел с шоссе и направился по старой грязной дороге, по которой автомобили ездили редко. Эта дорога вела в лес Моргана.

Я шел по ней, пока не добрался до ручья. Здесь я долго стоял на мосту, глядя, как вода пробирается между камнями. Белка прыгала по своим владениям на дубе, которому было больше ста лет. Я прислушивался к звукам, окружавшим меня, вдыхал воздух, словно пил холодную жидкость, ощущал запахи сырой земли... Я ни о чем конкретном не думал, не размышлял, я просто был здесь.

Но мои кости и тонкая плоть все-таки напомнили о себе, и я направился домой. Горячий чай и трубка казались мне высшим блаженством. А потом я напишу письмо Биллу и Джуди, что собираюсь этой зимой навестить их в Калифорнии.

Я не замечал автомобиля, стоящего возле каштана, пока почти не наткнулся на него. И сердце чуть не выпрыгнуло у меня из груди. Может быть... Машина другая, но... Я совсем забыл о больных ногах и пустился бежать.

Джек и Леонса выбежали мне навстречу. Мы обнялись. Все трое сразу.

— Привет, привет,— бормотал я.— Почему вы не предупредили? Я бы подготовился.

— Все о'кей, док,— отвечал он.— Мы сидим и наслаждаемся.

Я отступил назад и осмотрел Хейвига. Он похудел, глубокие морщины залегли по обеим сторонам рта и под глазами. Кожа была загорелая, но слишком сухая, в волосах уже появилась седина. Лет сорок с лишним, прикинул я. Значит, у него прошло десять лет с момента нашей последней встречи. Я повернулся к его жене. Высокая, гибкая, с такими же пышными формами... Да, прошедшие годы оставили на ней гораздо меньше следов, чем на Хейвиге. Конечно, она же моложе его. И все же я заметил сеть мелких морщинок возле глаз и проблески серебра в бронзовой гриве волос.

— Все в порядке? — спросил я и вздрогнул, но не от холода.— Вы победили Ээрию?

— Да, да,— с торжеством ответила Леонса. Хейвиг просто кивнул. Какая-то застылость ощущалась в нем. Но он все же обнял жену за талию. Я не думаю, что она могла бы оставаться счастливой, если бы чувствовала, что Джека что-то гнетет.

— Прекрасно! — воскликнул я.— Заходите в дом.

— Выпить чаю? — засмеялась она.

— О, боже, нет. Такой случай требует аквавита Альборга или пива от Карлсберга и Гленливета. Я позвоню Свенсону, закажу хороший обед и... Сколько вы можете пробыть у меня?

— Боюсь, не очень долго,— сказал Хейвиг.— День или два. У нас впереди еще много дел.

Их рассказ занял несколько часов. Солнечный закат уже окрасил золотом западную часть неба, деревья, крыши соседних домов, когда до меня дошла общая схема событий. Ветер стучался в окна. Хотя в доме было еще тепло, я почувствовал, что пора подложить в камин еще немного дров. Я хотел встать, но Леонса сказала, что этим она займется сама. Руки ее еще не потеряли искусства обращения с деревом, и на нее приятно было смотреть.

Приятно было и то, что, несмотря на все те ужасы, о которых я услышал, взгляд Хейвига с любовью следил за Леонсой.

— Плохо то, что ты не смог предотвратить основания Ээрии,— сказал я.

— Мы не могли,— ответил Хейвиг.— Но я не уверен, что это плохо. Разве мог бы такой человек, как я, принять жестокое решение? Нет, я все время надеялся бы на что-то, что изменит все к лучшему. Разве я стал бы создавать организацию для специальной цели, если бы не...— он замолчал.

— Ксения,— пробормотал я.— Да, конечно.

Леонса смотрела на нас.

— Даже Ксения не смогла нарушить баланс,— сказала она.— Крестоносцы не убили ее, она спаслась и прожила еще девять лет,— она улыбнулась.— И пять из них с Джеком. Да, она получила меньше счастья, чем я, но все же...

Я подумал, что Леонса изменилась меньше, чем Хейвиг, но больше, чем я думал сначала.

Так как Хейвиг молчал, я понял, что его рана затянулась. Шрам, конечно, остался, но раны больше нет. Так всегда бывает, если у человека здоровое тело и дух.

— Хорошо,— сказал я, стараясь уклониться от печальной темы.— Вы собрали вместе себе подобных, уничтожили зло, установили добро. Значит, теперь я принимаю у себя Короля и Королеву?

— Что? — Хейвиг удивленно вскинул брови.— Мы не король и королева.

— Разве вы не правите там, в будущем?

— Пока. Кто-то же должен править. Но с нами сотрудничают мудрейшие, кого мы смогли найти, и не обязательно путешественники во времени. Мы делаем все, чтобы превратить наше военное общество в свободную республику.

Леонса пошевелила поленья в камине; они потрескивали, зажигая искры в ее глазах.

— Я не понимаю,— сказал я уже в который раз за сегодняшний вечер.

Хейвиг подыскивал слово.

— Док,— сказал он наконец.— Когда мы уйдем отсюда, ты никогда больше не увидишь нас.

Я сидел спокойно. Солнце уже ушло за горизонт, наступил вечер.

Леонса подбежала ко мне, обняла, поцеловала. Меня окружил свежий аромат ее волос, к которому примешивался запах дыма.

— Нет, док! — воскликнула она.— Это вовсе не значит, что ты скоро умрешь.

— Я не хочу... — начал я.

— А-а, — в ней заговорило простодушие девушки варварского племени. — Ты хочешь сказать, что не хочешь знать даты своей смерти. Мы и не собираемся говорить тебе этого, но, черт побери, у тебя впереди еще много времени.

— Дело в том, — как всегда точно объяснил Хейвиг, — что мы, я и Леонса, покидаем Землю. Сомневаюсь, что мы вернемся.

— Что хорошего в путешествиях во времени? — спросил он, когда мы приобрели способность обсуждать дела.

— Но... — промямлил я.

— Контроль исторического развития? Неужели ты веришь, что горстка людей способна сделать это? Уоллис говорил и верил, но ты-то, надеюсь, нет? И ты не веришь, что они должны делать это.

— Ну... история... археология...

— Согласен, знания — вещь важная и нужная. Но судьбу предвидеть нельзя. Это смерть надежды. Получив знания, разве может человек остановиться, оставить их при себе? Неужели он не захочет использовать их?

— Зависит от результата, Джек.

Леонса, сидевшая рядом с ним, шевельнулась, и по стене запрыгали тени от притушенного торшера, от пляшущего огня в камине.

— Для нас, — сказал он, — результат ведет к звездам. Вот чем хороши путешествия во времени.

Джек улыбнулся. С виду он был спокоен, но в его голосе прорывались звенящие ноты.

— Почему, ты думаешь, мы решили завершить Фазу-2, Полярис Хауз, как мы ее называем? Я уже сказал тебе, что мы не собираемся править миром. Нет, Полярис Хауз предназначен для исследований и разработок. Эта работа будет завершена, когда будут готовы первые корабли.

— И они будут! — воскликнула Леонса. — Мы видели!

Страсть овладела Хейвигом. Его пальцы стиснули стакан, о котором он совсем забыл. Он горячо заговорил:

— Я еще не изучил технологические и научные детали. Именно поэтому нам нужно в будущее. Физики говорят о математическом эквиваленте путешествия в прошлое и о возможности лететь со сверхсветовой скоростью. Они надеются разработать теорию, которая поможет создать такой корабль. Может, у них это и получится, а может — нет. Я знаю, что в Полярис Хауз это у них не получится. Но, может, выйдет в далеком будущем или на другой планете, вращающейся вокруг другого солнца. Но это не меняет дела. Корабль может лететь и с небольшой скоростью, если команда состоит из путешественников.

Ты понимаешь меня? Путешествие может длиться столетиями. Но для нас путешествие в будущее, даже если мы перемещаемся в пространстве, занимает минуты, часы...

Наши дети будут иными. Но они будут там! Мы начнем для человечества путь в бесконечность!

Я посмотрел в окно. Созвездия прятались в облачном небе.

— Я понимаю,— медленно сказал я.— Грандиозные планы.

— И необходимые,— добавил Хейвиг.— А без нас и без нашего главного врага это никогда не могло бы быть сделано. Маури могли бы собрать необходимые ресурсы для межпланетных путешествий, но они не сделали этого. Их запрещение разрабатывать энергетические установки вначале были жизненно необходимыми для спасения Земли, но затем, как всегда это бывает, этот закон стал тормозом на пути прогресса. Несомненно, культура, которая последует за Маури, не сможет подняться к звездам.

— Мы поднимаемся! — экзальтированно воскликнула Леонса.— Звездные Хозяева — наша раса!

— И спасители жизни на Земле,— добавил Хейвиг.— Ведь цивилизация, которая сейчас владеет Землей, подходит к концу. И спасение придет только извне. Вселенная неизмеримо больше, чем может себе представить любое воображение.

— Насколько я понимаю, звездные пришельцы вдохнут жизнь в Землю,— сказал я неуверенно.

— О, да. Причем более в идейном смысле, чем в смысле материальных благ. Опыт существ, рожденных в самых разных местах Вселенной, даст человечеству новый импульс. Особенно это коснется философов, мистиков. Я не знаю, к чему приведет единение с внеземными цивилизациями. Быть может, к новому, высшему состоянию души? Но я верю, что конец будет счастливым, и именно для этого мы, путешественники во времени, и рождены.

Леонса легонько тронула его:

— Джек, ты заболтался и ударился в слишком высокие материи. Кончай свои пророчества, милый, и обрати внимание на свой стакан.

— И вы оба намереваетесь быть среди первых исследователей?

— Мы имеем на это право,— сказала она.

— Простите, это не мое дело, но ваши дети не смогут унаследовать ваш дар...

Лицо ее стало серьезным.

— Может, мы найдем Новую Землю, чтобы вырастить их. Мы все-таки еще не так стары,— она посмотрела на острый профиль

мужа.— А может, мы будем скитаться по Вселенной, пока не умрем.

Наступила тишина. Я встал с кресла, чтобы открыть дверь, в которую постучали. На пороге стояли три маленькие фигурки: клоун, медведь и астронавт. В руках у них были бумажные пакеты. Они запели старинную песенку, которую пели до них миллионы ряженных.

Прошел год с тех пор, как Джек Хейвиг и Леонса из Вахорна распрощались со мной. Я часто думаю о них. Разумеется, обычная суета заполняет мои дни, но и среди нее я всегда нахожу время вспомнить о них.

Они могут сейчас быть в любом месте планеты, предающиеся отчаянию или торжествующие. Ведь именно сейчас происходило все, о чем они рассказали мне. Но мы никогда больше не встретимся. Конец их жизни безмерно далек от момента моей смерти.

Что ж, такова жизнь человека. И Земли в космосе...

Я хочу... я иногда хочу. Я хочу, чтобы они были счастливы и свободны в это лето, которое для них уже прошло. Чтобы они заехали ко мне, и мы бы вместе купались в озере, гуляли в лесу. Они, наверняка, захотели бы увидеться с Элсоной, его матерью, в один из тех моментов, когда Джек был уверен, что находится в безопасности. Он сказал ей... что? Она никогда не говорила мне.

Я хотел бы, чтобы он ответил на вопрос, который давно меня мучает.

Как появилась раса путешественников?

Мы с ним предположили, что уже знаем зачем. Но мы не задавались вопросом, кто — или что — почувствовал необходимость в них и создал эту расу?

Случайная бессмысленная мутация? Тогда любопытно, что после Хейвига не родился ни один путешественник. По правде говоря, когда они сделали свое дело, освободили человечество, открыв ему вечность, они стали не нужны. Их знание будущего стало лишним, никому не нужным, даже до некоторой степени вредным. Но кто решил все это? Кто формирует реальность, в которой мы живем?

Я недавно читал работы по экспериментальной генетике. Вероятно, можно создать вирус, который будет переносить гены от одного существа к другому, причем не обязательно существа того же вида. А природа, может быть, уже умеет это делать, и вполне возможно, что мы несем в себе гены тех живых существ,

которые никогда не числились в наших предках. Хорошо, если это правда. Мне нравится чувствовать себя родственником всего живого.

Но не может ли быть создан вирус, который переносит эту странную способность — путешествие во времени? Может быть, он давно создан в будущем, и им засеяны отдельные прошлые эпохи. Засеяны людьми, пришедшими из невообразимо далекого будущего?

Почти каждый вечер я брожу по городу, стою под высокими осенними звездами, смотрю вверх и думаю...

ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС

ЧАСТЬ 1

КАПЕРСТВО И РЕПРЕССАЛИИ

ГЛАВА 1

...Король приказал бить в барабан, король приказал бить в барабан... — пел кто-то по-французски.

Гуннар Хейм остановился как вкопанный. Некоторое время он стоял, озираясь в поисках источника голоса, звучавшего в темноте.

Чтобы увидеть всех этих дам.
И первая, кого он увидел...

Голос доносился откуда-то издалека, изрядно заглушаемый грохотом машин на берегу у доков. Но лишь один человек этой ночью в Сан-Франциско мог изобразить подобную пародию на эту злую старую балладу.

...очаровала его душу.
Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-та-та!

Хейм пошел на звук голоса. Он еще не утратил способности, когда нужно, двигаться быстро и бесшумно. Через мгновение он услышал звон и сердитое дребезжание струн.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тратата-та-та!

Справа от него темной стеной громоздились пакгаузы. В этот час, когда до рассвета оставалось не так уж много времени, город тускнел, утопая в тумане; лишь над крышами виднелась розовая дымка, да башни дворца на Ноб-Хилл светились гроздью далеких огней. Слева, словно лоснящийся дракон, лежала грузовая субмарина, покрытая лунной чешуей, но возле нее не было ни людей, ни роботов — портовых грузчиков. Гавань, гладкая и

блестящая, напоминала эбеновое дерево. Горы на восточном берегу, в нескольких километрах от порта, образовывали темный массив, усыпанный искусственными звездами. Настоящие звезды были довольно тусклыми — как и защитный спутник, быстро поднимавшийся над горизонтом, — словно все светила удалились от планеты, утратившей силу. Луна находилась в полуфазе возле зенита. Сквозь сырой осенний воздух невозможно было различить светлое пятно Аполло-Сити на ее темной стороне.

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Маркиз, скажи, ты ее знаешь?

Кто эта прелестная дама?

И маркиз отвечал:

Сир, это моя жена.

Тра-та-та! Тра-та-та! Тра-та-та! Та-та!

Хейм обогнул сарай у пирса и увидел менестреля. Тот сидел на пирсе лицом к воде, еще более жалкий и маленький, чем ожидал увидеть Хейм. Его пальцы с таким остервенением дергали двенадцать струн, словно он сражался с врагом, а лицо, освещенное луной, было мокро от слез.

Хейм остановился в тени, у стены. Он не должен был прерывать песню. В Салуне Звездолетчиков сказали, что этот малый — пьяница и дикарь.

— И, истратив последний пенни, он заявил, что будет петь за выпивку, — сказал буфетчик. — Я ему объяснил, что у нас здесь ничего такого не принято. Тогда он заорал, что пел так на дюжине планет, а вся беда Земли в том, что его просто не хотят слушать. Я еще сказал, что через несколько минут по видео будет показан стриптиз и что завсегдатаи хотят именно этого, а не какой-то там чужеземной чепухи. Ну а он мне в ответ, что будет петь звездам или что-то вроде этого, бред душевнобольного, одним словом. Я и велел ему убираться, пока его не выкинули. Он ушел. Это было с час назад. Ваш друг, что ли?

— Возможно, — ответил Хейм.

— О, ну тогда вы могли бы пойти поискать его. Он может нарваться на неприятности. Не ровен час, его завывание привлечет охотников за легкой добычей.

Хейм кивнул и залпом допил вино. Секция Благополучия в любом большом городе была небезопасна для одиноких ночных прогулок. Даже полиция западных стран не предпринимала почти никаких попыток контролировать тех, кого еще до рождения заменили машины. Она ограничивалась тем, что удерживала это бешенство и никчемность в границах отведенного ему района, в

достаточном удалении от домов тех людей, чьи способности были нужны обществу. Совершая вылазки в субпопуляцию лишних людей, Хейм всегда брал с собой станнер. И временами ему приходилось пускать его в ход.

Некоторые здесь, однако, его знали. Хейм сказал им, что он звездолетчик в отставке — что-либо, более близкое к правде, было бы просто неблагоприятно — и вскоре его уже считали вполне подходящим в компании для выпивки и карточной игры, более свойским парнем, чем многие из космофлота, появлявшиеся и исчезающие перед их безразличным взором.

Хейм помахал рукой нескольким своим знакомым, одни из которых были грубыми дикарями, а другие давно упали духом, и вышел из бара.

Поскольку менестрель, должно быть, пошел к порту, Хейм тоже направился туда, постепенно ускоряя шаг. Сначала он не ставил себе целью непременно отыскать того парня, просто это был повод еще для одного путешествия по трущобам. Но по мере того, как он шел, в его сознании вдруг стали вырисовываться возможные последствия встречи с «певцом».

И теперь, когда его поиски увенчались успехом, услышанная песня что-то затронула в нем, и он почувствовал, как участился пульс. Этот незнакомец, возможно, и в самом деле кое-что знал о происшествии среди тех созданий.

Королева заставила ее сделать букет
Из прекрасных цветов лилий.
И аромат этого букета убил маркиза.

Когда старая баллада, повествующая о тирании, предательстве и смерти, подошла к концу, у Хейма созрело решение.

Тра-та-та! Тра-та-та! Трата-та-та!

Наступила тишина, нарушаемая лишь плеском воды и бесконечной пульсацией огромного мотора, называемого городом. Хейм сделал несколько шагов вперед.

— Добрый вечер! — сказал он.

Певец вздрогнул, сделал прерывистый вдох и повернулся; Хейм, улыбаясь, вытянул вперед руки ладонями вверх.

— Я не причиню вам зла, — сказал он. — Просто наслаждался вашим концертом. Не будете возражать, если я составлю вам компанию?

Менестрель ожесточенно протер глаза. Затем тонкое лицо с заостренными чертами обратилось в оценивающий взгляд. В таком

месте, как это, трудно было сохранить невозмутимость при встрече с Гуннаром Хеймом. Рост последнего достигал почти двух метров, да и ширина плеч вполне ему соответствовала. Черты лица были грубоваты и просты. В красновато-каштановых волосах, несмотря на сравнительно молодой возраст — 45 лет — блестела седина, бровь пересекал зигзагообразный застарелый шрам. Но одет Гуннар весьма прилично: плащ с высоким воротником и брюки, по последней моде заправленные в мягкие полуботинки. Капюшон его плаща был откинут назад. По крайней мере на вид, Хейм не имел оружия при себе.

— Что ж,— певец нервно передернул плечами,— здесь не частная территория.— По-английски он говорил быстро, но с большим акцентом, чем по-французски.

Хейм вытащил из кармана плоскую бутылку с виски:

— Не желаете ли со мной выпить, сэр?

Менестрель схватил бутылку. Смакуя каждый глоток, он сначала радостно вздохнул, потом сказал: — Простите мне мои дурные манеры, мне страшно хотелось выпить.— Он поднял бутылку.— Прозит,— снова отпил и вернул ее Хейму.

— Прозит,— Хейм сделал большой глоток и сел на камень причала, прислонившись к пирсу. Все выпитое сейчас и ранее бурлило в нем вместе с нарастающим возбуждением. Это была попытка сохранить расслабленное состояние.

Менестрель слез с пала и сел рядом с Хеймом.

— Так, значит, вы не американец? — спросил он. Голос его слегка дрожал: он явно старался изобразить спокойствие и безучастность, в то время как на его лице с высокими скулами стыли слезы.

— Вообще-то по натуре я американец,— ответил Хейм.— Мои родители были норвежцами. Но я родился на Гее, Тау Цети II.

— Что?

Лицо менестреля, как и надеялся Хейм, приняло выражение крайне заинтересованного человека. Он насторожился, выпрямился.

— Вы астронавт?

— Служил в военном флоте, лет пятнадцать назад. Мое имя — Гуннар Хейм.

— А я... Андре Вадаж.— Тонкие пальцы исчезли в рукопожатии Хейма.— Венгр, но последние десять лет я провел вне Земли.

— Да, я знаю,— мягко сказал Хейм.— Недавно я видел вас в программе новостей.

Вадаж скривил губы и сплюнул в воду.

— В интервью вы успели рассказать не слишком много,— закинул удочку Хейм.

— Да. Уж они-то постарались вовремя заткнуть мне глотку.— Вадаж расплылся в слащавой улыбке, изображая «их».

— Итак, вы музыкант, мистер Вадаж. С помощью любых подвернувшихся под руку способов вы прокладываете себе путь от звезды к звезде, неся колонистам и нелюдям песни Матери Земли. Это ведь так интересно, не правда ли?

Струны гитары жалобно вскинулись под гневным ударом.

— А вы хотели рассказать о новой Европе, но они упорно отвлекали вас от этой темы. Интересно знать, почему?

— Они получили приказ. От ваших драгоценных американских властей, под давлением нашей великой бравой. Всемирной Федерации. Было уже слишком поздно отменить мое выступление, поскольку оно было объявлено, но они решили заткнуть мне глотку,— Вадаж расхохотался, закинув голову. Его смех напоминал лай койота в лунную ночь.— Что я, параноик? И не кажется ли мне, что меня преследуют? Да, кажется! Но что, если заговор против меня и в самом деле существует? Тогда имеет ли значение, в своем ли я уме или нет?

— М-м-м.— Хейм потер подбородок, подавив в себе эмоции, готовые вырваться наружу. Он не относился к числу импульсивных людей.— С чего вы это взяли?

— Куинн сам признал это, когда я после упрекнул его. Он сказал, что студия может лишиться своей лицензии, если... э... прибегнет к голословным заявлениям, которые могут смутить Федерацию в это трудное время. Не скажу, что я был слишком удивлен. Прибыв на Землю, я беседовал с разными официальными лицами, как гражданскими, так и военными. Самыми добрыми словами, которые я услышал от них, были слова о том, что я, должно быть, ошибаюсь. И при этом они понимали правоту моих доказательств. Они знали.

— А вы не пробовали обратиться к французам? Как мне кажется, они бы, пожалуй, скорее предприняли что-либо.

— Да! В Париже я не прошел дальше помощника заместителя министра. Мой рассказ так напугал его, что он ни в какую не хотел допустить меня к кому-нибудь повыше, кто мог бы поверить. Я отправился в Будапешт, где меня приняли родственники. Мой отец устроил мне встречу с самим министром иностранных дел. Тот был, по крайней мере, честен со мной. Венгрии, которая в любом случае не могла бы пойти против целой Федерации, не было дела до Новой Европы. Выйдя из его кабинета, я несколько часов бродил по улицам. Наконец, когда уже стемнело, я сел возле Статуи Свободы. Я смотрел на фигуры

мучеников, умиравших у ее ног, и понимал, почему никто не станет меня слушать. И поэтому напился, как свинья.— Вадаж потянулся за бутылкой.— С тех пор я почти всегда пьян.

«Теперь мы его спросим!» — словно молния, мелькнуло в голове Хейма. Он более не мог управлять своим голосом, и прежнего спокойствия в нем как не бывало. Но Вадаж не замечал этого.

— Насколько я понял, по тем крохам, которые все же прошли сквозь сито этой официальной цензуры, вы хотели рассказать о том, что люди на Новой Европе еще живы. Так?

— Совершенно верно, сэр. Они бежали в горы, все до одного.

— Оут Гаранс,— кивнул Хейм. Все, что ему оставалось делать — лишь кивнуть.— Для партизанской войны лучше места не найти. Куча укрытий, большинство из которых не отмечены на картах, и жить непосредственно на земле необязательно.

— Вы там были! — Вадаж опустил бутылку и уставился на Хейма.

— Весьма часто, когда служил во флоте. Это было излюбленное место для капремонта и космических отпусков. Я сам провел на Новой Европе четыре месяца подряд, залечивая вот это,— Хейм прикоснулся к шраму на лбу.

Вадаж пристально всмотрелся в лицо Хейма, освещенное пятнистым лунным светом:

— Работа Алеронов?

— Нет. Это было более двадцати лет назад. Я заработал этот шрам, когда мы занимались ликвидацией Индо-германского конфликта на Лилит. Вы его, вероятно, не помните, поскольку еще слишком молоды. Стички с Алеронами начались позднее.

В голосе Хейма слышалась растерянность. В данный момент возбуждение и гнев пересилили в нем воспоминания...

Красные крыши и крутые узкие улочки Бон Шанс, скользящие вдоль реки Карсак к Байи де Пешур, простирающей свой пурпур и золото до самого края света. Свободные дни, проводимые за перно в уличном кафе, красновато-коричневое солнце, которое хочется пить и пить, подобно тому, как кот лакает молоко. А когда дело пошло на поправку — охотничьи вылазки в горы вместе с Джеквесом Буссардом и Тото Астьером... Отличные ребята, открытые души и честные сердца, немножко сумасшедшие, как и положено быть молодым людям. Мэдилон...

Хейм встряхнулся и резко спросил:

— Вам известно, кто был или является ответственным лицом?

— Полковник де Виньи из планетарной полиции. После того как мэрия подверглась бомбежке, он взял на себя командование и организовал эвакуацию.

— Уж не старик ли это Роберт де Виньи? Бог мой! Я его знал.— Пальцы Хейма сжали бетон пала.— Да, раз так, стало быть, война действительно продолжается.

— Она не может продолжаться бесконечно,— пробормотал Вадаж.— Алеронам торопиться некуда, и в конце концов они выследят всех по одиночке.

— Я тоже знаком с Алеронами,— сказал Хейм.

Он глубоко вздохнул и посмотрел на звезды. Не туда, где находилось солнце Аврора. Удаленное на сто пятьдесят световых лет, оно все равно недоступно глазу, к тому же, оно принадлежит созвездию Феникс, закрытому от них горизонтом. Но Хейм не мог смотреть прямо в глаза менестрелю, задавая ему подобные вопросы.

— Не встречалась ли вам некая Мэдилон Дюбуаз? Это ее девичья фамилия. Я думаю, она уже давно замужем.

— Нет,— пропитой голос Вадажа тотчас стал чистым и мягким.— Мне очень жаль, но я ее не встречал.

— Ну что ж...— сделав над собой усилие, Хейм равнодушно пожал плечами.— У вас для этого не было почти никаких шансов. Предполагалось, что численность людского населения на Новой Европе достигала полумиллиона. Кстати, каковы были... потери?

— Я слышал, будто Сюр д'Иовни в долине Пейз д'Ор был разрушен ракетой. Или же... нет, я не верю в это. Сражения велись, в основном, в космосе, после того, как флот Алеронов уничтожил несколько кораблей из флота Федерации, оказавшихся поблизости. Впоследствии они высадились в полном составе, поначалу в пустынных местностях, так что ничего, кроме пары рейдов с применением всего лишь лазеров и химических бомб, им сделать не удалось, почти все города успели к тому времени эвакуироваться. Разумеется, Алероны продвигались быстро и предлагали им сдаться, но де Виньи отказался, и за ним пошло такое количество, что в конце концов все оставшиеся присоединились к ним.

«Проклятье,— подумал Хейм,— придется и дальше делать вид, что меня все это не особенно волнует. По крайней мере до тех пор, пока я не узнаю больше».

— Как вам удалось оттуда выбраться? В выпусках новостей, упоминавших о вас, когда вы только что прилетели на Землю, почти ничего об этом не говорилось. Вероятно, намеренно.

Вадаж встряхнул бутылкой, и в ней забулькало.

— Когда произошло нападение, я был там,— сказал он снова осипшим голосом.— Французы реквизируют торговый корабль и послали его за помощью, но он был уничтожен, едва выбравшись за пределы атмосферы. И если бы не один рудокон

из Наквсов...— Он произнес это слово из языка расы нелюдей почти правильно.— Возможно, вы знаете, что не так давно между людьми и Наквсами было подписано соглашение, что последним разрешается добывать руду в Терра де Суд за арендную плату. Поэтому, находясь в такой дали, они ничего не видели и ничего не знали, и облачный покров над Гаранс держал их в полном неведении относительно происходивших событий. После переговоров по радио командующий Алеронов разрешил Наквсам удалиться, и я возьму на себя смелость утверждать, что сделал он это, просто не желая вступать в конфликт сразу с двумя расами. Разумеется, их кораблю было запрещено брать пассажиров. Но еще до этого я как-то раз побывал там, и завоевал их симпатии, особенно капитана, тем, что проявил интерес к их песням, а некоторые даже выучил. Поэтому он протаскил меня на борт своего корабля и сумел перехитрить инспектора Алеронов. Де Виньи надеялся, что я смогу доставить его послание, хм, хм! — Смех Вадажа перешел почти в истерический. Слезы снова хлынули из его глаз.— От Наквсов мне пришлось, по выражению тех, кто брал у меня интервью, «прокладывать себе путь любым подвернувшимся под руку способом». На это потребовалось время. И все, все оказалось ни к чему.

Снова взявшись за гитару, он ударил по струнам и запел низким голосом:

Прощай, моя милая, прощай мое сердце,
Прощай, моя милая, прощай мое сердце,
Прощай моя надежда...

Хейм взял бутылку, потом резко поставил ее, так что она громко звякнула. Вскочив, он принялся ходить взад-вперед. Его тень то и дело падала на фигуру менестреля, плащ развевался за спиной, отражаясь в освещенной лунным светом воде.

— Нет, это невозможно! — яростно воскликнул он по-норвежски.

— А? — глядя на него, растерянно заморгал Вадаж.

— Послушайте, вы сказали, у вас есть доказательства?

— Да. Я предлагал дать показания под наркозом. К тому же де Виньи снабдил меня письмами, фотографиями, целыми пакетами с микро пленками. Но никто на Земле не желает признать эти материалы подлинными. Многие вообще не желают на них смотреть.

— А я желаю,— сказал Хейм. Кровь шумела у него в голове.

— Хорошо. Хорошо. Хорошо. Можно прямо здесь, у меня все с собой.— Вадаж принялся рыться в складках своей одежды.

— Нет, подождем немного. Сейчас я поверю вам на слово. Все, что вы рассказали, вполне согласуется с другими фактами, которые мне удалось собрать.

— Значит, одного человека я все-таки убедил,— горько произнес Вадаж.

— Не только,— Хейм сделал глубокий вдох.— Слушай, друг, с искренним к тебе уважением — а я уважаю каждого, у кого только кишка не тонка, чтобы поступать так, как он считает нужным,— так вот, хочу тебе сообщить, что я не самозванный трубадур, похожий на косматого осла. Я босс и главный владелец Хеймдала.

— Фирмы по производству ядерных двигателей? — Вадаж одурело потряс головой.— Ноу. Нон. Найн. Нет. Вы не можете быть здесь. Я видел ваши двигатели в такой дали от дома... аж во владениях Риджель.

— Угу. Чертовски хорошие машины, а? Прежде чем обосноваться на Земле, я изучил все «за» и «против». Офицеры военного флота, уходящие в отставку и не желающие летать на «курицах», имеют почти сто процентов гарантии, что закончат свою карьеру среди безработных. Но в тоже время я понимал, что те, кто первыми возьмутся за внедрение двухфазной контрольной системы, изобретенной Алеронами, станут центром притяжения на рынке нашей расы и на рынках половины рас нелюдей. И... когда техническая разведка производила вскрытие корабля Алеронов, захваченного нами в бою возле Акернара, я был на месте и не зевал. Мой отчим изъявил желание поддержать меня материально, рассчитывая, разумеется, на мою благодарность. И вот, сегодня, я, о, далеко не финансовый гигант, но кое-какие деньжата у меня имеются.

Кроме того, я продолжаю поддерживать связь со своими друзьями по Академии.

Сейчас некоторые из них уже адмиралы, мои идеи для них не пустой звук. К тому же я аккуратно плачу налоги в казну Партии сторонников Свободы Воли, что означает неизменное внимание к моему мнению со стороны Тваймена. И право же, это в его интересах!

— Нет! — голова с темными взъерошенными волосами все так же уныло качнулась из стороны в сторону.— Не могу поверить, что я наконец нашел кого-то.

— Брат мой, это так,— Хейм с силой ударил сжатой в кулак одной рукой в ладонь другой. В его сознании промелькнуло мгновенное удивление собственной радости. Была ли она вызвана известием, что люди на Новой Европе еще были живы? Или открывавшейся перед ним, Гуннаром Хеймом, возможности лично

устроить «короткое замыкание» проклятым Алеронам? Или, может быть, просто внезапно возникшей целью в жизни, после пяти лет без Конни? Именно сейчас, как никогда остро, он ощутил всю пустоту и бессмысленность этих лет.

Неважно. Радость все росла и росла. Нагнувшись, Хейм одной рукой поднял Вадажа, другой бутылку.

— Прозит! — прокричал он Ориону-Охотнику и сделал такой глоток, что малютка Вадаж чуть не подавился от удивления.

— Фуу-уу! Пошли, Андре. Я знаю места, где мы можем отпраздновать это событие так, как нам захочется, черт возьми. Мы будем петь песни и рассказывать сказки, и пить с заката до рассвета, а потом начнем работать. Так?

— Да-да... — Вадаж, все еще не опомнившийся от изумления, сунул гитару под мышку и заковылял в кильватере у Хейма. В бутылке все еще булькало, когда Хейм затянул «Голубые Ландскнехты», песню, такую же печальную и яростную, как он сам. Вадаж повесил гитару на шею и принялся подыгрывать. После этого они спели вместе «Марсельезу», «Двух гренадеров», «Шкипера Булларда», и к тому времени вокруг них собралось достаточно много столь же буйных компаньонов, и в конце концов они все вместе неплохо провели время.

ГЛАВА 2

Когда в Сан-Франциско было 17.00, в Вашингтоне шел уже восьмой час вечера. Но Гарольд Тваймен, старший сенатор из Калифорнии и лидер большинства среди представителей Соединенных Штатов в парламенте Всемирной Федерации, был очень занятым человеком, так что его секретарша не могла устроить этот конфиденциальный телефонный разговор пораньше, тем более после столь необычайно короткого уведомления Хейма. Однако последнего это вполне устраивало, поскольку давало ему время прийти в себя после предыдущей ночи, не пользуясь при этом чрезмерным количеством наркотиков, а также позволяло передать наиболее важные дела на заводе Хеймдале нужным людям и изучить материалы Вадажа. Венгр все еще спал в комнате для гостей. Его организм, выдержавший слишком много злоупотреблений, нуждался теперь в хорошем отдыхе.

Незадолго до того, как часы показали 17.00, Хейм решил, что в достаточной мере ознакомился с материалами, собранными Робертом де Виньи. Он выключил видео, потер глаза и вздохнул.

Боль в разных частях тела все еще потихоньку грызла его. Когда-то — боже, кажется, что это было совсем недавно! — он запросто вынес бы двадцать таких попоек и после этого еще был бы способен три или четыре раза кряду заняться любовью, а на следующее утро лететь хоть в другую Галактику.

«У меня теперь трудный возраст,— криво усмехнувшись, подумал он.— Я уже слишком стар для лечения препаратами антистарения... И для чего?

Ничего, клянусь сатаной! Просто в последнее время я немного засиделся дома. Стоит разок прошвырнуться по-настоящему — и, глядишь, этого брюшка, которое становится все заметнее, как ни бывало».

Хейм втянул в себя живот, достал трубку и набил ее.

— Почему бы, в самом деле, не взять отпуск? — думал он.— Побродить по лесам и поохотиться. Он мог воспользоваться приглашением посетить игорный заповедник Яна Маквея в Британской Колумбии. Или отправиться на собственном катамаране на Гаваи, или отдохнуть на своей межпланетной яхте, полазить по Лунным Альпам, по марсианским горам. Земля была настолько затоптана всеми этими вонючими толпами. Он мог также взять билет на межзвездный рейс. Он не был на своей родине, на Гее, с тех самых пор, как родители отправили его на Ставанджер, где можно было получить подходящее образование. За Ставанджером последовали Академия Гринлэнд, флот Глубокого Космоса и Земля — дел всегда было по горло.

В памяти Хейма всплыла, обдав сердце болью, забытая картина: в небе, точно шар из красного золота, Тау Цети; горы, спускающиеся к самому морю, как в Норвегии. Но океаны на Гее были теплыми, зелеными, преследовали его странными запахами, которым не было названия в человеческом языке. Синдабаны — его веселые товарищи в мальчишеских играх — вместе с ним несутся к воде и заваливаются кучей в пирогу, и поднимают парус, и скачут по волнам наперегонки с ветром; бивачный костер на острове, отблески пламени, выхватывающие из поющей ночной тьмы ветви даоды и покрытые мехом тоненькие фигурки друзей; и песни, и барабаны, и необыкновенные обряды, и... и...

«Нет,— Хейм разжег трубку и глубоко затянулся.— Когда я покинул Гею, мне было двенадцать лет. А теперь Па и Ма умерли, а мои Синдабаны стали взрослыми членами племени, которое люди все еще пытаются понять, я нашел бы там лишь небольшую научную базу, ничем не отличающуюся от двух десятков других, виденных мной на разных планетах. Время — дорога с односторонним движением.

Кроме того,— его взгляд упал на микропенки, лежащие на столе,— здесь пока хватит работы».

За дверью кабинета раздались шаги. Желая хоть немного отвлечься, Хейм встал и пошел на этот звук. Он привел его в гостиную. Как он и предполагал, это его дочь вернулась домой и, как всегда, плюхнулась в кресло.

— Привет, Лиза,— сказал Хейм.— Как дела в школе?

— Так себе,— она нахмурилась и высунула язык.— Старый Эспиноза сказал, что мне придется переписать сочинение.

— Много ошибок? Что ж, если б ты только взялась наконец за дело и выучила...

— Ошибки не только в правописании. Хотя чего я не понимаю, так это с какой стати они делают из этого такую трагедию. Он сказал, что мои семантики — это нечто невообразимое! Старый зануда!

Хейм оперся о стену и, тыча в сторону Лизы чубуком своей трубки, сказал:

— Семантика — существительное единственного числа, да будет тебе известно. Твоя грамматика ничуть не лучше, чем орфография. И вообще, пытаться писать, или говорить, или думать, не зная принципов семантики — все равно что пытаться танцевать, не научившись ходить. Боюсь, что мои симпатии в данный момент на стороне мистера Эспинозы.

— Но папа! — заныла она.— Ты не понимаешь! Мне придется переделывать все с самого начала!

— Разумеется.

— Я не могу! — ее голубые глаза, такие же голубые, как у него — во всем остальном она до боли была похожа на Конни — заволоклись дымкой, предвещавшей слезы.

— У меня свидание с Диком... Ой! — она сконфуженно зажала рукой рот.

— Дик? Ты имеешь в виду Ричарда Уолдберга?

Лиза отчаянно замотала головой.

— Лжешь,— прорычал Хейм.— Я достаточно часто повторял тебе, черт побери, что ты не должна встречаться с этой неотесанной деревенщиной!

— О, папа! П-п-просто это...

— Знаю. Возвышенные чувства. Я бы сказал, что в его лице Уолдберг-старший приобрел злобного озорника и неплохого ценителя, и любая девушка, которая свяжется с этой компанией, рано или поздно попадет в беду. А впрочем, ничего более опасного, чем беременность, ей не грозит.

Хейм почувствовал, что почти кричит. Он взял себя в руки и продолжал вежливо-приказным тоном:

— Проще говоря, это свидание не только непослушание с твоей стороны, но и предательство. Ты сделала это за моей спиной. Прекрасно, в течение недели ты будешь находиться под домашним арестом все время, проводимое вне школы. И завтра я должен увидеть твоё сочинение, написанное без ошибок.

— Я ненавижу тебя! — крикнула Лиза, выскочила из кресла и выбежала из комнаты. На мгновение перед Хеймом мелькнуло её яркое платье, хрупкая фигурка и мягкие каштановые волосы, затем она исчезла. Он слышал, как она пнула дверь своей комнаты, словно желая заставить её быстрее открыться.

— А что ещё, по-твоему, я должен был сделать? — крикнул он ей вслед, но ответа, разумеется, не последовало. Хейм перестал курить, рывкнул на служанку, посмевавшую войти с вопросом, и вышел на террасу, увитую розами, откуда открывался вид на Сан-Франциско.

В лучах закатного солнца город лежал холодный, подернутый дымкой. Отсюда, с Телеграфной горы, Хейму были видны шпили зданий и наземные магистрали, сверкающая вода и островки садов. Вот почему он выбрал это место после того, как Конни погибла в той бессмысленной катастрофе, когда столкнулись два флайера, а дом в графстве Мендосино стал слишком большим и безмолвным. В прошлом году, или около того, Лиза начала ныть, что этот район якобы недостаточно фешенебельный. Ну и пошла она к дьяволу.

Хейм вновь ощутил невыносимую тоску, охватывающую его всякий раз, когда он вспоминал о жене. У Лизы была своя жизнь, в которой не было места ему, её отцу. Да это его и не особенно расстраивало.

Нет, непонимание между ними — всего лишь результат того, что у Лизы сейчас трудный возраст, четырнадцать лет. Только в этом должна быть причина. К тому же, без матери... Вероятно, ему надо было жениться ради Лизы. Возможностей было хоть отбавляй. Но в большинстве случаев все оканчивалось, как... именно как случай... поскольку ни одна из женщин не была Конни. Или даже Мэдилон. Если только не считать Джосселин Лори, но она была безнадежно погружена в своё проклятое движение за мир, и вообще... А между тем он, возможно, совершал ошибку за ошибкой, в одиночку воспитывая Лизу. И во что теперь превратилось то маленькое трогательное существо с ямочками на щеках.

Хейм взглянул на часы и выругался. Давно пора было звонить Тваймену.

Вернувшись в кабинет, он подождал, пока секретарь соединит его с сенатором и подключит экранировку. Не в силах усидеть

на месте, он расхаживал по кабинету, притрагиваясь руками к книгам, к настольному компьютеру, к своим сувенирам, захваченным с улана «Звездный Лис», которым он когда-то командовал. Тяжело было расставаться с кораблем. После женитьбы он еще в течение года мог служить в военном флоте. Но это не решило бы проблемы, да и по отношению к Конни было бы нечестно. Хейм погладил рукой фотографию жены, не решаясь дать ей ожить в его памяти.

— В конце концов, все образовалось, родная. Ты вполне стоила всего этого.

Раздался мелодичный звонок, и на вспыхнувшем экране появилось лицо секретаря.

— Сенатор на проводе, — сказал он.

Его изображение тотчас же сменилось изображением знакомой седой головы Тваймена. Хейм сел на краешек стула.

— Хелло, Гуннар, — сказал Тваймен. — Как жизнь?

— С переменным успехом, — ответил Хейм. — А у тебя?

— Представь себе состояние загнанной лошади — и ты меня поймешь. Конфликт с Алеронами, сам знаешь.

— Угу, как раз об этом я и хотел с тобой поговорить.

Тваймена, как показалось, это встревожило.

— Я не могу сказать слишком много.

— Почему?

— Ну... ну, пока что, по сути дела, говорить здесь особо нечего. Их делегация находится здесь всего лишь третью неделю, если ты помнишь, так что никакие официальные дискуссии еще не проводились. Такова уж традиция дипломатии между различными расами. Приходится проделывать такую массу кропотливой работы по подготовке, проводить обмен информацией, семантические, ксенологические и даже эпистемологические исследования, прежде чем обе стороны смогут быть хоть наполовину уверены, что они говорят об одних и тех же вещах.

— Гарри, — сказал Хейм, — я не хуже тебя знаю, что все это — пустая болтовня. Неофициальные конференции благополучно проводятся и в данный момент. Когда Парламент встречается с Алеронами, у вас — ребят, которые находятся в курсе дела, — все трюки заготовлены наперед. Аргументы расставлены в нужном порядке, голоса подсчитаны, так что остается лишь тушить свет и отправляться на ратификацию, решение вы уже вынесли.

— Ну... как... нельзя же ожидать, скажем, чтобы представители Империи Кении смогли понять нечто настолько сложное...

Хейм вновь разжег трубку:

— Как бы там ни было, что вы собираетесь делать?

— Извини, но я не могу этого сказать.

— Почему же? Разве не является наша Федерация «демократическим государством»? Разве не гарантирует ее Конституция свободного доступа к информации?

— Ты получишь всю информацию, какая тебе потребуется, — сухо сказал Тваймен, — когда мы начнем действовать на официальном уровне.

— Тогда будет слишком поздно, — вздохнул Хейм. — Неважно. Вы собираетесь уступить Новую Европу Алеронам, не так ли?

— Я не могу...

— А это и не обязательно. Признаков, что так и будет, больше чем достаточно. Главы государств, уверяющие свои народы, что для паники нет причин, что мы не собираемся вступать в войну. Политики и комментаторы, осуждающие «экстремистов». Подавление любого намека на то, что может возникнуть вполне обоснованная причина для войны.

Тваймен рассвирепел:

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я встречался с Андре Вадажем, — ответил Хейм.

— Кем? А, да. Этим авантюристом, который возомнил... Послушай, Гуннар, некоторая опасность войны действительно существует. Я этого не отрицаю. В особенности Франция охвачена сейчас этим стремлением вооружаться, демонстрациями, забастовками, во время которых чернь буквально сдирает флаги Федерации и топчет их ногами. У нас и без того дел по горло, и не хватало еще, чтобы такие чокнутые, как этот Вадаж, мутили воду и еще больше раздували страсти.

— Он не чокнутый. К тому же его правоту подтверждает само прошлое Алеронов. Спроси любого из Военного флота.

— Именно так. — В голосе Тваймена послышалось упрямство. — По мере того как мы вторгаемся в сферу их интересов, число конфликтов неизбежно возрастает. И вправе ли ты их винить в этом? Они совершали круизы в районе Феникса уже тогда, когда люди еще только обживали пещеры. Он принадлежит им.

— Однако Новая Европа им не принадлежит. Ее открыли люди, и они же основали там колонию.

— Знаю, знаю. Звезд так много... Вся беда в том, что мы всегда были алчными. Мы забрались слишком далеко и слишком быстро.

— Звезд много, — согласился Хейм, — но планет, пригодных для заселения людей, не такое уж великое множество. Они нам нужны.

— Алеронам тоже.

— Да? Какой же, интересно, им толк от планет человеческого типа? И даже если взять их в масштабах, подобных нашим, прежде чем мы начали осваивать эту область?

— Массовую колонизацию они восприняли как вызов себе,— ответил Тваймен.— Что стал бы делать ты на их месте, если бы чужая культура начала осваивать планетарные системы, удаленные от Солнца так же, как Аврора — от Эйфа? — он откинулся назад.— О, не надо засорять мне мозги. Алероны не святые. Иногда даже они ведут себя как злодеи, по нашим понятиям. Но нам приходится быть с ними соседями в одном и том же космическом пространстве. Война немыслима.

— Почему? — медленно спросил Хейм.

— Что? Гуннар, уж не свихнулся ли ты? А может, ты никогда не читал историю? И не видел кратеров? И не понимал, каким тревожным сигналом был Ядерный Обмен?

— Этот сигнал был настолько тревожным, что с тех пор человеческая раса не в состоянии подходить к данному вопросу рационально,— отозвался Хейм.— Но мне приходилось изучать некоторые объективные анализы. И даже ты должен признать, что Обмен и его последствия избавили нас от неких идеологических првлений.

— Межзвездная война могла бы «избавить» нас от Земли!

— Чепуха. Планета с такой космической защитой, как у нас, не может быть атакована извне ни одним ныне существующим флотом. Любой луч был бы погашен, любая ракета перехвачена, любой корабль уничтожен.

— В отношении Новой Европы это не так,— сказал Тваймен. Он злился все больше.

— Нет, разумеется, нет. У Новой Европы нет ни космической крепости, ни собственного флота. Ничего, кроме нескольких улан и преследователей, оказавшихся поблизости, когда нагрянула армада Алеронов.

— Не будь смешным, Гуннар. Это была всего лишь очередная стычка, которая, правда, вышла из-под контроля.

— То же самое говорят и Алероны,— пробормотал Хейм.— Если это и в самом деле правда, почему ни один, хотя бы один из наших кораблей не вернулся оттуда?

Тваймен проигнорировал этот вопрос.

— Мы никогда не сможем точно узнать, кто сделал первый выстрел. Но можно быть уверенным в том, что Алероны не стали бы атаковать Новую Европу ракетами, если бы наш корабль и командующий не попытались заманить их корабль вниз, в атмосферу, дабы сделать из них бифштекс, запеченный в тесте. Какая еще могла быть для этого мыслимая причина?

«Если Новая Европа и в самом деле была атакована ракетами,— подумал Хейм.— Но этого не было».

Чтобы справиться со своим негодованием, сенатор некоторое время помолчал, затем продолжал почти ласково:

— Весь этот эпизод в целом продемонстрировал, насколько невыносимой стала ситуация и насколько далеко все может зайти, если мы не остановимся, пока еще не поздно. И за что мы хотим сражаться? За несколько несчастных планеток? Единственное, что от нас требуется — это оставить в покое традиционную сферу влияния Алеронов, и тогда вся остальная галактика будет открыта для нас. Драться из мести? Ну, разумеется, невозможно проигнорировать факт гибели полумиллиона человеческих существ, но остается так же тот факт, что они все же мертвы. Я не хочу, чтобы за их жизнями последовали другие.

— О'кей,— так же спокойно ответил Хейм,— что вы собираетесь делать?

Тваймен пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

— Ты мой друг, и я могу рассчитывать на то, что ты не станешь болтать. И на то, что окажешь мне поддержку, когда, сам знаешь. Идет?

— Насчет секретности... ну... да. А вот насчет поддержки... Там видно будет. Продолжай.

— Детали все еще обсуждаются. Но в общем Алероны предлагают нам за Новую Европу компенсацию. Вполне приличную. Кроме того, они были бы не против откупиться и от других наших интересов в Фениксе. Окончательно условия договора еще придется утвердить — вероятно, они не смогут заплатить все сразу, но проект выглядит неплохо. Если мы покинем эту сферу, они сделают то же самое в отношении околосолнечного пространства. Но, как ты, надеюсь, понимаешь, мы не собираемся возводить никаких стен. Мы будем обмениваться послами и миссиями культуры. В свое время будут обсуждены и условия торговли.

Ну вот. Тебя это удовлетворяет?

Хейм посмотрел в глаза человеку, который, как он когда-то считал, был честен сам с собой, и сказал:

— Нет.

— Почему нет? — как можно мягче спросил Тваймен.

— С точки зрения будущего, ваш план не принимает во внимание натуру Алеронов. Они будут уважать наши интересы в Солнечной системе ровно столько времени, сколько им потребуется для укрепления той области, которую вы сейчас собираетесь им уступить ни за что ни про что. Да-да, именно ни за что ни про что, потому что пока не заключен договор о торговле — а

он, я полагаю, никогда не будет заключен,— каким образом сможем мы использовать всю ту валюту, которую они столь великодушно собираются нам всучить в качестве компенсации?

— Гуннар, я знаю, что несколько твоих друзей погибли от рук Алеронов. И это вызвало у тебя манию преследования.

— Вся беда в том, Гарри,— позаимствовал Хейм мысли Вадажа,— что преследование и в самом деле существует. Ты живешь словно во сне. Ты настолько поглощен идеей избежать войны, что все остальное совершенно не берешь во внимание. Даже честь.

— Что ты хочешь этим сказать? — требовательно спросил Тваймен.

— Новая Европа не была атакована ракетами. Колонисты не погибли. Они укрылись в горах и ждут, когда мы придем им на помощь.

— Это не так!

— Доказательство лежит здесь, на моем столе.

— Ты имеешь в виду документы, подделанные этим... бродягой?

— Документы не подделаны. И это можно доказать. Подписи, отпечатки пальцев, фотографии, да хотя бы коэффициенты изотопов в пленке, изготовленной на Новой Европе. Гарри, я никогда не думал, что ты сможешь продать полмиллиона людей.

— Я отрицаю, вот что я делаю,— ледяным тоном произнес Тваймен.— Вы фанатик, мистер Хейм, вот и все. Даже если бы то, что вы говорите, было правдой... как вы представляете себе спасение хотя бы одного человека на планете, которая оккупирована и имеет космическую охрану? Но это неправда. Я говорил с теми, кто остался в живых и кого Алероны доставили сюда. Должно быть, вы сами видели их по стереовизору. Они подтверждают факт ракетной атаки.

— Хм. А ты помнишь, откуда они были?

— Из района Сюр д'Ивонн. Все остальные уничтожены.

— Это Алероны так говорят,— возразил Хейм.— И спасенные тоже так считают. Все, кто так не считает, были отсортированы еще во время опроса. Я утверждаю, что Сюр д'Ивонн был единственным местом, куда ударила ядерная ракета. Я утверждаю также, что мы будем бороться, если таковым будет наш долг, и сможем победить. Только космическая война. Я не собираюсь нести чушь насчет «атаки неприступного Алерона», которую ваши дрессированные комментаторы неустанно вкладывают в наши умы, «умы экстремистов», к тому же Земля в не меньшей степени неприступна. Далее я утверждаю, что если мыотреагируем быстро и в полную силу, нам, вероятно, можно будет избежать войны,

Алероны пойдут на попятный. Они недостаточно сильны, чтобы задирать перед нами нос... пока. Наконец, я утверждаю, что если мы оставим в беде этих людей, которые верят в нас, то все, что Алероны в конечном счете сделают с нами, будет вполне заслуженно,— он набил свою погасшую трубку.— Таково мое мнение, сенатор.

Тваймен, дрожа от ярости, ответил:

— Тогда мое слово, Хейм, будет таким: мы переросли этот вид саблезубого милитаризма, и я не собираюсь допускать, чтобы нас тащили назад, опять на тот же уровень. Если ты настолько ослеплен, что станешь разглашать все, рассказанное тебе мной в частной беседе, я тебя уничтожу. В течение года ты окажешься в районе Благоденствия или на исправлении.

— О, нет,— сказал Хейм.— Я всегда держу клятву. Факты сами скажут тебе. Мне достаточно лишь указать на них.

— Давай-давай, если тебе хочется лишиться денег и репутации. Ты станешь таким же посмешищем, как и остальная воинствующая толпа.

Ошеломленный Хейм криво усмехнулся. В течение последних недель, после новостей с Новой Европы, он видел, что сделали средства массовой информации с теми, кто говорил так же, как он говорил сейчас. Точнее говоря, с теми, кто пользовался влиянием, и кого поэтому стоило опрокинуть. Простые люди, не имевшие отношения к политике, были не в счет. Ученые мужи попросту заявили, что Всемирное Мнение требует мира. Однако, прислушавшись к разговорам немалого числа людей, от инженеров и физиков до космических чернорабочих и механиков, высказывавших свое мнение, Хейм засомневался, что всемирное мнение было передано правильно. Но он не видел способа доказать это.

Может быть, провести голосование? Нет. В лучшем случае, результаты напугали бы лишь несколько профессоров, которые быстро пришли бы к выводу, что оно было основано на ложных статистических данных, да несколько студентов этих профессоров, которые организовали бы демонстрацию, требуя осуждения монстра по фамилии Хейм.

Пропаганда? Лавирование? Общество Поля Риверы?... Хейм слепо тряхнул головой и тяжело ссутулился.

Лицо Тваймена смягчилось.

— Прости, Гуннар,— сказал он.— Ты ведь знаешь, я по-прежнему твой друг. Независимо от того, куда пойдет очередное денежное пожертвование твоей компании. Звони в любое время.— Поколебавшись, он решил еще добавить «Пока» и исчез с экрана.

Хейм подошел к своему письменному столу, чтобы взять хранившуюся там бутылку. Пока он доставал ее, его взгляд упал на модель «Звездного Лиса», которую ему подарил экипаж улана при уходе в отставку. Она была сделана из стали, оставшейся от боевого корабля Алеронов, в который улан засадил атомную торпеду в бою у Акернара.

— Интересно, используют ли Алероны наши подбитые корабли в качестве трофеев?

«Хм. Странно. Прежде я никогда не думал об этом.— Усевшись в кресло, Хейм положил ноги на стол и поднес бутылку к губам.— А почему бы мне не загнать в угол одну из их делегаций и не спросить у них об этом?»

Потом он чуть не захлебнулся виски и сплюнул; его ноги сползли со стола на пол, он даже не заметил этого. Последняя мысль слишком озадачила его. «Почему бы и нет?»

ГЛАВА 3

На потолке отражался слабый свет багрового карликового солнца, отбрасывавшего кроваво-красные блики на листья, побеги ползучих растений и медленно закрывавшиеся цветы. Там, где растения образовывали особенно густой полог, стояли кучей земные приборы: телефон, стереовизор, компьютер, диктофон, инфотрив, кубики обслуживания, аппарат для контроля окружающей среды — и все это являло собой крайне неуместное здесь зрелище. Тишина была столь же глубокой, как и пурпурные тени вокруг. М. Синби ждал, не двигаясь.

Камера декомпрессии завершила свой цикл, и Гуннар Хейм вышел наружу. Сухая разреженная атмосфера обожгла ему горло. Но он почти не заметил этого, настолько ошеломительными показались ему запахи. Он не мог определять, какой из них — сладкий, острый, едкий, мускусный — исходил от какого растения, множество которых росло от стены до стены, поднимаясь до самого потолка и вновь спускаясь вниз водопадом голубовато-стальных листьев, там и сям взрывающихся фейерверком оранжевых, розовых, алых, черных и фиолетовых цветов. Пониженная гравитация, казалось, заставляла голову слегка кружиться, что было весьма неприятно и непривычно для Хейма. Пористый мох пружинил под ногами, точно резина. Было тепло, как в тропиках. Хейм чувствовал, как инфракрасные лучи нагревают кожу.

Он остановился и огляделся вокруг. Наконец его глаза привыкли к необычному освещению, какое могли бы дать тлеющие угли в догорающем камине. И все же детали очертаний, столь непривычных для Земли, он разглядел далеко не сразу.

— Имбак дистра? — неуверенно произнес он. — Мой повелитель?

Его голос дрогнул в этом разреженном воздухе.

Синби рю Тарен, Властитель Интеллекта Сада Войны, адмирал флота и военный специалист Главной Комиссии Посредников, семенящими шажками выступил из-под своих деревьев.

— Добро пожаловать, сэр, — пропел он. — Так значит, вы понимаете Высокую Речь?

Хейм сделал приветственный поклон, в этике Алеронов означавший, что он, индивидуум высокого положения, приветствует дорогого индивидуума, занимающего иное, но равное по высоте положение.

— Нет, мой повелитель, о чем весьма сожалею. Лишь несколько фраз. Для любого представителя моей расы этот язык очень труден.

Прекрасный голос Синби охватывал музыкальный диапазон, до сих пор неведомый человеку.

— Не желаете ли присесть, капитан Хейм? Я могу распорядиться насчет чего-нибудь освежающего.

— Нет, благодарю, — сказал человек, поскольку не хотел терять определенного психологического преимущества, которое давал ему его рост, да и пить вино врага тоже было не в его привычках. Внутренне он был озадачен. Капитан Хейм? Откуда это было известно Синби? И сколь далеко простирались его знания?

Времени для наведения справок было достаточно, поскольку с момента запроса данной аудиенции прошло уже два дня. Но разве можно было предположить, что сверхповелитель Алеронов так заинтересуется простым индивидуумом? Вполне возможно, что просьба Хейма была удовлетворена под нажимом Гарольда Тваймена, а не по какой иной причине. Сенатор твердо верил в полезность дискуссии между оппонентами. Любых дискуссий. «Мы можем сесть в лужу, но по крайней мере, мы сделаем это осознанно», — таков был его негласный девиз.

— Надеюсь, ваше путешествие было приятным? — ханжеским голоском осведомился Синби.

— О... в общем, да, мой повелитель, особенно если учесть, что я обожаю тщательные обыски и путешествия с завязанными глазами.

— Весьма сожалею, но это вызвано необходимостью держать в тайне местонахождение нашей делегации,— кивнул Синби.— Ведь ваши фанатики...

Последнее было произнесено полуторатоновым глиссандо, в котором звучало столько презрения, что Хейм и не подозревал о таких возможностях.

— Да,— Хейм с трудом взял себя в руки.— В вашей цивилизации массы лучше... контролируются.

Смех Синби рассыпался словно весенний дождь.

— Вы меткий стрелок, Капитан.

Он приблизился, двигаясь точно неуклюжий кот.

— Вы не против прогуляться по моему лесу, пока мы с вами будем разговаривать? Возможно, вам не случилось попасть в небольшое число людей, которые когда-либо ступали на землю Алеронов.

— Да, мой повелитель, сожалею, но не имел этого удовольствия.

Синби остановился. Мгновение они рассматривали друг друга в сумрачном свете. И Хейм в это время думал лишь о том, насколько красивы Алероны.

Длинные ноги, слегка наклоненное тело высотой 150 сантиметров, грудь такая же сильная и талия такая же тонкая, как у борзой, хвост — противовес, находящийся в постоянном движении, иногда едва заметном,— все это вызывало невольное восхищение. Как сверкал лоснящийся мех, отражая крошечные блески света, как уверенно опирались о землю три длинных пальца обеих ног, как гордо поднята была тонкая шея. Мало кто из людей мог бы позволить себе одеться подобно Синби, в цельнокроеный покров из металлической сетки, закрепленный на шее, запястьях и лодыжках с помощью полированных медных застёжек. Такой наряд слишком многое оставлял неприкрытым.

Но вот голова Алерона могла кого угодно привести в замешательство. Меховой покров заканчивался на шее, и лицо Синби — цвета мрамора, с огромными глазами под изогнутыми бровями, с маленьким носом, ярко-красными губами, широкими скулами и узким подбородком — могло бы походить на лицо женщины. Правда, не совсем: различие было в одной детали, и эта деталь была людям не свойственна. Между остроконечными ушами Синби вдоль по спине и до половины хвоста струилась грива волос, густых и шелковистых, золотисто-медного цвета. Человек, который стал бы глядеть в это лицо слишком долго, рисковал забыть о прилагавшемся к нему теле.

«И мозге»,— мысленно добавил Хейм.

Опустившаяся мигательная перепонка на миг скрыла изумрудный цвет кошачьих глаз с длинными ресницами. Он улыбнулся, продолжая приближаться к Хейму, и взял его за руку. Три двухсуставчатых и один большой палец сомкнулись в осторожном пожатии.

— Идемте,— пригласил алерон.

Хейм пошел рядом с ним в темноту под деревьями.

— Мой повелитель,— произнес он охрипшим голосом,— я не хочу отнимать у вас время. Давайте поговорим о деле.

— Быть по сему, Капитан,— свободной рукой Синби ударил о фосфоресцирующую ветку.

— Я здесь по поводу новоевропейцев.

— По поводу мертвых, которых уже оплакали? Мы произвели репатриацию оставшихся в живых, и они, должно быть, давно в безопасности.

— Я имею в виду живых, которые остались на планете. А это почти все население Новой Европы.

— Ах-х-х,— выдохнул Синби.

— Сенатор Тваймен, должно быть, предупредил вас о том, что я подниму данный вопрос.

— Это так. Однако он заверил, что никто не верит вашему голословному утверждению.

— Большинство его сторонников просто не решается поверить в это. А те, кто поверил, не решаются действительно в этом признаться.

— Подобное обвинение могло бы подвергнуть опасности мирные переговоры.

Хейм не смог уловить, какая степень насмешливости прозвучала в замечании Синби. Споткнувшись в темноте о что-то невидимое, он выругался и с облегчением увидел, что они выходят из зарослей на небольшую лужайку, усыпанную цветами. Впереди возвышалась внутренняя стена, на которой были расположены полки с сотнями книг, не только длинные и узкие фолианты Алеронов, но и многочисленные древние земные книги. Хейм не мог разобрать их названий. Соседняя комната алеронских апартаментов, в которую вел вход под аркой, тоже была ему не видна, но он слышал, что где-то рядом плещет фонтан.

Хейм остановился и, глядя прямо в лицо алерону, сказал:

— У меня есть доказательства, что Новая Европа не была полностью очищена от людей, конкретно говоря, они отступили в горы и продолжают сопротивление вашим оккупационным силам. Свидетельства этого находятся в надежном месте...

«Боже, не слишком ли мы мелодраматичны?» — подумал Хейм и продолжил:

— ...и я планировал опубликовать их. Что было бы, как вы справедливо заметили, несколько не ко времени для участников вашей конференции.

В глубине души он тайл почти отчаянную надежду на то, что алерон недостаточно хорошо знаком с жизнью на Земле, чтобы понять, насколько безнадежна была эта угроза. Однако по лицу Синби понять это было невозможно. Все, что он себе позволил — это лишь невозмутимо приподнять уголки рта, а затем ответить:

— У меня такое впечатление, будто вы решили пойти по другому пути, Капитан.

— Это зависит от вас,— отозвался Хейм.— Если вы репатрируете всех людей, оставшихся на Новой Европе, я отдам вам все вышеуказанные документы и не скажу более ни слова.

Синби отвернулся, сделав вид, будто его заинтересовал побег какого-то вьющегося растения. Лиана обвилась вокруг его руки и потянулась цветами к его лицу.

— Капитан,— пропел он наконец,— вы умный человек. Допустим, вы искренне верите в то, что говорите. Но даже если так, то каким образом мы могли бы заставить подойти к своим кораблям охваченных яростью людей, скрывающихся в горах?

— Они сражаются, поскольку ждут помощи. Если бы представитель французского правительства приказал им вернуться сюда, они бы подчинились. Переговоры можно провести с помощью радио.

— Но разве согласилась бы Франция действовать подобным образом?

— У нее бы не было выбора. Вы должны знать это лучше меня. Вы знаете, что большинство в Федерации не желает отстаивать свои права на Новую Европу. Пожалуй, единственное, что могло бы спровоцировать вооруженный конфликт — это насилие над колонистами. Дайте им вернуться на Землю невредимыми — и вы одержите свою чертову победу.

— Возможно,— свет красноватой рябью скользнул по роскошной гриве Синби, когда тот кивнул в ответ на слова Хейма. Он по-прежнему не поднимал глаз от цветов.— Но после? — тихо пропел он. — После?

— Я знаю,— сказал Хейм.— Новоевропейцы были бы живым доказательством вашей лжи, лжи не только о них самих, но обо всем сражении. Доказательством того, что все произошло не потому, что какой-то воинствующий помешанный нажал на спусковой крючок, а потому, что ваше нападение было вами заранее подготовлено.— Хейм ощутил во рту какой-то мерзкий привкус и, сглотнув, продолжал:

— Что ж, почитайте земную историю, мой повелитель. Вы поймете, что мы, люди, относимся к подобным вещам не столь серьезно, сколь могли бы. Ложь считается нормальным явлением в дипломатии, и несколько потерянных кораблей, несколько убитых людей — все это мелочи жизни. Если хотите, эта ваша уступка только укрепит партию мира.

«Смотрите же,— скажут сторонники мира.— Алероны не такие уж плохие, с ними можно иметь дело, наша политика спасла жизнь оставшимся на Новой Европе и помогла избежать дорогостоящей войны».

На этот раз женственное лицо повернулось, и несколько мгновений сияющие глаза смотрели на Хейма. Он почувствовал, как тяжело забилось сердце. Плеск фонтана, казалось, умолк, а горячая красноватая мгла сгустилась вокруг.

— Капитан,— пропел Синби таким низким голосом, что его почти не было слышно.— Эйф — древнее светило: Цивилизованные алероны возникли за миллион лет до вашей культуры. Мы не стремимся сделать свою империю слишком обширной, ибо это могло бы разрушить старый устоявшийся порядок, но наши Странники отправлялись в дальние скитания, а наши Умы размышляли. Возможно, в разнообразных проявлениях судьбы мы мудрее, чем какой-либо беспечный пришелец. Возможно, мы постигли вашу собственную сущность глубже, чем вы сами.

Я сказал «после». Это слово приобретает иной вес, если отзывается сквозь миллион лет. Я имел в виду не десятки лет, а поколения, века. Я смотрю далеко в будущее.

Пусть все, что вы говорили в пределах этих стен, будет правдой. Тогда признайте, что правдой является также и то, что алероны не могут доставить сюда полмиллиона индивидуумов, чтобы они пропитали свою расу ненавистью.

Если бы они сдались, все было бы иначе. Мы сообщили бы на Землю, что эта битва была скорее случайной, чем спровоцированной, и что теперь мы должны иметь свою собственную сферу, где не будет никаких чужаков. Но те ваши колонисты, которые пожелали бы остаться, могли бы это сделать, если бы приняли подданство Алерона. Мы предложили бы провести инспекцию, с тем, чтобы Земля смогла убедиться в том, что ее колонисты не подвергаются притеснениям. Поскольку столь небольшие владения, окруженные чужой территорией, не имеют особого значения, то Алероны нашли бы способ осуществить их интеграцию в лоно своей цивилизации; способ этот не такой уж быстрый с точки зрения времени, очень тонкий, но в то же время вполне, вполне надежный.

Внутри этих стен я могу признаться, что колонисты не пожелали сдаться. И даже если бы мы смогли захватить их живыми — а сделать это на планете, о которой идет речь, невозможно,— даже тогда они могли бы не принять подданство Алерона. А пленные, которые представляли бы собой просто постоянную опасность и вечно сохраняли бы надежду на то, что Земля их освободит, нам не нужны. Тем не менее, если бы Франция приказала им вернуться домой, они восприняли бы это как предательство тех, кто не сдался, и стали бы добиваться, чтобы в правительство Федерации вошли более смелые мужчины. Я смотрю в будущее и вижу, как они обвиняют сторонников миролюбивой политики — да, да, Капитан, именно это, неуловимое и непостижимое, и движет вашу историю, вы относитесь именно к этому типу животных. Действительно, войны за возвращение Новой Европы могло бы и не быть. Ваши лидеры отлично понимают: что с возу упало, то пропало. Так, кажется, принято у вас говорить? Но когда возникает другой спорный вопрос... ах-ах.

«Так, значит, очередной спорный вопрос все же должен возникнуть»,— подумал Хейм.— Ничего такого, о чем бы я уже не догадался, он не сказал. Однако хотелось бы знать, когда у них запланирован второй кризис. Возможно, я до него уже не доживу. Но Лиза, безусловно, станет его очевидцем». Когда он заговорил, собственный голос, бесстрастный и далекий, показался ему чужим, словно говорил не он, а кто-то другой:

— Значит, вы не собираетесь признать тот факт, что колонисты живы. И что вы станете делать? Постепенно вылавливать их?

— Я командую воздушными силами, Капитан, а не наземными войсками,— к удивлению Хейма, ресницы Синби затрепетали, и он опустил взгляд на свои руки. Пальцы их плотно сжались.— Я и так уже сказал вам больше чем положено. Но если уж на то пошло, я не принадлежу к числу Старых Алеронов. Мой тип индивидуумов появился после того, как с Земли начали прилетать корабли чужаков. И... я был у Акернара.— Он поднял глаза.— Капитан «Звездного Лиса», пожмете ли вы мне на прощание руку по земному обычаю?

— Нет,— сказал Хейм. Повернувшись на каблуках, он зашагал в направлении камеры декомпрессии.

ГЛАВА 4

• Сопровождавший его эскорт из рядовых Мирного Контроля развязал ему глаза и выпустил из официального флайера в порт Джонсон в Делаваре. Кружной маршрут, которым они летели, занял больше времени, чем ожидал Хейм. Свидание с Кокелином могло не состояться. Он поспешил вскочить в автобус, направлявшийся к гражданским гаражам; протолкавшись сквозь толпу у входа, он обнаружил, что всю дорогу придется стоять.

Его ярость утихла за те часы, что он сидел, слепой, во флайере, обмениваясь банальностями с честным молодым офицером из своей охраны («...Синоптики явно проворонили последний ураган, как по-вашему?... Да, с Новой Европой дела плохи, но в то же время мы переросли такие вещи, как империализм и месть, не так ли? В любом случае, галактика велика... Я так завидую вам, вы весь космос повидали. Нам, конечно, по долгу службы тоже приходится путешествовать, но разные уголки Земли и ее люди с каждым годом становятся все больше похожими друг на друга...») или погрузившись в свои собственные мысли. Хейм не надеялся достичь каких-то заметных результатов во время встречи с алероном. Эта попытка была простым выполнением долга.

Сумрачное настроение не покидало его.

«Не представляю, что мне удастся сделать в Париже»,— думал он.

Мужчина в потрепанной одежде, без всякой причины настроенный весьма агрессивно, толкнул Хейма. Тот с большим трудом сдержался — он ненавидел скопища людей — и не стал отвечать взаимной грубостью. Нельзя было винить беднягу за то, что он враждебно относился к человеку в дорогой одежде, выдававшей в нем принадлежность к техноаристократии.

«Вот почему мы должны осваивать космос,— в тысячный раз сказал себе Хейм.— Простор. Возможность выбраться из этой ужасающей земной сутолоки, чувствовать себя свободно, быть самими собой, испытать новые способы жить, работать, мыслить, творить, удивляться. На Новой Европе на каждого из полумиллиона людей приходилось больше счастья, чем когда-либо мог бы представить любой из десяти биллионов землян».

Что это в них такое: страх? инерция? отчаяние? Простое, старое как мир, невежество? Что заставляет их проглотить эту болтовню, что вся остальная вселенная открыта для нас?

Потому что это пустая болтовня. Планет, пригодных для заселения, не так уж много. И большинство из них имеют своих

разумных аборигенов; остальные же, большей частью, колонизированы другими. Хейм не хотел, чтобы его расу принудили к крайнему выражению безнравственности: отбирать у кого-то по праву принадлежащие ему владения.

Хотя вопрос с Фениксом имел еще более важную подоплеку. Утрата мужества. История неоднократно доказывала, что уступка несправедливому требованию ради еще нескольких лет мира всегда была первым шагом по наклонной плоскости. Принятие весьма порочного принципа «сфер интересов». В космосе не должно быть никаких границ. И, разумеется, самодовольная глупость: категорический отказ ознакомиться с документами, доказывающими, каковы на деле намерения алеронов в отношении Земли; положительная готовность предоставить врагу время и ресурсы, необходимые ему для подготовки очередного вторжения.

Но что мог сделать со всем этим один человек?!

В гараже Хейм затребовал свой флайер, с беспокойством и раздражением подозревая, что Служба Движения сделает все от нее зависящее, чтобы задержать его отлет. И в самом деле, прошло немало времени, прежде чем он с облегчением услышал звук двигателя своей машины. Сначала он включил ручное управление, чтобы ощутить удовлетворение от того, что наконец-то сам может что-то сделать, дабы поскорее убраться отсюда. Гравитроны его «Мунрейкера», сделанные по заказу, имели достаточную мощность, чтобы поднять его высоко в стратосферу. В остальном флайер ничем не отличался от других подобных машин. Хейм был абсолютно равнодушен к земным благам. Поручив автопилоту доставить его в Орли, он приготовил ужин и вырубился на пару часов.

Автопилот разбудил его «Увертюрой легкой кавалерии» и преподнес кофе. Надев чистую одежду — нечто официальное, с золотом по воротнику и вдоль брюк, — Хейм приготовился к выходу: флайер уже заходил на посадку. Мгновение он колебался, не взять ли с собой оружие, поскольку при нем был пакет Вадажа. Но нет, это могло возбудить больше недоверия, чем того стоило. Если здесь тоже ничего не выйдет, Хейм сомневался, будет ли иметь смысл дальнейшее проведение хлопот в отношении Новой Европы. Что тогда можно будет предпринять? Разве что напиться до поросячьего визга и отправиться в эмиграцию, на какую-нибудь особенно удивительную и удаленную планету.

Зайдя в канцелярию Доуэйна, он предъявил свою идентификационную карточку и получил разрешение на пребывание в течение тридцати дней. Франция, менее перенаселенная, чем большинство стран, весьма неохотно принимала чужаков. Но

сейчас служащий буквально растаял, лишь только прочел имя Хейма.

— Ах, да, месье, мы предупреждены о том, что будем иметь счастье принимать вас. Машина к вашим услугам. Желает ли месье сделать распоряжение насчет багажа? Нет? Бьен, сюда, пожалуйста, и позвольте пожелать вам приятного путешествия.

Весьма ощутимый контраст по сравнению с тем, какой прием, должно быть, был оказан Андре Вадажу. Но ведь он всего лишь бродячий музыкант. А Гуннар Хейм возглавляет широко известный промышленный концерн и приходился пасынком Курту Вингейту, заседавшему в правлении «Дженераль Ньюклионис». Если Гуннар Хейм просит разрешения на конфиденциальную беседу с Мишелем Кокелином и главой французского представительства во Всемирном Парламенте, что ж, разумеется, разумеется.

И тем не менее, он выбился из расписания. Тваймен ударился в крайность, когда, решив угодить Хейму, устроил ему встречу с Синби. Но торговцы миром, без сомнения, послали своих агентов следить за ним, так что если не поторопиться, они могут найти способ воспрепятствовать его дальнейшему расследованию.

Машина въехала в Париж по земле. Голубые сумерки сгущались, превращаясь в ночь. Деревья вдоль бульваров роняли пожелтевшие листья, которые яркими брызгами осыпались на величавые старые стены Барона Хайсманна и шуршали под ногами хорошеньких девушек, прогуливавшихся под руку со своими кавалерами. Открытые кафе, как обычно в этот сезон, пустовали. Хейм был рад этому. Париж мог бы заставить его вспомнить о слишком многом.

Машина остановилась возле Кэ д'Орсэ, и Хейм вышел. Слышно было, как под пронизывающим холодным ветром плещется Сена, если не считать этого, вокруг было тихо. Шум большого города, казалось, здесь совершенно отсутствовал. Но свет, поднимавшийся в небо, скрывал звезды.

У входа стояли часовые. Их лица над хлопающими на ветру накидками застыли в напряжении. Вся Франция была сейчас в напряжении и ожесточении. По длинным коридорам, где в этот поздний час все еще работало немало людей, Хейма провели в приемную Кокелина.

Министр отодвинул в сторону стопку бумаг, встал, чтобы поприветствовать гостя.

— Здравствуйте,— сказал он. Голос был усталый, но по-английски этот человек говорил безупречно. Это было кстати, с годами Хейм почти совсем забыл французский язык. Кокелин

жестом указал на потертое, но, судя по всему, очень удобное кресло рядом с собой.

— Садитесь, пожалуйста. Не хотите ли сигарету?

— Нет, спасибо, я курю трубку.

Хейм вынул трубку из кармана.

— Я тоже,— Кокелин улыбнулся, собрав лицо в крупные морщины, затем сел и принялся набивать еще более позорную, чем у Хейма, старую курительную трубку из корня Эрики. Он был невысок, но мощного телосложения, с бесстрастным выражением лица, лысый, с высоким большим лбом и очень твердым взглядом карих глаз.

— Ну, мистер Хейм, чем могу быть для вас полезен?

— М-м... Это касается Новой Европы.

— Я так и думал,— улыбка исчезла.

— По моему мнению...— Хейму показалось, что это звучит слишком напыщенно.— Месье Кокелин,— снова начал он,— мне кажется, Земля должна сделать все необходимое, чтобы вернуть Новую Европу.

Раскурив трубку, Кокелин сантиметр за сантиметром осмотрел лицо своего собеседника.

— Благодарю вас за это,— произнес он наконец.— Мы здесь, во Франции, чувствовали себя одинокими в этом мнении.

— У меня с собой некоторые материалы, которые, возможно, могли бы пригодиться.

Кокелин едва заметно вздохнул:

— Будьте любезны, продолжайте.

Пока Хейм говорил, он сидел, сохраняя абсолютно бесстрастное выражение лица, курил и неотрывно смотрел на своего собеседника. Лишь один раз он прервал его:

— Синби? Ах, да, я с ним знаком. Это тот, которого разместили в... Нет, пожалуй, не стоит говорить, официально считается, что мне это неизвестно. Продолжайте.

Когда Хейм закончил, Кокелин открыл пакет, достал несколько пленок, вставил их в проектор, стоящий у него в комнате. Тишина, казалось, готова была взорваться. Хейм пускал клубы дыма, подобно вулкану, смотрел через окно в темноту и слушал биение собственного сердца.

Наконец Кокелин пробормотал:

— Слухи об этом доходили до меня.

Меняя позу, Хейм зашевелился в кресле так, что оно застонало.

Наступила еще одна пауза, после чего Кокелин продолжал:

— Насколько я понимаю, вы и Вадаж готовы вступить в Легион Чести. Чтобы ни случилось.

— А что должно случиться? — спросил Хейм. Челюсти ныли: так сильно он их сжал, сидя в ожидании приговора Кокелина.

Тот пожал плечами.

— Вероятно, ничего, — сказал он скучным голосом. — Они явно настроены купить то, что у них называется миром.

— О, да, вы ведь, должно быть, в курсе. Так что я могу сказать вам, что тоже знаю их план.

— Отдать алеронам Новую Европу? Хорошо, мы можем говорить открыто. Естественно, для меня это вопрос чести, не разглашать обсуждение вопроса и решения до тех пор, пока мои коллеги по комитету не будут в полном единодушии относительно этого вопроса, и если бы я нарушил данную мною клятву, это было бы с моей стороны весьма легкомысленным поступком с гибельными политическими последствиями, поэтому я бесконечно рад заполучить в качестве собеседника по данному вопросу человека со стороны, — Кокелин провел рукой по глазам. — Но мы не так уж много можем сказать друг другу, нет?

— Ну почему же! — воскликнул Хейм. — Во время очередного официального заседания вы можете представить эти материалы Парламенту вместе с научными подтверждениями их подлинности. Вы можете спросить их, можно ли им рассчитывать на избрание после продажи стольких человеческих существ.

— Да, да, — Кокелин смотрел на свою трубку, в которой огонь то разгорался, то угасал. — Кое-кто скажет, что я лгу. Что мои доказательства подделаны, а мои ученые подкуплены. Остальные скажут: «Увы, это ужасно, но — полмиллиона людей? Ведь несколько ракет, если бы они ударили по наиболее густонаселенным центральным частям Земли, могли бы уничтожить в двадцать раз, в сотню раз больше; к тому же мы не имеем права на территорию Феникса, и ничего не остается делать, как только подружиться с алеронами, иначе нам придется ожидать войны, которая продлится десятилетия — так что мы можем лишь сожалеть о наших людях, оставшихся там, но помочь им мы не в силах». — Он криво усмехнулся. — Полагаю, в их честь воздвигнут монумент. Принесенные в жертву миру.

— Но это же нелепо! Земля не может быть атакована. А если даже и может, значит, то же самое относится и к Алерону, и они не станут провоцировать это нападение, зная, что мы вдвое сильнее их. Одна единственная флотилия хоть сейчас выживет их из системы Авроры.

— Половина Военного флота была отозвана для защиты внутренних территорий. Другая половина рассредоточена вдоль спорной полосы и ведет наблюдение за флотом алеронов, который тоже курсирует в этом районе. Адмиралы, с которыми я

советовался, не желают выделять флотилию для Авроры. Поскольку вам, должно быть, известно, месье, каждой из сторон совсем не обязательно иметь большое количество кораблей, когда одно-единственное судно с ядерным вооружением обладает такой разрушительной способностью.

— Стало быть, мы сидим сложа руки? — проскрипел Хейм.— Да, в данный момент даже один корабль мог бы... мог бы нанести серьезный урон противнику. Пока что у них наверняка нет больших сил в районе Авроры. Но дайте им год или два — и они сделают Новую Европу такой же неприступной, какой является Земля.

— Я знаю,— Кокелин обернулся вокруг на своем вращающемся кресле, положил руки на стол и втянул голову в плечи.— Я буду спорить. Но... сегодня я чувствую себя стариком, мистер Хейм.

— Бог мой, сэр! Если Федерация ни в какую не желает действовать, то как насчет самой Франции?

— Невозможно. Согласно Конституции, мы в качестве отдельной страны не вправе даже вести переговоры с какой-либо внеземной цивилизацией. Нам не разрешается иметь никакой вооруженной силы, никакой военной машины, кроме той, что не превышает уровня полиции. Это находится в компетенции только Властей Мирового Контроля.

— Да, да, да...

— Фактически...— Кокелин взглянул на Хейма. На одной щеке у него дергался мускул.— Теперь, когда я думаю о том, что вы мне принесли, об этих документах, я не знаю, стоит ли мне придавать их гласности.

— Что?!

— Подумайте сами. Франция и так достаточно взбудоражена. Стоит только допустить, чтобы стала известна вся правда, включая предательство — и я не беру на себя смелость предсказывать, каковы могут быть последствия. И, да, самой Федерации это повредит еще больше, чем Франции. Лояльность по отношению к Федерации следует ставить выше всего. Земля слишком мала для национального суверенитета. А ядерное оружие слишком могущественно.

Хейм смотрел на склоненную голову, и бушевавшая в нем ярость, казалось, готова была разорвать его в клочья.

— Я сам полетел бы туда! — крикнул он.

— Это было бы пиратство,— вздохнул Кокелин.

— Нет... постойте, постойте,— Хейм вдруг все понял. Он вскочил.— Каперство! Когда-то давным-давно существовали военные корабли, принадлежавшие частным владельцам.

— Э, да вы, я вижу, кое-что читали по истории.— Кокелин немного ожил. Он сел прямее и вмиг насторожившимся взглядом оглядел огромную фигуру напротив.— Но я читал больше. Каперство было объявлено вне закона еще в девятнадцатом веке. И даже страны, не подписавшие этот пакет, соблюдали запрет, пока он не стал частью интернационального закона. Допустим, в Федеральной Конституции не упоминается столь архаический вопрос. И все же...

— То-то и оно! — взревел Хейм. Или это кричал демон, возникший в его голове?

— Нет, нет, стоит только пренебречь законом — и тут же появится стража Мирного Контроля. Я слишком старый и уставший человек — лично я,— чтобы предстать перед Всемирным Судом. Не говоря уже о трудностях практического характера. Франция сама по себе не может объявить войну. Франция не в состоянии производить ядерное оружие,— Кокелин печально усмехнулся.— В прошлом я юрист. Если бы в данном деле была... как это называется... хоть какая-нибудь лазейка, я, быть может, еще и попытался бы пролезть сквозь нее. Но увы...

Не дав ему закончить, Хейм сказал:

— Я могу достать оружие.

Кокелин подскочил на своем кресле.

— Где вы его возьмете? — от волнения он заговорил по-французски.

— Не на Земле. Я знаю одно такое место. Разве вы не понимаете: алеронам придется держать космическую защиту на орбите вокруг Новой Европы, иначе она не выдержит даже самой маленькой преднамеренной атаки.— Хейм теперь не сидел, развалившись в кресле, а, навалившись на стол, придвинулся вплотную к собеседнику и тараторил, словно пулемет.— Новая Европа имеет лишь ограниченно развитую промышленность, поэтому алеронам придется большую часть оборудования доставлять со своей планеты. Длинная линия снабжения. Один космический пират, грабящий коммерческое судно, какое он будет иметь отношение к занимаемой ими сейчас торгашеской позиции? Какое он будет иметь отношение к нашим бедным, загнанным в ловушку людям? Один корабль!

— Но я уже говорил вам...

— Вы мне сказали, что это невозможно фактически и легально. Я могу доказать физическую возможность. А вы говорили, что когда-то были юристом.

— Но я уже говорил вам...

Кокелин поднялся, подошел к окну и посмотрел куда-то вдаль через Сену. Хейм принялся мерить шагами комнату, сотрясая

пол. Мозг его бурлил от избытка планов, фактов, злости и надежды; давно уже он не испытывал такого прилива сил и энергии, с тех пор, как стоял, широко расставив ноги, на своем капитанском мостике у Альфы Эридана.

Потом Кокелин повернулся. В тишине раздался его шепот.

— Была ни была,— произнес он по-французски, вернулся к своему письменному столу и принялся барабанить по ключам на инфотриве.

— Что еще вам там понадобилось? — требовательно спросил Хейм.

— Все детали того времени, когда еще не все страны вступили в Федерацию. Мусульманская Лига не сочла для себя возможным иметь с ней дело. Поэтому во время каких-либо беспорядков властям вменялось в обязанность защищать интересы Федерации в Африке.

Кокелин целиком погрузился в свою работу. Один раз, правда, он встретился взглядом с Хеймом. И тот увидел в глазах министра нечто новое: энтузиазм, задор, жажду жизни.

— Приношу вам сердечную благодарность, мой друг,— сказал Кокелин по-французски.— Быть может, всего лишь на одну ночь, но вы вернули мне молодость.

ГЛАВА 5

Андре Вадаж снял крышку с котелка, вдохнул великолепный аромат, перемешал содержимое и опустил крышку на место.

— Почти готово,— сказал он.— Пора мне сделать салат. Компоненты готовы?

Лиза Хейм покраснела.

— Я... боюсь, я не особенно хорошо умею резать огурцы и прочее,— ответила она.

— Плевать.— Вадаж вывалил хаотическую кучу зелени в большую чашу.— Для курсанта ты справились нормально... Найди мне еще приправы, идет? Надо быть просто инженером, чтобы управляться с этой чертовой механизированной преисподней под названием «кухня». Бывало, я говорил, когда был маленьким и меня заставляли делать что-то на кухне: «Видно, мне все же хотят присвоить звание повара и мойщика бутылок младшего разряда. Контрольное задание: голова кролика с красными яблоками во рту и полевыми ягодами, желтыми и зелеными, вместо глаз. Все это с капустой и заварным кремом».

Лиза хихикнула, вспорхнула на стол и уселась там, болтая ногами и глядя на Вадажа со смущающей симпатией. У него и в мыслях не было добиваться расположения девушки, он просто пытался составить хорошую компанию дочери своего гостеприимного хозяина, пока тот отсутствовал. Вадаж уделил травам и специям даже больше внимания, чем это было необходимо.

— Моя мамаша научила меня испанской поговорке, — заметил он. — Для приготовления салата нужны четыре человека: мот для масла, философ для приправ, скряга для уксуса и сумасшедший для взбивания.

Лиза снова хихикнула:

— А вы остроумный.

— Ну, начнем, пожалуй, — Вадаж принялся, не спеша перемешивать салат, напевая:

Жил-был в Иерусалиме один богач,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Он носил цилиндр, одевался очень элегантно.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудлду.
Скинна-ма-ринки дудлду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Это тоже настоящая старинная песня? — спросила Лиза, когда Вадаж сделал паузу, чтобы передохнуть.

Он кивнул.

— Я просто обожаю ваши песни, — сказала она.

Вадаж поспешно продолжил:

Однажды у ворот его дома
Уселся один бродяга.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
На нем был надет котелок,
От которого остался один ободок,
И он болтался у него на шее.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Схватив сковородку и ложку, Лиза принялась отбивать ритм, подпевая Вадажу.

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скинна-ма-ринки дудлду,
Скинна-ма-ринки дудлду.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
И вот бедняк попросил кусочек хлеба

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Богач сказал: я пошлю за полицией.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг! — присоединился к их дуэту бас, подобный реву быка, и Гуннар Хейм ворвался в кухню.

Скинна-ма-ринки, дудлду,

— Папа!
— Гуннар!
— Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Хейм схватил Лизу со стола, подбросил к самому потолку, так что она чуть не пробила его головой, снова поймал и принялся кружить ее по комнате. Вадаж весело скакал вокруг них. Хейм еще раз пропел куплет, не выпуская из рук вконец обессиленную Лизу, которая теперь пронзительно визжала.

Теперь бедняк умер,
И его душа отправилась на небеса.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Теперь его душа в хороводе вместе с ангелами,
Пока часы не пробьют четверть двенадцатого.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

— О, папа! — Лиза корчилась в приступе смеха.

— Добро пожаловать домой, — сказал Вадаж. — Вы выбрали весьма удачное время для возвращения.

— Однако что здесь происходит? — осведомился Хейм. — Для чего в прекрасно оборудованной кухне этот походный котелок? Вам что, автоматов мало?

— Видите ли, машины — весьма компетентные повара, но стать шеф-поваром ни одна из них никогда не сможет, — ответил Вадаж. — Я обещал вашей дочери гуляш, притом не ту лишенную вкуса и запаха липкую тушенку, а настоящий, приготовленный вручную гуляш, чтобы раз нюхнешь — и сутки чихаешь в свое удовольствие, столько там всяких специй.

— О, прекрасно! Только я, пожалуй, лучше...

— Ерунда. На всех хватит. Венгр, накрывая на стол, всегда умножает количество едоков на два. Если хотите, можете еще добавить к этому немного красного вина. Итак, еще раз, добро пожаловать домой, и рад видеть вас в таком хорошем настроении.

— На то есть причина,— Хейм потер свои огромные ручки и оскалился улыбкой сытого тигра.— Да, кажется, я действительно счастлив.

— А что случилось, папа? — спросила Лиза.

— Боюсь, я не могу этого сказать. Пока.— Заметив первые симптомы мятежа, он взял Лизу за подбородок и сказал: — Это для твоего же блага.

Она топнула ногой:

— Я не ребенок, ты это знаешь!

— А ну-ка, а ну-ка,— вмешался Вадаж.— Давайте не будем портить друг другу настроение. Лиза, надеюсь, ты не откажешь в любезности приготовить приборы? Мы будем ужинать по высшему разряду, Гуннар, в вашей солнечной комнате.

— Разумеется,— вздохнула она.— Если вы мне включите общий интерком, и звук, и изображение. Ну, пожалуйста, папа!

Хейм издал короткий смешок, прошел из кухни к центральной контрольной панели и разблокировал систему включения, автоматически задействовав в работу интерком. Теперь Лиза могла видеть и слышать все, что происходит здесь, из любой другой комнаты дома. Вслед ему донесся голос Вадажа:

Богач умер тоже.

Но ему повезло немного меньше.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Он не мог попасть на небеса,

А потому отправился в ад.

Глория, аллилуйя...

Вернувшись, Хейм спросил вполголоса, поскольку Лиза, должно быть, была начеку:

— Она не желает даже на секунду расстаться с тобой, а?

Прекрасно вылепленное лицо Вадажа стало печальным.

— Гуннар, я не собирался...

— О, что ты еще городишь! — Хейм хлопнул Вадажа по спине.— Ты представить себе не можешь, как я был бы рад, если бы она стала увиваться вокруг тебя, а не вокруг какой-то желторотой дряни. Кажется, фортуна наконец-то повернулась ко мне лицом.

Лицо венгра посветлело.

— Надеюсь,— сказал он,— это означает, что вам удалось придумать какой-нибудь особенно предательский способ вырвать наших друзей из лап алеронов.

— Шш! — выгнув большой палец, Хейм указал в сторону экрана интеркома.— Давай посмотрим, какое вино мне выбрать для твоего коронного блюда.

— Ха-ха, да тут целый список! Вы что, содержите отель?

— Нет, сказать по правде, моя жена пыталась сделать из меня знатока по части вин, но продвинулась в этом не слишком далеко. Я всегда не прочь выпить, но не обладаю особым вкусом. Так что, если не в компании, я обхожусь пивом и виски.

На экране появилось лицо Лизы, она смеялась и пела:

Дьявол ему сказал:

Это тебе не отель.

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Это всего лишь простой и обычный ад,

Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Вадаж нажал большим пальцем на кончик носа, а остальные растопырил и пошевелил ими. Лиза высунула язык. Они оба улыбались, но шире всех улыбался Хейм.

И ужин прошел в атмосфере такого веселья и ощущения домашнего очага, какого Хейм не помнил с тех пор, как умерла Конни. Впоследствии он не мог бы в точности вспомнить, о чем они говорили за столом, большей частью добродушно подтрунивали друг над другом и пели песни.

Лиза собрала приборы в кубик обслуживания и скромно удалилась к себе в спальню. Она даже поцеловала отца на прощание. Хейм и Вадаж спустились с антресоли вниз, в кабинет. Хейм закрыл двери, достал из ящика стола шотландское виски, а из холодильника лёд и соду, наполнил бокалы.

Вадаж взял бокал и чокнулся с Хеймом.

— И напутственный глас...— произнес тост менестрель.— Кто за Победу? Кто за Свободу? Кто за возвращение домой?

— Я выпью за это,— сказал Хейм и сделал большой глоток.— Откуда эти строчки?

— Они принадлежат некоему Г. К. Честертону, жившему пару веков назад. Вы не слышали о нем? А впрочем, конечно, на Земле больше не интересуются такими наивными вещами. Лишь в колониях люди настолько простодушны, что считают, будто победы возможны.

— Быть может, нам удастся и здесь изменить мнение по данному вопросу.— Хейм сел и достал трубку.

— Итак,— произнес Вадаж бесстрастным голосом, но по его тонким чертам прошел легкий трепет,— теперь приступим к делу.

Что же все-таки произошло за те несколько дней, что я мучаюсь бездельем?

— Начну с самого начала,— сказал Хейм. Он не чувствовал ни малейшего угрызения совести, рассказывая о своем диалоге с Твайменом, поскольку собеседнику вполне можно было доверять. Его знакомство с Вадажем, хоть и короткое, было тем не менее весьма плодотворным.

Однако венгр не был удивлен.

— Я знал, что они не намерены возвращать Новую Европу, ведь никто не желал меня слушать.

— А мне удалось найти такого парня, который все же пожелал выслушать меня,— сказал Хейм и продолжал свой рассказ. По его окончании у Вадажа отвалилась челюсть, и раздавшийся при этом звук был достаточно громким, чтобы даже Хейм смог его расслышать.

— Каперство, Гуннар? Вы это серьезно?

— Абсолютно, черт побери. Так же настроен и Кокелин, и еще несколько человек, с которыми мы имели беседу.— Веселье Хейма исчезло. Он глубоко затанулся, выпустил мощные струи дыма через ноздри и сказал:

— Ситуация такова. Один торговый пират в районе Феникса может натворить столько разных дел, что это не пойдет ни в какое сравнение с его возможностями. Кроме срыва планов и расписаний, он свяжет немалое количество боевых кораблей, которым либо придется охотиться за ним, либо осуществлять конвой своих кораблей. В результате силы алеронов, противостоящие нашим вдоль спорной полосы, уменьшатся, и равновесие нарушится в нашу пользу. И если тогда Земля проявит твердость, как в космосе, так и за столом переговоров (причем нам не придется быть особенно жестокими, не будет никаких крутых мер, по поводу которых могли бы поднять шум торговцы миром), всего лишь один хороший нажим военного флота, пока пират будет дразнить корабли алеронов — и мы сможем заставить их вернуть нам Новую Европу. А также сделать, для разнообразия, несколько уступок нам.

— Возможно, возможно,— Вадаж по-прежнему оставался спокойным.— Но где вы достанете боевое судно?

— Куплю обычный корабль и переоснащу его, что же касается оружия, то я собираюсь вскоре отправить пару надежных людей на быстроходном судне, принадлежащем компании, к Строну. Слышали про такой?

— Приходилось. Ага! — Вадаж щелкнул пальцами. В его глазах загорелись огоньки.

— Да. Там-то и завершится работа по оснастке нашего корабля. А потом — вперед, к системе Авроры.

— Но... не превратитесь ли вы в пирата с точки зрения закона?

— Над этим пока еще работает Кокелин. Он говорит, что считает в принципе возможным придать всему этому легальный характер и в то же время воткнуть клин в задницу Тваймену и всей его дешевой банде. Но это непростая задача. Если корабль летает под «Веселым Роджером», то Кокелин не без основания будет считать, что Франция имеет право подвергнуть команду суду, признать ее виновной и вынести оправдательный приговор. Конечно, ребятам после этого, возможно, придется остаться на французской территории или вообще покинуть Землю и отправиться в какую-нибудь колонию, но они будут миллионерами, и Новая Европа, без сомнения, устроит им триумфальный прием.

— У меня нет времени думать об этом, — продолжал Хейм. — Мне придется просто идти вперед напролом и подвергнуть себя возможному аресту. Поскольку, как ты сам понимаешь, Кокелин и его сторонники во Французском правительстве — или в любом другом, поскольку не все еще нации на Земле занимали заячьи души — действуют неофициально... Короче, согласно Конституции, ни одна страна не имеет права на военные приготовления. И если бы мы все же получили какую-то помощь из официальных источников, это означало бы конец всем надеждам на легализацию операции. Нам также следует воздержаться от набора экипажа в одной стране. И тем более во Франции.

В общем, все зависит от меня. Мне нужно найти корабль, купить его, провести переоснастку, запастись топливом, набрать экипаж и отправить его в космос — все это в течение двух месяцев, поскольку именно в это время запланировано начало официальных переговоров между Парламентом и делегацией алеронов, — лицо его стало унылым. — Придется забыть о том, что такое сон.

— Экипаж... — Вадаж нахмурился. — Непростая проблема. Сколько человек?

— Пожалуй, около сотни. Гораздо больше, чем нужно, но единственный способ финансирования данного предприятия — захват трофеев. А это значит, что нам потребуется абордажная команда. К тому же... все может случиться.

— Понятно. Желательно, чтобы эти сто человек были умелыми, надежными астронавтами, предпочтительно с опытом службы в Военном флоте, поскольку это самое рискованное предприятие с тех пор, как Аргилус сопровождал Ведьму Хелену.

Где их взять? Хм, возможно, я знаю два-три места, где можно попытаться счастья.

— Я тоже. Надеюсь, ты понимаешь, что открыто вербовать людей в команду капера мы не можем. Если наша истинная цель не будет сохранена в тайне вплоть до последней миллисекунды, мы окажемся в кутузке настолько быстро, что призрак Эйнштейна непременно вернется, дабы посетить нас. Но мне кажется, с помощью самых обычных психологических тестов мы сможем проверить отношение интересующих нас людей к известной проблеме и таким образом, узнать, кому можно доверить правду. Этих самых людей мы и найдем.

— Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь,— возразил Вадаж.— Я имею в виду, что сначала необходимо найти такого психолога, которому можно будет доверять!

— Угу. Я привлеку к этому делу Вингейта, моего отчима, и попрошу его кооптировать такого человека. Надо сказать, что мой приемный папаша — хитрый и умный старый плут, имеющий связи буквально повсюду, и если ты думаешь, что мы с тобой только одни недолюбливаем алеронов, то послушал бы ты его, когда он говорит о своем отношении к ним! — Хейм искоса посмотрел на модель «Звездного Лиса», сверкавшую в противоположном углу комнаты.— Я не думаю, что будет так уж трудно найти обычных астронавтов. После того как три года назад ассигнования на Военный Флот были урезаны, немало парней оказалось не у дел и, не желая дни напролет ковырять пальцем в носу, подали в отставку. Мы можем задействовать тех, кто вернулся на Землю. А вот подобрать капитана и главного инженера будет потруднее. Люди с такой квалификацией обычно не болтаются без дела.

— Капитана? Что вы имеете в виду, Гуннар? Вы и будете капитаном.

— Нет,— голова Хейма тяжело мотнулась.

От его недавней самонадеянности почти не осталось следа.

— Боюсь, что нет. Я бы хотел. Боже, как бы я этого хотел! Но увы, мне приходится быть благоразумным. Космические корабли стоят недешево, как и топливо, а особенно оружие. По моим расчетам, мне придется ликвидировать все имеющиеся в наличии активы и, возможно, заложить остальное, чтобы снарядить такой корабль. А если я еще брошу дело на попечение кого-нибудь другого, Хеймдаль может разориться. Бог свидетель, у меня достаточно конкурентов, которые сделают все, что в их силах, чтобы фирма потерпела крах. А Хеймдаль... в общем, это нечто, созданное мною и Конни. Ее отец немного помогал нам материально, но она работала в конторе, я руководил магазином

в течение тех первых трудовых лет. Хеймдаль — единственная собственность, оставшаяся у меня в память о Конни, не считая дочери, конечно.

— Я понимаю,— сочувственно сказал Вадаж.— К тому же у девушки нет матери, и вы не должны подвергать ее риску потерять еще и отца.

Хейм кивнул.

— Однако вы простите меня, если я полечу? — спросил Вадаж.

— О, да, Андре, я был бы свиньей, если бы стал удерживать тебя. Ты ведь даже имеешь офицерское звание: главный стюард, что, впрочем, означает в основном, что ты можешь состоять шеф-поваром. И ты привезешь мне еще несколько песен. Идет?

Вадаж не ответил. Он смотрел на друга, скованного цепями собственности и власти, и в голове у него проносились строчки:

Итак, мораль сей сказки такова:
Богатые не понимают шуток.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!
Мы все отправимся на небеса,
Потому что разбиваем холод и камень в сердцах.
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Но ритм мелодии уже проник в его кровь, и, осознав, что сделал Хейм и что все это значит, Вадаж вскочил и принялся прыгать по кабинету, во весь голос распевая свою победную песню, так что она эхом отдавалась от стен:

Хи-ро-де-рунг! Хи-ро-де-рунг!
Скина-ма-ринки, дудлду!
Скина-ма-ринки, дудлду!
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

ГЛАВА 6

Из газеты «Уорлдвик»:

«31 октября.

Гуннар Хейм, главный владелец американской фирмы «Хейм-даль Моторс», приобрел у Компании «Бритиш Минералз» звездолет «Ручей Балмахи». В коммерческих кругах эта сделка произвела настоящий фурор тем, как быстро она была завершена. Хейм предложил цену, против которой невозможно

было устоять, но при этом поставил условие, что звездолет должен немедленно перейти в его владение.

Он заявил, что намерен снарядить экспедицию с целью поиска новых миров, пригодных для колонизации.

— Похоже, в Фениксе мы потеряли то, что принадлежало нам по праву, — сказал он в своем интервью Джону Филипсу, корреспонденту стереовидения. — Честно говоря, бездействие Земли в ответ на предпринятую алеронами атаку Новой Европы произвело на меня шокирующее и отталкивающее впечатление. Но здесь я бессилен что-либо сделать, кроме как попытаться найти для нас какое-нибудь новое место, которое, я надеюсь, у нас хватит мужества защитить.

Построенный в Глазго «Ручей Балмахи», по величине и мощи не уступающий военным кораблям, первоначально предназначался для разведки месторождений драгоценных металлов и руд. Однако пробные полеты показали, что найденные месторождения оказались недостаточно богатыми, чтобы окупить стоимость межзвездных перевозок, тем более, что в самой Солнечной системе еще имеются действующие прииски. Таким образом, в течение четырех последних лет корабль находился на околоземной орбите.

Сэр Генри Шервин, председатель правления компании «Бритиш Минералз», сказал Филипсу:

— Мы очень рады избавиться от этого белого слона, но должен признаться, чувствую себя в связи с этим немного виноватым».

«7 ноября.

Сенатор США Гарольд Тваймен (Калифорния), высокопоставленный член Федеральной комиссии по предварительным переговорам, которые проводятся с алеронами, в четверг опубликовал заявление, опровергающее слухи о якобы готовящейся распродаже Новой Европы.

— Разумеется, мы уже ведем с ними деловые переговоры, — заявил он. — А это, кстати, процесс медленный и трудный. Алероны чужды нам по своей биологии и по своей культуре. В прошлом наши контакты с ними были очень редки, а те, что все же имелись, были большей частью враждебными. В противоборстве понимания не достигнешь. Несколько лучших ксенологов Земли работают день и ночь, пытаясь почерпнуть знания в тех глубинах, которые нам следовало постичь тридцать лет назад.

Но мы все же знаем, что кое в чем алероны сходны с людьми. Они тоже относятся к числу рациональных существ. И тоже хотят жить. Их древняя цивилизация, достигшая миллиона лет стабильного существования, могла бы многому нас научить.

И, без сомнения, мы тоже могли бы научить их кое-чему. Однако ни та, ни другая сторона не сможет этого сделать до тех пор, пока мы не разорвем порочный круг недоверия, соперничества, вражды и мести.

Вот почему Флот Глубокого Космоса получил приказ открывать огонь только в целях самозащиты. Вот почему мы не оказываем давления на правительство Алерона — если это действительно то, что мы понимаем под термином «правительство» — с тем, чтобы система Авроры была очищена от их присутствия. Вот почему мы и distinguished делегация не спешим в своей работе. Кстати, позволю себе напомнить, что данная делегация прибыла к нам по инициативе самих алеронов.

Согласно Конституции, только Парламент как таковой уполномочен вести переговоры с государствами нечеловеческих рас. Разумеется, Исполнительный Комитет обязан соблюсти данный закон, и он это сделает. Однако нельзя ожидать, чтобы такая обширная организация, как Парламент, стала заниматься кропотливой подготовкой к работе в столь сложном и запутанном деле. Это было поручено ее представителям, выбранным должным образом и в должное время. Мы надеемся, что через несколько недель мы будем готовы представить полный проект предварительного договора. К этому же времени мы сможем принять любое возможное возражение против его содержания. А пока столь пристальное внимание общественности только мешает нашей работе.

Но мы не собираемся — повторяю, не собираемся — действовать в ущерб любым жизненным интересам человеческой расы. Переговоры — процесс двусторонний и взаимный. Нам придется немного уступить, но взамен мы тоже получим уступку. Алероны это прекрасно понимают, быть может, даже лучше, чем некоторые представители нашей молодой самонадеянной расы. Я уверен, что в конечном счете все люди доброй воли поймут, что мы открыли новую и перспективную эру космической истории. Люди на Новой Европе погибли не напрасно».

«14 ноября.

Вице-адмирал в отставке Пит ван Риннеком, 68 лет, возвращаясь в понедельник вечером в свой особняк в Амстердаме, подвергся нападению шайки хулиганов численностью примерно в двадцать человек и получил тяжелые побои. Когда на место происшествия прибыла полиция, нападавшие разбежались с выкриками: «Поджигатель войны». По мнению очевидцев, это были люди разных национальностей. Ван Риннеком выступал в качестве прямого оппонента политике «потакания алеронам».

как он это окрестил, и его перу принадлежит так называемая «Петиция мужественности», сторонники которой пытаются собрать миллиард подписей в пользу применения Землей политики силы, если это будет необходимо для возвращения Новой Европы. Большинство социологов считают, что подобная надежда — чистейшее безумие.

Состояние вице-адмирала внушает серьезные опасения.

Доктор Джонс Ио, основатель организации «Военные мира за мир», сделал в своем чикагском кабинете следующее заявление:

— Конечно, наша организация сожалеет о случившемся и надеется на скорое выздоровление адмирала ван Риннекома. Но давайте не будем кривить душой. Адмирал лишь сам почувствовал, каково оно, то насилие, которое он взялся защищать. Стоящий перед нами вопрос — это вопрос жизни и смерти. «ВММ» проголосует за жизнь. К несчастью, многие неинформированные люди решили дать выход своим эмоциям и теперь требуют крови, не думая о последствиях; «ВММ» существует для того, чтобы бороться с этой тенденцией, бороться за здравомыслие, чтобы нанести атакизму воинственности смертельный удар с помощью любых средств, которые для этого потребуются. Мы не собираемся угрожать. Но предупреждаем: милитаристы, берегитесь!»

«21 ноября.

В прошлый вторник человечество всей Солнечной Системы стало свидетелем беспрецедентного события. Синби рю Тарен, член пребывающей на Земле делегации алеронов, выступил по официальному стереовидению с ответами на вопросы, заданные ему кронпринцем Италии Умберто, представляющим Всемирную Федерацию.

Вопросы были выбраны из числа сорока миллионов, присланных людьми всего земного шара, и Синби ответил на дюжину из посланного списка. С мрачным юмором он заметил в последовавшем интервью:

— Тринадцать всегда считалось у вас несчастливым числом. Последним в нем был либо тот, кто предавал, либо тот, кто был убит.

В целом он повторил те заявления, которые уже были сделаны по поводу трагедии на Новой Европе.

— Как это произошло?

— Наши корабли находились на маневрах. Они действительно зашли в район Авроры, так как алероны не признают претензий человечества на суверенитет в Фениксе. Возможно, командующий земного корабля решил, что это атака, поскольку, честно признаемся, что прежде такие случаи бывали. Он атаковал нас

огнем, мы ответили, сами не ожидая, что последствия будут столь губительны. Останки земного корабля вошли в атмосферу, совершая маневр с целью радиационной защиты. Дабы экипаж мог спастись, находившийся ближе всех отряд наших кораблей сбросил мегатонные ракеты. К несчастью, на ту часть континента, которую они называют Пэйз д'Ж Эспо. На орбитальной высоте боеголовки разожгли огненный смерч. И он пронесся, сея смерть, от одного побережья до другого. Когда мы смогли приземлиться, нам не удалось найти живых, кроме нескольких человек в южном районе, куда тоже попала ракета. Мы передали их в руки землян вместе с нашей искренней скорбью. Тем самым тринадцатым — предателем — был как раз тот капитан, который не подумал о людях Новой Европы, прежде чем стрелять по нашим кораблям.

— Почему алероны до сих пор сохраняют свое присутствие на Новой Европе?

— Смещение владений еще никогда не приводило ни к чему, кроме неприятностей. Люди то и дело вытесняли нас с планет, которые мы открыли тысячи лет назад и покой которых не был нарушен шумом машин и множества людей. И сказать по правде, мы часто испытывали желание силой очистить их от первых поселенцев. Расы, в течение тысячелетий поддерживавшие контакты с нами, за последнее время стали испытывать к нам неприязнь, смущенные тем, о чем рассказывали или что предлагали им люди. Мы лишились необходимых источников сырья. Из всего этого возникало напряжение, которое нередко переходило в прямые конфликты. Давно минули те времена, когда мы должны были бы положить конец всему этому.

— Почему алероны не разрешают визит на Новую Европу инспекционной комиссии с Земли?

— Насколько мы понимаем обычаи вашей культуры, такой шаг с нашей стороны был бы равносильен признанию в собственной слабости и неправоте. Кроме того, мы не можем пойти на риск шпионажа и исключить вероятность самоубийственного визита земных кораблей с контрабандными атомными бомбами на борту. Я не хочу сказать, что ваш Парламент когда-либо пошел бы на подобную авантюру, но в вашем обществе, в том числе и среди высшего командования, есть личности, рассуждающие иначе. Может быть, позже, когда будет достигнуто взаимопонимание...

«26 ноября.

«Алеромания», уже широко распространенная в Северной Америке, получила такой толчок от недавнего появления на стереовидении делегата Синби рю Тарена, что в течение

последней недели она распространилась, словно эпидемия, среди подростков, принадлежащих к высшим слоям общества разных стран.

Эта лихорадка поразила также многих в районах Благополучия. Теперь девушки, которых природа наградила длинными волосами натуральных светлых оттенков, щеголяют ими перед своими сестрами, выстаивающими очереди для того, чтобы купить парик и накидки из металлической сетки; то же самое относится и к их братьям. По-видимому, никакие дисциплинарные меры, предпринимаемые родителями или учителями, не в силах удержать детей от напевания каждого произносимого ими слова. Лишь наушники могут спасти от звучащего повсюду мяуканья в минорной тональности: «Алерон, Алерон», — раздающегося по радио, стереовидению и с тейперных лент. Связанный рэбл алеронов вытеснил с танцплощадок даже популярный в последнее время виггл. В пятницу в Лос-Анджелесе на большом экране в парке Ла Бреа демонстрировалась учебная программа, вторичный показ исторического интервью — полиции пришлось в течение трех часов утихомиривать разошедшихся учеников высшей школы.

С целью выяснить, является ли это простой причудой или довольно истеричным проявлением искреннего стремления планеты к миру, наши корреспонденты взяли интервью у нескольких типичных представителей молодого поколения всех стран. Вот некоторые из них:

Люси Томас, 16 лет, Миннеаполис:

— Я просто без ума от него. Даже когда сплю, я заново переживаю увиденное. Эти глаза! Они завораживают вас и одновременно заставляют таять. Ах-х-х!

Педро Фраго, 17 лет, Буэнос-Айрес:

— Они не могут быть существами мужского пола. Я ни за что в это не поверю.

Машико Исикава, 16 лет. Токио:

— Самураи и алероны поняли бы друг друга: такая красота, такая доблесть.

Симон Мбулу, 18 лет, Найроби:

— Конечно, они испугали меня. Но это составная часть чуда.

Георг де Рувси, 17 лет. Париж. Позволил себе высказать грубые угрозы:

— Не знаю, какая муха укусила всех этих молодых верблюдов. Но я скажу вот что. Если бы мы увидели какую-нибудь девицу в таком обличьи, мы бы содрали с нее парик вместе с ее собственными волосами.

От делегатов, место пребывания которых по-прежнему остается в тайне, нам не удалось получить никаких комментариев по этому поводу».

«5 декабря.

Лиза Хейм, 14 лет, дочь промышленника и вдохновителя космических исследований Гуннара Хейма из Сан-Франциско, в среду исчезла при загадочных обстоятельствах. Попытки напасть на след девушки пока что ни к чему не привели, и у полиции имеются опасения, что она, возможно, была похищена с целью шантажа. Ее отец назначил награду в один миллион американских долларов «любому, кто поможет ее найти». Он также добавил, что готов увеличить сумму выкупа, если потребуется».

ГЛАВА 7

Утхг-а-К-Тхакв пригнул лицо как можно ниже, что удалось ему в весьма незначительной степени, и наставил обе пары своих хемосенсорных усиков прямо на лицо Хейма. В таком положении третий глаз на верхушке головы, позади дыхательного отверстия, был виден человеку. Передние глаза, находившиеся по обе стороны от мясистых щупалец, устремили свой пристальный взгляд на Хейма. Из беззубого отверстия рта раздалось подобие хрюканья.

— Итак, ты говоришь, война. Нам, жителям Наквсы, мало что известно о войне.

Хейм отступил назад, поскольку дыхание этого существа было для человека столь же невыносимым, как запах гнилого болота. Но все равно ему приходилось смотреть вверх. Утхг-а-К-Тхакв возвышался над ним на двадцать сантиметров. В голове Хейма пронеслась мимолетная мысль:

«Быть может, в этом и заключается причина столь предубежденного отношения к наксам?»

Обычным объяснением данного факта была их из ряда вон выходящая наружность. Утхг-а-К-Тхакв напоминал дельфина ядовитого желтого цвета с зелеными пятнами неправильной формы, чей хвост раздваивался, образуя две короткие ластообразные ноги. Бугры, выступавшие под приземистой головой, служили подобием плеч для рук, до смешного напоминавших человеческие, если не брать во внимание их величину и плавательные перепонки, проходящие от локтей до таза. За исключением

мешка, свисавшего с единственного более-менее узкого места на всем теле, которое призвано было обозначать нечто вроде шеи, наковс был абсолютно гол и обладал явными признаками мужского пола. Психологи утверждали, будто людей оскорбляет как раз не отличие наковсов от их расы, а напротив, именно то, что в некоторых аспектах они как бы были параллельны людям и в то же время отличались от них, словно являя собой грязную пародию на Хомо Сапиенс. Запах, слюнявость, склонность к отрыжке, признаки пола...

«Но они также космические путешественники, разведчики, колонисты, фрахтовщики, купцы, создающие нам сильную конкуренцию», — иронически подумал Хейм.

Лично его все эти пустяки никогда не смущали. Наквсы были хитры, но в среднем более нравственны, чем люди. Да и внешние их можно было считать весьма привлекательными, если взглянуть на это с функциональной точки зрения. А их личная жизнь никого не касалась. Тем не менее, факт оставался фактом: большинство людей с негодованием отнеслась бы даже к идее пребывания в одном корабле с наковсами, не говоря уже о том, чтобы находиться у них в подчинении. А... Дейв Пенойер был бы вполне компетентным капитаном, в отставку из Военного Флота он ушел в звании заместителя Командующего. Но Хейм не был уверен, что ему хватит твердости в экстремальных ситуациях, если таковые возникнут.

Отогнав от себя тревожные мысли, он сказал:

— Верно. Фактически, это круиз с целью грабежа. Ну так как, ты все еще заинтересован?

— Да. Разве ты забыл тот кошмар, из-за которого я так влип?

Хейм этого не забыл. Проследив распространение слухов вплоть до их источника, он обнаружил его в Нью-Йоркских кварталах Благоденствия, что устрашающе действовало даже на него самого. Наквс, очутившийся на Земле, был подобен выброшенному на мель кораблю. Он был абсолютно беспомощен. Утхг-а-К-Тхакв прежде служил по договору техническим советником на звездолете с планеты, которую люди называли Калибан, и наиболее передовое племя которой решило принять участие в космической игре. При входе в пределы Солнечной Системы неопытный шкипер корабля столкнулся с астероидом и погубил свое судно. Оставшиеся в живых были доставлены на Землю звездолетами Военного Флота, и калибанитов отправили домой. Однако с наковсами Земля не вела прямой торговли, и, ввиду кризиса в Фениксе, где как раз и находились их владения, возвращение Утхг-а-К-Тхаква постоянно откладывалось.

«Проклятье,— думал Хейм.— Вместо того, чтобы валять дурака с этим ублюдком алероном, Парламенту лучше следовало бы заняться выработкой соглашения о помощи пострадавшему астронавту».

— У нас нет возможности провести глубокую проверку твоего сознания, подобную той, что мы проводим с людьми,— прямо сказал Хейм.— Поэтому мне приходится полагаться лишь на твое обещание молчать. Я думаю, ты отлично понимаешь, что если передашь данную информацию куда следует, то вознаграждения за это тебе вполне хватит, чтобы купить возвращение домой.

Утхг-а-К-Тхакв, что-то пробулькал через свое дыхательное отверстие. Хейм не был уверен, означает ли это смех или выражение негодования:

— Я дал слово. К тому же эти алероны мне осточертели. Я не прочь подраться с ними. Кстати, сакв, надеюсь, часть добычи достанется и мне?

— О'кей. Таким образом, с этой минуты ты наш главный инженер,— сказал Хейм, а про себя добавил:

«Потому что корабль скоро должен стартовать, а кроме тебя мне нигде взять кого-то, кто в случае нужды справился бы с ремонтом главного двигателя».

— Теперь обсудим детали.

Через интерком донесся голос служанки:

— Почта, сэр.

— Прошу прощения,— сказал Хейм.— Я сейчас вернусь. Не стесняйся, чувствуй себя как дома.

Утхг-а-К-Тхакв что-то просвистел в ответ и взгромоздил свою скользкую тушу на стоящий в кабинете диван. Хейм поспешно вышел.

Вадаж сидел в гостиной с бутылкой в руке. Последние несколько дней он очень мало говорил и не спал ни единой ночи. В доме стояла тишина, словно в гробнице. Сперва в посетителях не было недостатка: полиция, друзья, Курт Вингейт и Гарольд Тваймен приехали одновременно и обменялись рукопожатием; из всех близких знакомых Хейма одна только Джосселин Лори не дала о себе знать. Все это в его памяти было словно расплывчатое пятно; он продолжал заниматься подготовкой корабля, полностью поглощавшей его внимание, и даже не заметил, когда визиты прекратились. Времени не хватало, работать приходилось круглые сутки, так что Хейм волей-неволей прибегал к помощи допинга. Даже исчезновение Лизы отступило на второй план. Сегодня утром, взглянув на собственное отражение в зеркале, он заметил, что здорово похудел, но это обстоятельство оставило его абсолютно равнодушным.

— Наверняка, обычная ерунда,— промямлил Вадаж по поводу только что полученной почты.

Хейм смахнул со стола кучу конвертов. Под ними оказалась плоская посылка. Он содрал с нее пластиковую обертку, и на него глянуло лицо Лизы. Это было звуковое письмо. Хейм нажал кнопку аниматора, и губы — точно такие же были у Конни — раскрылись.

— Пап,— произнес тихий голос,— Андре. Со мной все в порядке. Я имею в виду, что мне не причинили никакого вреда. Когда я стояла на остановке элвея, чтобы поехать домой, ко мне подошла женщина. Она сказала, что у нее ослабла магнитная застежка у лифчика, и попросила меня помочь застегнуть ее. Я никогда не думала, что кто-нибудь из высшего сословия может быть опасен. Она была прекрасно одета, говорила превосходным языком и все такое. Мы сели в машину и зашторили окна. Потом она выстрелила в меня из станнера. Очнулась я уже здесь. Я не знаю, что это за место, здесь несколько комнат, окна всегда закрыты, при мне находятся две женщины. Они не делают ничего плохого, просто не выпускают меня отсюда. Они говорят, что это ради мира. Пожалуйста, сделай так, как они хотят.

Монотонность речи Лизы говорило о том, что ей был сделан укол антифобика с целью предупреждения невроза страха. Но вдруг ее словно прорвало.

— Я так одинока! — выкрикнула она, а за тем послышался плач.

На этом запись закончилась. Вадаж указал Хейму на записку, которая тоже находилась в посылке. Текст в ней был отпечатан, и Хейм, прищурившись, прочел:

«Мистер Хейм.

Вот уже несколько недель, как вы предоставили свое имя и влияние в помощь милитаристам. Вами фактически оплачены все объявления, содержащие лживое и провокационное утверждение того, что большинство населения Новой Европы будто бы осталось в живых. Теперь мы получили информацию о том, что вы замысляете более радикальные меры с целью подорвать мирные переговоры.

Если это правда, человечество не должно этого допустить. Во имя гуманизма мы не имеем права даже оставлять шанс на то, чтобы это стало правдой.

Ваша дочь будет содержаться в качестве заложницы ради вашего примерного поведения до тех пор, пока договор с алеронами не будет заключен, а также, если мы сочтем это необходимым, и в течение некоторого последующего времени. Если в этот период вы публично признаетесь во лжи

относительно Новой Европы и не станете больше ничего предпринимать, дочь вернется к вам.

Излишне предупреждать вас о том, что полиция ничего не знает и не должна знать о данном послании. Движение за мир повсюду имеет так много преданных сторонников, что если вы все же обратитесь в полицию, нам это станет известно. В этом случае мы будем вынуждены наказать вас через вашу дочь. С другой стороны, если вы будете вести себя должным образом, то и впредь станете иногда получать от нее известия.

Искренние ваши, сторонники мира и здравомыслия».

Хейм прочел письмо три или четыре раза, прежде чем его содержание дошло до его сознания. За суматохой последних дней он почти забыл об этом досадном происшествии и вообще не придавал ему большого значения, полагая, что похищение было совершено с целью вымогательства денег. Однако теперь дело принимало совсем иной оборот.

— Манера речи типична для Сан-Франциско,— сказал Вадаж. Он скомкал пластиковую обертку и швырнул ее об стену.— Хотя это ничего не значит.

— Боже милостивый,— Хейм, спотыкаясь, подошел к креслу, рухнул в него и устался в одну точку ничего не выражавшим собой взглядом.— Почему они не вышли прямо на меня?

— Именно так они и сделали,— возразил Вадаж.

— На меня лично!

— Вы были бы слишком рискованной мишенью для насилия. С молодой и доверчивой девушкой все гораздо проще.

У Хейма было такое чувство, что он сейчас заплачет от досады и бессилия. Но глаза его по-прежнему были сухими и горячими, словно угли.

— Что же делать? — прошептал он.

— Не знаю,— каким-то механическим голосом ответил Вадаж.— Очень много зависит от того, кто они. Очевидно, это не официальные лица. Правительству достаточно просто арестовать вас по какому-нибудь поводу.

— Значит, военные. Джонас Ио,— Хейм встал и направился к выходу.

— Куда вы? — Вадаж схватил его за руку. Но это было все равно, что пытаться остановить лавину.

— Возьму оружие,— сказал Хейм,— и в Чикаго.

— Нет. Пойдите. Да стой же, дурак чертов! Что вы можете сейчас сделать, кроме как спровоцировать убийство Лизы?

Хейм качнулся и остановился.

— Возможно, Ио знает об этом, а может — и нет,— сказал Вадаж.— Нет никаких сомнений в том, что конкретной инфор-

мацией о ваших планах никто не располагает, иначе они просто подключили бы к этому Мирный Контроль. Быть может, похитители не имеют абсолютно ничего общего с военными. Страсти постоянно накаляются. И этот тип людей, должно быть, ощущает потребность непременно изобразить из себя героев драмы, нападать на прохожих на улицах, устраивать похищения, ублажать свои маленькие грязные «я», да, на Земле таких много даже в высших классах, и все они сходят с ума от собственной никчемности. Им все равно, какой лозунг избрать. «Мир» просто наиболее престижный.

Хейм вернулся, взял бутылку, трясущимися руками наполнил свой бокал.

— Они хотят убрать меня с дороги,— повторил он про себя.— Убрать с дороги. Убрать с дороги,— повторял он вполголоса.— Хоть убей, но я не вижу никакого выхода! — воскликнул он.

— Как?

— Лиза в руках фанатиков. Чтобы ни случилось, они не перестанут меня ненавидеть. И они все время будут опасаться, что она сможет их узнать. Андре, помоги мне!

— У нас еще есть время,— огрызнулся Вадаж.— И лучше провести его с пользой, чем закатывать истерики.

Хейм поставил бокал и постарался собраться с мыслями.

«Прежде мне приходилось нести ответственность за жизнь людей,— подумал он, и в нем разом проснулись старые рефлексy командира.— Надо сконструировать точную теоретическую матрицу и выбрать курс с минимальными негативными потерями».

Его мозг заработал, словно компьютер.

— Спасибо, Андре,— сказал он.

— Может быть, насчет своих людей в полиции, это с их стороны просто блеф? — осведомился Вадаж.

— Не знаю, но лучше не рисковать.

— Тогда... мы откладываем экспедицию, отказываемся от того, что говорили о Новой Европе, и ждем?

— Возможно, это единственное, что нам остается,— голова у Хейма гудела.— Хотя я считаю, что это будет неверный шаг, даже если мы сделаем его ради спасения Лизы.

— Что же остается? Нанести ответный удар? Каким образом? А может, частные детективы смогли бы отыскать...

— А где искать? По всей планете? О, можно, конечно, попробовать, но... Нет, пока у меня не возникла эта идея с капером, я словно бы сражался с туманом, и вот теперь я снова в тумане и должен снова из него выбраться. Нужно что-то определенное, такое, о чем они не догадаются, пока не будет слишком поздно. Ты был прав: нет смысла угрожать Йо и даже,

как мне кажется, обращаться к нему с просьбой. Единственное, что имеет для него значение — это выбранный ими курс. Если бы мы тоже могли этого придерживаться...

Хейм вдруг взревел так, что задрожали стены, а Вадаж едва не был сбит с ног, когда эта огромная туша пронеслась мимо него к телефону.

— Вот дьявол, да в чем дело, Гуннар?

Хейм отпер один ящик письменного стола и вытащил оттуда свой личный телефонный справочник. Теперь в нем среди прочих номеров был и закодированный номер неофициального телефона Мишеля Кокелина. Его пальцы нажали на кнопку.

На экране появился конфиденциальный секретарь:

— Бюро де... о, мистер Хейм!

— Прошу вас, соедините меня, пожалуйста, с министром,— сказал по-французски Хейм.

Несмотря на обстоятельства, Вадаж поморщился, услышав варварское произношение своего патрона, которое, по мнению последнего, было весьма сносным.

Секретарь взглянул на его выражение лица, подавил вздох и нажал на кнопку. Его изображение тотчас сменили усталые черты Кокелина.

— Гуннар! Что такое? Новости о вашей дочери?

Хейм рассказал ему обо всем, лицо Кокелина стало пепельно-серым.

— О, нет,— сказал он.— Это конец всему.

— Угу,— отозвался Хейм.— Лично я вижу лишь один реальный выход. Моя команда теперь уже набрана, ребята все что надо, хоть в огонь, хоть в воду. Вам известно место пребывания Синби?

— Вы что, с ума сошли? — запинаясь, проговорил Кокелин.

— Давайте мне все детали: точное место, как туда добраться, размещение охраны и сигнализации,— потребовал Хейм.— Я вытащу его оттуда. Если ничего не получится, я не стану впутывать в это дело вас. Я спасу Лизу, или попытаюсь спасти ее, представив похитителям право выбора: либо я дискредитирую их и их движение, вылив на них всю грязь, в которой у меня не будет недостатка, либо я получаю Лизу назад, объявляю себя публично лжецом, и, дабы доказать свое раскаяние, кончаю жизнь самоубийством. Мы сможем устроить все так, что у них не будет сомнений в решительности моих намерений.

— Я не могу... Я...

— Для тебя это трудно, Мишель, я знаю,— сказал Хейм.— Но если ты мне не поможешь, что ж, тогда я связан по рукам

и ногам, мне придется делать так, как они хотят. И полмиллиона людей на Новой Европе погибнут.

Кокелин облизал губы, выпрямился и спросил:

— Ну, предположим, я тебе скажу, Гуннар. И что дальше?

ГЛАВА 8

— Космическая яхта «Махаон», ГБ-327-РП, вызывает Джорджтаун, Остров Вознесения. Мы терпим бедствие. Джорджтаун, вы нас слышите? Отзовитесь, Джорджтаун.

Свист рассекаемого воздуха перешел в рев. Сквозь передний защитный экран мощной волной хлынул жар. Иллюминаторы на мостике, казалось, были охвачены пламенем, а экран радара словно взбесился. Хейм крепче затянул привязные ремни и сосредоточил все свое внимание на вырывавшемся из рук руле управления.

— «Махаон», я Гаррисон,— голос, говоривший по-английски, был едва слышен: волны Мазера с трудом пробивались сквозь ионизированный воздух, окутавший этот стальной метеорит.— Мы держим вас под контролем. Прием.

— Будьте готовы к аварийной посадке, — сказал Девид Пенoyer. Его соломенные волосы слиплись в мокрые от пота пряди. — Прием.

— Здесь садиться нельзя. Остров временно закрыт для посещения. Прием.

Каждое слово, казалось, было окружено облаком статического электричества.

На корме запели двигатели. Силовые поля начали свою дикую пляску в гравитронах во всех четырех измерениях. Внутренние компенсаторы сохраняли стабильность, и то чудовищное торможение, которое заставило стонать корпус корабля, внутри почти не ощущалось. Но яхта быстро теряла скорость, пока, наконец, термальный эффект не пошел на убыль.

За стеклами иллюминаторов видение пылающего горна сменилось гигантской дугой Южного Атлантического побережья. Над Атлантикой, над ее сверкающей поверхностью были густо разбросаны облака. Линия горизонта была темно-голубой и постепенно переходила в черноту космоса.

— Какого еще черта нельзя? — заорал Пенoyer.— Прием.

— А что у вас случилось?

На этот раз слышимость была гораздо лучше.

— Когда мы вышли на суборбитальную скорость, что-то засвистело. У нас в хвосте дыра, и мы потеряли управление. Пока еще удастся сохранять частичный контроль над главным двигателем. Я думаю, мы сможем сесть на Вознесении, но где именно — сказать трудно. Прием.

— Садитесь на воду, мы вышлем лодку.

— Ты что, старик, не слышал, что я сказал? У нас пробит корпус. Мы бы камнем пошли на дно. Может, скафандры и спасательные жилеты выручили бы нас, а может — и нет. Но в любом случае потеря яхты стоимостью в миллион фунтов не доставила бы лорду Понсонби особой радости. И если у нас есть хоть какой-то шанс спасти эту посудину, мы должны его использовать. Прием.

— Ну что ж... Не отключайтесь, я соединю вас с капитаном.

— Не надо. Нет времени! Не волнуйтесь. В Гаррисон мы не врежемся. Наш вектор нацелен на юг. Мы попытаемся дотянуть до одного из плато. Как только приземлимся, будем передавать вам сигнал, чтобы вы могли указать нам дорогу. Думаю, долго ждать вам не придется. Пожелайте нам удачи. Связь кончаю.

Пенойер отключил радио и повернулся к Хейму.

— Ну, а теперь надо пошевеливаться, — прокричал он сквозь грохот. — Как только они перестанут нас слышать, сразу вышлют несколько вооруженных флайеров.

Хейм кивнул. За те мгновения, что длился этот разговор, «Конни» пулей пролетела все необходимое расстояние. Теперь она находилась в объятиях дикого темного ландшафта. Детекторы фиксировали металл и электричество — должно быть, берлога Синби была здесь. Между «Конни» и радарам Джорджтауна возвышался окутанный туманом пик Зеленой горы. Теперь уже не было необходимости использовать лишь главный двигатель. Самая рискованная часть дела осталась позади.

Хейм снова включил рулевое управление.

Яхта, завывая по-волчьи, описала дугу. В иллюминаторах показалась крохотная посадочная полоска, высеченная в вулкане. Хейм направил судно вниз, и оно провалилось в взметнувшийся фонтан пыли.

Стойки коснулись поверхности площадки. Хейм выключил двигатели и сбросил с себя ремни.

— Останешься за меня, Дейв, — сказал он и зашагал к главному шлюзу.

Вместе с ним прилетели, кроме Дейва, еще два десятка верных парней. Все они были в космическом снаряжении, и их оружие блесло в падавшем сверху свете ламп.

Хейм проклинал предохранительный клапан, из-за которого шлюз открывался с такой садистской медлительностью. Снаружи просачивался свет полуденного солнца.

Хейм, не дожидаясь, пока аппарат выдвинется до конца, соскочил с нее и упал в оседавшую пыль.

Как и говорил Кокелин, в конце поля располагалось три здания, казарма на пятнадцать человек, ангар и укрывающий их купол. Четверо стоявших снаружи человек настолько растерялись, что забыли даже нацелить на Хейма свое оружие, еще двое, охранявшие мобильный транспортер ракеты типа ГТА, тоже разинули рты. Разумеется, им звонили из штаба Джорджтауна с приказами не стрелять, если они заметят какой-то летательный аппарат. Остальные люди отряда охраны выбегали из задней двери здания.

Хейм быстро сосчитал. Пока на виду были еще не все... Прихрамывая, он направился к ним.

— Аварийная посадка, — крикнул он на ходу. — Я увидел ваше поле...

Парень с нашивками лейтенанта Мирного Контроля, который, вероятно, был здесь за старшего, выглядел испуганным.

— Но... — он залпнул и затеребил свой воротник.

Хейм подошел ближе.

— В чем дело? — спросил он. — Почему мне не следовало садиться на ваше поле?

Он знал, что это весьма каверзный вопрос. Армией Мирного Контроля существование данной площадки никогда официально не признавалось.

Верховных лидеров алеронов, входивших в состав делегации нельзя было размещать вместе. У них это было не принято; если бы им не смогли обеспечить абсолютного уединения, они сочли бы это за оскорбление, а возможно, это даже представляло бы угрозу для их жизней. Поэтому пришлось разбросать их по всей Земле. Остров Вознесения был выбран весьма удачно. Район этот, если не считать маленького сооружения базы Полиции Мирного Оксана, был абсолютно пустынным. Таким образом, отъезды и приезды инопланетянина оставались в тайне.

— Таков приказ, — уклончиво ответил лейтенант, скосив глаза на серебристое копье яхты. — Я бы не сказал, что вы похожи на потерпевших серьезную аварию.

Можно было подделать название и регистрационный номер «Конни», но с наружными повреждениями дело обстояло иначе. Из казармы вышли последние двое охранников. Хейм поднял руку и, повернувшись в сторону яхты, сказал:

— Пробойна с той стороны.

В следующее мгновение, опуская руку, он резко задвинул защитное стекло своего шлема.

Две фигуры у шлюза сделали шаг назад и наружу высунулся ствол прятанной за ними газовой пушки. Из ее жерла под давлением в пятьдесят атмосфер хлынула струя анестезирующего аэрозоля.

Кое-кто из часовых открыл огонь. Хейм нырнул вниз, в пыль. Прямо у него перед глазами из скалы брызнули каменные крошки: пуля пролетела в каком-то миллиметре над головой. С гудением пронеслась мощная струя желтого аэрозоля. А парни из его экипажа уже бежали в конец поля со станнерами наизготове. Никакого смертоносного оружия, Хейм скорее бы позволил убить себя, чем убить человека, выполняющего свой долг. Но в данном случае в атаку шли бойцы, выдавшие и не такие виды. Доводить дело до убийства не было никакой необходимости.

Короткая и яростная схватка закончилась. Хейм поднялся и что было сил бросился к куполу. Сзади бежали Цуккони и Люповец, таща за собой на гравипривязи таран. Медицинская команда «Конни» тем временем занялась оказанием помощи в необходимых пределах упавшим охранникам.

— Сюда,— произнес Хейм по внутренней связи. Цуккони и Люповец нацелили таран и включили мотор. Стальная болванка весом в 500 килограмм принялась методично долбить стенку купола. В усыпляющем тумане этот звук казался совершенно неуместным. Хейм прыгнул в пролом, в свет красного солнца.

За ним последовало еще человек двенадцать.

— Он где-то здесь, в этой каше,— сказал Хейм.— Рассредоточьтесь. До появления копов у нас есть минуты три.

Он нагнулся и бросился в джунгли. Хлестали ветки, разлетались лианы, под ногами захрустели опавшие цветы. Мелькнула какая-то тень...

— Синби! — Хейм рванулся вперед.

Зашипело испепеляющее пламя лазера. Хейм ощутил жар и увидел, как его защитная нагрудная пластина испаряется в сверкающем огне. В следующее мгновение он бросился на алерона и выбил оружие у него из рук.

«Близко подходить нельзя,— мелькнуло у Хейма в голове.— Он может обжечься о горячий металл».

Лицо Синби перекосила яростная ухмылка, и он захлестнул ноги Хейма своим хвостом. Хейм упал, но Синби не ослаблял захвата. В это время прибежали остальные, схватили свою добычу, предварительно отцепив ее хвост от своего командира, и поволокли по-лягушачьи поджавшего ноги Хозяина Интеллекта

Сада Войны к выходу. Очутившись снаружи и вдохнув дурманящие испарения, Синби впал в полную прострацию.

«Будем надеяться, что биомедики правы, утверждая, будто эта штука безвредна для него», — подумал Хейм.

Выбежав на поле, он моментально забыл разом все, о чем думал. В небе показались два флайера АМК. Словно стервятники, они дружно спикировали вниз, обстреливая отряд Хейма. Он увидел, как пунктирная линия взметаемых пулями фонтанчиков пыли приблизилась к нему, треск и свист раздался в наушниках.

— Откройте! — крикнул он. Горло невыносимо жгло. — Пусть они увидят, кого мы несем.

Флайеры взревели и стали набирать высоту.

— Они попытаются вывести из строя яхту, если мы не сможем быстро подняться.

Впереди была еще аппарель, казавшаяся сейчас чертовски крутой. Над Зеленой Горой показалась эскадрилья. Хейм взобрался на аппарель и остановился. Мимо проскочили люди из группы захвата. Теперь Синби был на борту. И все остальные тоже. Один из флайеров нырнул вниз. Хейм услышал, как прямо по пятам за ним пули забарабанили о стальную поверхность аппарели.

Перебраться через комингс...

Кто-то моментально задраил шлюз. «Конни» встала на хвост и устремилась в небо.

Некоторое время Хейм лежал, не двигаясь. Наконец, подняв стекло шлема, он пошел на мостик. Пространство кругом сияло звездами, но Земля уже вновь начала их затенять.

— Прижимают нас книзу, а? — спросил он.

— Ага, — ответил Пенoyer. Напряжение предыдущих часов прошло, и его мальчишеское лицо было одной широкой улыбкой. — Надо поскорей убираться, пока они не прислали весь Военный Флот. Сейчас пробьем этот потолок и двинем за их радарный горизонт.

Вслед за тем яхта описала длинную дугу над атмосферой, идя при этом на достаточно хорошей скорости, чтобы опередить момент включения орбитальных детекторов Мирного Контроля, а после помчалась к обратной стороне планеты. Операция прошла без сучка, без задоринки, что являлось для капера хорошей приметой. Если бы такая же удача сопутствовала «пиратам» и дальше, это было бы как раз то, что нужно.

Хейм повесил на место скафандр и погрузился в обычную рутину радиопереклички со всеми отсеками корабля. Это занятие полностью вернуло его самообладание. Везде все было тип-топ, если не считать и нескольких небольших выбоин, оставленных

пулями на внешней обшивке. Когда Люповец доложил: «Пленник очнулся, сэр», Хейм почувствовал не волнение, а лишь прилив силы воли.

— Приведите его ко мне в каюту,— приказал он.

Яхта кралась сквозь ночь, постепенно снижаясь. Правильный расчет времени был очень важен. Русская Республика добродушно поплывала на Контроль Перемещений, как, впрочем, и на многое другое, а поэтому, если соблюдать осторожность, можно было после наступления темноты сесть где-нибудь в сибирской тундре абсолютно незамеченными. Хейм ощутил легкую вибрацию и понял, что «Конни» пошла на посадку. Когда урчание двигателя замолкло, наступившая тишина показалась чудовищной.

Двое охранников у каюты капитана подняли руки в приветственном салюте. Хейм вошел внутрь и закрыл дверь.

Синби стоял возле койки. Он был совершенно недвижим, лишь самый кончик его хвоста слегка подрагивал, да ветерок, создаваемый вентилятором, шевелил шелковистую гриву. Однако когда он увидел Хейма, на его красивом лице появилась улыбка, от которой кровь стыла в жилах.

— Ах-х-х,— промурлыкал он.

Хейм приветствовал его официальным салютом алеронов.

— Имбиак, прошу меня простить,— сказал он.— Я доведен до безумия.

— Должно быть, это так,— трелью зазвенело у него в ушах,— если вы надеетесь таким образом спровоцировать войну.

— Нет, я не на это надеялся. Что может лучше дискредитировать мои взгляды, чем подобный поступок? Просто мне нужна ваша помощь.

Зеленые глаза сузились.

— Довольно странный способ обратиться с просьбой, капитан.

— Другого не было. Послушайте. Напряжение между лагерями войны и мира на Земле достигло апогея, то и дело оно выливается в насилие. Несколько дней назад была похищена моя дочь. Я получил предупреждение, что если не перейду на другую сторону, она будет убита.

— Сожалею. Тем не менее, что я могу сделать?

— Не надо изображать сочувствие. Если бы я отступил, вам это явно было бы на руку. Так что не имело смысла просить у вас помощи. Да и вообще, что бы я ни предпринял, я не склонен верить в обещания. Мне нужно было заполучить рычаг управления. Я подкупил кое-кого из тех, кто знает о вашем местопребывании, нанял эту шайку — и теперь мы позвоним главе организации агитаторов примирения.

Хвост Синби хлестнул по лодыжкам.

— Допустим, я отказываюсь,— прозвучала холодная музыка.

— Тогда я вас убью,— со злобой сказал Хейм.— Не знаю, пугает это вас или нет, но на следующей неделе ваша делегация встречается с Парламентом. Лишившись военного эксперта, она окажется в невыгодном положении. Кроме того, дальнейшие переговоры вряд ли пойдут гладко после той бучи, которую я могу поднять.

— Однако, капитан, разве нельзя допустить мысль, что вы собираетесь прекратить мое существование в любом случае, с тем, чтобы я не мог потом обвинить вас в шантаже?

— Нет. Дайте согласие помочь мне — и я вас отпущу. Зачем мне совершать убийство, последствия которого отзовутся на всей планете? Меня бы непременно нашли. Один только мой корабль был бы вполне достаточной ниточкой к разгадке подобного преступления, поскольку у меня нет алиби на время похищения.

— Тем не менее, вы же так и не сказали, почему вы считаете, что я не стану выступать против вас с обвинением.

Хейм пожал плечами:

— Это было бы не в ваших интересах. Слишком грязная история всплыла бы при этом наружу. Безответственное похищение, организованное сторонниками войны, и т. д. Я бы предал гласности свои документы о Новой Европе. Я бы дал показания под неоскопом о нашем разговоре и о тех признаниях, которые вами были сделаны во время этого разговора. О, я бы дрался не на жизнь, а на смерть. Настроение у нас на Земле — вещь весьма тонко сбалансированная. Одного моего процесса, может быть, окажется вполне достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

Глаза Синби затянулись мигательной перепонкой. Он почесал подбородок тонкой рукой.

— Фактически,— продолжал Хейм,— лучше всего будет, если вы заявите в ОМК, что вас якобы похитила группа неизвестных с целью сорвать переговоры. Вы убедили их в том, что это похищение в первую очередь невыгодно им самим, и они вас отпустили. Затем вы настаиваете на том, чтобы наши власти полностью замяли это дело. Они с радостью сделают это, если вы захотите. Публичный скандал на данном этапе был бы весьма некстати.

Алерон по-прежнему был погружен в свои мысли.

— Синби,— сказал Хейм со всей мягкостью, на какую был способен.— Вы не понимаете людей. Мы так же чужды вам, как вы — нам. До сих пор вам удавалось без труда надувать нас. Но стоит появиться какому-нибудь новому фактору — и чего тогда будет стоить весь ваш план?

Пленка, закрывавшая глаза Синби, исчезла.

— Я не вижу при вас никакого оружия,— монотонно пропел алерон.— Если я откажусь помочь вам, как вы меня убьете?

— Вот этими руками.

В каюте раздался смех, похожий на звон колокольчика.

— Ну, что ж, капитан «Звездного Лиса», давайте сюда ваш радиофон.

В Чикаго было позднее утро. Появившееся на экране лицо Джонаса Ио — лицо пуританина — выражало недовольство.

— Что вам нужно, Хейм?

— Вам известно о похищении моей дочери?

— Нет. Я хочу сказать, что выражаю свое сожаление, если не вам, то ей, но какое отношение все это может иметь ко мне? Я не располагаю никакой информацией.

— Мне сообщили, что похитители принадлежат к фракции сторонников мира. Подождите, я не обвиняю лично вас в участии в этом грязном деле. У каждой группы свой лидер. Но если вы потихоньку отладите приказ о персональной проверке каждого из списка членов вашей организации, прямо или косвенно вам удастся выйти на них.

— Слушайте, вы, негодай...

— Включайте свой магнитофон. Я хочу, чтобы вы записали и затем на досуге поразмыслили над тем, что скажет вам сейчас делегат Синби рю Тарен.— Несмотря на то, что Хейм старался говорить спокойно, сердце его готово было выскочить из груди.

Алерон скользнул к экрану.

— Боже мой! — Ио чуть не задохнулся от изумления; выпучив глаза, он смотрел на инопланетянина.

— Капитан Хейм во имя чести обратился ко мне за помощью,— пропел Синби.— Нас связывают прошлое и будущее: однажды мы вместе участвовали в сражении. Кроме того, ни одна древняя раса не позволит себе испытать чашу позора. Если этот ребенок не будет возвращен, мы покинем вашу планету и вынуждены будем применить дезинфицирующее средство, каковым является война. Поэтому я приказываю вам подчиниться требованиям капитана Хейма.

— Б-б-боже мой... я... да! Немедленно!

Хейм выключил видеофон. Воздух со свистом вырвался из его легких, ладони были мокры от пота.

— С-с-спасибо,— заикаясь, произнес он.— Как только Вадаж даст мне знать о ее возвращении, мы начнем подниматься. Доставим вас поближе к городу.

Некоторое время Синби изучающе смотрел на него, прежде чем спросить:

— Вы играете в шахматы, капитан? Из всего, что создано на Земле, это, пожалуй, самое прекрасное. Кроме того, мне бы хотелось, чтобы вы на время отвлеклись от всех этих проблем.

— Нет, благодарю,— сказал Хейм.— Мне известно ваше умение делать вечный шах. Вы все время будете выигрывать. Я лучше прослежу за тем, чтобы наши фальшивые опознавательные знаки были заменены на настоящие.

Он был рад выйти на зимний холод, ударивший снаружи.

Они уже почти закончили, когда в проеме воздушного шлюза, словно темное пятно на светлом фоне, возник Синби. Очень высоким голосом он произнес:

— Капитан, поторопитесь. Из вашего дома вас вызывает бродячий певец. Она доставлена.

Хейм быстро пошел в радиорубку и плотно закрыл за собой дверь.

С экрана видео на него смотрела Лиза.

— О, папа!

— С тобой все в порядке? — спросил Хейм.

— Да. Они... они не причинили мне никакого вреда. Только усыпили. Когда я проснулась, мы уже были здесь, в городе. Мне сказали, что дальше я должна добираться с помощью элвея. У меня все еще сильно кружилась голова, и я не обратила внимания на номера. Когда ты приедешь?

— Часа через два-три.

Лиза все еще находилась под влиянием наркотика, и речь ее была довольно вялой.

— Мне кажется, я знаю, как это случилось, пап. Прости меня, пожалуйста. В ту ночь ты и Андре говорили о вашем... ну, ты сам знаешь... в общем, ты забыл выключить общий интерком. Я все слышала из своей комнаты.

Хейм вспомнил, как загадочно она себя вела в течение двух последовавших затем недель, что называется «тише воды, ниже травы». Он приписал это ее желанию понравиться Вадажу. Теперь он полностью осознал всю свою беспечность, и этот удар был не из легких.

Вероятно, уловив мгновенную перемену в его лице, Лиза сказала:

— Не бойся. Я об этом никому не говорила. Честно. Только когда Дик и некоторые другие стали приставать ко мне, почему я не занимаюсь этим дурацким подражанием алеронам, я разозлилась и ответила им, что один человек стоит больше, чем сотня таких выродков, и что мой отец собирается это доказать. Больше я ничего не говорила. Но теперь мне ясно, что слухи дошли до кого-то, потому что эти женщины все время спрашивали

меня, что я имела в виду. Я сказала, что просто наврала, и даже когда они обещали меня побить, я говорила то же самое, и, по-моему, они поверили, потому что так и не стали меня бить. Пожалуйста, не сходи с ума, папа.

— Ладно,— резко бросил Хейм.— Я просто получил по заслугам. Отправляйся в постель, я скоро приду.

Экран погас. Теперь Хейм мог облегченно вздохнуть.

Негромко заурчали двигатели, и «Конни» приземлилась в километре от Красного. Хейм помог Синби сойти на землю. Она была мерзлая и звенела под ногами. Из окон домов, стоящих на окраине, струился свет, сквозь мглу сияли зимние звезды.

— Вот,— Хейм неловко протянул Синби теплую накидку,— вам это будет не лишнее.

— Благодарю,— словно свирель пропела из-под серебрившихся на морозе локонов.— Когда за мной придут ваши власти, я все скажу так, как вы хотели. Это будет наиболее мудрым решением и для алеронов, и для меня, поскольку я не хочу, чтобы ваши страдания продлились.

Хейм смотрел на тонкий снежный наст. Он сверкал, словно мех Синби.

— Прошу простить меня за мой поступок,— пробормотал он.— Не следовало обращаться с вами подобным образом.

— Я не держу на вас зла,— низким голосом пропел Синби.— Прощайте.

— До свидания.— На этот раз Гуннар Хейм пожал руку алерону.

Яхта снова взмыла вверх, вышла на орбиту и по стандартной траектории двинулась в направлении Порт Мохейв. Официально ее вылет был зарегистрирован как имеющий целью проверку загрузки межзвездного транспорта. Хейм с удивлением заметил, что не испытывал желания немедленно увидеть свою дочь.

А ведь вместе им оставалось быть совсем недолго. Корабль должен был стартовать через несколько дней, и он летел на нем в качестве капитана.

От прежнего решения остаться на Земле Хейм в конечном счете отказался. Зло стало настолько могущественным, что он побоялся бросить ему вызов, рассчитывая применить при этом только часть своих сил. А полную силу он мог обрести только лишь среди звезд, а не на этой большой планете.

Лизу он собирался оставить на попечение Вингейта. В этом случае она была бы в полной безопасности. Что же касается компании Хеймдаль, то в отсутствие своего хозяина она могла развалиться, но могла и выжить. Все зависело от обстоятельств. Но, в любом случае, Вингейт не оставит Лизу без средств к

существованию. Кроме того, не следовало сбрасывать со счетов и возможную крупную добычу.

Хейму хотелось смеяться.

«Может быть, я просто рационализирую эгоистичное, атавистическое желание взбудоражить преисподнюю. О'кей, ну и что с того? Значит, так тому и быть».

ГЛАВА 9

Они отмечали раннее Рождество. В гостиной сиротливо поблескивала огнями елка. О стекла барабанил дождь.

— Это так ужасно,— сказала Лиза,— что война неизбежна.

— Насчет неизбежности ты ошибаешься,— возразил Хейм.— Беды начнутся одна за другой, и мы будем все время в проигрыше, пока наконец они не загонят Землю в угол. А если уж загнать человеческую расу в угол, она будет сражаться, как бы напрасно это ни казалось. Так было всегда. Планета против планеты — это было бы настоящее светопреставление. Все, что нам требуется сейчас — это просто дать им понять, что мы не позволим нами помыкать. После этого уже можно будет говорить с ними по-деловому. Космос и в самом деле достаточно просторен, чтобы вместить всех, если признавать право каждого на существование.— Он надел плащ.— Пора.

Они молча спустились вниз в гараж и заняли места во флайере: Хейм, Лиза, Вингейт, два мощных телохранителя, приставленных к девушке на время отсутствия отца, и Вадаж. Выскользнув из ворот гаража, флайер начал набирать высоту, пробивая себе дорогу сквозь бурю. Его корпус вздрагивал и резонировал. Но когда он поднялся в более высокие слои атмосферы, их окружило голубое спокойствие. Внизу, словно снежные горы, проплывали облака.

Вингейт достал сигару и закурил. Его лицо — лицо шелкунчика — смялось в гримасу недовольства. Наконец он пролаял:

— Не люблю я все эти проводы, ожидания, когда настает время расставаться и когда сидишь и не можешь придумать, что бы такое сказать. Давайте лучше посмотрим репортаж из дворца Парламента.

— Не стоит,— ответил Хейм.— Они предполагают провести целую неделю в предварительных дискуссиях, прежде чем

пригласить делегацию алеронов. Каждому грошовому политику непременно хочется быть прослушанным хотя бы раз.

— Но согласно вчерашним новостям, Франции по алфавитной жеребьевке достался номер где-то в самом начале. С минуты на минуту может начаться выступление Кокелина.

— Он... О, ну, ладно, — Хейм включил видео.

В Мехико-Сити времени было немного больше, но по залу Капитолия это было незаметно. Камера показала большие трибуны: лица, лица, лица, белые, желтые, коричневые, черные, чьи глаза были устремлены на подиум, с которого только что сошел оратор, представлявший Финляндию. Президент Фазиль стукнул молотком, в затаенной тишине этот звук походил на звук заколачивания в гроб гвоздя. Вингейт, слабо знакомый с испанским, повернул шкалу транслятора до отметки «английский».

— ...уважаемый оратор от лица Франции господин Мишель Кокелин.

Хейм включил автопилот и откинулся назад, чтобы удобнее было смотреть. Квадратная фигура с нарочитой медлительностью, словно насмехаясь, начала продвигаться между рядами.

Камера показала крупным планом лицо Кокелина, очень старое, но достойное быть отлитым в бронзе.

— Мистер Президент, высокочтимые делегаты, леди и джентльмены. Я не стану надолго задерживать ваше внимание. Миру известно об отношении Франции к вопросу о Новой Европе. Моя страна хочет, чтобы положение на планете стало ясным до конца, прежде чем будут начаты дискуссии по данному поводу. Поскольку для этого необходимо широкое обсуждение, я рекомендую повременить с оглашением моего заявления, пока distinguished делегаты не огласят свои.

— Вот видите? — сказал Хейм. — Он должен выиграть для нас время, чтобы мы внесли ясность в этот вопрос. Франции просто не повезло, что ее очередь выступать выпала так рано. Но Кокелин все уладит.

— И все-таки, пап, что он собирается сказать? — спросила Лиза. — Не может быть, чтобы он позволил обвинить вас в разбое.

Хейм ухмыльнулся:

— Поживем — увидим.

— Мистер Президент! — Камера развернулась и остановилась, нацелив свой объектив на Гарольда Тваймена. Тот вскочил на ноги и, казалось, был очень обозлен. — В таком важном деле уклонение от прав первенства должно быть одобрено голосованием.

Кокелин поднял брови.

— Я не понимаю, почему должны быть какие-то возражения против того, чтобы Франция уступила право первенства,— сказал он.

— Мистер Президент, уважаемые члены этого собрания,— с напором заговорил Тваймен.— Высокоцитимый оратор от лица Франции предупредил нас, что намерен сделать сюрприз. Однако сейчас время для серьезного обсуждения, а не для дискуссионных трюков. Если мы окажемся втянутыми в дебаты, вызванные неожиданным заявлением, наша встреча с уважаемыми делегатами Алерона может вполне быть отложена еще на неделю. И так уже промедление было слишком долгим. Я настаиваю, чтобы собрание проголосовало за то, чтобы либо разрешить, либо не разрешить господину Кокелину играть нами.

— Мистер Президент...

Фазиль не дал Кокелину договорить. Он снова стукнул молотком и объявил:

— Председатель считает претензию обоснованной, хотя и изложенной с некоторой излишней горячностью. Желает ли кто-нибудь проголосовать за то, чтобы заявление французской делегации было отсрочено до тех пор, пока не закончат свои выступления представители других наций?

— Ого,— пробормотал Вадаж.— Не очень-то хорошо все это выглядит.

Хейм протянул руки и настроил автопилот на максимальную скорость. Жужжание двигателя увеличилось. Сквозь этот шум он услышал, как представитель Аргентины сказал:

— Я голосую за это.

Потом датчанин:

— Я поддерживаю.

— Проголосовано и поддержано.

— А что, если ему не разрешат? — заныла Лиза.

— Тогда нам пулей надо вылетать из района Венеры,— сказал Хейм.

Кокелин начал говорить в пользу голосования. Через несколько минут Вадаж прищелкнул языком и с восхищением сказал:

— Никогда не слышал ничего более красноречивого. Этот человек — артист.

— Хм,— хрюкнул Вингейт.— Может быть, он их терпеть не может.

— Само собой,— ничего не выражающим голосом сказал Хейм,— что он не надеется на выигрыш, каков бы этот выигрыш ни был.

Прения продолжались. Флайер оставил бурю позади и теперь летел над обширной холмистой местностью. Далеко на востоке сверкали вершины Сьерры.

«Однажды мы могли бы потерять всю эту красоту», — подумал Хейм.

Наконец показался космодром Мохейв. «Конни» скользнула вниз и приземлилась на просторном поле. Техосмотр машины, формальности проверки документов, долгий путь по бетонной полосе под палящим солнцем — быть может, это от света у Хейма так предательски защипало в глазах?

Они остановились у аппарата.

— Ну что же, — грубовато сказал Вингейт. — Нечего терять время. Да будет с вами Бог, — он разорвал рукопожатие.

Плачущая Лиза подошла к Хейму:

— Папа, папа, прости, это все из-за меня.

Хейм обнял ее и потрепал по волосам.

— Не бери в голову. Мы скоро вернемся. Вернемся богатыми, знаменитыми и расскажем миллион всяких историй. Будь умницей. Пока. — Он поцеловал ее в мокрую щеку.

— До встречи, — тихо сказал вангр. — Я привезу тебе новую песню.

Затем они поспешно взбежали вверх, постояли в створе люка и помахали на прощание рукой, пока аппарат не была полностью убрана, в следующий миг дверца закрылась перед ними.

— Спасибо, Андре, — сказал Хейм и повернулся на каблуках. — Ну что ж, поехали.

Яхта могла бы совершить прыжок прямо на орбиту. Правда, продемонстрировать такую беспричинную поспешность было ни к чему. Поэтому Хейм поднимался постепенно, как и положено. Небо вокруг становилось все темнее, просыпались звезды, и наконец судно словно очутилось внутри огромного ларца с драгоценными камнями. Вадаж от нечего делать крутил ручки настройки аппаратуры связи. И неожиданно поймал репортаж из Мехико, передаваемый спутником.

Прения и голосование по внесенным предложениям подходили к концу. Результаты переключки возвестили ошеломляющее поражение.

— Мистер Президент, — прозвучал голос Кокелина, расплывчатый и тихий, как у насекомого. — В намерения Франции не входило ничего, кроме обыкновенной учтивости. Поскольку мне рекомендовано огласить основное политическое заявление моей страны сегодня, я это сделаю. Однако позволю себе заметить, что время приближается к полудню, а я должен предупредить, уважаемый председатель, что мое выступление будет несколько

пространным. В связи с этим я предлагаю сначала сделать перерыв для ленча.

— Президиум принимает данное предложение,— уступил Фазиль.— Заседание возобновится ровно в четырнадцать часов.— Молоток ударил по подставке.

— Артист, я же говорил,— рассмеялся Вадаж.

— Пара часов — это не так уж много, чтобы вывести корабль на нужную дорогу, да еще с новым экипажем, не успевшим привыкнуть к обстановке, — напомнил ему Хейм.

В поле зрения появились очертания огромной торпеды, которая росла на глазах по мере того, как яхта приближалась к ней, и наконец полностью закрыла носовые иллюминаторы. Пока что корабль не был замаскирован, и яростное солнце ослепительно сверкало на его суровой экипировке. Системы двигателей, кольца, оружейные башни, открытые крышки люков отбрасывали длинные тени на металлические бока.

— Яхта «Конни» вызывает крейсер «Лис-2». Мы на подходе. Приготовьтесь. Отбой.

Вингейт был против изменения названия корабля.

— Я понимаю, что для тебя означала твоя команда, Гуннар,— говорил он.— Но ты рискуешь навлечь на себя лишние неприятности, если откажешься от названия, присвоенного кораблю Флотом.

— Именно это я и сделаю,— ответил Хейм.— Насколько я знаю, лисы пока еще относятся к общественной собственности. Кроме того, мне ужасно хочется утереть кое-кому нос, показав, чем должен заниматься Военный Флот. И чем он, фактически, хочет заниматься.

Четвертый створ был открыт специально для него. Хейм поставил туда яхту — размером она была как раз со вспомогательный корабль — и с трудом дождался, когда воздушные насосы поднимут давление. В коридорах позади раздавался суматошный шум и металлический лязг. На корабле имелось достаточно опытных людей, на которых можно было положиться, но Гуннар ужасно жалел, что у него не было времени для пробного рейса.

На капитанском мостике его приветствовал Первый Офицер Пенонер:

— Добро пожаловать, сэр.

До этого момента воспоминания об одиночестве, на которое обречен каждый капитан, еще не просыпались в душе Хейма.

— Вот полное расписание нарядов. Работа идет полным ходом. Расчетное время ускорения — 23 часа по Гринвичу.

— От этой цифры надо отнять по меньшей мере час,— сказал Хейм.

— Сэр?

— Вы меня слышали.— Хейм сел и бегло просмотрел руководство по подготовке корабля.— Например, вот здесь. Бортинженеру вовсе не обязательно еще раз проверять компенсаторы внутреннего поля. Если они окажутся в неисправности, наше ускорение не сможет превысить полутора единиц. Тогда, перейдя в режим свободного полета, мы приведем их в порядок, хотя придется немного поработать в невесомости. Хотя это все еще весьма гипотетично. С какой стати здесь должны быть какие-то неполадки? Бортинженер у нас — парень что надо. Пусть-ка лучше сразу приступит к настройке импульсных систем. Чем точнее будет выполнена эта работа, тем быстрее мы сможем развить ускорение.

— Да-да, сэр,— Пенюер с заметной неохотой включил интерком и вызвал Утхг-а-К-Тхаква. Хейм продолжал листать руководства, выискивая, что бы еще урезать.

И в конце концов, как бы само по себе, дело было сделано — манера действовать, вполне типичная для человека. В 21.45 завывла сирена, раздались звуки команды, во фьюжн-генераторах вспыхнули атомы, и гравиполя окружили корабль. Медленно, плавно, с утробным ворчанием, которое не столько действовало на слух, сколько ощущалось внутренней вибрацией в организмах людей, «Лис-2» покинул орбиту Земли.

Хейм стоял на мостике и смотрел, как удаляется его мир. Земля все еще господствовала в небе, огромная и бесконечно прекрасная, с облаками и морями в сапфировой оправе атмосферы. По мере того как корабль огибал планету, его взору представляли континенты во мраке ночи или в сиянии дня: Африка, колыбель человечества; Азия, где человек впервые перестал быть просто дикарем; Европа, где он отбросил думы и обратился к звездам; Австралия, обетованная земля; Антарктида, край героев, но Хейм был счастлив, что прежде чем корабль устремился к звездам, ему довелось увидеть Америку, страну, первой издавшей закон о свободе человека.

Сомнения и страхи, даже тоска по дому теперь исчезли. Он принял на себя ответственность — и радость бурлила внутри.

Через некоторое время Пенюер доложил:

— Согласно показаниям приборов, режим работы всех систем удовлетворительный.

— Очень хорошо, так держать.— Нажав кнопку интеркома, Хейм вызвал камбуз:

— Андре? Не могли бы там некоторое время обойтись без тебя? А, ну и прекрасно... О'кей, шагай на мостик. И захвати с собой гитару. Возможно, она потребуется.

В голосе венгра послышалась тревога:

— Капитан, вы слушали репортаж из зала Парламента?

— Э... нет. Слишком был занят. Ах, черт! Там ведь уже прошло больше часа с тех пор, как они все начали по-новой, так?

— Да, мы поймали луч, передаваемый на Марс. Я смотрел репортаж и... в общем, отсрочки Кокелину не дали. Он пытался тянуть как мог, с помощью длинного вступления, но председатель предложил ему держаться ближе к теме. Тогда он попробовал представить доказательства касательно Новой Европы, кто-то возразил, и они решили провести голосование, чтобы определить, уместно ли это в данный момент. Голосование еще не закончилось, но уже ясно, что большинство против.

— Ого! — эта новость не испугала и не поколебала Хейма — ведь сегодня он вновь принял командование кораблем, призванным защитить интересы Земли, — но кровь в его жилах побежала быстрее, побуждая к немедленному действию.

— Мистер Пенoyer, — приказал он. — Дайте сигнал к максимальному ускорению и направьте всех, кого только можно, к аварийным системам.

Помощник удалился, вытаращив глаза, однако немедленно и беспрекословно повиновался.

— Радисты, перекиньте сигнал этой дискуссии на наш стереовизор, — продолжал Хейм. — Мистер Вадаж, пройдите, пожалуйста, на мостик. — Он невесело усмехнулся. — Да, и захватите все же гитару.

— Что случилось, сэр? — спросил наконец обеспокоенный Пенoyer.

— Скоро увидишь, — ответил Хейм. — Франция вот-вот швырнет бомбу во всю эту машину. Мы планировали увести «Лиса» к этому времени достаточно далеко. Ну, а теперь нам будет нужна удача, как бывают нужны ум и красота.

Экран вспыхнул, изобразил какое-то смутное движение, усилившийся гул двигателей почти совсем заглушил голос Кокелина. Земля все уменьшалась, теряясь среди звезд, и все ближе придвигался щербатый лик Луны.

— ...это собрание решило не уступать моей стране ни единого сантиметра. Как хотите, леди и джентльмены, я собирался преподнести вам это постепенно, поскольку удар в лучшем случае будет не из легких. Теперь вы будете вынуждены слушать меня, независимо от того, готовы ли вы к этому или нет.

Камера давала изображение таким крупным планом, что лицо Кокелина заняло собой весь экран.

— Паршивый трюк,— подумал Хейм. О, если только он не стал жертвой невольного самообмана, на этот раз дешевый прием операторов не достиг своей цели. Вместо того чтобы подчеркивать все недостатки — бородавки, прыщи, волосинки, морщины,— экран показал гнев и несокрушимую силу. Словно подтверждая, что Хейму это не показалось, в следующее мгновение изображение отодвинулось назад, представив Кокелина маленьким, перебирающим на кафедре бумаги.

— Мистер Президент, досточтимые делегаты...

Звуковой перевод лишь отчасти передавал интонации голоса Кокелина, обычно мягкого, но теперь ставшего похожим на сухую и невыразительную декламацию прокурора, излагающего технические детали.

— Федерация была основана и существует до сих пор для того, чтобы покончить с тотальной анархией, преобладавшей ранее среди наций, и подчинить их закону, который служит всеобщему благу. Теперь закон не может существовать без соблюдения равной справедливости. Популярность того или иного довода не должна приниматься во внимание. Относящимся к делу следует считать лишь то, что законно. Исходя из этого, я от лица Франции уполномочен сделать следующее заявление:

1. Конституция запрещает каждой нации, входящей в состав Франции, иметь вооруженные силы численностью выше полицейского уровня или каким-либо образом нарушать территориальный суверенитет любой нации. Для проведения в жизнь данного закона Организация Мирного Контроля облечена исключительной военной властью. Она имеет право и должна принять те меры, которые необходимы для пресечения актов агрессии, в том числе и тогда, когда подобные акты осуществляются заговорщиками. Индивидуумы, несущие перед законом ответственность за противоправные действия, должны быть арестованы и представлены перед лицом Всемирного Суда.

2. Военный Флот, как часть Организации Мирного Контроля, использовался за пределами Солнечной системы лишь для выполнения сравнительно небольших акций по подавлению мятежей и бунтов или по защите жизни и собственности людей на удаленных планетах. Уполномочив Флот на подобные действия и заключая соглашения с разными чужаками, Федерация тем самым признала положение, предусматривающее в первую очередь соблюдение интересов инопланетных сообществ, положение, которое было традиционным среди правительств на Земле во времена,

предшествующие Конституции. Таким образом, Земля в целом — это суверенное государство с законной прерогативой самозащиты.

3. Совершив нападение на Новую Европу и проводя ее последовательную оккупацию, Алероны совершили акт территориальной агрессии.

4. Если Алерон не считается суверенным государством, ведение с ним переговоров незаконно, и ОМК следует принять военные действия против того, что не может рассматриваться иначе как бандитизм.

Зал загудел. Фазиль ударил молотком по столу. Кокелин ждал с сардонической улыбкой на губах. Когда порядок был восстановлен, оратор от лица Франции продолжил:

— Вполне очевидно, что данная ассамблея считает Алерон таким же суверенным государством, как и Земля. Исходя из этого:

5. Если Алерон действительно полноправное государство со всеми законными правами и обязанностями, тогда, согласно преамбуле Конституции, он принадлежит к семье наций. В этом случае он должен быть: а) обязанным воздерживаться от территориальной агрессии под угрозой военной санкции, либо б) не обязанным это делать, поскольку он не является членом Федерации.

6. В первом случае Алерон автоматически подвергается военным санкциям со стороны Организации Мирного Контроля. Однако и в втором случае ОМК тоже предписывается, согласно Конституции и прошлым прецедентам, охранять интересы отдельных людей и государств, входящих в состав Федерации. Еще раз подчеркиваю — эта обязанность возложена на ОМК. Не на данную высокочтимую ассамблею, не на Всемирный Суд, а на ОМК, действия которой в зависимости от обстоятельств должны носить военный характер.

7. В соответствии с вышеизложенным, в настоящее время в любом случае между Алероном и Всемирной Федерацией возникает состояние войны.

Все смешалось в невообразимом хаосе.

Вошел Вадаж. Некоторое время он смотрел на экран, показывавший сотни людей, вскочивших с мест и издававших возмущенные или приветственные крики. Потом пробормотал:

— А здесь нет какого-нибудь слабого места?

— Нет, — отозвался Хейм. — Вспомни дело Мусульманского Союза. Кроме того, я перечитал заново Конституцию, и там все сказано вполне ясно. Конечно, наше счастье, что она была написана до того, как мы встретились с инопланетянами, не уступающим нам по развитию. — Он повернулся к помощнику: — Как радар?

— О? О... о, да. По правому борту на высоте около 10000 км, вектор примерно тот же, что и у нас.

— Проклятье! Должно быть, это одно из соединений Военного Флота, вызванного для обороны Земли. Ну что ж, поживем — увидим.

Хейм, не обращая внимания на бесновавшуюся толпу на экране, смотрел на холодное спокойствие Млечного Пути, думая о том, что хотя бы это должно сохраниться.

Каким-то образом тишину все же удалось восстановить. Кокелин терпеливо дождался этого момента, взял в руки другой листок с отпечатанным на нем текстом и продолжал тем же сухим тоном:

— 8. В случае территориальной агрессии какого-либо государства, члены Федерации обязаны оказывать ОМК любую посильную помощь во имя Федерации.

9. В понимании Франции, это подразумевает неотъемлемую обязанность оказать военную помощь колонистам Новой Европы. Однако член Федерации не имеет права на производство или владение ядерным оружием.

10. Подобного запрета не существует для отдельных индивидумов, которые вне Солнечной Системы могут иметь такое оружие для собственных нужд при условии, что не допустят его проникновения в пределы системы.

11. Не существует также закона, запрещающего любому государству-члену Федерации проявлять одностороннюю инициативу по предоставлению свободы действий частной военной экспедиции, которая берет на себя все связанные с этим расходы. Мы допускаем, что они, эти частные предприниматели, должны формально считаться гражданами страны, под флагом которой они выступают, и что это, возможно, противоречит национальному закону о разоружении. Мы допускаем также, что окончательно выдача каперских свидетельств и свидетельств, санкционирующих репрессалии, была запрещена Парижской Декларацией 1956 года. Однако, в то время как данная Декларация связывает тех, кто под ней подписался, она не распространяется на Федерацию в целом, поскольку она не подписывала данный документ и поскольку ее членами являются такие страны, как, например, США, которые тоже под ней не подписывались. А мы уже убедились, на основе вышеизложенного, что Федерация — это суверенное государство, обладающее всеми правами и обязанностями, которых она должна четко и ясно придерживаться.

12. Таким образом, Федерация имеет ничем не ограниченное право на выдачу каперских свидетельств, санкционирующих репрессалии.

13. Исходя из этого, а также согласно параграфам 7, 8 и 9, Франция имеет право и обязана выдавать каперские свидетельства и свидетельства, санкционирующие репрессалии, во имя Федерации.

Именно так Франция и поступила.

Стереовизор пищал — слабее и слабее с каждой минутой — по мере того как «Лис-2» наращивал ускорение и все быстрее удалялся от Земли. В то время как луч, направленный на Марс ослаб и пропал, заваруха в Капитолии все еще продолжалась.

Пенойер сказал:

— Ну и ну! Что же теперь будет?

— Бесконечные споры,— ответил Хейм.— Кокелин будет драться за каждую запятую. Между тем ничего нельзя поделаться с проявлением мягкотелости по отношению к алеронам. Будем надеяться, что люди, не лишенные мозгов, поймут, что Кокелин выиграл начало сражения, сплотятся вокруг него и... Я не знаю.

— Но что будет с нами?

— Возможно, нам удастся удрать, прежде чем кто-нибудь догадается, о каком французском предпринимателе шла речь. Конечно, официально они не имеют права задерживать нас без санкции Министерства Военного Флота, а вам хорошо известно, сколько времени уходит на получение такой санкции. Но ядерный снаряд — это своего рода итог, и тот, кто его выпустит, приобретет в лице членов Суда могущественных друзей.

Вадаж настроил гитару и негромко запел:

Морген рот, морген рот...

Хейм долго не мог понять, что это такое, пока не вспомнил старый-престарый кавалерийский марш австрийцев:

Утро красное, утро красное,
Засияешь ли ты мне, мертвому?
Скоро трубы затрубят,
И я должен буду пойти на смерть,
Я и несколько моих верных друзей.

Но песня эта была не из категории грустных, ее пели хором отряды молодых веселых людей, которые скакали верхом на резвых конях, и солнце ярко освещало их знамена и пики.

Хейм громко рассмеялся:

— Эй! Идея! Речь Кокелина состояла ровно из тринадцати пунктов. Интересно, случайность это или нет?

Никто не отозвался, кроме струн. Хейм погрузился в собственные мысли... Конни, Мэдилон, Джосселин... Земля и Луна остались далеко позади.

Раздавшийся внезапно голос буквально подбросил их вверх:

— ПСА-СИ «Нептун» вызывает крейсер «Лис-2». Подойдите ближе, «Лис-2».

— Господи Иисусе,— прошептал Пенoyer.— Бласт-корабль.

Хейм проверил показания радара:

— Идет курсом, параллельным нашему. И собирается переходить на перехват. К тому же говорят с нами по-английски, хотя у нас французские опознавательные знаки. Стало быть, они знают...

Закусив губу, он сел за передатчик.

— «Лис-2» вызывает «Нептун»,— сказал он.— Слышим вас. На связи капитан. Каковы ваши намерения? Отбой.

— На связи капитан контр-адмирал Чинг-Кво, командир «Нептуна». Сбросьте ускорение и будьте готовы принять на борту наших людей. Отбой.

У Хейма засосало под ложечкой.

— Что это значит? — выпалил он.— У нас есть разрешение на полет. Отбой.

— Вы подозреваетесь в незаконных намерениях. Вам приказано вернуться на орбиту Земли. Отбой.

— У вас есть предписание Министерства? Отбой.

— Я покажу вам документ, удостоверяющий мои полномочия, когда ступлю к вам на борт, капитан. Отбой.

— Если у вас этого документа нет, то окажется, что я напрасно потерял время. Установите видеокontakt и покажите мне его. В противном случае я не обязан повиноваться вам. Отбой.

— Капитан,— сказал Чинг-Кво.— У меня есть приказ. Если вы откажетесь следовать инструкции, я буду вынужден открыть по вам огонь. Отбой.

Взгляд Хейма блуждал среди звезд.

«Нет-нет! Только не это! Еще час — и мы были бы уже далеко! Один час».

Внезапно словно пламя охватило его.

— Ваша взяла, адмирал,— ответил он. Собственный голос показался ему чужим.— Я уступаю, хотя и против своей воли. Дайте хотя бы время на вычисление, и мы пойдем вам навстречу. Отбой и конец связи.

Он рывком выключил передатчик и нажал кнопку связи с машинным отделением.

— Капитан вызывает главного инженера,— сказал он.— Ты меня слышишь?

— Слышу,— рыкнул Утхг-а-К-Тхакв,— все нормально.

— Не тут-то было. Кто-то выпустил черта из бутылки. Возле нас болтается бласт-корабль и обещает обстрелять, если мы не остановимся и не сдадимся. Приготовься к переходу на ускорение Маха.

— Капитан! — завопил Пенoyer.— Вы что, собираетесь так глубоко забираться в солнечное поле?

— Если синхронизатор в порядке, это осуществимо,— сказал Хейм.— Ну, а если нет... тогда мы просто станем мертвецами, не более того. Утхг-а-К-Тхакв, как ты думаешь, не слабо нам повернуть этот трюк?

— Гвуррру! Что за вопрос!

— Ты сам осматривал двигатели,— продолжал Хейм,— и я тебе доверяю.

За его спиной зазвенела гитара Вадажа.

Мгновение интерком передавал только пульсацию механизмов. Затем раздался голос Утхг-а-К-Тхаква:

— Капитан, я не Бог. Но мне кажется, у нас есть неплохой шанс. И я доверяю тебе.

Хейм включил общий интерком.

— Слушайте все,— произнес он на фоне музыкального сопровождения Вадажа.— Немедленно приготовиться к ускорению Маха.

Пенoyer сжал кулаки:

— Да, сэр.

Гудение на корме все нарастало, пока не превратилось в гул, напоминающий порывы шквального ветра и шум огромных волн. Пространство искривилось. В иллюминаторах танцевали звезды.

Ключ к этому феномену был подобран в далеком прошлом Эрнстом Махом из Австрии. Нет ничего, что существовало бы изолированно. Инерция не имеет никакого значения без инерциальной системы координат, которой должна являться вся вселенная. Эйнштейн доказал, что инерционная и гравитационная массы — это одно и то же. Но что касается самих по себе этих явлений... Гравитационную можно рассматривать как выравнивание искривленного пространства. Тогда инерция — это индукционное влияние на массу космического гравиполя. Если гравитроны вашего корабля способны прогибать пространство — не в той незначительной мере, которая необходима только для взлета и короткого броска, а по замкнутой кривой,— то

ускоряющая его сила не встречает никакого сопротивления. Теоретически, вы можете двигаться с любой скоростью. Границ больше не существует.

«Нептун» выстрелил. Недолет в миллион километров. Адмирал корабля бросился к приборам. Так и есть, его надежда не оправдалась: возможно, этому помешали силы, порожденные чудовищным смещением координат здесь, где все подчиняло себе Солнце. На приборах никаких показаний: ни обломков, ни следов — ничего, кроме завывания протонов, отброшенных дугообразной волной, поднятой обгоняющим свет кораблем. Адмирал не осмелился его преследовать.

Хейм выпрямился и расслабился.

— Ну что ж,— сказал он.— Дело сделано.

Но ликование, бушевавшее в нем, невозможно было выразить никакими словами. Что же касается Вадажа, то он что было мочи вопил:

Глория, Глория, аллилуйя!

Глория, Глория, аллилуйя!

Ну вот мы и на воле!

ЧАСТЬ 2

ПОРТ-АРСЕНАЛ

ГЛАВА 1

Когда прибыл корабль с Земли, Гуннар Хейм торговался с посыльным из ядерного арсенала. Аэри Требогир, от имени которого говорил Ро, мог продать оружие, но при этом он ставил некоторые условия.

Изобилующая свистящими и шипящими звуками речь инопланетянина звучала в наушниках и тут же переводилась Грегорисом Куманодисом:

— ...ракета развивает такую скорость, поскольку пусковой толчок ей дают гравитроны ее собственного корабля.

Хейму хотелось изобразить сомнение, наподобие того, какое, бывало, проявляли раньше при покупке лошади, и задумчиво почесать в затылке или что-то в этом роде. Но в данных обстоятельствах это выглядело бы глупо. Проклятый скафандр! Как жаль, что его нельзя снять. Хейм стоял на специальной платформе, поддерживавшей его вес в нормальном состоянии; но даже его двухметровое тело, которому он во время полета вернул первоклассную форму, ощущало тяжесть скафандра, который ему приходилось на себе таскать. Сначала он не собирался выходить из корабля, рассчитывая установить наружную стереосвязь из «Конни» и таким образом встретиться с представителями Строна, но Куманодис отговорил его от этого.

— Они отнесутся к вам с большим уважением, если вы посетите их лично,— сказал грек.— Это, разумеется, иррационально, однако они придают большое значение физической силе. А те, к кому они проникаются уважением, удостоиваются и лучшего обращения.

— Итак,— Хейм, прищурившись, взглянул на ослепительное голубое солнце,— я вижу некоторые преимущества. Однако,

будучи ограничен в маневренности, я превращусь в подсадную утку.

Куманодис передал его возражение на языке, распространенном на территории от Кимретских высот до Железного моря. Ро развел руками в жесте, на удивление похожем на человеческий.

— Утрата маневренности — это еще не самое страшное, поскольку для стрельбы требуются лишь доли секунды. После этого корабль вновь мгновенно приобретает полную силу в маневре. Для надежности необходимо осуществить синхронизацию системы с двигательным комплектом, но сделать необходимые изменения на вашем корабле, я думаю, будет не так уж сложно.

Хейм непроизвольно посмотрел на небо; где-то за этим пурпурным сводом, за этими голубовато-ледяными облаками вращался на орбите вокруг Строна «Лис-2», а грузовые ракеты совершали рейсы туда и обратно со своим смертоносным грузом, и люди вместе с инопланетянами ползали по крейсеру, словно муравьи, вместе делая одно дело: подготавливая корабль к войне. Теперь уже осталось не очень многое. И Хейм каждой своей клеточкой рвался в небо. Ведь каждый новый день, проведенный им здесь, означал, что алероны стали еще сильнее, а судьба людей на Новой Европе еще безнадежнее.

И все же единственный капер, совершающий рейды в Фениксе, был ужасно одинок. Поэтому если появлялась любая возможность, даже самая микроскопическая, получить для него какие-то преимущества, его капитан не имел права упускать эту возможность. Такую, например, как утверждал Ро, можно изготовить в Аэри Требогир. Предложение было заманчивое...

Четыре когтистых пальца, расположенных по всей окружности ладони, снова пришли в движение.

— Несколько дней. Точнее сказать нельзя, поскольку наши технологи недостаточно хорошо знакомы с судами вашего класса. Могу ли я сделать капитану предложение, чтобы он послал своего высокочтимого главного инженера для обсуждения некоторых деталей с нашими технологами?

— М-м-м... — Хейм задумался. Его взгляд перешел с Ро на Гальвета, который бесстрастно ждал, не коснется ли разговор Ложи. Но бласт-ружье неподвижно покоилось в руках наблюдателя. Если на лице Гальвета и появилось какое-то выражение, то это была просто сонливость, при которой его желтые глаза то и дело устало закрывались. Таким образом, человеку невозможно было понять, какие мысли бродят в узких головах стронов.

Трудно даже было отличить одного строна от другого. Различия не бросались в глаза из-за своей абсолютной чужеродности. Оба — и Ро, и Гальвет — достигали в длину около трех метров, но

половину этой величины составлял толстый хвост, имевший на конце нечто вроде рулевой стойки, на двойной спирали которой покоилось безногое туловище. Килевая кость выступала вперед, словно нос корабля. Лицо представляло собой острую морду с клыками, наподобие волчьих, и маленькими круглыми ушами. Оно здорово напоминало маску, и это впечатление создавалось не столько темной полосой, проходящей через глаза, сколько ноздрями, спрятанными под подбородком. Сероватая поросль — не шерсть и не перья, а нечто среднее между ними — покрывала всю поверхность тела. Одежды никакой не было, кроме двух поясов с кармашками, идущих крест-накрест от плеч к талии. И на все это ложилась тень от двух гигантских, как у археоптерикса, крыльев семи метров в размахе.

Если приглядеться повнимательнее, различия можно было заметить. Главным было то, что Гальвет отличался некоторой худобой, а его покров имел серебристый оттенок, что было равнозначно седине. А Ро все еще был в полном расцвете сил, свойственном молодости. Кроме того, Гальвет носил нечто вроде упряжки с золотым орнаментом, которая была отличительным знаком Ложи, в то время как Ро имел черно-красную татуировку с геометрическим рисунком, такую же, как и другие жители Требогира.

Хейм повернулся к Куманодису.

— Ну, а что ты думаешь? — спросил он.

Тучный переводчик пожал плечами:

— Я не специалист в этих вопросах.

— Но, черт побери, ведь ты и Янг провели здесь пару месяцев. Так должны же вы были заметить, кто компетентен в таких делах и кому можно верить, а кому — нет.

— А, вы насчет этого! Разумеется. Правитель Требогира не какой-нибудь грабитель. У него доброе имя. И с ним можно иметь дело.

— О'кей,— Хейм пришел к решению.— Тогда скажи этому посланнику, что его предложение меня заинтересовало. Я вызову с «Лиса» бортинженера при первой же возможности — сейчас он занят, поскольку должен проконтролировать работу подрядчиков из Хест Вениливейн, устанавливающих компьютеры по управлению работой огневых установок,— и тогда мы приедем к ним в Аэри и на месте обсудим все дальнейшие детали.

— Вы не должны быть столь прямолинейны,— сказал Куманодис. — Члены Ложи есть Члены Ложи, но все они разные. Например, в Ложе Гнезда цветистые фразы любят не меньше, чем в Японии или где-нибудь в арабских странах.

С этими словами он повернулся к посланнику и, старательно подбирая слова, начал передавать сказанное Хеймом в своей интерпретации.

Внезапно сквозь ветер, шуршавший красной листвою низкорослого леса, окружавшего космопорт, сквозь шум прибоя в километре от них пробился жалобный вой. Он все нарастал, превращаясь в громopodobный рев, тяжелый воздух раскололся, и на бетонное поле и на здания из шлаковых блоков упала тень. Все подняли вверх головы.

На поле опускался закругленный цилиндр. Бело-голубые отсветы на его металлической поверхности были такими ослепительными, что Хейм отвернулся. Но он узнал эту конструкцию и почувствовал, как дрогнуло сердце.

— Звездолет! Земной конструкции... Что происходит?

— Я... не... знаю.

Лицо Куманодиса с большим носом приобрело багровый оттенок, это было заметно даже сквозь темное стекло шлема.

— Мне никто ничего не говорил. Гальвет! — он повернулся к сторону и нервно выпалил свой вопрос.

Член Ложи нехотя промямлил что-то в ответ.

— Он говорит, что не придавал этому значения и не знал, что это интересует нас, — перевел Куманодис.

— Проклятье, — чертыхнулся Хейм. — Но ведь он же знает об алеронском кризисе! И, наверняка, получил какую-нибудь писанину о наших неладах с собственным правительством. Ложа, должно быть, остановила этот корабль для инспекции не далее как вчера. Почему же нас не предупредили?

— Никогда нельзя знать наверняка, насколько хорошо понимают нас строны, — ответил Куманодис. — На их взгляд смешно, что мы не смогли вооружиться дома и затем отправиться когда и куда захотим. Кроме того, эти люди не могут иметь при себе какого-нибудь серьезного оружия, иначе им не позволили бы совершить здесь посадку.

— У них может быть ручное оружие, — огрызнулся Хейм. — У нас оно есть. Постарайся отделаться от этих ублюдков как можно быстрее, Грег, и возвращайся на корабль. Я пока предупрежу наших ребят.

Он быстро зашагал через платформу к посадочной аппарели и взбежал по ней вверх к воздушному шлюзу. Там он был вынужден стоять, кипятясь в ожидании, пока сменится атмосфера, и сам он не подвергнется декомпрессии. При мысли о том, что все достигнутое с таким трудом может пойти насмарку, Хеймом вновь овладела слепая ярость, которая, как он полагал, осталась на Земле. За те две недели, которые необходимы были «Лису»

для преодоления пути в сотню с лишним световых лет к этой звезде, или за те три недели, которые последовали за первыми двумя и в течение которых корабль переоснащался, могло произойти все что угодно. Партия Мира могла одержать победу, и его каперское предприятие могло быть объявлено вне закона.

— Конечно,— снова и снова говорил он себе.— Этот корабль не принадлежит Военному Флоту Федерации. Просто маленькое гражданское судно. Но страны не позволяют никаким военным кораблям, кроме собственных, курсировать возле их планет. Если это судно просто доставило мне официальный приказ вернуться домой... Что ж, хорошо, тогда встает вопрос: что в этом случае делать? Продолжать делать то, что намечено — уже в качестве пирата? От этого будет мало толку. Вся идея заключалась в том, чтобы создать такую ситуацию, из которой Земля могла бы извлечь пользу. Если Земля отказывается от этого шанса и отрекается от нас, нам остается одна возможность: стать всего лишь источником неприятностей для алеронов, и то до тех пор, пока нас не загонят в угол и не прикончат. Я больше никогда не увижу Землю.

Он словно бы вновь увидел планету, где встретил свою единственную неповторимую любовь и был счастлив.

Но, может быть, что-то удалось бы даже пирату. Был ведь когда-то Дрейк-Золотая Рука... Правда, тогда были иные времена, и люди не отличались такой феноменальной трусостью.

Дверь открылась. Хейм вошел внутрь яхты, которая теперь исполняла роль вспомогательного судна при звездолете, и снял шлем.

Андре Вадаж был на мостике. Тонкое смуглое лицо менестреля было обращено к иллюминатору; сквозь стекло был виден чужой корабль, приближавшийся в искаженных гравитронами лучах света. Когда шаги Хейма прогрохотали по палубе, он не оглянувшись, только сказал ничего не выражающим голосом:

— Я приказал членам экипажа находиться в боевой готовности и принес из вашей каюты вашу лучшую винтовку.

— Молодцом! — Хейм положил оружие на сгиб локтя. Его массивность, твердость и красивая форма словно придавали уверенность. Это была циклическая винтовка тридцатого калибра системы Браунинг, способная выпускать сорок пуль в минуту в любой атмосфере или при отсутствии оной, гордость коллекции Хейма. Вадаж, в расстегнутом скафандре с открытым шлемом, сидел возле лазерного орудия.

— Я не совсем уверен,— заметил венгр.— Смогут ли шесть человек сделать что-нибудь, если кто-то попытается атаковать нас. В этом кораблике их, как минимум, раз в пять больше.

— Мы можем продержаться, пока не прибудет помощь с «Лиса»,— сказал Хейм.— А там у нас в общей сложности около сотни человек. Это в том случае, если Ложа не остановит сражение.

— О, в этом я сомневаюсь,— пробормотал Вадаж с легкой улыбкой.— Их прекрасный космопорт вряд ли пострадает, к тому же, судя по тому, что я слышал о странах, препятствовать кровопролитию — не в их правилах.

Он указал на несколько крылатых теней, круживших на фоне туч над западной оконечностью Острова Орлинг.

— Они с удовольствием посмотрят этот спектакль.

Хейм приказал радисту связаться с «Лисом». На это потребовалось некоторое время. Луч должен был пройти через наземную станцию и пару ретрансляционных спутников. Янг находился на орбите в качестве переводчика при рабочих отрядах землян и стронов, а радисты плохо знали местный язык. Пришелец должен был опуститься с минуты на минуту.

— Это просто моя мнительность,— попытался успокоить себя Хейм.— Но, с другой стороны, зачем сюда лететь земному кораблю, если не в связи с моей авантюрой?

Торговать? Да, время от времени торговые корабли действительно наведывались сюда с Земли, Наквсы или какой-нибудь другой планеты, имеющей космический флот. Вот почему производители оружия на Строне готовы принять от меня кредиты моей Федерации. Но уж, конечно, не сейчас, когда алеронский кризис близок к взрыву.

Вадаж тихонько насвистывал «Бою-Дан-юб» — самое подходящее время! А впрочем, он, быть может, просто хотел вспомнить, пока у него еще есть такая возможность...

Земля, корпус яхты и тело Хейма в последний раз вздрогнули, когда стойки неизвестного корабля коснулись бетонной полосы. Его тень, упавшая на «Конни», целиком поглотила яхту. Через интерком Хейм слышал крепкие словечки, отпускаемые членами его экипажа, бормотание радиста, сидящего у передатчика, и гудение ядерного двигателя, приведенного в состояние готовности. Вентилятор обвевал прохладным воздухом его лицо, покрытое капельками пота. Когда на мостике появился Куманодис, Хейм повернулся к нему с поспешностью, обнаруживавшей все его напряжение.

— Ну? Ты что-нибудь узнал? — рявкнул он.

Грек с облегчением вздохнул:

— Мне кажется, все в порядке, сэр. Насколько я понял Гальвета, они хотят побыть здесь некоторое время, осмотреться и кое-что узнать. Короче говоря, ксенологическая экспедиция.

— На эту планету? — недоверчиво спросил Хейм.

— Ну, в конце концов, мы сейчас находимся в Гидре, — заметил Вадаж. — А вся эта заваруха происходит в Фениксе. Отсюда вполне приличное расстояние.

— От Эйта не дальше, чем Альфа Эридана, — возразил Хейм. — Где у нас состоялась самая крупная заваруха с алеронами. И это было много лет назад. Они расползлись по всему этому сектору. Кроме того, на организацию экспедиции нужно время. Почему же мы ничего не слышали о ней на Земле?

— Мы были слишком заняты, — сухо ответил Вадаж и подошел к радиофону. — Может быть, стоит попробовать связаться с ними?

— Что?... О, да, разумеется.

Хейм мысленно чертыхнулся, что забыл о такой простой акции.

Связь установилась сразу.

— МДС «Поиск», США, — произнес мягкий молодой голос. — Капитан занят, сэр, но я могу соединить вас с доктором Брэгдоном. Он возглавляет научную бригаду.

Облегчение, испытанное Хеймом, было подобно удару. Он буквально осел в своем скафандре.

— Так значит, вы здесь лишь для того, чтобы проводить исследования?

— Да, сэр. Экспедиция Гавайского университета по согласованию с Научно-исследовательским филиалом Федерации. Один момент, пожалуйста, — экран замерцал, и на нем появилось изображение каюты корабля, до отказа забитой книгами разных форматов. Человек на переднем плане тоже был молод, этаким здоровяк с темными волосами и крупными чертами лица.

— С вами говорит Виктор Брэгдон, — сказал он, и вдруг его челюсть отвисла. — Бог мой! Так это вы, Гуннар Хейм.

Капитан капера не ответил. Он сам был слишком ошеломлен. Женщина, стоящая позади Брэгдона, наклонилась над его плечом и встретила взглядом с широко раскрытыми глазами Хейма. Она была высокого роста, простой серый костюм на молнии плотно облегал сильную женственную фигуру.

Лицо ее тоже привлекало внимание не столько заурядной миловидностью, сколько выражавшейся в нем силой: прямой нос, широкий рот, высокие скулы и лоб, обрамленный вьющимися каштановыми волосами. Но несколько лет назад это лицо не давало ему заснуть. Когда он увидел имя Джосселин Лори в заголовке листовки, выпущенной организацией «Военные мира за мир», старая боль ожила в нем, и он с еще большим рвением продолжил свои приготовления к войне.

Ошеломление первых минут прошло, уступив место подозрению. Хейм почувствовал, как напряглись его мышцы.

— Что вы здесь делаете? — выкрикнул он.

ГЛАВА 2

Впоследствии Хейм с грустной иронией вспоминал о своей осторожности. Не прошло еще и часа со времени приземления «Поиска», как он поднял яхту, ссылаясь на срочную необходимость своего присутствия на борту «Лиса-2». Однако Куманодис вызвался остаться на борту прилетевшего корабля, дабы нанести визит вежливости.

Хейм знал, что грек выполнил большую работу по заключению предварительных договоров на Строне. Удастся ли ему столь же успешно достичь взаимопонимания со своими собратьями-землянами было неизвестно, но у Хейма не было другого выбора.

Остаться должен был либо Куманодис, либо Янг, единственные, кто бегло говорил на местном языке и поэтому мог пользоваться лазерной линией космопорта, гарантирующей защиту от подслушивания.

По прошествии двух вахт от Куманодиса поступило донесение:

— С ними все в порядке, шкипер. Меня провели по всему кораблю, и я имел возможность поговорить с каждым. В экипаже у них пять человек, плюс капитан, его помощник и бортинженер. Все они самые обычные служащие, подписавшие контракт на этот круиз, как подписались бы на любой другой исследовательский полет. Тут не спутаешь. Или надо быть слишком хорошим артистом. Но такие работают на стереовидении, а не в космосе.

— Им вовсе не обязательно играть, — сказал Хейм. — Достаточно надеть на себя ничего не выражающую маску.

— Но эти парни совсем не такие. Они обступили меня и буквально засыпали вопросами о нашей экспедиции. В целом они считают, что наша идея чертовски удачна. Двое из них даже изъявили желание к нам присоединиться.

— Угу. Это меня не удивляет. Простые люди часто проявляют больше здравого смысла, чем представители интеллектуальной элиты. Но постой, к числу последних относится кто-нибудь из офицеров?

— Да, инженер. Что касается капитан Гутьерца и Первого Офицера... В общем, они были непроницаемы, как метеориты. Я до сих пор не знаю, что у них на уме. Возможно, они

воспринимают нас негативно, полагая, что война — это дело регулярного Военного Флота. Но я постарался доказать оправданность нашей экспедиции. Упомянул ее бескорыстные цели, официальные документы, подтверждающие ее законность и т. д.

— А как насчет ученых?

— Разношерстная команда. Мне кажется, Брэгдон и мисс Лори — единственные, кто когда-либо бывал за пределами Солнечной Системы. Среди них есть ксенолог, семантик, глоссаналитик, биолог и полдюжины аспирантов в качестве помощников. Насколько я понял, прежде никто из них не бывал на Строне.

— Странно.

— Чарли Янг и я тоже впервые попали сюда лишь тогда, когда вы нас послали, босс. Они сделали то же самое, что и мы, опирались на имевшуюся информацию и по дороге выучили основной язык с помощью РНА-электро. Этот прибор кого угодно натаскает за каких-нибудь две-три недели. Как бы там ни было, я могу вам с уверенностью сказать, что людей этого типа можно не опасаться. Не думаю, чтобы кто-нибудь из них, кроме Брэгдона, умел обращаться с ручным или любым другим оружием. Мы и наши убеждения их не очень волнуют, так что взаимоотношения между нами все равно были бы слегка натянуты, даже если бы по отношению к ним не было проявлено никакой грубости. Но они не представляют для нас никакой угрозы.

— Это можно сказать про всех? — спросил Хейм, вдруг ощутив странный упадок духа.

— Нет. Забавно, но и мистер Брэгдон, и мисс Лори весьма дружелюбны. Он один раз заметил, что не согласен с вашими идеями, но очень уважает вас за мужество, а она сказала, что надеется вскоре снова увидиться с вами. Может быть, вы все же нанесете им визит.

— Да, — мягко ответил Хейм. — О, да.

Через час «Конни» уже набирала скорость, возвращаясь с орбиты к планете.

Сидя на мостике, Хейм слушал гудение двигателей яхты и биение собственного сердца в такт мелодии «Фламенго» исполняемой Вадажем. Некоторое время оба молчали, не отрывая глаз от иллюминатора.

Строн, диаметр которого в два с половиной раза, а масса — в девять с половиной раз больше земной, гигантским шаром катился среди непроглядной тьмы. Моря сияли благородной голубизной; континенты, испещренные пятнами белоснежных областных скоплений, были коричневато-желтыми или цвета киновари. Вдоль линии горизонта атмосфера образовывала неисто-

вый яркий обод; и над всем этим, озаренное горячим солнцем класса F5, струилось свечение, превращавшееся возле полюсов в огромное знамя зари, взметнувшееся высоко вверх, в космос. Позади виднелись две луны, сиявшие леденистым светом, а еще дальше мерцали странные созвездия.

— Когда я вижу что-нибудь наподобие этого,— пробормотал Хейм,— я всегда удивляюсь.

Вадаж перестал играть и, по-птичьи наклонив голову, взглянул на него.

— Чему удивляешься?

— Какого черта мы теряем время на то, чтобы ненавидеть и убивать, когда мы можем потратить его на... А, не имеет значения.— Хейм достал свою трубку.— Все это только служит поводом для раздоров.

Вадаж пристально смотрел на него.

— Я уже изучил тебя достаточно хорошо, Гуннар,— сказал он.— Ты не подходишь для роли Гамлета. Что случилось на самом деле?

— Ничего!

— А, прости, если я сую нос не в свои дела, но успех всего этого предприятия зависит от тебя. Причиной для расстройства послужило появление леди, не так ли?

— Я был всего лишь удивлен, не больше. Когда-то мы были друзьями.— Хейм принялся старательно набивать трубку. Но твердый взгляд венгра заставил его продолжить.— Несколько лет тому назад мы с женой довольно часто общались с четой Лори. Незадолго до смерти Конни они улетели на Уранию, в систему Эпсилон-Инди, чтобы оборудовать в тамошней колонии фабрику по изготовлению станков. Должно быть, дела там пошли не очень хорошо, потому что в прошлом году она вернулась оттуда, будучи уже в разводе с мужем. Конфликт с алеронами находился уже в серьезной стадии, хотя еще не дошло до нападения на Новую Европу, и она стала активно участвовать в движении за мир. У нее совсем не было свободного времени: постоянные разъезды, митинги, собрания... Поэтому мы виделись всего несколько раз, да и то мельком, на больших официальных встречах, где любят много и без толку болтать. Я... э... почти не сомневался, что она не захочет говорить со мной теперь, после того, что я сделал.

— И теперь приятно удивлен, а? Она действительно привлекательна. Тебе это особенно должно быть заметно.

— Что ты хочешь этим сказать? — огрызнулся Хейм.

— О...— улыбка Вадажа была обезоруживающей.— Не стоит слишком пристально присматриваться к интимной жизни своего ближнего. Однако, Гуннар, хотя ты был слишком занят, я

чувствую, что ты совершаешь ошибку, не... как бы это сказать... в общем, не подготавливая себя к длительному путешествию в исключительно мужском обществе.

Хейм ухмыльнулся ему в ответ:

— Мне и так стоило немалого труда сочинять всякие небылицы в оправдание твоих отлучек. Как я мог сказать, что их герой занят любовными похождениями?

— Тише! — Вадаж стал красным, как помидор, и принялся радостно дергать струны на гитаре.

«Однако в его словах есть доля правды,— подумав, решил Хейм.— Я мог бы... Конни поняла бы меня. Так же, как когда-то поняла в отношении Джосселин. Одному Богу известно, сколько с тех пор могло быть других женщин... Может быть, я слишком много думал о Мэдилон, оставшейся на Новой Европе. Проклятая глупость. О... не знаю, все перепуталось».

Не совсем уверенно он нажал кнопку на ее двери. Она открыла, когда еще не стих звон колокольчика.

— Гуннар,— сказала она и взяла обе его руки в свои.— Я так рада, что ты смог прийти.

— С твоей стороны было очень мило меня пригласить,— сказал он.

— Ерунда, когда два старых друга встречаются вновь на полпути между домом и Южным Крестом, что еще они могут сделать, кроме как устроить небольшой пир наедине? Ну, входи же...

Дверь за ним закрылась. Он огляделся. Ее каюта была большая и комфортабельная, и Джосселин еще сумела сделать ее уютной. Хейм узнал некоторые вещицы из ее бывшего дома в Сан-Франциско: репродукции Матисса и Хиросиги, несколько потрепанных томиков Катулла, Итса, Тагора, Пастернака и Мозуник-Лопенса, флейта... Когда-то ему нравилось слушать, как она на ней играет. Были здесь и сувениры из системы Эпсилон-Инди, не столько с Урании, сколько с застывшего Нового Марса. Затем его внимание вновь переключилось на хозяйку, и он замер. На Джосселин было электрическое голубое платье и массивное серебряное ожерелье, какие носят на Геане. Ее туалет был одновременно и скромным, и ошеломляющим. Или так просто казалось, поскольку под ним легко угадывались знакомые линии.

«Очнись, парень»,— сказал сам себе Хейм, а вслух произнес:

— Ты не изменилась.

— Лгунишка. Однако благодарю.— Ее глаза задержались на нем.— А вот ты изменился. Усталый, сердитый человек.

— Ну почему же, нет, сейчас я чувствую себя счастливее, чем... — она не дала ему договорить, отпустив его руки и направившись к столу, на котором стояли бутылки и лед.

— Давай чего-нибудь выпьем, — сказала она. — Насколько я помню, ты любишь шотландское виски. А вот еще глинтвейн.

— Как? Ведь ты всегда предпочитала легкие вина?

— Видишь ли, Вик... ну, ты, конечно, понял — доктор Брэгдон... он разделяет твои вкусы и любезно предоставил в наше распоряжение свой бар.

Она начала разливать вино. Мгновение бульканье льющегося вина было единственным звуком во всей вселенной.

«Черт меня подери, какое я имею право ревновать?» — подумал Хейм и тут же нарушил молчание:

— Я не совсем понял, что ты тут делаешь вместе с ним.

— Официально, я секретарь при экспедиции. Определенные навыки этой работы я получила еще до замужества, а затем постепенно утратила их, вступив в ряды «Движения за мир». Потом они сновагодились мне на других планетах, включая планеты, где для жизни требуется специальное снаряжение. Мне приходилось довольно часто бывать на Новом Марсе — якобы для того, чтобы сопровождать геологоразведчиков с Эдгара, а на самом деле — просто чтобы куда-нибудь убраться... Но это неважно. Все это в прошлом. Когда я услышала об этой экспедиции, то подала заявление с просьбой об участии и, к своему удивлению, получила положительный ответ. Наверное, потому что по-настоящему соответствующие этой должности люди боялись оказаться в такой близости от большого коварного Алерона, и отчасти потому, что я смогу справиться с этим.

Она подала ему бокал и подняла свой.

— Добро пожаловать на борт нашего корабля, Гуннар, и давай выпьем за прежние дни.

Они молча чокнулись бокалами.

— За те дни, когда жизнь была проста и прекрасна, — добавила Джосселин. Сделав глоток шабли, она снова произнесла тост, на этот раз с вызовом: — А теперь за будущее, за то, что мы сделаем его таким же.

— Что ж, будем надеяться.

Уголки его губ приподнялись. Джосселин всегда любила чересчур все драматизировать, но ему, с его флегматичностью, это даже нравилось.

— Садись, — взмахом руки она указала ему на кресло, но он сел на стул. Джосселин усмехнулась и, опустившись в кресло, принимающее форму тела, расслабилась.

— Ну, а теперь, — сказала она, — расскажи мне о себе.

— Разве ты еще не насытилась сообщениями обо мне в печати?

— Да уж, недостатка в них не было.— Она прищелкнула языком.— Вся Солнечная Система пришла в волнение. Половина требовала повесить тебя и бросить на Францию водородную бомбу за содействие твоей авантюре. Остальные...— От ее юмора не осталось и следа.— Я не знала, что ваша политика имеет столько сторонников среди населения. Твой шаг как бы слил их всех воедино, спаял в одно целое.

Усилием воли подавив вспыхнувшие эмоции, Хейм сказал:

— Честно говоря, именно на это я и рассчитывал. Один решительный жест, чтобы пробиться сквозь эту чертову путьницу... О'кей, ты можешь выставить меня вон.

— Нет, Гуннар, никогда.— Она наклонилась и легко хлопнула его по руке.

— Я считаю, что ты неправ, ужасно неправ, но я никогда не сомневалась в честности твоих намерений.

— То же самое я мог бы сказать о тебе, разумеется. Хотелось бы мне, чтобы это относилось и к некоторым из твоих союзников. Да и из моих тоже, что греха таить. Не могу сказать также, чтобы я питал особую любовь к некоторым довольно мерзким фанатикам.

— Я тоже. Военные... Я покинула их организацию, когда они начали открыто аплодировать насилию.

— Они пытались шантажировать меня через мою дочь,— сказал Хейм.

— О, Гуннар! — Она сжала его пальцы.— А я даже не навестила тебя за все это время. Постоянно было столько дел... Сначала это «Движение за мир», потом полет на Венеру, а когда я вернулась и узнала обо всем, уже все закончилось и ты улетел. Но... это ты серьезно? Неужели люди Ио и в самом деле...

— Я все уладил,— сказал он.— Давай больше не будем об этом говорить. Нам приходится держать это в секрете. Я рад, Джосс, что ты порвала с ними.

— С ними, но не с тем, что они представляли из себя в самом начале, — уточнила она. В ее продолговатых карих глазах внезапно блеснули слезы. Хейм не мог понять, чем они вызваны.— Еще одна причина разрыва — мое постоянное желание покинуть Землю. Все превратилось в такую отвратительную мешанину... Где ни начни искать, нигде не найдешь ответа на вопрос: что такое «хорошо», а что такое «плохо».

Она перевела дух и продолжала с чудесной искренностью:

— Но неужели ты не видишь, какой вред принесла Франция? Все, вроде бы, говорило за то, чтобы конфликт с алеронами можно было уладить мирным путем. Теперь сторонники мира

объединились в легальную организацию, и это единственное, что они могут сделать, чтобы не дать экстремистам получить контроль над Парламентом. Делегация Алерона заявила, что она больше не собирается ждать, и отбыла домой. Нам придется посылать за ними, когда мы найдем выход из этого тупика.

— Или пуститься за ними в погоню, если этот выход приведет туда, куда рассчитываю я,— сказал Хейм.— Вы не можете, не хотите видеть одной простой вещи, а именно: алероны не собираются заключать настоящий мир. Они хотят, чтобы Земля вообще убралась из космоса.

— Но почему? — с мольбой в голосе спросила Джосселин.— В этом же нет никакого смысла!

Хейм нахмурился, глядя в бокал.

— Готов признать, что это кажется довольно странным. Для них это имеет смысл, но они думают не так, как мы. Взгляни на перечень их дел, а не их красивых слов, с тех пор как мы впервые столкнулись с ними. Включая доказательства, подтверждающие, что они намеренно напали на Новую Европу и намеренно осуществляют свои действия по уничтожению французской колонии на этой планете. Твоя фракция отрицает подлинность этих документов, но будь же честна сама с собой, Джосс.

— Ты тоже будь честен, Гуннар... Нет, посмотри на меня. Что может сделать один-единственный капер кроме того, как лишь еще больше обострить враждебность и усложнить ситуацию? Ведь ты же прекрасно понимаешь, что никто больше не последует твоему примеру. Пока что Франции и ее союзникам удастся удерживать Парламент от объявления твоей экспедиции вне закона. Но Министерство запретило все сделки по передаче кораблей в частные руки, и Франция не в силах устроить такой законодательный переворот, который отменил бы данный запрет. Ты погибнешь здесь, Гуннар, в одиночестве, ни за что ни про что.

— Я надеюсь, что во Флоте начнется движение,— сказал он.— Если, как ты выразилась, мне удастся обострить враждебность... Да, не думай, что это мания величия. Просто надежда. Но мужчина обязан думать и делать то, что в его силах, даже если это не Бог весть что.

— Женщина тоже,— вздохнула она.

Затем, внезапно вскочив с кресла, взяла у Хейма бокал, чтобы снова наполнить его, и улыбнулась, с усилием, но без притворства.

— Хватит споров, давай остаток этого вечера будем сами собой. Мы так давно не виделись.

— Уж это точно. Мне хотелось тебя увидеть, и я собирался непременно это сделать после твоего возвращения на Землю, но мне думается, мы оба были слишком заняты. Да и случая, вроде бы, как-то не выпадало.

— Слишком заняты, потому что слишком глупы,— кивнула она в ответ.— Настоящие друзья, в лучшем случае, большая редкость. А ведь мы когда-то были таковыми, не правда ли?

— Правда,— сказал он, стараясь, как и Джосселин, не сворачивать с безопасной, на первый взгляд, дороги.— Помнишь нашу пирушку в Европе?

— Как я могу забыть? — Она бросила на него ответный взгляд и снова села, но на этот раз прямо, так что ее колени касались его.

— Эта смешная маленькая таверна в Амстердаме, где ты стучался головой о потолок всякий раз, когда вставал, и в конце концов тебе пришлось взять у полисмена напрокат его каску. И вы с Эдгаром все время орали что-то из Эдды, и... Но как вы оба были прекрасны, когда в предместьях Парижа мы, раздетые донага, любовались восходом солнца.

— Вы, женщины, были намного прекраснее, поверь мне,— сказал он, чувствуя себя немного неловко. Последовало молчание.— Мне очень жаль, что у вас с Эдгаром все так получилось,— наконец отважился нарушить тишину Хейм.

— Мы совершили ошибку, отправившись за пределы Системы,— кивнула Джосселин.— К тому времени, когда мы поняли, как губительно действует на нервы окружающая обстановка, было уже слишком поздно. Сейчас он нашел себе очень хорошую жену.

— Ну что ж, это кое-что.

— А как насчет тебя, Гуннар? Это был такой ужас... Я о бедной Конни. Но ведь прошло уже пять лет, и неужели ты...

— Да, пять лет — и ничего,— бесстрастно сказал он.— Не знаю почему.

Она чуть-чуть отодвинулась и спросила очень мягко:

— Я не смею льстить себя надеждой, но не я ли была тому виной?

Он покачал головой. Лицо его зарделось.

— Нет. С этим давно покончено. Давай поговорим о чем-нибудь другом.

— Конечно. Ведь вечер нашего воссоединения должен пройти весело. Салют!

Снова зазвенели бокалы.

Она начала говорить о прошлом, он поддакивал и дополнял, банальность, присущая всякой дружбе: а ты помнишь, как бы

там ни было, мы тоже, однажды, ты сказал, мы подумали, а помнишь, и потом там еще был, мы надеялись, а помнишь? И время, и слова, и пустые бокалы... И наконец как-то само собой вышло так, что она начала играть для него на флейте «О клер де ля Лун», «Гаудеамус игитур», «Сентябрь», «Геннандоа». Звуки мелодий, яркие и холодные, смешались в хороводе, кружили голову, и наконец Хейм перебрался в кресло и, откинувшись на его спинку, стал смотреть на блики света, отражавшиеся в волосах Джосселин и исчезающие затем в глубоких тенях внизу. Но когда она запела «Девушку из Скрайдострупа»...

Может быть, ее я должен был
Любить тогда,
Цветущей весной каменного века...

Флейта упала ей на колени, и Хейм увидел, что ее глаза закрылись, а губы задрожали.

— Нет,— сказала она.— Просто. Я не думала. Это ты научил меня, Гуннар.

Он сел прямо и положил ставшую вдруг странно нежной руку на ее плечо.

— Забудь об этом,— сказал он.— Не надо было мне раскрывать свою пасть. Лучше было помалкивать. Но особого вреда ведь не было. Это было не более чем... не более чем одно из обычных увлечений. Конни не держала на тебя зла. Она очень умело и осторожно освободила меня от этого наваждения.

— Мне повезло меньше,— прошептала Джосселин.

Ошарашенный, он мог лишь произнести, запинаясь:

— Джосс, ведь ты сама не хотела продолжать!

— Я не смела. Но именно это было главной причиной, которая заставила меня уговорить Эдгара покинуть Землю. Я надеялась, Гуннар, что когда я вернусь... Почему мы были такими идиотами?

Потом она вдруг рассмеялась низким грудным смехом, подошла к нему и сказала:

— Но ведь еще не поздно, не так ли? Даже сейчас?

ГЛАВА 3

Период обращения Строна составлял восемнадцать часов. По прошествии семи таких дней Утхг-а-К-Тхакв закончил работу над

компьютерами военного корабля и на грузовом судне прилетел в космопорт Орлинг.

Когда его огромная китообразная туша ввалилась в штурманскую рубку яхты, Андре Вадаж, ожидающий прилета бортинженера, невольно попятился назад.

«Фу! — подумал певец.— Старательности и способностей у него не отнимешь, но каждый раз приходится заново приспосабливаться к этой болотной вони... Интересно, а как он относится к моему запаху?»

— Привет, Б. И.,— поздоровался он с Утхг-а-К-Тхаквом,— надеюсь, вы еще не устали до смерти. Мы уже провели здесь слишком много времени.

— Да уж,— отвечал ему грохочущий, булькающий голос.— Мне все это надоело не меньше вашего. Остальное могут закончить без меня, и надеюсь, закончат одновременно с установкой этой спецкатапульти для ракет. Конечно, это при условии, что система работы стронов и в самом деле настолько хороша, насколько они ее расписывают.

— Именно вам и решать, так это или нет,— кивнул Вадаж.

Еще одной чертой, раздражавшей его в наковсах, была их привычка торжественно констатировать очевидные вещи. В этом плане они почти не уступали людям.

— Ну-с, я позаботился о вашем питании здесь. Собирайтесь и ждите нас на платформе лифта снаружи через полчаса.

— Нас? Кто же отправится в это Гнездо?

— Вы, шкипер, разумеется, чтобы принимать решения, Грегорис Куманодис, чтобы переводить, и я... В общем, официально это касается и стюарда тоже, поскольку дополнительное вооружение повлияет на массу и объем груза. Но на самом деле мне просто все это надоело, и я страшно нуждаюсь в увеселительной прогулке. И потом, там будут еще двое с «Поиска», Виктор Брэгдон и Джосселин Лори.

— А они с какой стати?

— Насколько вам известно, они здесь проводят ксенологические исследования. А сопровождая нас в деловом визите к местной важной персоне, они получают уникальную возможность понаблюдать здешние законы и обычаи в действии. Так что Брэгдон даже предложил одолжить нам один из своих флайеров, с условием, что мы возьмем их с собой. Фактически он не прочь был захватить еще несколько своих людей, но «гнездовики» ограничивают число посетителей за один раз. Мнительные твари. Как бы там ни было, имея флайер, мы можем использовать яхту для другой срочной работы и таким образом быстро завершим свое предприятие.

— Я чувю. Нет, по-английски говорят «понимаю»,— безразличным тоном отозвался Утхг-а-К-Тхакв. Он повернулся и зашлепал на своих перепончатых ногах по направлению к собственной каюте.

Вадаж задумчиво смотрел ему вслед, пока тот не исчез из вида.

«Интересно, доходят ли до него наши людские междоусобные ссоры и трения,— размышлял венгр.— Вероятно, нет. Он их, видимо, просто не воспринимает. Он, вероятно, считает, что отношения между Джосселин и Гуннаром — это сущая чепуха, если, конечно, он вообще их заметил.

И, возможно, он будет прав. По крайней мере пока это выражается лишь в частных отлучках Гуннара с нашей посудины. На данном этапе они еще не приносят особого вреда. Среди парней в экипаже уже ходят слухи, но, судя по интонации разговоров, это просто хорошая зависть. Что же касается меня самого, то я меньше всего склонен завидовать другу, если ему удалось ухватить кусочек счастья. Тогда почему же, черт возьми, это не дает мне покоя?»

Он отогнал от себя тревогу и нажал кнопку на радиофонной приставке. Из салона «Поиска» на него глянуло лицо человека среднего возраста, по виду напоминавшего ученого.

— Добрый вечер, доктор Тауни,— бодрым голосом произнес Вадаж.— Не будете ли вы столь добры напомнить капитану Хейму, что до нашего отлета осталось полчаса.

— Пусть сам себе напомнит,— огрызнулся глоссаналитик.

— Неужели ваша неприязнь к цели нашего пребывания здесь столь велика, что вы не хотите сказать человеку двух слов по интеркому? — Вадаж злобно посмотрел на него.— Тогда будьте добры, напомните об этом мадам Лори.

Тауни покраснел и выключил связь. Должно быть, он действительно страдает архаичными предрассудками. Вадаж усмехнулся и, насвистывая, пошел заканчивать собственные приготовления в дорогу.

— Мальбрук в поход собрался...

А тем временем на борту «Поиска» Хейм посмотрел на висевшие на шпангоуте часы, потянулся и сказал:

— Пожалуй, пора.

Джосселин положила одну руку ему на голову, другой взяла за подбородок и, повернув к себе его некрасивое лицо с тяжелым подбородком, спросила:

— А надо ли?

Тревога в ее глазах отозвалась в нем болью. Он попытался рассмеяться.

— Как, отменить путешествие и лишить Виктора уникальных материалов? Он бы нам этого никогда не простил.

— Он был бы почти так же счастлив, как и я. Потому что гораздо важнее всего этого то, что ты... что ты вышел наконец из своего лунатического состояния, Гуннар.

— Дорогая моя,— ответил он.— Единственное, что портило иногда эти прекрасные часы, проведенные вместе, были твои периодические попытки незаметно заставить меня отказаться от задуманного мною предприятия. Но это сделать ты не сможешь. Как говорили в старину китайцы: «Почему бы тебе не расслабиться и не начать вкушать наслаждение?» — Он прикоснулся губами к ее губам.

Она встала с постели и прошла в противоположный угол каюты.

— Если бы я снова стала молодой,— с горечью сказала она,— возможно, мне бы это удалось.

— А? Нет. А теперь послушай...

— Я слушаю.

Она остановилась около туалетного столика и медленно провела руками по щекам, по груди и бокам.

— О, для сорока трех лет я сохранилась неплохо. Но никуда не денешься от этих «гусиных лапок» в уголках глаз и от появившегося второго подбородка, да и вообще, без одежды я проигрываю. В течение последних дней ты... ты вел себя хорошо, Гуннар... ты был добр. Но я заметила, что ты старался ничем не связать себя.

Хейм поднялся, в два шага преодолел разделявшее их расстояние и остановился возле Джосселин, возвышаясь подобно огромной башне. Что делать дальше, он не знал.

— А как я мог это сделать? — наконец решился спросить он.— Я представления не имею, что может случиться с нами во время полета. И не имею права что-либо обещать или...

— Ты мог бы пообещать чисто условно,— сказала Джосселин. На мгновение ее отчаяние прошло, или она сумела подавить его. Ее лицо приняло загадочное выражение, голос стал бесстрастным.

— Ты мог бы сделать так: «Если я вернусь домой живым, то сделаю то-то, если ты согласишься».

Он не знал, что ответить. Она вздохнула и отвернулась. Голова ее поникла.

— Что ж, давай одеваться,— сказала она.

Двигаясь совершенно механически, Хейм натянул тонкий комбинезон, служивший поддевкой под скафандр. В голове у него была такая пустота, словно в ней воцарился полный вакуум.

«О'кей, так чего же я хочу? — думал он.— Много ли из того, что я чувствовал и чувствую до сих пор, было подлинным, а что было просто ностальгией по прошлому, вызванной одиночеством и выведшей меня из равновесия? Не представляю».

Однако его смущение длилось недолго, поскольку менее всего Хейму нужен был самоанализ. Он отогнал от себя все вопросы, чтобы затем изучить их на досуге, а вместе с ними и все обусловленные ими эмоции. На переднем плане его сознания осталось чувство нежности к Джосселин, смешанное с сожалением, что он причинил ей боль, и смутное желание что-либо предпринять в связи с этим; но над всеми этими мыслями преобладало желание удалиться побыстрее. Он и так уже чересчур долго прохлаждается на этом острове. Необходимость лететь на Требогир вполне оправдывала это его стремление.

— Давай, поехали,— сказал он, снова повеселев, и игриво шлепнул свою пассиву по круглому задку.— Прогулка должна быть неплохая.

Джосселин повернулась. Ее глаза и губы выражали печаль.

— Гуннар...— Она вынуждена была опустить глаза, и теперь стояла так перед ним, сцепив руки.— Ты действительно не считаешь меня... в лучшем случае, дурой, а в худшем — предателем... из-за того, что я не хочу войны... не так ли?

— Только этого еще не хватало! — воскликнул Хейм, отшатнувшись назад.— Когда это я подал тебе такую идею?

Джосселин сразу как-то успокоилась и приободрилась.

Хейм взял ее за локти и мягко встряхнул.

— Ты дуреха, если думаешь, что я когда-либо так считал,— сказал он.— Джосс, я ведь тоже хочу, чтобы войны не было, и верю, что демонстрация силы сейчас — так сказать, предупредительный лязг зубов — может предотвратить фатальный исход в будущем. Это все. О'кей, у тебя иное мнение. Я его уважаю и уважаю тебя. Я что, заставлял тебя думать по-другому? Пожалуйста, скажи. Может быть, в этом моя вина?

— Нет, ничего.— Она выпрямилась.— Просто я глупая,— добавила она механически.— Пожалуй, нам пора.

Они молча спустились вниз. У шкафчика возле эллинга стоял Виктор Брэгдон и натягивал скафандр.

— Эй, привет,— окликнул он их.— А я уже начал волноваться, не задержало ли вас что-нибудь. Во время прошлой вахты один из ваших людей доставил сюда ваше снаряжение, Гуннар. Весьма кстати. Здесь мы бы вам, пожалуй, не нашли подходящего размера.

Хейм облачился в жесткий скафандр, застегнул все молнии, надел перчатки и ботинки с упорами для лодыжек, обращая

внимание на застежки. Если кислород внутри смешается с водородом снаружи, он мгновенно превратится в факел. Конечно, во флайере можно было и не надевать полного снаряжения, это была лишь предосторожность, но Хейму слишком часто приходилось видеть, как иногда мало нужно, чтобы свести на нет все меры безопасности. Подсоединяя шлем к резервуарам с воздухом под высоким давлением и к рециркулятору, он опустил на плечи снаряжение, но оставил клапаны закрытыми, а забрало шлема — открытым. Теперь пояс с пищевыми и медицинскими тубами, фляга, емкость для отходов... Но никакого оружия, поскольку в Гнездо с ним не пустят...

Хейм заметил, что Джосселин никак не может справиться со скафандром, и поспешил на помощь.

— Он такой тяжелый, — пожаловалась она.

— Ну уж, ведь точно такой же ты носила на Новом Марсе, — сказал Хейм.

— Да, но там сила тяжести вполтину меньше земной.

— Ну, тогда еще радуйся, что мы не подвергнемся полному воздействию гравитации воздействию Строна, — добродушно сказал Брэгдон, наклоняясь, чтобы поднять походную сумку.

— Что там у вас? — спросил Хейм.

— Дополнительное оборудование для съемок. Вспомнил в последнюю минуту. Но вы не беспокойтесь. Полевое аварийное снаряжение уже на борту и дважды проверено.

Направляясь к входному шлюзу, Брэгдон по-прежнему улыбался, намеренно повернувшись к Джосселин и демонстрируя свой орлиный профиль. Хейму стало смешно.

Эллинг для шлюпки напоминал пещеру. Дополнительное место, специально оставленное здесь для отдыха, сейчас занимали три атмосферных флайера, предназначенных для работы на планетах класса «Юпитер», и один из них в данный момент был на вылете, совершая предварительный картографический рейс. Люди прошли сквозь шлюз флайера, пристегнулись ремнями. Брэгдон сел за пульт управления и связался с вахтенным. Из шлюпочной камеры откачали воздух, заполнили ее атмосферой Строна и открыли внешние двери. Взревел мощный двигатель, и флайер взлетел.

Затем он вновь опустился, чтобы взять на борт Вадажа, Куманодиса и Утхг-а-К-Тхаква. В своем скафандре наков выглядел еще более неуклюжим — словно дельфин в караульной будке, — зато эта будка почти скрывала его аромат. Брэгдон в последний раз проверил приборы и вновь поднял машину в небо.

— Я волнуюсь, как мальчишка, — сказал он. — В первый раз увижу по-настоящему эту планету.

— Что ж, вполне можете считать себя туристом,— отозвался Куманодис.— Плохой погоды не предвидится. Хотя, конечно, во время шторма мы в любом случае должны будем сделать посадку. Шторма здесь свирепые.

— В самом деле? Я полагал, что в атмосфере такой высокой плотности скорость ветров должна быть невелика.

— Атмосфера Строна не такая уж плотная. На уровне моря она всего лишь в три раза превышает земное давление, что во многом объясняется здешней силой тяжести. Кроме того, не забывайте о водяных парах, которые, поднимаясь вверх, порождают грозы. Да еще такой чертовский избыток солнечной энергии.

— Что? — Джосселин бросила удивленный взгляд в направлении кормы, откуда можно было видеть утреннее солнце. Находясь в половину ближе к Строну, чем Солнце к Земле, диск медного светила имел несколько меньший диаметр в угловых единицах, и, хотя оно сверкало почти вдвое ярче, отбрасывая кругом холодный голубоватый свет, его суммарное излучение немного уступало солнечному.— Нет, этого не может быть. Строн получает всего лишь... сколько же?... На двадцать процентов больше радиации, чем Земля.

— Но ты забываешь, какая доля в ней принадлежит ультрафиолету,— напомнил Хейм.— И это при отсутствии свободного кислорода, способного создать озоновый барьер.

— Да, для колонии нудистов такое место вряд ли подошло бы,— сказал Вадаж.— Того, кто не задохнется здесь от водорода, гелия и азота и кого не отравят метан и аммиак, того ультрафиолет поджарит наподобие бифштекса.

— Бррр! Но до чего же здесь все-таки красиво!

Джосселин прижалась носом к иллюминатору возле своего кресла и стала смотреть вниз.

Они уже поднялись на большую высоту, и Орлинг исчез вдали. Посреди моря цвета индиго, подобно Гибралтару, возвышался остров: берега обсидианово-черные, поверхность рябит разными оттенками красного цвета, образуемых растительностью. В последний раз сверкнул скелет радара космопорта, затем и этот блестящий храм исчез из вида, и осталось лишь смутное пятно, парившее на западе под скопищем кучевых облаков. Где-то на пределе зрения, за несколько километров, виднелся клин летевшей по своим неведомым делам стаи стронов.

Как будто стараясь избавиться от какой-то мысли, Джосселин указала на них и спросила:

— Прошу простить мою тупость, но как они умудряются летать? Разве существа, дышащие водородом, не должны обладать менее активным обменом веществ, чем те, которые дышат

кислородом? Неужели здешнего атмосферного давления достаточно, чтобы они могли преодолеть гравитацию, почти вдвое превышающую земную?

— Их кости подобны птичьим,— объяснил Куманодис.

— Что же касается вопроса энергии,— добавил Хейм,— то водород действительно дает меньше энергии, на грамм-молекулу, чем кислород, вступая в реакцию с углеводными соединениями. Но в клетках легких стронов огромное количество водородных молекул. Кроме того, их ферментные системы весьма эффективны. И... посуди сама. Растения Строна синтезируют воду и метан для получения свободного водорода и углеводов. Животные существуют, совершая обратный процесс. Только лишь подвергаясь такому мощному потоку ультрафиолета, растения создают соединения более богатые энергией, чем что-либо на Земле.

— Мне кажется, я поняла,— Джосселин вновь погрузилась в свои мысли.

Остров исчез за широким горизонтом. Они летели над тьмой цвета красного вина, пока наконец вдали не показался материк. Там громоздились горы, ярус за ярусом, красные. внизу от покрывавшей их растительности и серые от неровных теней вверх. Солнце отражалось от далекого металлического пятнышка. Хейм настроил оптику своего иллюминатора и иллюминатора Джосселин на полное увеличение. Пятнышко стало флайером уродливой неземной конструкции, который патрулировал над скоплением башен из оплавленного камня, прилепившимся к пропасти в километре над кромкой прибойя.

— Карниз Радемира,— сказал Хейм.— Пожалуй, лучше взять чуть южнее, Вик. Мне говорили, что мы его несколько раздражаем, и не исключено, что у него вдруг возникнет желание на нас напасть.

Брэгдон подрегулировал автопилот:

— А почему?

— Когда Чарли Янг и я прибыли сюда для предварительных переговоров, он хотел продать нам боеголовки,— пояснил Куманодис.— Но Гнездо Крейгана предложило нам более выгодную цену.

Брэгдон покачал головой.

— **Ей-Богу.** Не понимаю я эту культуру,— сказал он.— Анархия и атомная энергия. Вещи абсолютно несовместимые.

— Что? — встрепнулся в своем кресле Вадаж.— На Строне есть настоящая литература,— медленно сказал он.— Неужели вы ничего не читали из нее?

— О, разумеется, разумеется,— поспешно ответил Брэгдон.— Но это какая-то галиматья. Никакой научной основы. Моя

полевая практика проходила в страшной спешке. Но несмотря на беспокойную обстановку в этом секторе, Исследовательский Центр считал необходимым безотлагательно собрать достоверную информацию о сообществах, праживающих в границах данного сектора, точнее, о тех из них, которые имеют выход в космос.

— Если уж быть до конца точным, то стронов причислить к последним нельзя,— возразил Хейм.— Конечно, у них развита астронавтика, но все ее достижения используются в целях планетарной защиты. Они охотно торгуют с посетителями, но сами торговых партнеров никогда не ищут.

— Когда-нибудь начнут. Слушайте-ка,— Брэгдон повернулся и посмотрел на остальных.— Вот прекрасная возможность убить время. Почему бы вам не изложить свою версию сложившейся здесь ситуации? Я, конечно, читал об этом, но если кто-то передает материал другими словами, это весьма полезно.

Вадаж сощурил глаза и ничего не сказал. Хейма занимала главным образом рука Джосселин, лежавшая на его руке. Он подумал, что она произвольно продолжает просить его. О чем? О том, чтобы устранить разделяющую их преграду? Хейм откинулся назад, переместив основную тяжесть своего снаряжения на спинку и подлокотники, и сказал:

— Я не специалист, но насколько я понимаю, строны — это большая редкость, строго плотоядная разумная раса. Как вам известно, обычно плотоядные животные специализируются в совершенствовании именно физических, а не умственных способностей. Однажды я разговаривал с парнем, который здесь побывал и немного прошвырнулся по планете. Он сказал, что заметил кое-где окаменевшие обнаженные породы, которые давали повод предполагать, что когда-то давным-давно этот континент подвергся нашествию родственных стронам, но более крупных биологических видов. Быть может, предкам стронов, чтобы спастись, пришлось пойти по пути совершенствования интеллекта... Я не знаю. Как бы это ни происходило, в итоге возникла раса с мощными хищническими инстинктами, но лишенная признака стадности. Основное социальное звено — это... э... нечто вроде семьи. Большой семьи с системой парных браков, настолько сложной, что никому из людей еще не удавалось ее понять, плюс слуги со своими собственными женскими особями и детенышами; но доминирует в патриархальном семейном укладе по-прежнему крупный самец.

Флайер попал в полосу дождя. Хейм выглянул в иллюминатор. Они уже пересекали горный хребет. На западе он увидел гряду, переходившую в красновато-коричневую равнину Тревожных Земель.

— Не думаю, чтобы это привело к развитию, намного превосходящему стадию первобытной дикости,— заметил Брэгдон.

— На Строне им все же удалось на время достичь такого развития. Каким образом, я не знаю. И вообще, знал ли кто-нибудь доподлинно, что такое эволюция? Быть может, стронам помогло то, что у них есть крылья и они более подвижны, чем мы. Со временем у них возникла общепланетарная индустрия, и они распались на отдельные федерации. Изобрели научную методологию и пошли экспонентной кривой открытий вверх, вплоть до ядерных двигателей.

— Я думаю,— прохрюкал Утхг-а-К-Тхакв,— эти нации были построены на захватнических войнах и рабстве. Это неестественно, и отсюда их нестабильность.

Хейм удивленно взглянул на его физиономию со свисающими щупальцами и продолжал:

— Возможно. Сейчас имеется один стабилизирующий фактор. Мужские особи у стронов гораздо темпераментнее мужчин-землян в течение периода половой активности, но по достижении «пожилого» возраста они претерпевают большие эндокринные изменения, чем мы. Во всех других отношениях они остаются по-прежнему сильными, однако, теряют как половой инстинкт, так и свою воинственность, и предпочитают тихо и спокойно жить дома. Мне кажется, это и послужило механизмом выживания, поскольку женские особи и детеныши, находясь в Гнезде, имели охрану в лице «пожилых» самцов, в то время как молодые охотились и воевали. В плане влияния на цивилизацию можно предположить, что этот фактор позволил ей, в некотором смысле, созреть. Старших принято уважать и прислушиваться к их мнению, принимая во внимание их жизненный опыт.

Тем не менее промышленное общество разлетелось на куски во время ядерной войны. Накопленные знания и даже большая часть материальных ценностей не были утрачены, однако организация — увы. Повсеместно строны вернулись назад, к этим баронским Гнездам. Сочетая одновременно производство на основе автоматизации и возрождение так называемых «Больших Охотничьих Игр», каждое такое сообщество находится чертовски близко к полной независимости. Никто уже больше не желает никаких замысловатых социальных структур. Настоящая жизнь устраивает их как нельзя лучше.

— А как насчет Ложи? — спросила Джосселин.

— А, да. Через некоторое время возникла необходимость в избрании какой-то центральной группы, чтобы она могла решать спорные дела между Гнездами, осуществлять контакты с иными мирами. Ложа образовалась, я полагаю, как квазирелигиозная

организация, хотя я ни черта не смыслю в символизме. Лидерами ее являются старые самцы. Наиболее активная работа поручается тем, кого мы могли бы назвать новообращенными и служаками, младшими помощниками и тому подобное, то есть тем, кто нанимается туда в поисках приключений и наложниц, а также в надежде когда-нибудь быть допущенным к полному посвящению. Такой механизм работает безотказно.

— В человеческом обществе он бы не сработал,— сказал Вадаж.

— Да,— отозвался Куманодис,— но эти ребята — не люди.

— Вот, пожалуй, и все, что мне известно,— подытожил Хейм.— Я уверен, что не сообщил ничего такого, что невозможно было бы найти в книгах и журналах.

Он снова выглянул наружу. Внизу быстро скользила прерия. Вот на фоне однообразной растительности мелькнуло стадо несущихся животных и вновь пропало из виду. На востоке постепенно таяли последние различимые горные вершины. В течение довольно долгого промежутка времени все молчали. Хейм потом просто поразился, осознав, как долго все сидели, погружившись в свои мысли, прежде чем Брэгдон нарушил тишину:

— Кажется, я не понимаю одного. Вполне очевидно, что каждое Гнездо содержит ядерный арсенал и оборудование для военного производства. С какой целью?

— Чтобы сражаться,— ответил Куманодис.— Иногда Ложа не может разрешить к обоюдному согласию тот или иной спорный вопрос, например, относительно территории, и тогда — ого-го! Дым коромыслом, как говорится. Да мы с вами, вероятно, еще увидим несколько кратеров.

— Но... нет. Такая вот разновидность безумия и сокрушила их цивилизацию.

— Последнюю фазу жизни их цивилизации, вы хотите сказать,— уточнил Хейм.— Не настолько она уязвима. Гнездо обычно находится под землей, а здания, расположенные на поверхности, почти невозможно взорвать. Радиация влияет на стронов неизмеримо меньше, чем на людей, поскольку они и в повседневной жизни получают немалые дозы, а против чрезмерных доз у них имеются медицинские средства, аналогичные нашим. Что же касается зажигательных бомб и тому подобного оружия, то в водородной атмосфере оно бесполезно. Фактически, до изобретения атомной энергии единственным способом расплавить металл было использование кратера вулкана, а вулканов на этой огромной планете с горячим ядром больше чем достаточно.

— Значит, у них нет никаких ограничений,— пробормотала Джосселин,— в том числе и на продажу оружия иножителям, чтобы те с его помощью убивали других.

— Что-то мы слишком часто стали касаться этой темы, провались она...— проворчал Куманодис.

— Полегче, Грег,— предупредил Хейм. Лицо женщины было таким несчастным.

Куманодис поерзал в своем кресле, затем выглянул в иллюминатор и вдруг застыл.

— Эй,— воскликнул он.

— В чем дело? — спросил Брэгдон.

— Как по-вашему, куда мы летим?

— К Аэри Требогир, куда же еще.

Грек привстал и указательным пальцем ткнул в иллюминатор. Над горизонтом, подобно привидению в своей обособленности, плавал белый конус. Равнина внизу спускалась под уклон в направлении ослепительно сверкавшей белой нитки, извивающейся по долине, по которой бежали тени облаков.

— Что за черт! — взорвался Куманодис.— Ведь это же река Морх. Наверняка, она. Карту знаю только я один! Там, где живет Требогир, в упор не видно никаких снежных пиков. Должно быть, мы находимся над нагорьем Кимрет, то есть в добрых пяти сотнях километров от того места, где должны быть!

На лбу Брэгдона выступил пот.

— Я действительно задал автопилоту кружной курс, чтобы лучше ознакомиться с окрестностями,— признался он.

— И не поставили нас в известность? — Куманодис рванулся с кресла, забыв о пристяжных ремнях.

— И как я, дурак, раньше не заметил, что солнце находится не с той стороны! Убирайся прочь от штурманского пульта. Я беру управление на себя.

Хейм перевел взгляд на Джосселин. Ее руки были сжаты в кулаки, она дышала тяжело и прерывисто.

Брэгдон быстро опустил руку в походную сумку, стоявшую рядом с его сиденьем. Когда он вновь ее поднял, Хейм увидел направленное на Куманодиса дуло лазерного пистолета.

— Сидеть! — приказал Брэгдон.— Первый, кто отстегнет ремни, будет тут же убит.

ГЛАВА 4

Покинув воздушный шлюз и оказавшись вне поля флайера, Хейм почувствовал чудовищный рывок, это тяготение Строна полностью вступило в свои права. Он напряг мышцы ног, чтобы не упасть, и выпрямился. Несмотря на то, что вес снаряжения был хорошо сбалансирован, тяжесть его была ужасной.

Джосселин ушла вперед, чтобы держать пленников под прицелом, пока они будут выходить. В скафандре она выглядела до абсурда непохожей на себя, и темное стекло шлема напоминало надетую на лицо маску. Хейм двинулся к ней.

— Стоять! — Несмотря на встроенные в шлем наушники, специально предназначенные для сведения на нет искажений передаваемого звука, ее голос был до жути незнакомым. Хейм остановился под дулом ее автомата. Это было оружие сорок пятого калибра, выпускавшее пули с мягким наконечником при низкой скорости, которые могли пробить скафандр или другую защиту.

Хейм сделал глубокий вдох, потом другой. Воздух внутри скафандра представлял собой строго рассчитанную композицию при давлении в три атмосферы, чтобы компенсировать наружное давление и снабжать переутомленные клетки кислородом. Его слова загрохотали в шлеме:

— Джосс, что значит весь этот фарс?

— Ты просто не можешь себе представить, как мне этого не хотелось, — сказала она нетвердым голосом. — Если бы ты послушал меня тогда, на корабле...

— Значит, с самого начала вся твоя цель заключалась в том, чтобы сорвать мой план, — бросил он.

— Да. Это необходимо было сделать. Неужели ты не понимаешь, необходимо! На переговоры с алеронами нет никакого шанса, потому что ты провоцируешь войну. Прежде чем покинуть Землю, их делегаты так и заявили официально.

— И вы им поверили? Может быть, расскажешь еще какую-нибудь сказку?

Она, казалось, не слышала. Слова лились из нее водопадом. Несмотря на все звуковые искажения, он слышал в ее голосе мольбу:

— В разведке Службы Мирного Контроля догадались, что вы направились сюда, чтобы достать оружие. Они не могли послать военный корабль. Строны не разрешили бы ему посадку. Фактически, Франция могла бы заблокировать любую информацию, любую официальную акцию. Но неофициальную... Мы

снарядили эту экспедицию и бросились за вами в погоню. ОМК стало известно, что я твой старый друг, и меня вызвали на допрос. Я просила дать мне разрешение на участие в экспедиции. Я думала, я надеялась, что смогу убедить тебя.

— Удобно во всех отношениях,— резко прервал ее Хейм.— Вот как это называется.

— Моя попытка не удалась,— сказала она с безысходностью в голосе.— И тогда Вик решил, что теперь его черед действовать, и придумал эту поездку. Мы не собираемся причинять вам зло. Мы отвезем вас обратно на Землю. И больше ничего. Вам даже не будет предъявлено никаких обвинений.

— А вот я мог бы предъявить обвинение в шантаже и в насилии над нами.

— Как тебе будет угодно,— пробормотала она.

Безнадежность охватила Хейма.

— А что толку? Вы бы подыскали такого судью, который сделал бы ваше наказание чисто условным.

Появился Вадаж, затем Куманодис, затем Утхг-а-К-Тхакв. Из уст грека непрерывно лилась ругань.

«Без капитана и бортинженера «Лису» придется отправляться домой побежденному прежде, чем он успел нанести хотя бы один удар в сражении»,— подумал Хейм.

Он огляделся вокруг. Они приземлились на западном берегу реки Морх. Ее широкая сверкающая лента извивалась по песчаному пологому руслу, огражденному низким отвесным берегом. В нескольких километрах, освещаемые солнцем, виднелись горы Кимрет, казавшиеся вполне реальными сквозь голубовато-серую дымку воздуха и похожие на гигантский бастион, над которым возвышалась вулканическая вершина, увиденная ими издалека. Земля под ногами была покрыта той упругой, похожей на мох красновато-желтой растительностью, которая в этом мире являлась эквивалентом травы. Над головой изгибалась арка темно-вишневого неба, по которому стремительно неслись гонимые ветром облака. Вдали показалась и вновь исчезла стая летучих существ, похожих на морских скатов.

— Куда нас затащили? И что теперь будет?

Вадаж незаметно придвинулся к Хейму, так что их шлемы соприкоснулись, и пробормотал:

— Только быстро: может быть, броситься на нее? Я не думаю, чтобы ее намерения были такими уж безобидными.

— Но мы же не в состоянии двигаться быстро,— ответил Хейм.— Хотя... Неужели ты действительно выстрелила бы в меня, Джосс?

Его сердце тяжело ухнуло, и он почувствовал, как мгновенно взмок от пота. Но прежде чем он собрался с силами, чтобы заставить себя хотя бы попытаться, из флайера уже вышел Брэгдон, и теперь больше не приходилось сомневаться, будет ли использован лазерный пистолет.

— Г'ворру! — пробублел Утхг-а-К-Тхакв. — Вы забыли закрыть воздушный шлюз!

— Я знаю, — сказал Брэгдон. — Кроме того, я задал автопилоту определенную программу. Лучше всем лечь.

С этими словами он опустился на землю.

Флайер взвыл и прыгнул вперед. Блеск его металлического корпуса ослепил Хейма. Аппарат на секунду завис в сотне метров от поверхности, затем сделал петлю и нырнул вниз. Хейм инстинктивно упал на живот и прикрыл голову руками.

Флайер разбился неподалеку от них. На месте взрыва взметнулся столб яркого пламени. То и дело снова начинало грохотать, и Хейм слышал, как над его головой свистят осколки. Наконец не осталось ничего, кроме столба густого дыма и пыли, да эхо взрыва все еще раздавалось вдалеке, но скоро и его унесли порывы ветра.

Хейм с трудом снова поднялся на ноги. В голове все еще звенело. Остальные мужчины тоже встали. Джосселин осталась сидеть.

— Твою... душу... мать, — выдохнул Куманодис. — Что ты сделал?!

— Не беспокойтесь, — сказал Брэгдон. — Вскоре за нами придет другое транспортное средство. — Он сделал паузу. — Впрочем, я могу объяснить более подробно. Наша цель — парализовать вашу дьявольскую пиратскую затею, доставив вас обратно на Землю. Я разработал несколько различных вариантов осуществления данной задачи, но этот был наиболее простым.

Сейчас один из наших флайеров на вылете, и управляют им двое молодых людей, которым известно, что должно было произойти, а так же приблизительно известно место, где я намеревался все это осуществить. Разбитый флайер они смогут заметить издалека. Они возьмут нас на борт, и мы все вернемся на «Поиск». Правда, придется полежать на полу, чтобы нас не было видно, и — мне очень жаль — вас придется связать. Как только мы попадем на корабль, вас отведут в специально подготовленную каюту. Джосселин и я тоже будем скрывать свое местопребывание. После того как от вас не поступит никаких сообщений, ваша команда начнет беспокоиться и искать вас. Разумеется, капитан Гутьерц окажет любую помощь, какая только понадобится. Потом они обнаружат место крушения —

несчастный случай, все погибли. Вряд ли кто-либо обратит внимание на то, что на месте катастрофы нет останков людей. Но даже если так случится, это можно будет легко объяснить предположением, что мы покинули данный район в отчаянной попытке найти помощь и вскоре погибли. В конце концов обе экспедиции, охваченные горем, вынуждены будут порознь вернуться домой.

— Вы уверены, что можете положиться на свою команду? — ледяным тоном спросил Вадаж.

— Они узнают правду не раньше, чем «Поиск» окажется в космосе, — сказал Брэгдон. — Капитан Гутьерц и Первый Офицер Герман уже в курсе. Я не думаю, чтобы люди подняли мятеж.

— Ты мерзкий убогодок... — Куманодис двинулся к нему на негнувшихся ногах.

— Стоять! — предупредил Брэгдон. — Если понадобится, я выстрелю, не задумываясь. С другой стороны, если вы будете вести себя как полагается, вас доставят на Землю в целости и сохранности, после чего вы немедленно получите свободу.

Хейм пожал плечами:

— А вы уверены, что сможете помешать нам снарядить новую экспедицию? — осведомился Хейм.

— Разве вы забыли? Ваш корабль сейчас оснащен ядерным вооружением. Как только он войдет в пределы Солнечной Системы, Армия Мирного Контроля, согласно закону, будет обязана конфисковать его. А куда еще кроме Солнечной Системы могут отправиться ваши люди, лишившись своих командиров?

— На кого вы работаете, Брэгдон? — презрительно усмехнулся Хейм. — На алеронов?

— На человечество, — последовал гордый ответ. — Кстати, если хотите знать, никакой я не ксенолог, а всего лишь офицер Армии Мирного Контроля, находящийся в данный момент в отпуске, и меня за это разжалуют. Хотя то, что мне удалось, этого стоит. Организация «Военные мира за мир» позаботятся о том, чтобы я не остался без работы.

— Так значит, это их рук дело, а? — фыркнул Куманодис. — Да. У них ведь есть свои люди и в правительстве.

Хейм обратился к Джосселин:

— Значит, ты лгала мне, когда говорила, что бросила эту работу?

— Пожалуйста, пожалуйста, — ее шепот смешался с шумом ветра.

— Не мешало бы нам позаботиться о собственных удобствах на ближайшие несколько часов, — предложил Брэгдон. — Если мы этого не сделаем, гравитация нас вымотает до предела. Я говорю

«часов», потому что вряд ли второй флайер прилетит раньше: мы не могли заранее рассчитать точное время аварии, а использовать радио было бы слишком большим риском.— Он повелительно взмахнул оружием.— Садитесь, а потом я.

Вадаж был так близко от Хейма, что только капитан услышал его тихий свист и заметил, как напрягся менестрель.

— Хей-хо, Роджер! — пробормотал венгр.— Лови первую луну.

— Что еще такое? — спросил требовательно Брэгдон, заметив напряжение на лицах пленников.

— В присутствии леди я этого переводить не буду,— ухмыльнулся Вадаж.

Хейма словно обожгло.

«Сленг астронавтов»,— мелькнуло у него в голове. Что-то должно случиться. «Будь готов действовать в любую минуту». Пульс участился в предчувствии схватки.

— Вы, вообще, в своем уме? — продолжал Вадаж.— Мы не можем оставаться здесь.

— Что вы имеете в виду? — огрызнулся Брэгдон.

— Вблизи такой реки, как эта. Может быть внезапное наводнение. Нас опрокинет, скафандры порвутся, и мы будем мертвы, прежде чем нам удастся выбраться куда-нибудь повыше.

— Вы лжете.

— Нет-нет. Взгляните на эти горы. Подумайте. Густая атмосфера при сильной гравитации имеет высокий градиент плотности, а над линией снегов холод такой, что аммиак замерзает. Но около полудня все это снова разжижается и выливается в устья рек. Гравитация притягивает эти осадки с такой силой, что они, прежде чем испариться, проходят километров пятьдесят или даже больше. Так ведь, Грегори? Ты сам мне об этом рассказывал.

— Именно так,— подтвердил Куманодис.

— Потому эта река и называется «Морх», что на местном языке означает «наводнение».

— Если это какой-то подвох...— начал Брэгдон.

«Ясно как день, что именно так,— промелькнуло в голове у Хейма.— Подобных феноменов здесь нет и в помине. Но для новичка эта сказка звучит довольно убедительно... Я надеюсь... как я на это надеюсь».

— Клянусь вам, что буду стрелять при первом же подозрении,— сказал Брэгдон.

Хейм начал удаляться от него.

— Стреляй, если хочешь,— огрызнулся он.— Уж лучше умереть от пули, чем захлебнуться в аммиачном потоке. Ты не сможешь помешать мне попробовать забраться на вершину этих холмов.

Его спина напряглась под прицелом лазерного пистолета. Но тут раздался крик Джосселин:

— Вик, не надо! Что в этом опасного?

— Я... думаю, ничего, кроме того, что это очень трудно,— уступил Брэгдон.— О'кей. Джосселин будет держать вас под прицелом. Если вы намерены сбежать, то как только вы окажетесь за гребнем, я особо возражать не стану. Вы не сможете уйти слишком далеко до прилета нашего флайера, а тогда мы вас быстро поймаем. И даже в том случае, если вы где-нибудь спрячетесь, я не стану беспокоиться, поскольку Строн сам убьет вас.

Тяжело переставляя ноги, Хейм заковылял среди разбросанных там и сям скал, покуда не добрался до берега реки. Это была голая, твердая как железо земля, усеянная камнями, образовавшая невысокую и не крутую, но трудно проходимую при таком притяжении возвышенность. Хейм принялся карабкаться вверх по склону. Он поддался под тяжестью его туши, земля и камни с шипением и стуком поползли из-под ног. Хейм потерял равновесие и упал на четвереньки. С трудом выпрямившись, он осторожно двинулся дальше. Вскоре пот уже заливал ему глаза, сердце бешено колотилось, и воздух обжигал горло. Затуманенным взором он видел тащившихся позади Вадажа и Куманодиса. Утхг-а-К-Тхакву это давалось более легко: он просто полз на животе, отталкиваясь широкими лапами и цепляясь за грунт мощными руками пловца. И все же шум дыхания навеса перекрывал даже вой ветра.

Наконец они кое-как добрались до вершины. Хейм и бортинженер были первыми и помогли остальным, подав им руки. Они вползли на край холма и остановились, чтобы отдохнуть.

Хейм нащупал под рукой камень. Его пальцы сомкнулись.

Когда силы мало-помалу начали возвращаться, он увидел, что Брэгдон проделал почти половину пути. «Ученый» рационально расходовал время, делал частые длительные остановки, во время которых стоял, сжимая в руке пистолет и глядя на пленников. Джосселин дожидалась внизу. То и дело в нее летели песок и камешки, вырывавшиеся из-под ног Брэгдона, но она даже не пыталась увернуться. Ее фигура казалась черной на фоне ослепительного сияния голубого, словно молния, солнечного света; отражаясь от поверхности автомата, свет, казалось, плавился.

Вадаж опустился на колени между Хеймом и Куманодисом и сжал им руки. Никакого иного сигнала или объявления не требовалось. Хейм метнул свой камень. Мгновением позже просвистели камни, брошенные его товарищами. Получив ускорение в девятнадцать метров в секунду, эти снаряды летели, словно выпущенные из катапульты.

Хейм не знал, который из них попал в Брэгдона. Он видел, как тот пошатнулся и упал. В ту же секунду он и его друзья уже спускались обратно вниз.

Прыжок, скольжение, короткая пробежка, снова прыжок... При этом нужно удержаться в образующемся небольшом обвале и правильно рассчитать, куда перенести центр тяжести, как рыцарь на полном скаку.

В Джосселин ни один из камней не попал. Хейм видел, как она, оступившись, сделала шаг назад — медленно и неуклюже, — и со всей скоростью, на какую был способен, запрыгал вниз мимо сцепившихся Брэгдона и Куманодиса. Из-под его ног столбом летела пыль. Дважды он чуть было не упал. При той скорости, с какой он сейчас двигался, это могло кончиться очень плачевно: ничего не стоило, к примеру, свернуть себе шею. Однако ему каким-то чудом удавалось сохранить равновесие, и он продолжал нестись дальше, подобно лавине.

Наконец-то подножие холма! Теперь либо рухнуть замертво, либо бежать быстрее, чем когда-либо бегал. Его тело было сейчас взбунтовавшейся машиной, и Хейм изо всех сил старался снова подчинить его своей воле и затормозить, но инерция неудержимо влекла его вперед, все быстрее и быстрее. Каждый шаг отдавался болью в мышцах и костях, заставляя зубы выбивать барабанную дробь. Кровь гудела в ушах.

Во время этого сумасшедшего рывка Джосселин один раз выстрелила. Пуля пролетела мимо. Хейм видел, как оружие описало дугу для более точного прицела. Ни бояться, ни надеяться уже некогда. У него нет ничего, кроме скорости. Однако она столь велика, что здравомыслящему человеку воспринять ее очень трудно. Охваченная паникой и душевной мукой, Джосселин промедлила со вторым выстрелом. Это была всего лишь доля секунды. Если бы все это происходило на Земле, нападавший, вне всякого сомнения, все равно получил бы пулю в лоб. Но здесь, прежде чем она успела нажать на спусковой крючок, Хейм пролетел мимо, выкинув в ее сторону руку. Выхватить автомат не удалось. Но его удар застал Джосселин врасплох, и ее оружие отлетело на несколько метров.

На горизонтальной местности Хейму наконец-то удалось притормозить, сначала до нормального бега, потом — до трусцы, а затем — до полной остановки. Он круто повернулся, но оказалось, что его удар не только выбил оружие из рук женщины, но и ее заставил упасть. Она еще только пыталась подняться. Хейм тяжело и шумно дышал, но услышал, что она плачет. Спотыкаясь, он побрел, чтобы поднять автомат.

Когда оружие оказалось в его руках, он оглянулся и посмотрел на остальных. Утхг-а-К-Тхакв сидел в куче щебня у подножия склона, видимо, не в силах подняться. Неподалеку от него стояли, полусогнувшись, двое. Один из них сжимал в руке лазер. Между ними без движения лежал третий, в разорванном и потемневшем скафандре.

Подняв автомат двумя руками, Хейм прицелился в эту группу и приготовился к стрельбе с двух рук.

— Андре! — позвал он охрипшим голосом. Его вдруг внезапно охватил ужас.

— Со мной все в порядке, — отозвался человек с оружием в руках. Его слова тотчас умчал ветер. — А вот Грегориса уже нет.

Хейм медленно потащился к ним. Сквозь запыленное стекло шлема погибшего ничего не было видно. Хейм с тоской подумал, что это и к лучшему. Луч лазера располосовал ткань скафандра и тело, после чего газы смешались и произошел взрыв. Все вокруг было забрызгано ярко-красной кровью.

Наквс вдруг издал какой-то ужасный звук, заунывный, похожий на вой.

— Г'ворру схука эктуруш, так вот что значит война? Мы такое дома — нет. Рахата, рахата.

— Должно быть, Брэгдон пришел в себя и выстрелил, когда Грегорис прыгнул на него, — мрачно сказал Вадаж. — От удара оружие выпало у него из рук. Я подобрал его и вернулся сюда, куда они скатились вместе. Тем временем Б. И. прижимал его к земле, чтобы он не натворил еще чего-нибудь.

Хейм долго смотрел на Брэгдона. Наконец он механически спросил:

— Какие-нибудь серьезные травмы?

— Нет, — так же механически ответил Брэгдон. — По крайней мере, у меня все кости целы. Голова болит.

Он заковылял прочь, опустил на землю и лег, закрыв локтем стекло шлема.

— Я считал, что мы сможем обойтись без этого, — сказал Вадаж, глядя на погибшего.

— Да, могли бы, — отозвался Хейм. — Но на войне всякое случается. Он хлопнул менестреля по плечу и пошел к Джосселин. Пот стекал по телу и хлюпал в ботинках. Хейм ощущал в горле и в груди какое-то стеснение, словно ему хотелось закричать, но он не мог.

Джосселин отшатнулась назад, когда Хейм спросил, все ли с ней в порядке.

— Я не причиню тебе зла, — сказал Хейм.

— Но я стреляла в тебя! — Ее голос был похож на голос испуганного ребенка.

— Это понарошку.— Он обнял ее и положил ее голову себе на грудь. Она зарыдала и долго не могла остановиться. Хейм терпеливо ждал, когда она успокоится, но делал это лишь из смутного чувства долга. Не то чтобы он возненавидел ее, нет, то место, где она была в нем, теперь занял странный вакуум, словно состоящий из пепла. Все его эмоции сейчас были связаны с погибшим другом, а разум заполнялся мыслями о том, что предстояло сделать.

Наконец он смог оставить Джосселин, когда она опустилась на землю и умолкла. Хейм пошел к разбитому флайеру. Его обломки и останки груза валялись кругом, создавая невообразимый хаос. Хейм нашел неповрежденную лопатку и несколько мачете и захватил их с собой.

— Начиная копать, Брэгдон,— сказал он.

— Что? — дернулся лежавший.

— Мы не собираемся бросать Грега Куманодиса, даже не похоронив его. Глубокую могилу вырыть не удастся, но... Принимайся за работу. Кто-нибудь сменит тебя, когда ты устанешь.

Брэгдон медленно, сантиметр за сантиметром, поднимался с земли.

— Что вы натворили? — завопил он.— Я не убивал этого человека. Это вы, вы убили его, с вашей безумной попыткой... попыткой чего? Неужели вы думаете, что вам удастся отбиться от нашего флайера?

— Нет,— ответил Хейм.— Я не собираюсь дожидаться здесь, когда он прилетит.

— Но... но... но...

— Не тарыхти. Займись-ка лучше делом.— Хейм дал ему лопатку, а сам продолжил разговор с Вадажем. Утхг-а-К-Тхакв вылез из щелки, встряхнулся и принялся помогать Брэгдону, откидывая землю в сторону своими когтистыми руками, словно ковшами.

— Ты о чем-то думал или просто пытался вернуть самообладание? — спросил венгра Хейм.

— Нет,— ответил Вадаж.— Какие-то туманные мысли о... не знаю о чем, наверное, просто мои предки никогда не сдавались без борьбы.

— Садись и давай посмотрим на наши бумажки.

В каждом скафандре имелся карман, забитый картами и другой местной информацией. О Строне из них можно было узнать не слишком много. Хейм развернул карту того района, в котором

они находились. Она затрепетала и зашевелилась на ветру. Хейм расстелил ее у себя на коленях.

— Грег бы понял, что означают все эти символы. Но посмотри,— он провел пальцем по контуру.— Эти горы — граница Кимрет, а это — река Морх. Это нам точно известно. Теперь смотри: гора Лохан помечена как самая высокая в северной цепи. Фактически, ни один другой пик не превышает по высоте ее соседей. Стало быть, тот старый вулкан и есть Лохан. Тогда мы где-то здесь находимся.

— Да,— голос Вадажа немного ожил.— Это — Роцца Венилвэйн на северном склоне Лохана. Около сотни километров по воздуху отсюда, как по-твоему? Я сомневаюсь, чтобы мы смогли выдержать такой длинный переход. Но если бы нам удалось добраться до дальних окрестностей, нас могли бы обнаружить патрульные машины с воздуха или кто-нибудь из охотников.

— Венилвэйн нас знает? Угу.— Хейм покачал головой.— Должен признать, что шанс очень слабый. Что это за районы, отделяющие нас от него? Ходячий лес, Машины-убийцы, Дым Грома.

— Ну-ка, я попробую...— Вадаж пролистал ничтожно тоненькую записную книжечку.— Нет, никаких пояснений. Конечно, ведь это только схема с пометками Грегориса и Чарльза, составленная ими на основе того, что они узнали за время общения с аборигенами. И наверняка они рассчитывали обработать информацию окончательно по возвращении домой. Так всегда делается.

— Я знаю. А Грега больше нет. Что ж, придется нам самим все это выяснять.

— А что с этими? — Вадаж указал на Брэгдона, с трудом ковыряющего землю. И на Джосселин, скрючившуюся в стороне.

— Боюсь, что придется взять с собой. С одной стороны, это озадачит и задержит на какое-то время их друзей, когда они никого не найдут здесь, а стало быть, даст нам время спрятаться. С другой стороны, нам нужна будет каждая добавочная пара рук, особенно когда мы доберемся до подножия гор.

— Постой,— Вадаж хлопнул ладонью по земле.— Гуннар, мы не сможем этого сделать. У нас есть воздушные рециркуляторы, но никакого запаса воды, кроме дневной нормы в этих флягах. Этого не хватит даже на то, чтобы развести порошкообразную пищу. А ты прекрасно знаешь, что если мы сумеем проходить по десять километров в день, то это будет фантастическая скорость.

Хейм поймал себя на том, что криво усмехается в ответ.

— Разве тебе никогда не приходилось делать подобный трюк? Мы постоянно будем находиться вблизи от природных источников, посмотри на эти голубые линии на карте. Так что не составит особого труда наполнить фляги: перевести лазерный пистолет в режим широкого луча низкой интенсивности и выпарить аммиак.

— Расходуя при этом энергию батарей,— возразил Вадаж.— В таком случае, кроме твоей пушки, нам нечем будет при необходимости защититься.

— Ерунда, Андре, с местными тиграми у нас не будет проблем. Мы для них столь же непривлекательны в качестве закуски, сколь они были бы неинтересны для нас. Главный наш враг — гравитация, враг номер два — дефицит пищевых запасов и медицинских препаратов; может появиться враг номер три — плохая погода, если нам суждено в таковую попасть.

— М-м-м...— ну что ж, тебе виднее. И все-таки мне бы хотелось точно знать, что это за «Машины-убийцы». Но... да, конечно, мы попытаемся это узнать. Сказать по правде, ты так меня обнадежил, что я даже, кажется, чувствую в себе силы покопать.

У них было не слишком много времени, едва хватило на то, чтобы наскрести немного земли, засыпать ею погибшего и прослушать «Патер ностер» в исполнении Вадажа. Затем они отправились в путь.

ГЛАВА 5

Пять дней по календарю Строна? Шесть? Хейм точно не знал. Кошмар длился слишком долго.

Поначалу все шло неплохо. Местность очень плавно поднималась вверх, покрытая редким лесом, который помогал путникам прятаться от тех, кто высматривал их с воздуха, и в то же время продолжать путь. Все находилось в довольно сносной физической форме. И что было уже совсем странно, броня их скафандров казалась почему-то эталоном легкости и компактности.

А между тем, вдобавок к весу скафандра и гравитации, каждый нес груз, превышавший его собственный вес на Земле. «Неплохо» означало в среднем чуть более одного километра в час. Затем местность пошла под уклон, и они очутились на склонах предгорий хребта Кимрет. Хуже всего было то, что к этому времени начали проявляться совокупные последствия нагрузки и перенапряжения. Это было не просто изнеможение. Не имея

изолирующей палатки, они не могли ни на минуту снять скафандры. Рециркуляторы нейтрализовали летучие побочные продукты метаболизма, но мало-помалу ничтожный процент этих вредных веществ, всякий раз ускользавший от химической сорбции, стал нарастать. Зловоние и зуд стали невыносимыми. Слишком много альдегидов, органической кислоты и другой дряни.

А высокая гравитация оказывала на сердце более тонкое и более пагубное влияние, чем простая перегрузка. Она приводила в полное расстройство хрупкий и очень точный баланс жидкостей в теле, баланс, выработанный за миллионы лет у существа, жившего на одной и той же планете меньшего размера. Плазма стала просачиваться сквозь стенки клеток. Кровь прилиwała к конечностям, и лодыжки опухали, в то время как мозг, лишенный тока крови, отказывался работать. На Строне этот процесс идет медленно, но идет.

Люди не протянули бы и трех дней, если бы в их аптечках не было медикаментов: граванола, кинестана, различных стимуляторов и обезболивающих. Однако лекарства вскоре должны были иссякнуть, и тогда останется, быть может, один день, в течение которого люди еще смогут идти дальше, прежде чем упасть и умереть.

«Чего ради все это, и стоит ли этого наша цель? — то и дело проскальзывала в голове Хейма неясная мысль. — Почему мы не вернулись домой? Теперь я уже не помню».

Мысли вновь смешались. Все остатки внимания надо уделить сизифову труду: поднять одну ногу, перенести ее вперед, опустить на землю, поднять другую ногу, перенести ее... Тем временем правое плечо пошло вниз, словно на него навалилась смертельная тяжесть.

«О, да, Джосселин», — вспомнил он как будто далекое прошлое. Все были вынуждены по очереди помогать ей двигаться вперед.

Джосселин споткнулась, и оба они едва не упали.

— Надо отдохнуть, — раздался ее нерешительный искаженный голос.

— Ты отдыхала всего десять минут назад... Пошли! — он грубо дернул за связывающую их импровизированную упряжь.

Пошатываясь и спотыкаясь, они продолжали путь в течение очередных пятидесяти минут. Когда они истекли, Вадаж окликнул: «Время!»

Люди опустили на землю и легли, распластавшись на спине и тяжело дыша.

Наконец Хейм встал на колени. В глазах у него немного прояснилось, и в голове шумело не так сильно. Он даже каким-то

краем сознания отметил, что окружающий пейзаж был великолепным.

К востоку горы, по которым он с таким трудом поднимался, резко устремлялись длинными хребтами и каньонами вниз, к необозримой подернутой дымкой долине. Мягкий свет вечернего солнца сменил их окраску — рыжевато-коричневую с каменными красными расплывчатыми пятнами в тех местах, где рос лес — на великолепный цвет тлеющего заката. Неподалеку ярко сверкал ручеек, извиваясь между валунами, чтобы потом разветвиться на несколько пенистых водопадиков, чей шум напоминал звон колокольчиков в неподвижном воздухе. Над образованными им озерами роились похожие на насекомых существа с радужными крылышками.

На западе горы высились черной громадой, освещаемой лучами заходящего солнца, которое словно бы зацепилось за их вершины. Снежный пик Лохан, красотой и совершенством напоминавший Фудзи, поражал своей неземной зеленовато-голубой окраской на фоне фиолетового неба. Вокруг него скалы отбрасывали густые тени, скрывая от глаз Хейма то, что ждало его впереди. Но он мог различить лес, до которого было чуть больше километра. С помощью полевого бинокля он определил также, что лес этот довольно густой, с подлеском и зарослями кустарников. Но обходной путь был бы слишком велик: даже в бинокль не видно было ни северной, ни южной оконечности леса, в то время как ширина его могла оказаться совсем небольшой.

Вадаж тоже смотрел в ту сторону.

— Мне кажется, на сегодня хватит, — сказал он.

— Еще рано, — возразил Хейм.

— Но солнце вскоре скроется за этим высоким горизонтом. А мы чертовски устали, и к тому же завтра нам придется продираться через эту чащобу. Хороший отдых для нас все равно что хорошее капиталовложение, Гуннар.

«Черт, мы и так спим по девять часов из восемнадцати!» — подумал Хейм, взглянув на остальных, почти не видя их лиц. Он уже научился легко узнавать их по скафандрам. Джосселин уже отключилась. Утхг-а-К-Тхакв был похож на блин, растекшийся по земле. Вадаж и Брэгдон сидели по-турецки, но согнув спины. В теле самого Хейма каждый нерв трепетал от страшного переутомления.

— Хорошо, — сказал он.

Есть особенно не хотелось, но он заставил себя развести водой немного порошка и протолкнуть эту кашу сквозь специальный шлюз для питания. Когда с этим было покончено, Хейм вытянулся на спине, насколько позволял рюкзак. Прошло

некоторое время, прежде чем он осознал, что спать не хочется. Изнеможение, боль и шум в голове — да, все это было, но желание спать отсутствовало. Он не знал, что тому виной: переутомление или зуд давно небритого лица.

«Боже мой, Боже мой, чего только не отдал бы я за душ, чистое белье и свежий воздух!»

Он отогнал от себя эту мысль. Положение и так было тяжелым, и лишний психологический риск был ни к чему.

Рывком поднявшись, он сел и стал смотреть, как гаснет свет на горе Лохан. Небо темнело, возвещая о близости ночи, на нем уже загорелось несколько звезд, и почти в самом зените неподвижно застыл маленький полумесяц внешней луны.

— Вы тоже?

Хейм повернулся, чтоб разглядеть говорившего. Рука Гуннара произвольно потянулась к пистолету. Рядом был Брэгдон.

Тот насмешливо улыбнулся.

— Спокойно. Слишком надежно вы нас обезоружили, обезопасили.

И спустя мгновение, добавил:

— Чтоб вам провалиться!

— А кто первый заварил эту кашу? — огрызнулся Хейм.

— Вы, еще тогда, в Солнечной Системе. Я слышал, что по мнению Иисуса, сама смерть является актом искупления. Быть может, когда мы умрем здесь, на Строне, вы частично искупите свою вину перед тем, кого нам пришлось здесь похоронить.

— Не я его застрелил, — процедил Хейм сквозь зубы.

— Данная ситуация возникла по вашей вине.

— Заткни свою глотку, пока я не дал тебе хорошего тычка.

— О, я не претендую на безгреховность. Я должен был организовать все более тщательно. Вся человеческая раса по уши погрязла в грехе.

— Прежде я уже слышал это высказывание, но я с ним не согласен. Человеческая раса — это не что иное как агломерат отдельных видов. Индивидуум ответственен за свои персональные поступки.

— В том числе, и за такие, как организация частных войн? Говорю вам, Хейм, этот человек был бы сегодня жив, если бы вы оставались дома.

Хейм украдкой бросил взгляд сквозь мрак. Он не мог ни разглядеть лицо Брэгдона, ни разобраться в нюансах искаженного голоса.

— Но послушай, — сказал он, — я мог бы обвинить тебя в убийстве с целью вмешательства во внешнюю политику. Моя экспедиция носит легальный характер. И возможно, у нее даже

больше сторонников, нежели противников. Мне страшно жаль Грега. Он был моим другом. Однако ему была известна вся степень риска, и он пошел на это добровольно. Умереть, сражаясь за стоящее дело, не самый худший способ смерти. Вы же слишком много на себя берете.

Брэгдон попятился назад:

— Хватит, молчите!

Хейм безжалостно продолжал долбить:

— Отчего вам не спится? Уж не Грег ли тревожит ваш сон? Не задумывались ли вы о том, что вашей шумливой породе ненависть придает больше сил, чем любовь? Не возникало ли у вас желание отрубить палец, нажимающий на спусковой крючок оружия, если оно нацелено на человека, пытавшегося сделать все что можно ради Земли? И хватит ли у вас сил назвать кого-нибудь убийцей?

— Подите вы к черту! — вскрикнул Брэгдон. — Подите вы к черту!

Он отполз на четвереньках от Хейма. В нескольких метрах он остановился, скрючился, и плечи его затряслись.

«Может быть, я был слишком жесток с ним, — подумал Хейм. — Он искренен... Плевать на это. Искренность — это одна из добродетелей, которую мы почему-то более всего склонны переоценивать».

Он снова прилег на мох и незаметно уснул.

Его разбудил восход, окрасивший гору Лохан в огненный цвет. С каждой зарей Хейм чувствовал себя все более закоченевшим, а собственная голова казалась ему пустой, но отдых все же помогал продолжать движение, заставляя преодолевать нежелание принимать пищу, и каждое утро начиналось с холодного завтрака и с кипячения свежей порции воды.

Брэгдон молчал как рыба, да и другие не особенно много говорили. Но когда начался долгий путь по направлению к лесу — целый километр вверх по горе, Вадаж запел:

Снова бьет барабан, начинается война.

Снова бьет барабан, начинается война.

Эт-ри, эт-ра, ра-па-та-план,

Начинается война.

Допев до конца, он перешел к «Римини», «Маршу через Джорджию», «Британским гренадерам» и «Из Сиртиса в Цидонию». Хейм, Джосселин, и даже Брэгдон подпевали ему задыхающимися голосами, и, может быть, Утхг-а-К-Тхакв подходил какую-то поддержку в маршевых ритмах и знакомых

образах Родины. Вскоре они добрались до леса, чувствуя себя гораздо лучше, нежели ожидали.

— Спасибо, Андре,— сказал Хейм.

— Ты ведь знаешь, это моя работа,— ответил венгр.

Прежде чем углубиться в лес, люди сделали короткий привал, во время которого Хейм более внимательно приглядывался к растительности. Издалека при свете восхода он видел, что лес пересекал горы неправильной линией, так четко ограниченной, словно он был искусственный. Поскольку северо-западный склон возвышался крутой стеной прямо над Хеймом, он заметил также странный маслянистый выброс почвы с этой стороны, огибавший склон и исчезающий за пределами зрения. Теперь же он находился слишком близко, чтобы увидеть что-либо, кроме самого барьера.

— Оказывается, не так уж много кустарников,— с удивлением заметил Хейм.— Всего лишь один вид. Что вы об этом думаете?

— Я не ксеноботаник,— пробурчал инженер.

Деревья были около четырех метров высотой. На Строне ничто не бывает слишком высоким. И толщиной они были не больше чем с человеческую руку. Но вдоль стволов, от корней до самой вершины, росли бесчисленные гибкие ветки, каждая из которых расщеплялась, в свою очередь, на множество побегов. Местами ветви переплетались так густо, что образовывали сплошную стену. Листья росли только на верхних ветках, но и те сплетались вверху в красноватую крышу, под которой подросток казался черным, как ночь.

— Тут нам без мачете не обойтись,— сказал Хейм.— Однако терять прежний ритм передвижения нельзя. Кто-то один будет рубить, на первый взгляд это не очень тяжело, в то время как остальные будут отдыхать. Начну я.

Он крепко сжал в руке нож.

Вжик! Вжик! Дерево было мягким, с каждым взмахом ножа ветки летели направо и налево. Мужчины сменялись каждый час, исключив из очереди Джосселин, и вскоре небольшой отряд углубился далеко в лес.

«А ведь прошла всего пара часов с тех пор, как рассвело»,— ликовал про себя Хейм.

— Смени меня, Гуннар,— попросил Вадаж.— Я уже весь мокрый как мышь.

Хейм поднялся и пошел к венгру вдоль узкого прохода. В нем было жарко и тихо. Сквозь листья сочился густой багряный сумрак, и уже в нескольких шагах ничего не было видно. Кругом шелестели ветки, упруго сопротивляясь проходящему человеку. Хейм взмахнул мачете, и почувствовал, как вибрация передавалась сначала ножу, затем запястью, потом — всему телу.

«Хм. Странно. Впечатление такое, будто зашевелилась вся эта переплетенная гуща».

Деревья вздрогнули и зашелестели. Однако ветра не было и в помине.

Джосселин взвизгнула.

Хейм резко обернулся. Вдоль его скафандра, извиваясь, наподобие змеи, ползла ветка. Что-то ударило его в спину. Он поднял мачете — и дюжина зеленых щупалец вцепилась ему в руку. Он рванулся и высвободил ее.

Гул землетрясения прокатился сквозь мрак. От толчка Хейм потерял равновесие и упал на одно колено. Удар отозвался в ноге острой болью. Дерево перед его глазами клонилось вниз. Нижние ветви растения, покрытые множеством отростков, коснулись земли и мгновенно зарылись в нее. Листья расщепились с треском, похожим на треск сучьев в горящем костре. Хейм успел мельком взглянуть на небо, но тут же стекло его шлема залепили ползущие по нему листья.

Хейм вскрикнул и взмахнул ножом. Вокруг него образовалось небольшое чистое пространство. Дерево высвобождало из земли свои корни. Тяжело вздыхая и вздрагивая, цепляясь за землю, оно неуклюже двинулось вперед.

Весь лес теперь был на марше. Поступь его не была быстрой — не быстрее, чем мог бы передвигаться на Строне человек, — но она была безостановочной. Хейм поднялся, с трудом продираясь сквозь ветви, но тут же снова упал на спутанный клубок зеленых щупалец. Сквозь скафандр и шлем он чувствовал их хлещущие удары. Пошатываясь, Хейм снова поднялся и попытался назад. Ствол дерева, укрепившись в горизонтальном положении, нанес ему удар прямо в живот. Хейм рыгнул и выронил мачете. Почти мгновенно нож исчез под зеленой массой, по мере того как ветви отрывались от земли, передвигаясь вперед, и вновь цеплялись за грунт. Хейм собрал все оставшиеся силы и бросился на них. Они сопротивлялись с демоническим упорством. Хейм сам не знал, как ему удалось высвободить клинок.

Сквозь треск и оглушительный шелест снова раздался крик Джосселин, в котором слышался смертельный ужас. Хейм упал на колени, пригнулся как можно ниже и лихорадочно огляделся. Сквозь качающиеся, кренящиеся стволы, извивающиеся подобно змеям сучья, цепляющиеся ветви, мрак и раскаленные добела копы солнечных лучей, он увидел ее. Она лежала на земле, пригвожденная двумя деревьями. Еще мгновение — и они раздробят ей кости или изорвут в клочья скафандр.

Клинок взлетел в руке Хейма. Издав боевой клич, он ринулся к женщине, словно воин, прорубающий ряды врагов.

Стволы и ветви вдруг стали вопреки всему совершенно негнущимися, словно они имели мускулы, которые теперь напряглись. Нож отскакивал от них, как от плотной и упругой резины. Из разрезов струей била какая-то липкая жидкость.

— Гуннар, помоги! — снова раздался в этой каше крик Джосселин. Наконец, разрубив последние оплетавшие ее лианы, он наклонился и помог ей встать.

— С тобой все в порядке? — он вынужден кричать, чтобы его было слышно в этом адском шуме. Она прижалась к нему и всхлипнула. Еще одно дерево, наклонившись, потянулось к ним.

Хейм, отстранившись, что было сил встряхнул Джосселин за плечи и прокричал:

— Эй! Сюда! Ко мне!

Извиваясь, к ним подполз Утхг-а-К-Тхакв, расчищавший своим телом путь для Брэгдона. Следом за ними появился и Вадаж, который умело лавировал и потому довольно быстро двигался среди этого хаоса.

— Джосс — в середину, — скомандовал Хейм. — Остальные — спина к спине вокруг нее. Удрать от этой дряни мы не сможем, оставаться здесь тоже нельзя. Мы бы вскоре окончательно выдохлись, если бы пытались просто удержаться на ногах. Вперед.

Его клинок поймал солнечный луч и ослепительно вспыхнул в нем.

Все, что последовало за этим, было сплошной рубкой, упорной борьбой, лавированием и бегством от движущегося кошмара. Сознание Хейма обрело какую-то холодную ясность; он смотрел на происходящее, находил решение и выбирал способ его осуществить. Сила, поддерживавшая его, исходила из какого-то внутреннего источника. Это было больше, чем просто страх перед смертью. Что-то внутри него восставало против мысли о том, что его кости могут навсегда остаться здесь, разбросанные среди этих шагающих троллей.

Брэгдон сдался первым.

— Я... не могу... больше... это... поднять, — простонал он, падая на землю. Зеленые щупальцы тотчас сомкнулись вокруг одной из его ног.

Утхг-а-К-Тхакв освободил его.

— Ну, становись в середину, — сказал наквс, — я сам, а вы, Лори, поддерживайте его.

Прошла, казалось, целая вечность — и вот уже Вадаж опустил свое мачете.

— Прошу прощения. — Голос его был едва различим в этом шуме. — Идите дальше без меня.

— Нет! — сказал Хейм. — Либо мы все выберемся отсюда, либо никто.

— Разреши мне попробовать, — робко попросила Джосселин, передав Вадажа на попечение Брэгдона, который к тому времени уже немного пришел в себя. Она взяла у венгра его нож. Ее удары были несильными, она использовала орудие скорее как лом, но этого оказалось достаточно, чтобы можно было расчищать себе путь.

И... солнечный свет, чистое небо, мох возле священного пика Лохан. По инерции они прошли еще несколько метров, прежде чем рухнуть навзничь.

Через пару часов Хейм очнулся. Некоторое время он, прищурясь, глядел в небо, на облака, отыскивая среди них всякие причудливые формы, как, бывало, делал во времена своего детства на Гее. Когда сознание полностью вернулось к нему, он сел и вполголоса выругался.

Деревья все еще двигались мимо них. Однако Хейму казалось, что это движение значительно замедлилось. На северо-западе, в направлении, противоположном их маршру, виднелся след из взрыленной земли. След этот уходил за пределы горизонта, но оттуда, покрывая его, уже появилось какое-то бледно-желтое пятно, это всходила новая поросль.

Утхг-а-К-Тхакв был единственным, кроме Хейма, кто тоже проснулся. Наквс подошел к нему и плюхнулся рядом.

— Ну что же, шкипер, теперь мы знаем, что такое «Ходячий Лес».

— Хорошо бы еще узнать, как это делается, — отозвался Хейм.

Отдых на время прояснил его сознание, и ответ вдруг возник как бы сам.

— Конечно, это лишь предположение, — сказал он через минуту, — но возможно, это происходит как-нибудь так: ультрафиолетовый солнечный свет делает химию растений дьявольски энергичной. Данному конкретному виду для роста необходимо нечто, быть может, какой-нибудь минерал. В тех местах, где геологические трещины обнажают его жилы, появляется лес.

— Вряд ли это минерал, — возразил Утхг-а-К-Тхакв. — Жизнь не может зависеть только от геологических случайностей.

— На большой планете геология играет роль намного более высокую, чем на планете земного типа, Б. И., — сказал Хейм. — Однако я согласен, что только на ее основе более-менее сложная экология вряд ли возникнет. Дай подумать... О'кей, скажем, существует некая бактерия, закладывающая основу для органической материи определенного вида в подходящих для этого условиях. Подобные отложения должны быть весьма многочислен-

ны и встречаться почти повсеместно. Эти деревья, допустим, могут разбрасывать споры, способные веками лежать в спячке, дожидаясь случая прорасти. Хорошо. Затем они с чудовищной быстротой поглощают питательную бактерию. Достигнув зрелости, такой «лесок» вынужден двигаться, поскольку почва под ним истощена. Репродуктивность слишком замедлена. Деревьям приходится передвигаться самим. Очевидно, стимулом к передвижению для них служит солнечный свет. Вспомни, они не шевелились до середины утра, а теперь, в полдень, начинают постепенно останавливаться.

— А что происходит, когда они съедают все отложения?

— Они погибают. Их останки уходят в почву. Постепенно все перерабатывается в необходимый для них продукт, и оставленные ими споры просыпаются. — Хейм скорчил гримасу. — Какого черта я пытаюсь изобразить из себя ученого?! Чтобы оправдать эту гадость? Я вынужден верить, что все это естественно.

— Мы прошли сквозь него и остались живы, — спокойно сказал Утхг-а-К-Тхакв, — разве этого недостаточно?

Хейм не ответил. Взгляд его обратился к западу, куда им еще предстояло идти. Видел ли он легкий султанчик тумана на нижних уступах Лохана? Расстояние было слишком большим, чтобы точно знать, что это не обман зрения. Но «Дым-Гора»? Что бы это ни было, беспокоиться об этом пока еще рано. Надо еще миновать район «Машин-убийц».

ГЛАВА 6

Еще два дня — двадцать километров. Если бы им пришлось идти не по ровному месту — пересекая плато у подножия Лохана, — им ни за что было бы не одолеть такое расстояние.

Это была мрачная усыпанная камнями местность, почти лишенная растительности, кроме редкого низкорослого желтоватого кустарника. Множество ручьев сбегало вниз, к Морху, и их журчание было единственным звуком, наполнявшим воздух. Лишь горы, окаймлявшие плато с трех сторон, да великодушный уносившийся высоко ввысь снежный пик оживляли пейзаж.

В первый вечер отряд расположился на ночлег, имея в поле зрения кратер. Его стекловидные стенки отсвечивали в лучах заходящего солнца красновато-коричневым цветом, похожим на запекающую кровь. Вадаж заметил, указывая на кратер:

— Я считал, что бесплодие данного района объясняется выщелачиванием почвы, которое было вызвано стекавшими сверху потоками. Теперь я вижу, что все как раз наоборот.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Хейм безразличным голосом.

— А то, что вся эта картина, как пить дать, оставлена хорошей бомбежкой. Должно быть, когда-то здесь находился большой индустриальный центр, который был уничтожен во время войны.

— И вы хотите, чтобы то же самое случилось на Земле! — впервые за два дня подал голос Брэгдон.

Хейм вздрогнул.

— Сколько еще можно объяснять? — сказал он, обращаясь больше к Джосселин, чем к Брэгдону. — Земля имеет космическую оборону. Ее невозможно атаковать, если только мы, попадая из одного кризиса в другой, не добьемся такого ухудшения дел, при котором обе стороны будут вынуждены построить флоты, достаточно большие, чтобы позволить себе потери при прорыве космической обороны. Все, чего я хочу — это устранить подобную возможность путем немедленного урегулирования конфликта между нами и алеронами. К несчастью, они не заинтересованы в разумном компромиссе. Поэтому наша задача — доказать им, что у них нет иной альтернативы.

— Бомбардировкой нельзя объяснить местного бесплодия, — прервал их Утхг-а-К-Тхакв. — Война здесь была три или четыре века назад по земному исчислению. Радиация давно исчезла. Восстановлению природы мешало что-то другое.

— О, к черту все это, — захныкала Джосселин. — Дайте поспать.

Хейм тоже лег. С каким-то смутным беспокойством он подумал о том, что надо бы назначить часового, но нет, все были так изнурены... С этой мыслью он забылся.

На следующий день люди увидели поодаль очертания двух металлических тел. Не было и речи о том, чтобы сделать крюк и рассмотреть их поближе, да и вообще, им и без того было чем заняться, занять ту часть сознания, которую они еще в силах были отвлечь от все более тяжелой работы по продвижению вперед. В поле зрения уже начала появляться оконечность плато. Между его краем и очередным уходящим вверх горным склоном была крутая насыпь, при ближайшем расстоянии оказавшаяся обсициановыми утесами. Они тянулись вправо и влево, гладкие, блестящие, не очень высокие, но совершенно неприступные в условиях местной гравитации без специального снаряжения, которым отряд не располагал. Чтобы обойти их — если вообще

существовало такое место, где они были более пологими — потребовалось бы несколько дней; а медикаментов, за счет которых люди еще были живы, не хватило бы на столь длительный переход.

Сплошная линия этого неприступного вала разрывалась лишь в середине охватываемого глазом участка. От подножия крутого откоса начиналась сплошная полоса плотного тумана, она поднималась на несколько километров вверх, похожая на гигантский белый столб; белые султаны, отрываясь от верхушки столба, четко выделялись на фоне голубого цвета неба, и по мере того как люди приближались к этому месту, все явственнее был слышен грозный рев.

— Это, должно быть, «Дым-Гора»,— сказал Вадаж.— На что все это значит?

— Район... не знаю, как это сказать по-английски,— отозвался Утхг-а-К-Тхакв.— Пшейка. Земля внизу горячая, и вода выкипает.

— Гейзеры и горячие источники,— сказал Хейм и прищелкнул.— Но я никогда не видел и не слышал, чтобы они достигали таких размеров. По сравнению с этим Желтый Камень или Кузница Карлика — все равно что булькающий чайник. Сумеет ли мы здесь пройти?

— Должны.— Утхг-а-К-Тхакв наклонил голову так, чтобы все его три глаза могли смотреть сквозь стекло шлема. Привычные к туманам его планеты, они до некоторой степени способны были видеть в инфракрасном спектре.

— Да-да. Утесы размыты. Проход идет под уклон, хотя он очень неровный и повсюду хлещет вода.

— И все же слава Богу. Высокая гравитация означает низкий угол естественного откоса. А как только мы доберемся до лугов, что находятся по ту сторону, у нас появится шанс встретить охотников или патрульных из Роши.— Хейм выпрямился.— Мы прорвемся.

Чуть позже он заметил, как среди кустов блеснула третья металлическая фигура. На сей раз она была так близко к их предполагаемому пути, что Хейм слегка изменил курс, с тем, чтобы пройти мимо. К тому же им все равно не было точно известно, где лучше заходить во владения «Дым-Горы».

Объект вырастал по мере того, как Хейм приближался к нему своим тяжелым шагом. Во время остановок Хейм обнаружил, что не может отвести взгляд от странного предмета. Когда же он наконец дотащился до того места, где стояло сооружение, ему захотелось убраться оттуда, и чем скорее, тем лучше.

— Древняя машина,— голос Вадажа был едва слышен из-за рева и шипения, доносившегося спереди.— Ее бросили после того, как упала бомба.

Процесс коррозии в местной атмосфере был очень замедленным. Краска облезла с металла, а тот, в свою очередь, заржавел, но все еще блестел в некоторых местах. Аппарат имел форму ящика около двух метров шириной и пяти высотой, верхушка которого была скошена по направлению к центральной оружейной башне. Можно было различить останки солнечной батареи вместе с радарной установкой. Несколько портов в корпусе и башне были закрыты, без всяких видимых признаков того, что их когда-либо открывали. Хейм раздвинул кусты и, посмотрев на основание машины, решил, что она передвигалась на воздушной подушке.

— Ничего себе дирижабль,— сказал он.— Насколько я понимаю, после войны эта телега опустилась на землю. В течение долгого времени в район Лохана нельзя было заходить. Те штуки, которые мы видели, должно быть, то же самое.

Джосселин вцепилась ему в руку.

— Идем отсюда, Гуннар! — умоляюще проговорила она.— Слишком уж это напоминает мертвые кости.

— Интересно бы знать,— заметил он, как всегда желая докопаться до истины,— почему металл бросили на произвол судьбы. Даже владея атомной энергией, аборигены на планете, лишенной огня, должны были бы бережно относиться к металлу.

— Может быть, табу? — предположил Вадаж.— Вероятно, эти обломки ассоциируются в представлении местных с чем-то кошмарным.

— Вполне возможно, хотя у меня такое впечатление, будто страны оглядываются на свою войну с гораздо меньшим ужасом, нежели мы, когда вспоминаем наш Обмен, а ведь Земля еще легко отделалась.— Хейм поправил давившую на плечи систему воздухообеспечения и рюкзак. — О'кей, пора двигаться дальше. Солнце уже низко, а меня что-то не привлекает перспектива ночевать среди призраков.

— Может быть, споешь нам что-нибудь, Андре? — попросила Джосселин.— Я бы тебя поддержала.

— Попробую.— Голос певца был усталым и разбитым, да к тому же нещадно искажался при попадании в атмосферу, но тем не менее он прокаркал:

Вдоль по дороге
К прекраснейшему Атти, ура, ура!

Помогая женщине идти, Хейм сначала не обратил внимания на слова. Но потом он внезапно осознал, что Вадаж поет вовсе не «Когда Джонни возвращается с победой домой», а суровую старую балладу ирландцев,— оригинал этой песни.

...где ноги, которые так быстро носили тебя,
Когда ты впервые взял ружье?
Да, теперь тебе уж больше не сплясать.
О, Джонни, тебя не узнать.
Враги со своими ружьями и барабанами,
И барабанами, и ружьями,
Чуть не убили тебя.
О Джонни, дорогой мой,
Ты стал теперь калекой,
Тебя не узнать!

Хейм взглянул на Брэгона. Вся его фигура выражала упрямую мысль: «Откуда этим дьяволам знать, что такое война?»

Рука Хейма, обтянутая перчаткой, непроизвольно сжалась в кулак, когда он подумал: «Я знаю! И я должен похоронить ее!»

У тебя нет руки, у тебя нет ноги.
Ты — безглазое, безногое, бесплодное яйцо.
Останется только положить тебя в миску
На паперти просить милостыню.
О, Джонни, тебя не узнать.
С их ружьями и барабанами,
И барабанами, и ружьями...

Слышать такую песню в этой мертвой местности было не очень-то приятно, но, быть может, Андре не имел выбора. Какой бы призрак ни витал над адской машиной, чересчур медленно отступавшей назад, его он тоже не оставил равнодушным.

Все молча радовались изнеможению, которое заставило их уснуть этой ночью. Однако Хейму сон не принес облегчения. Его мучили тревожные сны, и несколько раз он просыпался... от какого-то шума. Может быть, в этом были повинны гейзеры? Нет, что-то металлическое: скрип, треск, жужжание... Воображение, ничего больше. Хейм снова погрузился во тьму.

Рассвет был сырым от тумана, который ветром приносило от находившейся в каких-то трех-четырех километрах «Дым-Горы». Белые испарения стлались над землей, так что буквально в десяти шагах все тонULO в серой дымке. Небо над головой походило на аметистовую чашу, а на снежную шапку Лохана было больно

смотреть. Хейм протолкнул сквозь пищевой шлюз пригоршню концентратов и огляделся вокруг затуманенным взглядом. Где Джосс?

— Она ушла туда, — махнул рукой Вадаж. — М-м-м... пора бы ей уже вернуться назад, э?

— Пойду поищу ее, — вскинув на плечи рюкзак, Хейм заковылял в туман.

Вскоре он нашел ее, скрючившуюся в какой-то странной позе.

— В чем дело? — спросил Хейм.

Джосселин чуть заметно шевельнулась.

— Я не могу, — произнесла она тонким голосом.

— Чего не можешь?

— Пошевелиться. Не могу. Боль в каждом суставе, в каждой клетке. Идите дальше без меня. Вернетесь, когда найдете помощь. Я подожду.

Хейм опустился на четвереньки, стараясь равномерно распределить тяжесть на все четыре конечности.

— Ты должна идти с нами, — сказал он. — Мы не можем оставить тебя одну.

— Но разве со мной может случиться еще что-нибудь хуже этого? Да и вообще, не все ли равно?

Хейма охватили угрызения совести. Он обнял Джосселин и сказал как можно мягче:

— Джосс, я совершил ошибку, заставив тебя идти с нами. Надо было оставаться тебе, чтобы ты дождалась друзей... Но теперь поздно говорить об этом... И я не прошу у тебя прощения...

— Нет нужды, Гуннар. — Она склонила голову к нему на плечо.

— ...Но я еще раз повторяю, что ты должна сделать переход. Еще три или четыре дня.

При этом Хейм мысленно добавил:

«Дольше мы просто не протянем, потому что у нас кончатся все запасы»

Вслух же он продолжил:

— Потом можешь отдыхать, сколько тебе захочется.

— Отдыхать вечно, — выдохнула она. Капли стекли по стеклу ее шлема, словно слезы, но голос звучал почти безмятежно. — Когда-то я боялась смерти. Теперь она кажется мне прекрасной.

— Есть еще одна причина, вследствие которой ты не можешь оставаться здесь одна. Насколько мне известно, у тебя скоро должен начаться очередной цикл, так ведь? О'кей?

Он взял ее рюкзак и резервуар для отходов и закинул все это себе на спину.

— Гуннар! — запротестовала Джосселин. — Ты не можешь тащить еще и мою ношу!

— Да, к сожалению, твое дыхательное снаряжение я взять не могу. А остальное — какие-то несколько килограммов...

Новый вес придавил Хейма, словно глыба. Он с трудом поднялся и протянул Джосселин руки.

— Вставай! Алле ап!

Ветер сменил направление, и с севера послышался звук, который, как считал Хейм, почудился ему во сне. Лязг, грохот, стон — достаточно близко, чтобы перекрыть шум ветра.

— Что это? — пронзительно вскрикнула Джосселин.

— Не знаю. Давай пока не будем выяснять.

Хейм и сам почувствовал, как екнуло у него сердце, но затем с мрачным удовлетворением увидел, что Джосселин вскарабкалась на четвереньки, с трудом выпрямилась и пошла по направлению к лагерю.

Вадаж и Утхг-а-К-Тхакв тоже услышали странный шум и вглядывались в туманную мглу, тщетно пытаясь разглядеть его источник.

Брэгдон уже ковылял дальше, не дожидаясь остальных, погруженный в апатию, причиной которой была не только усталость. Все последовали за ним, воздержавшись от высказывания вслух предположений по поводу странного звука.

Солнце поднялось выше, и туман начал рассеиваться в его лучах. Водяные пары по-прежнему скрывали естественный проход между утесами, хотя наквс сказал, что может разглядеть некоторые детали наиболее близкой к берегу части. Люди видели только множество валунов — некоторые величиной с целый дом — и скалы поменьше, усеявшие последний километр перед началом подъема. Среди них бурлили горячие дымившиеся источники, превращая землю в грязь желтоватого, благодаря наличию серы, оттенка. В местах образования маленьких заводов этот оттенок менялся на красновато-зеленый, вероятно, здесь обитали какие-то микроорганизмы.

Грохот, преследовавший путешественников, усилился. Вадаж пытался запеть, но его никто не слушал, и вскоре он умолк. Люди шли вперед, тяжело дыша, пошатываясь, но делая остановки реже, чем им того хотелось бы.

Словно почувствовав что-то, Хейм внезапно обернулся и замер как вкопанный.

— О, небо! — выдохнул он, пораженный. Его спутники, услышав это восклицание, тоже остановились.

Между полосой тумана и ее источником видимость сохранялась на расстоянии около километра. И в конце этого отрезка

появилась машина, подобная той, которую они обнаружили предыдущим днем. Но помятый, потрепанный бурями каркас детектора все еще возвышался над оружейной башней, а корпус двигался... медленно, неуклюже, с болтающимися сломанными деталями, с фыркающим и дергающимся воздуховодом, сотрясаясь и грохоча, но он двигался за ними по пятам.

Джосселин с трудом удержалась от крика. Брэгдон буквально отпрыгнул назад. В голосе его звучал панический страх.

— Что это?

Хейм подавил вспыхнувший на мгновение и в нем самом страх.

— Брошенный вездеход, — сказал он. — Какая-то разновидность робота-автомата. Еще не совсем вышел из строя.

— Но он нас преследует! — дрожащим голосом воскликнула Джосселин.

— Вероятно, заданная ему программа предусматривала патрулирование в пределах данной зоны, и если он засекал какое-либо живое существо, он должен был... — Безумная надежда возникла в сознании Хейма, хотя здравый смысл отказывался воспринимать эту идею как осуществимую.

— Возможно, нам представится возможность прокатиться.

— Сакв? — удивленно квакнул Утхг-а-К-Тхакв. — Куда прокатиться? На тот свет?

Однако через мгновение он задумчиво протянул:

— Да-а-а, это возможно. Или по крайней мере, если там все еще исправно радио, мы могли бы...

— Нет. — Шлем чуть не свалился с плеч Вадажа, так он затряс головой. — Я не доверяю этой штуке.

Хейм провел по губам вдруг одеревеневшим языком.

— Мне кажется, эта штука движется быстрее нас, — сказал он. — Так что нам все же придется каким-то образом решить этот вопрос.

Внезапно решение пришло само собой.

— Подождите здесь, я вернусь назад и посмотрю.

Вадаж и Джосселин одновременно схватили его за руки. Он рывком вырвал их, проскрежетав:

— Черт побери! Я пока еще капитан. Не мешайте мне. Это приказ.

И он пошел назад. Боль в мускулах прошла, сменившись странным покалыванием и онемением. Сознание было неестественно ясным, он видел каждый сучок и каждый листок на жидких кустах вокруг, ощущал, как его ноги ударяются о грунт и как эти удары отдаются в голень и в колено, чувствовал свои собственные тошнотворные запахи, слышал, как за спиной гудят

гейзеры. Земля казалась бесконечно далекой, воспоминанием о какой-то иной жизни или просто сном о чем-то нереальном.

«Я боюсь,— мелькнула мысль и словно бы повисла над пропастью, через которую невозможно было перекинуть мост.— Эта машина пугает меня больше, чем что-либо виденное мною раньше».

Он продолжал идти. Больше делать ничего не оставалось. Решетка детектора, хотя и рывками, но вращалась, сфокусировав на человеке невидимую и неосязаемую энергию. Робот изменил направление с целью пойти наперехват. Несколько броневых листов оторвались и хлопали при передвижении машины. За ними сияла чернота. Все тело металлического монстра было охвачено проказой разрушения.

«Сколько лет он уже блуждает по этим горам? Зачем?» — подумал Хейм.

Орудийная башня повернулась. Крышка порта начала было открываться, но застряла на полпути. Внутри машины что-то заскрежетало. В передней части корпуса открылся другой люк. Из него выдвинулось тупое дуло орудия, заговорил пулемет.

Хейм увидел, как, не долетев какую-то сотню метров, пули взбили фонтанчики серой пыли. Он резко повернулся и побежал. Чудовище зарычало. Раскачиваясь на неустойчивой воздушной подушке, оно бросилось в погоню за человеком. Орудие бесновалось еще минуту, прежде чем остановиться.

«Машины-убийцы! — билось в голове у Хейма в такт тяжелым шагам и учащенному дыханию.— Роботы, оставшиеся от охраны чего-то, что находилось на месте того кратера, который мы видели. Их цель заключалась в том, чтобы убивать все движущееся. Но после того как ракета поразила цель, остались одни роботы, выполнявшие свою программу до тех пор, пока не выходили из строя, и вот теперь их осталось всего несколько штук, но они по-прежнему бродят по этим пустошам, и сегодня один из них обнаружил нас».

Добежав до своих спутников, Хейм споткнулся и, мешком упав на землю, с минуту лежал, задыхаясь. Вадаж и Утхг-а-К-Тхакв помогли ему подняться.

Джосселин повисла у него на руке и заплакала.

— Я думала, что ты умер. Я думала, ты умер.

— Так и было бы,— сказал Вадаж,— но взрывчатка в снарядах испортилась... Берегись!

Открылся еще один портик, и еще одна обойма была расстреляна. Сквозь красный туман в глазах Хейм вдруг заметил лазерный проектор, а лазеры, как известно, не стареют. Он схватил Джосселин и отдернул ее назад, заслонив собой.

Сверкающий луч был ярче солнца. Он ударил значительно левее. Кусты превратились в головешки и задымались. Следуя какому-то сумасшедшему курсу, луч испарил небольшую речушку, затем выпалил в небо и, мигнув, угас.

— Механизм наведения, — произнес Утхг-а-К-Тхакв. Впервые за все время голос его слегка дрогнул. — Износился так, что стал непригоден.

— Не настолько, чтобы промахнуться с близкого расстояния, — захныкал Брэгдон. — Он или пристрелит нас, или раздавит, или...

— Бежим!

Страх, охвативший Хейма в первое мгновение, прошел. Внутри он чувствовал какой-то странный холодный подъем. Это была не радость поединка с достойным противником, поскольку Хейм знал, насколько мизерным был его шанс. Это была полная боевая готовность всего организма. Решение словно бы выкристаллизовалось в его сознании, и он сказал:

— Не надо. Мы моментально выдохнемся. Эта гонка ведется шагом. Если мы сможем добраться до «Дым-Горы» или хотя бы до тех валунов прежде, чем туда долетят пули, у нас будет шанс спрятаться в укрытие. Нет, не сбрасывайте рюкзаки. Забрать их обратно нам не удастся. Пошли.

Они двинулись вперед.

— Может быть, спеть вам? — спросил Вадаж.

— Нет необходимости, — ответил Хейм.

— Я так и думал. Хорошо. Дыхание и в самом деле мне пригодится.

Хейм замыкал шествие. Сзади кашлял и стучал двигатель адской машины. Вновь и вновь Хейм вынужден был останавливаться и оглядываться, хотя из всех сил пытался не делать этого. С каждым разом смерть оказывалась все ближе. Старый-престарый, разваливающийся, полуслепой и полупарализованный механизм, который никогда не был живым и в то же время все никак не мог умереть, тряся на остатках своей воздушной подушки чуть-чуть быстрее, чем мог передвигаться на Строне человек. Издаваемый им грохот был похож на бесконечную металлическую агонию. Один раз Хейм заметил, как на ходу от корпуса отвалился лист обшивки, в другой раз — как покосился воздуховод и чуть не свалился на громоздкий корпус. Но он все двигался дальше и дальше. А спасительные скалы впереди росли с такой медлительностью, как в ночном кошмаре.

Джосселин начала спотыкаться. Хейм догнал ее, чтобы поддержать. Возможно, изменение цели вызвало включение какого-то реле в испорченном компьютере, это неизвестно, только

пулемет выплюнул новую очередь. Несколько пуль просвистели совсем рядом.

Брэгдон последовал примеру Хейма, поддержав женщину с другой стороны.

— Давайте я помогу...— задышавшись произнес он. Джосселин оперлась на них обоих.

— Нам... нам не успеть,— сказал Брэгдон.

— Мы должны,— сухо отозвался Хейм, боясь, как бы к Джосселин не вернулось то безразличие, которое охватило ее утром.

— Мы могли бы дойти... может быть... если бы передвигались без остановок. Вы могли бы, но не я. И не она. Нам надо отдыхать.

В воздухе повисли словно недосказанные слова Брэгдона.

— А преследователь в отдыхе не нуждается.

— Давайте все в воду, вон возле тех скал,— сказал Вадаж.— Ложитесь и пригните головы как можно ниже. Тогда, быть может, этот гад не заметит нас.

Хейм посмотрел в ту сторону, куда указывал венгр. Чуть левее от них у мутного озерца виднелась россыпь камней. Ни один из них не превосходил по своей величине человека, но... Над головой просвистел легкий артиллерийский снаряд, оружейный залп эхом отозвался от недостижимых утесов. Снаряд попал в большой булыжник, расколол его, но не взорвался.

— Ну что ж, давайте, попробуем,— согласился Хейм.

Шлепая по грязи, они добежали до озерца и легли животом вниз в неглубокую красноватую воду. Хейм предусмотрительно положил рядом с собой автомат, Вадаж — свой лазер. Такое оружие представляло собой довольно трогательное зрелище, будучи противопоставленным вооружению и размерам монстра. Но человеку свойственно с доверием относиться к средствам собственной защиты. Порыв ветра принес с собой водяную пыль «Дым-Горы» и бросил ее в лежащих людей. Хейм обтер стекло своего шлема и осторожно высунул голову из-за камня.

Машина стояла, не двигаясь. Изнутри раздавалось какое-то ворчание, орудия поворачивались то вправо, то влево, детекторы вращались по всей сфере.

— Боже правый,— прошептал Вадаж.— Да она и впрямь нас потеряла.

— Вода охлаждает наши скафандры, снижая интенсивность инфракрасного излучения,— так же тихо отозвался Утхг-а-К-Тхакв.— Быть может, мы находимся ниже уровня лучей ее радара, а может, оптические системы вышли из строя. Или система памяти развалилась на части.

— Если бы только... Нет.— Хейм опустил автомат.

— О чем ты подумал? — напряженно спросила Джосселин.

— Да вот, как бы нейтрализовать то, что осталось от детекторной решетки. Это можно было бы сделать с помощью лазера, видите тот оголенный силовой кабель? Только вот проблема: как подобраться достаточно близко, чтобы это чучело не засекло тебя и не пристукнуло.

Возникшая было надежда на то, что машина бросит поиск и уйдет — надежда, от которой замирало сердце, — рухнула. Робот начал двигаться по спирали, продолжая вести наблюдение. Хейм мысленно просчитал этот курс и пробормотал:

— Должен оказаться здесь не позднее чем через полчаса. Однако сначала ему придется немного удалиться в противоположную сторону. При этом мы несколько выиграем в дистанции. Будьте готовы подняться, как только я дам команду.

— Нам не удастся это сделать, — запротестовал Брэгдон.

— Не так громко, идиот вы этакий. Откуда мне знать, не сохранились ли у этой твари еще и уши.

Словно в ответ на это, робот остановился. Мгновение он медлил, как бы прислушиваясь к жужжанию собственных систем. Решетки радаров сделали полный оборот, наклонились, застыли... И машина продолжила свой путь по спирали.

— Видал? — с отвращением сказал Вадаж.— Давай, Брэгдон, вайлай дальше. Может быть, тебе еще удастся уничтожить нас. Тот издал в ответ какой-то приглушенный звук.

— Не надо, — умоляюще произнесла Джосселин.— Пожалуйста. Утхг-а-К-Тхакв еле заметно пошевелился.

— Я вот тут думал, — он рыгнул.— Вообще-то, мне тоже не верится, что мы сумеем добраться до укрытия. Но вот что интересно. Умеют ли машины-убийцы считать?

Вадаж удивленно уставился на него:

— Как это?

— По сути дела, терять нам нечего, — ответил наквс.— Давайте все сразу побежим, кроме одного, кто останется здесь с лазером. Если он сумеет подобраться к машине на расстояние в пределах досягаемости луча...

— Тогда этому дьяволу не составит никакого труда убить его, — закончил Хейм. Но надежда снова вспыхнула в нем.

«А почему бы и нет? — подумал он.— Что бы ни случилось, лучше умереть сражаясь. А быть может, еще удастся выжить».

— О'кей, — медленно произнес он вслух.— Давайте мне пистолет, и я преподнесу нашему другу приятный сюрприз.

— Нет, шкипер, — сказал Вадаж.— Я не герой, но...

— Разговорчики, — перебил Гуннар.

— Гуннар...— вырвалось у Джосселин.

Утхг-а-К-Тхакв выхватил пистолет из руки Вадажа.

— Сейчас не время для таких игр,— выкрикнул он.— Если бы не он, мы бы здесь сейчас не торчали, к тому же пользы от него — как это у вас говорится — как напитка от какого-то животного. Поэтому...— он бросил оружие Брэгдону.— Или, может быть, ты боишься?

— Дай сюда! — Хейм потянулся за пистолетом.

Брэгдон быстро отодвинулся.

— Эта штукавина там,— сказал он каким-то отсутствующим голосом.— Вот к чему ведет война. Подумай об этом, Хейм.

Барахтаясь в воде и иле, Вадаж попытался дотянуться до него. Хейм увидел, что робот снова остановился, прислушиваясь.

— Проваливайте отсюда! — заорал Брэгдон.— Если вы этого не сделаете, я сам покажусь ему.

Машина, ломая кусты, не обращая внимания на ручьи и камни, устремилась прямо к ним.

Спорить было уже некогда. Брэгдон поперется вперед, как круглый идиот, это уж точно. Хейм поднялся с громким чавканьем и всплеском.

— Все за мной! — крикнул он.

Одним рывком он вытащил Джосселин из озера, и они бросились бежать.

Впереди грохотала «Дым-Гора». Сзади хрипло фыркал двигатель и тарахтел пулемет. Водяной туман клубился перед глазами, оседая на стекла шлемов, слепил людей. Строн тянул их вниз, бросал им под ноги камни, месил грязь, чтобы ботинки увязали в ней. Хейм чувствовал, как бьется о ребра сердце. Он не мог бы сказать, кто из них кого больше поддерживал: он — Джосселин, или она — его. Сознание исчезло, остались только грохот, тяжесть и бесконечная головная боль.

Вадаж вскрикнул.

Хейм оперся спиной о валун и вскинул свой автомат. Но машина-охотник пока не собиралась атаковать.

Она была близко, ужасающе близко, когда крохотная по сравнению с ней фигурка Брэгдона появилась из засады. Человек подполз к железному чудищу, встал, широко расставив ноги, прицелился и выстрелил.

Ослепительно сверкнул лазерный клинок. В том месте, где он прикоснулся к корпусу, раскаленный добела металл шипел и плавился. Не прекращая огня, Брэгдон повел оружием в сторону силового кабеля.

Нечто похожее на рев быка раздалось из металлических недр робота. Брэгдон стоял на прежнем месте, похожий на карлика

рядом с его громадиной, и непрерывно вел огонь. В обшивке открылись все порты, которые еще в состоянии были открываться. Их орудия высунулись. Некоторые еще действовали. Хейм швырнул Джосселин на землю и сам бросился на нее сверху, прикрывая ее своим телом. Страшный луч ударил по валуну, у которого он только что стоял, превратив камень в пыль.

Брэгдон был недосыгаем для орудий, поскольку стоял в мертвой зоне. Машина, лязгнув, двинулась вперед. Брэгдон рассек силовой кабель детектора.

— Беги, Виктор! — заорал Вадаж. — В сторону с его пути, скорее!

Брэгдон повернулся и, споткнувшись, упал. Робот прошел прямо через него.

И двинулся дальше, стреляя и стреляя — целый смерч из пуль, снарядов, лазерных лучей, ядовитых газов, — последний оргазм разрушения. Бесчувственная, безмозглая, лишенная будущего машина-убийца ковыляла теперь прямо на юг, поскольку судьбе было угодно, чтобы ее заклинило именно на этом направлении.

Хейм поднялся и побежал к Брэгдону.

«Может быть, с ним ничего не случилось, — с надеждой думал он. — Воздушная подушка распределяет вес по большой площади равномерно».

Брэгдон не шевелился. Хейм подбежал к нему и остановился.

Сквозь шум воды и грохот удаляющегося чудовища до него донесся слабый крик Джосселин:

— Я иду, Гуннар!

— Нет! — крикнул он в ответ. — Не надо!

В днище железного панциря были встроены острые лопасти. Должно быть, они двигались то вверх, то вниз, выравнивая землю на несколько сантиметров вглубь. Хейм не хотел, чтобы Джосселин увидела то, что лежало теперь перед ним.

ГЛАВА 7

Из-под земли словно бы раздавался грохот барабана: это пары вырывались из сернистого конуса. Вверх ударила струя, образовав гигантский белый столб, увенчанный шапкой густой пены. Рядом с ним такой же столб вдруг начал опадать и затем пропал вовсе, но другие били повсюду, куда ни кинешь взгляд, среди нагромождения черных камней и непроглядных занавесей водяного

тумана. Никаких видимых направлений. Хейм на ощупь пробирался в этом хаосе. Вода булькала под ногами, он вновь и вновь подскальзывался на мокрых камнях. Внутри скафандра тоже все было влажным, пот разъедал кожу.

— Странно,— подумал Хейм, с трудом отвлекая сознание от чудовищной усталости, сотрясавшей все тело,— странно, что легкие словно бы горят сухим огнем.

Он слышал тяжелое дыхание Джосселин, тащившейся рядом с ним. Половина его сил уходила на то, чтобы помогать ей идти. Больше он не слышал ничего, кроме звуков, издаваемых титаническими силами, бурлившими вокруг них. Впереди маячили внушительные очертания Утхг-а-К-Тхаква, прокладывавшего путь. Вадаж плелся в хвосте.

Постепенно стало смеркаться, по мере того как солнце садилось за горами, возвещая, что день, отмеченный возведением каменной пирамиды над новым погибшим, подходит к концу.

«Мы должны идти,— звучала в голове у Хейма идиотская фраза.— Должны идти. Должны идти.— А откуда-то из глубины сознания всплывало: — Зачем?»

Ради той борьбы, в которую он намеревался прежде вступить? Она утратила всякое значение. Единственная реальная борьба была здесь, сейчас, против этой жестокой планеты. Тогда, может быть, ради Лизы? Чтобы не оставлять ее круглой сиротой? Но не была ли она фактически таковой, даже тогда, когда они жили под одной крышей? И к тому же, ему все равно суждено самой природой выполнить свой долг по отношению к тем, кто находится у него в подчинении? Это было уже ближе к цели, поскольку затрагивало что-то в его душе. Однако мог ли он считать себя теперь командиром, если его бортинженер в этих адских условиях видел лучше и двигался увереннее, чем любой человек?

Вскоре эти мысли развеялись, словно водяной дым гейзеров. Смерть принялась соблазнять Хейма обещаниями сна. Однако животный инстинкт не позволил ему, клянуть на эту приманку. Он выругался про себя и продолжал идти.

Впереди показался грязевой бассейн, на горизонтальной поверхности которого вздымались большие пузыри. Дальний берег его представлял собой нагромождение камней. Среди них хлестала вода, струи которой, попадая в бассейн, взрывались облаками пара.

Утхг-а-К-Тхакв жестом дал понять остальным, чтобы они подождали, а сам плюхнулся на брюхо и пополз вперед. Предательская минеральная корка могла в любой момент провалиться, и тот, кто упал бы в один из таких котлов, сварился бы заживо прежде, чем остальные успели бы вытащить его оттуда.

Джосселин, воспользовавшись остановкой, ничком легла на землю. Быть может, она уснула, а может, потеряла сознание — теперь между тем и другим особой разницы не было. Хейм и Вадаж остались стоять. Чтобы подняться снова пришлось бы сделать слишком большое усилие.

Утхг-а-К-Тхакв, еле заметный среди облаков вокруг горной вершины, махнул рукой. Хейм и Вадаж взяли Джосселин за запястья и подняли ее. Капитан шел впереди, согнувшись, чтобы видеть в серой мягкой оседавшей пыли следы их проводника. Разгибался он лишь для того, чтобы, помогая себе руками и ногами, перебраться через высокие нагромождения камней. Часто небольшой кусочек «берега» отрывался и с глухим звуком падал в грязь. Лучше всего было идти здесь по одному, но эта мысль возникла в его голове с затуманенным сознанием не сразу. Малейший неосторожный шаг — и...

— Гуннар!

Он круто обернулся и чуть не попал в тот же самый небольшой обвал, в котором очутилась Джосселин.

Каким-то образом ему все же удалось удержаться на ногах, отскочив в сторону сквозь горячий туман. Камни выворачивались у него из-под ног, и тотчас в этом месте начинала струей бить вода. Для Хейма сейчас не существовало ничего, кроме необходимости удержать Джосселин, не дать ей сползти в бурлящий котел внизу.

Она отчаянно молотила ногами и цеплялась руками за берег, увлекая за собой все больше камней, часть из которых обрушивалась прямо на нее.

Прыжками спускаясь вниз, Хейм добрался до края котла. Его ноги тотчас утонули в иле. Здесь еще было не слишком горячо. Но даже если бы было наоборот, он бы не заметил. Камни, скатившиеся вниз быстрее Джосселин и тотчас утонувшие, послужили опорой для ног. Хейм встал на них, постаравшись закрепить как можно лучше.

Камни рушились на него, вокруг него. Он схватился руками за воздушный циркулятор Джосселин и превратился в монолит.

Когда земля перестала сползать вниз, Хейм стряхнул с себя грязь и упал рядом с Джосс. Вадаж увидел, что угроза миновала, перестал торопиться и, двигаясь уже более осторожно, спустился к ним. Вскоре туда же подошел и Утхг-а-К-Тхакв.

Через несколько минут Хейм очнулся. Первое, что он осознал, придя в себя, был голос наковса, до жути напоминавший бульканье кипящего чайника:

— Для нас это большой урон. Сможем ли мы выжить без него?

— Джосс,— пробормотал Хейм, пытаясь подняться. Вадаж ему помог. Некоторое время он опирался на плечо венгра, пока силы частично не вернулись к нему.

— Гала Истеннек! — раздалось сзади радостное восклицание. — Ты не ранен?

— Со мной все в порядке,— ответил Хейм. Собственный голос был чужим, тело казалось ему одной большой раной, кровь сочилась из ссадин. — А что с ней?

— Как минимум, сломана нога. — Пальцы Вадажа коснулись того места, где берцовая и бедренная кости образовывали странный угол. — Что еще, не знаю. Она без сознания.

— В скафандре у нее повреждений нет,— сказал Утхг-а-К-Тхакв.

«Первая нелепость, которую я от него услышал,— мелькнуло в голове у Хейма. — Если бы скафандр потерял герметичность, не было бы нужды беспокоиться о костях».

Он отодвинул Вадажа в сторону и нагнулся к Джосселин. Очистив от грязи стекло ее шлема, он смог рассмотреть в угасавшем свете солнца лицо женщины. Веки ее были сомкнуты, губы полуоткрыты. Кожа бледная и покрытая капельками пота. Хейм испугался, увидев, как ввалились ее щеки. Приложив наушник к ее микрофону, он едва смог засечь дыхание, частое и неглубокое.

Хейм медлил, стоя на коленях. Чтобы отсрочить принятие решения, он спросил:

— Кто-нибудь видел, как это случилось?

— Камень вывернулся у нее из-под ноги,— ответил Вадаж. — Она покатилась вниз, и половина склона поехала за ней. Должно быть, почву дестабилизировал какой-нибудь недавний подземный толчок. Не могу понять, как тебе удалось так быстро добраться до низу и не упасть при этом.

— Какая разница! — резко ответил Хейм. — Она в шоке. Не знаю, вызвано ли это одним только переломом. Прежде всего, она очень ослабла. Могут оказаться и более тяжелые травмы, например, что-нибудь с позвоночником. Всякие передвижения сейчас очень опасны для нее.

— Что же тогда нам делать? — спросил инженер. Хейм понял, что командование вновь перешло к нему.

— Вы пойдете дальше вдвоем,— сказал он. — А я останусь с ней.

— Нет! — произвольно вырвалось у Вадажа.

В голосе Утхг-а-К-Тхаква слышались теперь лишь жалкие остатки его обычного педантизма.

— Ты не сможешь оказать ей никакой помощи, поскольку вы оба замурованы в своих скафандрах. А нам лишняя пара рук будет крайне необходима. Нам предстоит трудный переход.

— В таком состоянии, в каком я теперь нахожусь, я стал бы для вас скорее помехой, чем помощью,— сказал Хейм.— Да и ее нельзя оставлять одну. Вдруг обвал повторится, или уровень этого чертова болота поднимется?

— Капитан, она обречена. В бессознательном состоянии она не сможет принимать граванол. А без него, да еще в шоке, быстро наступит остановка сердца. Самое гуманное по отношению к ней — сейчас же открыть шлем.

Ярость и боль утраты поднялись в Хейме.

— Замолчи, ты, хладнокровный ублюдок! — заорал он.— Ты привел Брэгона к гибели, и сделал это нарочно. Хватит с тебя и этого.

— Г'вурру,— всхлипнул наквс и отодвинулся от Хейма.

Злость исчезла, и вместо нее возникла пустота.

— Прости меня, Б. И.,— понуро сказал Хейм.— Я совсем забыл, что твое мышление не такое, как у нас. Ты не желаешь ничего плохого. Просто инстинкты людей не столь практичны, как твои.— Он усмехнулся.— Однако, если хочешь быть практичным, не забудь, что у вас еще около часа, прежде чем станет совсем темно, так что не теряйте время. Идите.

Вадаж долго смотрел на него, прежде чем спросить:

— Если она умрет, что ты будешь делать?

— Похороню и буду ждать. Если сидеть не двигаясь, то можно растянуть запас воды из этих фляг на несколько дней. А лазер вы возьмите с собой, потому что вам без него не обойтись.

— А ты, значит, останешься совсем без защиты. Нет, это глупо.

— У меня останется автомат, если тебе от этого полегчает. А теперь идите. Мы еще похлещем вместе с вами пивка.

Вадаж сдался.

— Если не на корабле,— сказал он,— то в раю. Пока.

Они молча обменялись рукопожатием. Менестрель и инженер начали подъем. Неподалеку один из гейзеров выплюнул струю воды, по ветру поглынул пар, и их фигуры исчезли из вида.

Хейм устроился поудобнее.

«Ну вот тебе и возможность поспать»,— подумал он. Но это желание, как назло, исчезло. Он проверил дыхание Джосселин — никаких изменений — и растянулся возле нее, положив свою руку в перчатке на ее руку.

Пока они таким образом отдыхали, в голове у него немного прояснилось. Совершенно спокойно, без малейшей примеси

волнения или отчаяния он взвесил вероятность спасения. Она была невелика. Ну, а для Джосс, если отбросить в сторону иллюзии, эта вероятность вообще равнялась нулю. Для них троих — пятьдесят на пятьдесят. Вадаж и инженер должны выйти из «Дым-Горы» примерно к вечеру следующего дня. Затем им потребуется еще два дня (допуская, что они, измотанные вконец, смогут в течение дня обойтись без допингов), чтобы пересечь высокогорные луга и добраться до замка Венилвэйн. До него все еще было очень далеко, но обитатели Рощи очень часто забредали довольно далеко от дома в поисках добычи. Без сомнения, время от времени они даже летали над землей машин-убийц, направляясь к равнинам и морю.

— Хм, да, вот почему они до сих пор не тронули роботов. Даровая защита. Вот что значит идеология плотоядных.

Если бы они могли задержаться там, возможно, их обнаружили бы уже несколько дней назад. Но задержаться они не могли. Поэтому Джосс придется умереть в этом мокром аду, под солнцем, свет которого дойдет до Земли не раньше чем через столетие, до Земли, в чьих лесах она когда-то гуляла, в чьих лесах играла на флейте, пока он не напугал ее, начав нести страшную чушь.

По мере того, как солнце постепенно угасало в тумане, Гуннар Хейм раздумывал над своей виной по отношению к этой женщине.

Это он заставил ее идти вместе с ними. Но сделал это только потому, что если бы она осталась на месте «крушения», она предала бы его надежды, связанные с судьбой родной планеты.

— А ты уверен в этом, парень? — мысленно задавал он себе вопрос. — И вообще, откуда тебе точно знать, что выбранный тобой путь — это именно тот путь, который и нужен?

Подобная ситуация не возникла бы, если бы не заговор, участницей которого являлась Джосселин. Тем не менее, заговор этот явился следствием осуществленных прежде им самим тайных проектов.

Хейм отступился от решения этой головоломки. Ответа не было, а он не относился к числу тех людей, которых всякая неясность способна довести до безумия. Он знал одно: если время, проведенное на борту «Поиска» и не вполне соответствовало тем мечтам, которые он когда-то похоронил, оставаясь верным памяти Конни, все равно это было больше, чем он заслуживал, и если Джосс умрет, этот свет навсегда останется в нем.

«Хлюп, хлюп», — раздавалось из грязевого котла внизу. Горячий родник забурлил громче. Гейзер ревел в сгущавшейся темноте, рев этот эхом отдавался от невидимых стен, и струи воды били среди призрачных теней огромных валунов. Такая же

тяжелая, как его собственное тело, опиравшееся о жесткое каменное ложе, на мир опустилась ночь.

Тьма немного рассеялась, когда взошла ближайшая луна, почти в полной своей фазе, круг которой превосходил по величине земную Луну, сверкая металлическим блеском. Хейм ненадолго задремал, потом проснулся и увидел ее прямо над собой. Диск окружало слабое свечение, следствие диффузии в верхних слоях туманов. Но большая часть неба была открыта, и можно было разглядеть звезды. Нижние слои смога, мертвенно-белые, разливались по глубокому узкому ущелью «Дым-Горы».

Хейм сонными глазами пытался опознать отдельные солнца. Быть может, вот то, рядом с призрачной вершиной Лохана — Акернар? Если это так, то забавно смотреть отсюда на эмблему его давней победы.

«Интересно, не смотрит ли на него сейчас и Синби,— подумал Хейм.— Где бы он ни находился».

Однако лучше проверить состояние Джосс. С этим намерением Хейм оторвался от камней своим затекшим телом.

Но что это?

Что это?

То, что он увидел, поразило его, словно громом. Мгновение он не верил своим глазам. На фоне луны обрисовался длинный вытянутый клин...

Строны на пути домой, в Рощу?

Хейм стремительно вскочил:

— Хей! Хэлло! Вы, там, наверху, спускайтесь, помогите, помогите, помогите!

Собственный крик заполнил его шлем, заставив вибрировать барабанные перепонки. Обжег ему гортань и умолк в многометровом слое встревоженного шумом воздуха. Человек принялся махать руками, ясно понимая, что испарения, наполнявшие ущелье туманов, делали его невидимым с такой высоты, и увидел, как крылатые тени миновали лунный диск и исчезли в темноте. Какой-то звериный крик вырвался из горла Хейма, он проклинал всех богов вселенной, потом схватил автомат и принялся палить в небо.

Но этот тихий треск тоже был все равно что ничего. А из дула не показалось ни единой, даже малюсенькой, вспышки. Хейм поднял бесполезное оружие, способное лишь на то, чтобы убить Джосс, и швырнул его в грязь.

Рука его бессильно упала. Металлический лунный свет, казалось, пронзил ему череп, и он вдруг мгновенно застыл, превратившись весь в предельно ясное сознание, вырабатывавшее план действий.

Терять времени было нельзя. Эти крылья стремительны, как сам ветер. Хейм присел на корточках, отстегнул свою систему воздухоснабжения и, ставив ее со спины, положил перед собой. Клапан его шланга, подсоединявший систему к скафандру, открылся легко, но муфту что-то заедало. А у Хейма не было плоскогубцев. Вся его оставшаяся сила сосредоточилась в руках. Резьба подалась, и аппарат был отсоединен.

Теперь в распоряжении Хейма остался лишь воздух, содержащийся внутри его скафандра. Реперкуляция зависела от давления из запасных резервуаров. Хейм расколол их клапаны. Земной воздух, находившийся в сжатом состоянии, получивший свободу, устремился вверх.

Теперь смесь надо было поджечь, но у Хейма не было лазера. Не обращая внимания на возможность рикошета прапнели, он положил дуло автомата на баллон и нажал спусковой крючок. Раздался взрыв и, одновременно с ним, — страшный гул. Смесь вздрогнула — и воздушный столб превратился в пылающий факел.

Его свет в сиянии луны был тускло-голубым. Хейм крепко держал резервуар системы одной рукой, другой размахивая в воздухе.

— Пожалуйста! — кричал он. — Пожалуйста, посмотрите сюда, она умрет, если вы этого не сделаете. — Какой-то дальней частью своего сознания он заметил, что плачет.

Огонь угас. Хейм нагнулся над шкалой давления, пытаясь разглядеть ее в безжалостном лунном свете. Ноль. Все.

Нет. Стоп, это был не чистый ноль. Оставалось еще три абсолютных атмосферы. Просто водород проникал внутрь быстрее, чем выходил наружу кислород. Взрывчатая смесь? Хейм подтянулся и, цепляясь за камни, положил резервуары за большой валун. Перегнувшись через него, он выстрелил прямо в опустевший баллон и бросился ничком на землю.

Пламя вновь вспыхнуло ярко-алым цветом, раздался яростный грохот, раскаты которого эхом прокатились по ущелью, визгливо запели разлетающиеся во все стороны осколки камней, заскрежатали другие камни, принимая на себя этот град, и все стихло, словно ничего и не было. Хейм осторожно поднялся.

Бесконечная тишина обрушилась на него. Он сделал все, что мог. Теперь оставалось только ждать, а остаться в живых или умереть — как решит судьба. Он вернулся к Джосселин, послушал ее дыхание и лег рядом с ней.

— Я должен испытывать беспокойство, — смутно подумал он. — Но я его не испытываю. Значит ли это, что мой воздух уже

отравлен?... Нет, если не двигаться, я смогу протянуть еще час или около того. Просто я... вымотался до предела.

Взгляд его обратился к луне, мысли — к Конни. Он не верил в загробную жизнь, но сейчас у него было такое ощущение, словно Конни где-то совсем рядом.

— Эй, привет,— прошептал он.

И воздух вдруг запел, небесная бездна ринулась вниз на своих черных крыльях, и эти крылья, подобные крыльям летучей мыши, затмили луну. Сверкнуло оружие, стая сделала круг в поисках врага, блистая острыми клыками, и дьявольские тени опустились на землю.

Но, увидев открывшуюся перед ними картину, они повели себя вовсе не как дьяволы. Один из воинов что-то пролаял в миниатюрный передатчик, который имелся у него при себе. Не прошло и нескольких минут, как рядом опустился летательный аппарат, присланный из Роэи. Джосселин с материнской заботой подняли и положили на носилки, а те, в свою очередь, погрузили в машину. Серый, как волк, Венилвэйн собственноручно подсоединил к скафандру Хейма кислородные резервуары. Флайер взмыл вверх и, словно копье, брошенное сильной рукой, устремился на восток, по направлению к Орлингу.

— Но... послушайте... янгир кетлеф...— Хейм прекратил свои жалкие попытки рассказать строкам с помощью нескольких известных ему фраз об Андре и Б. И. Да это, в общем, было сейчас уже не столь важно. Скоро он будет на своей яхте, Янг переведет и передаст по радио все нужные сведения, и двое путников будут найдены не позднее чем на рассвете. Хейм уснул с улыбкой на губах.

ГЛАВА 8

В каюте было тихо. Кто-то, так, чтобы ей было видно, повесил на переборке новую картину: пляж, вероятно, на Таити. Волны сапфирового океана, отороченные кружевами пены, омывали белый песок. На переднем плане легкий земной ветерок колыхал пальмовые ветки.

В каюту вошел высокий человек, и Джосселин опустила книгу, которую держала перед собой. Лицо ее залил румянец.

— Гуннар,— произнесла она очень низким голосом.— Тебе не следовало вставать.

— Наш медик не будет против, если я проваляюсь в постели до конца своей жизни, — ответил Хейм. — Но пошел он к дьяволу. В конце концов, надо же мне было проститься с тобой перед твоим отъездом. Как ты себя чувствуешь?

— Нормально. Конечно, слабость пока еще не прошла, но доктор Сильва говорит, что я быстро иду на поправку.

— Я знаю. Мы с ним беседовали. Ферментальная терапия — это просто чудо, а? — Хейм сделал паузу, придумывая, что бы еще сказать. Но ничего подходящего в голову не приходило. — Я рад.

— Да сядь же ты, идиот!

Хейм подтащил кресло к ее кровати и сел. Даже после полета во флайере он чувствовал ужасное головокружение. Должно быть, нужно, чтобы прошло еще несколько дней, прежде чем его силы полностью восстановятся. Висевший у него на бедре пистолет зацепился за натянутую консоль. Вполголоса выругавшись, он освободил оружие.

Джосселин не могла сдерживать улыбки.

— Совсем не обязательно было брать это с собой. Никто не собирается тебя похищать.

— Что ж, надеюсь, что это так. Считаю, что это для страховки. Ее улыбка угасла.

— Двое хороших парней погибли, остальные прошли через далеко не лучший эпизод в своей жизни. Мне жаль, что это случилось, но на войне всякое бывает и не стоит принимать это чересчур близко к сердцу.

Ее взгляд напоминал ему взгляд маленького зверька, загнанного в ловушку.

— Ты мог бы предъявить обвинение в убийстве.

— Бог мой, — воскликнул он. — За какую же свинью ты меня принимаешь! Мы все вместе вылетели в поле, наш двигатель заглох, после чего произошло крушение, во время которого один человек погиб, и, направившись в горы в поисках помощи, мы потеряли еще одного. Если твои люди будут придерживаться этой версии, то мои и подавно.

Тонкая рука украдкой придвинулась к его руке. Он взял ее. Карие глаза Джосселин взглянули на него. Оба молчали.

Когда Хейм почувствовал, что больше не выдержит, а нужные слова так и не пришли, он сказал:

— Вы стартуете на рассвете, так?

— Да. Ученые — те, которые не знали об истинной цели экспедиции — хотели остаться. Но капитан Гутьерц отверг их предложение. Нам здесь больше делать нечего.

Вдруг она быстро спросила:

— Сколько вы здесь еще пробудете?

— Примерно в течение одной земной недели, пока не будут подогнаны новые ракетные установки. Конечно, мы еще потеряем время на то, чтобы выбраться из этой планетарной системы. Ложь придется выпроводить нас, и нам будет позволено вооружиться боеголовками лишь после того, как мы окажемся за пределами их зоны обороны. И все же я рассчитываю, что мы выйдем на финишную прямую не позднее чем через десять дней.

И снова пауза, вновь их взгляды встречаются и тут же расходятся.

— Что ты собираешься делать дома? — опять попытался нарушить тишину Хейм.

— Ждать тебя, — ответила она. — И молиться за тебя.

— Но... нет, послушай, а как же твоя политическая деятельность?

— Это уже не имеет значения. Но я не изменила своих взглядов... или изменила? Трудно сказать.

Свободной рукой она смущенно потерла лоб. От этого движения волосы шевельнулись, обнажив ссадину среди каштановых прядей.

— В принципе, я не считаю, что была не права, — продолжала она немного погодя. — Может быть, однако, что на деле это было именно так. Но это больше не имеет значения. Видишь ли, ты перевернул вселенную. Хейм, Земля доверила свою судьбу тебе.

— Нонсенс! — Его лицо зарделось. — Одному кораблю?

— Но капитаном которого являешься ты, Гуннар.

— Благодарю, но... но ты преувеличиваешь мои возможности и... Постой, Джосс, мне кажется, дома тебе все же будет чем заняться. Тамошние настроения могут зайти слишком далеко в противоположную сторону. Каждый, кто в своем уме, меньше всего на свете стремится к крестовому походу. Ты должна постоянно говорить им, напоминать, что в конце концов мирные переговоры состоятся, и чем разумнее мы будем на них себя вести, тем больше шансов будет на сохранение мира. О'кей?

Хейм видел, что дать ответ ей нелегко. Наконец она сказала:

— Ты прав, и я сделаю все, что будет в моих силах. Но разговоры о политике — это лишь уловка.

— Что ты этим хочешь сказать? — вскинулся Хейм.

Губы Джосселин вновь скривились в улыбке.

— Право же, Гуннар, я просто уверена, что ты боишься.

— Нет-нет, ничего подобного. Тебе надо отдыхать. Я, пожалуй, пойду.

— Сиди,— скомандовала она, ее пальцы сомкнулись вокруг его запястья. Прикосновение было легким, но Хейму легче было бы разорвать якорную цепь.

Лицо Джосселин то бледнело, то вновь вспыхивало.

— Я должна объяснить,— вдруг сказала она с поразительной твердостью.— Насчет того, что произошло раньше.

По коже у Хейма пробежали мурашки.

— Да, я надеялась убедить тебя не вступать в борьбу,— сказала она.— Но потом поняла, что сюда вовлечено больше. Бесконечно больше.

— Угу... прошлое, без сомнения...

— Когда ты вернешься на Землю? — спросила она.— Что ты собираешься делать?

— Зажить спокойной тихой жизнью.

— А! Мне бы хотелось написать об этом книгу. А тем временем ты вернешься на Землю.— Голос ее стал еле слышен: — О, боже, ты должен вернуться.— Она подняла голову.— Я тоже буду там.

Чтобы заговорить, Хейму потребовалось столько силы воли, что ее совсем не осталось, чтобы поднять глаза и посмотреть на Джосселин.

— Джосс,— начал он, медленно произнося слово за словом,— ты помнишь слишком многое. Я тоже. Когда-то был такой случай, который нам не следовало использовать. Потом мы встретились снова, будучи оба уже свободными и одинокими, и я подумал, что тот случай, может быть, повторится. Но он не повторился. Время не поставило на нас.

— Нет, это не так. Конечно, сначала я думала иначе. Наши случайные встречи после моего возвращения с Урании и политический барьер между нами... черт бы побрал всю эту политику! Я считала тебя просто привлекательным, да и то, в основном, это чувство казалось мне вызванным той дружбой, которую мы так и не стали возобновлять. По пути сюда я немного помечтала, но эти мечты выглядели просто как самые обычные бабьи прихоти. Чем ты мог ранить меня? — Она сделала паузу.— Оказывается, все же мог.

— Я пытался этого не делать,— с отчаянием произнес Хейм.— Ты слишком хороша для того, чтобы успокаивать тебя ложью.

Она выпустила его руку, уронив свою на одеяло:

— Значит, тебе все равно...

— Нет, нет, не все равно. Но неужели ты не понимаешь: я не могу порвать с Конни, как ты порвала с Эдгаром. Когда она... помогала мне выпутаться из этой истории с тобой, нас это еще больше объединяло. Потом она умерла. Меня это словно подрезало

под самый корень. И с тех пор, не отдавая себе отчета, я ищу корень такой же силы. Я трус, который боится связать себя с чем-то менее сильным, потому что потом на моем пути может встретиться еще кто-нибудь, и тогда... Это было бы нечестно по отношению к тебе.

Джосселин уже овладела собой.

— Ты уже вырос из веры в непреходящую страстную влюбленность, не так ли? Мы понимаем, что только действительность имеет значение в отношениях между двумя людьми. Если ты пытаешься предупредить меня о том, что сможешь когда-нибудь нарушить верность мне, то я обещаю, что не буду ревновать, если ты иногда немного погуляешь. При условии, что ты всегда будешь возвращаться.

— Я не хочу гулять. Дело не в физических причинах. Этого не хочет мой разум. Того единственного случая оказалось больше чем достаточно. И когда я услышал о Новой Европе, я вспомнил об одной девушке, которая сейчас там. Я был молод и глуп, и слово «привязанность» воспринимал очень игриво, что особенно плохо для космолетчика. Поэтому, когда мой отпуск закончился, я улетел, не взяв на себя никаких обязательств. В следующий раз, когда я там оказался, ее уже не было. Я колебался, раздумывая, искать ее или нет, и в конечном счете не стал этого делать, а вскоре получил пост слишком далеко от этой планеты. Теперь...

— Я поняла. Ты хочешь выяснить, что с ней.

— Я должен.

— Но это ведь было лет двадцать или более тому назад, не так ли?

Он кивнул:

— Я должен узнать, что с ней. И увидеть ее в безопасности, если она еще жива. Если не брать все это во внимание, то да, я, без сомнения, глупец.

Джосселин снова улыбнулась:

— Давай-давай. Меня это не особенно беспокоит.

Хейм поднялся:

— Ну, мне пора. Ни ты, ни я пока еще не годимся для волнующих сцен.

— Да. Я буду ждать, дорогой.

— Лучше не надо. Во всяком случае, не особенно серьезно. Одному дьяволу известно, что со мной будет. Может быть, я вообще не вернусь.

— Гуннар! — вскричала Джосселин, словно он ее ударил. — Никогда не говори так.

Он, как мог, постарался ее приободрить, поцеловал на прощание и вышел. На коротком обратном пути к своей яхте он выглянул из окна флайера. Стая стронов снималась со своей временной стоянки. Свет солнца вдруг засверкал на их оружии. Хейм почувствовал, как сумятица и неразбериха внутри него уступили место облегчению — снова на свободе, снова хозяин своего корабля, — а драконоподобные тени поднялись уже тем временем высоко и вскоре исчезли из вида.

ЧАСТЬ 3

АДМИРАЛТЕЙСТВО

ГЛАВА 1

Строго говоря, Феникс — это созвездие в небе планет Солнечной Системы, на полпути между плоскостью эклиптики и южным небесным полюсом. Поэтому ошибочно считать относящимся к Фениксу тот район космоса — удаленный на сто пятьдесят световых лет от Земли в том же направлении, — где расположены солнца Алерона и Новой Европы. Но поскольку каждая основанная землянами колония автоматически привлекает интерес и к соседним системам — как к местам туризма, источникам полезных ископаемых, торговли, научных исследований и захватнических войн, — этой обширной территории со смутно очерченными границами было присвоено общее название «Феникс». Вероятно, к таким вещам следовало бы относиться более взыскательно, однако это название прочно укоренилось в обиходе.

И, быть может, именно это название было, в конце концов, не столь уж далеко от истины. Согласно мифу, Феникс возрождался в огне. Ядерный двигатель позволил Ламонтану преодолеть гигантское расстояние до Авроры. Когда он увидел, что под этим солнцем есть мир, где могут поселиться люди, он поднял в его небесах трехцветный флаг Франции, словно пламя. Надежда ярким огнем горела в людях, направившихся на Новую Европу, освоенную тяжким трудом первооткрывателей и завещанную им. Потом явился боевой флот алеронов с адским огнем на борту.

С планеты взлетел какой-то корабль. Силы, пульсировавшие в его гравитронах, усиленные за счет использования космических полей, несли его вперед со все возрастающей скоростью. Когда Аврора осталась позади, искажений, вызванных массой звезды,

стало гораздо меньше. Вскоре корабль должен был достичь точки, с точностью, рассчитанной приборами, начиная с которой можно было перейти в режим сверхсветового полета, полностью исключив индукционный эффект, известный под названием "инерция".

«Лис-2» засек корабль, когда тот находился на расстоянии в один миллион километров от него. Судно обнаружило себя наружными огнями и инфракрасным излучением, которые были уловлены сверхчувствительными радарными «Лиса». Кроме всего прочего, «Лис» еще «унюхал» нейтроны в его двигателях и приготовился, как хищник, к прыжку.

— Проклятье! — сказал Гуннар Хейм. — Мы должны были засечь этого зверя несколько часов назад. Должно быть, они установили добавочное экранирование.

Первый Офицер Девид Пенюер просмотрел ленты анализа данных:

— Похоже на транспортный корабль среднего тоннажа. По-моему, того же класса, что и «Эллекой», который взяли в прошлом месяце. Если так, то у нас есть преимущество в скорости.

Хейм нетерпеливо топнул ногой. Его огромное тело совершило свободный полет по кривой к иллюминатору. За стеклом толпились бесчисленные звезды; вокруг бесконечной чистой тьмы струилась серебряная река Млечного Пути; из чудовищной дали, недоступной человеческому пониманию, поблескивали туманности и дальние галактики. У Хейма не было времени для восторженного созерцания. Он взглянул в иллюминатор глазами, которые вдруг стали льдисто-голубыми, как гигантское солнце, и сказал:

— Он достигнет предела Маха гораздо раньше, чем мы успеем развить более-менее подходящую скорость. Я знаю, что теоретически корабль может подойти к борту другого, идущего ускоренно, но это никогда еще не было осуществлено на практике, и я что-то не ощущаю желания попробовать. В лучшем случае это бы кончилось чересчур сильным возмущением межзвездного газа.

— Да, но... Капитан, нам вовсе не обязательно брать его в качестве трофея. Я имею в виду, что если нам просто набрать ускорение, то он окажется в пределах досягаемости. Тогда он либо вынужден будет перейти на ускорение Маха и, вероятно, разлетится на куски, либо ему придется подставлять свой борт нашим пушкам.

Тяжелые черты Хейма исказила гримаса.

— И он может предпочесть пойти на риск, нежели сдаться. Мне бы страшно не хотелось портить наш рекорд. Четыре месяца налетов на торговые суда, восемнадцать алеронских кораблей, и

пока что нам никого не пришлось убивать.— Он взъерошил свою чалую шевелюру.— Если только... Постой!

Он развернулся и нажал кнопку интеркома.

— Капитан — главному инженеру. Слушай, ты можешь заставить гравитроны делать все, кроме мытья посуды. Не могли бы мы совершить небольшую Мах-пробежку отсюда?

Пенойер беззвучно присвистнул.

— Весь вопрос в точной регулировке, шкипер,— прогрохотал голос Утхг-а-К-Тхаква.— Когда мы покидали Солнечную Систему, нам это удалось. Но теперь, после того как мы находимся в космосе столько времени без обслуживания...

— Я знаю.— Поблекший голубой костюм Хейма собрался в складки, когда он пожал плечами. На «Лисе» не носили униформу.— Хорошо, я думаю, нам и впрямь придется просто уничтожить их. Война — это не игра в блошки,— добавил он, главным образом, для себя.

— Один момент, пожалуйста.

Из интеркома раздался какой-то лязг.

«Должно быть, Б. И. считает на своем эквиваленте логарифмической линейки»,— подумал он.

— Да. Я пересчитал предел безопасности. Он вполне достаточный.

— Отлично! — взревел Хейм, рискуя порвать барабанные перепонки Первого Офицера.— Ты слышал, Дейв?

Он ткнул Пенойера кулаком в спину.

Белокурый изящный Пенойер перелетел через мостик, закапаясь и пролепетал:

— Да, сэр, очень хорошо.

— И дело даже не в том, что мы не хотим замарать себя,— продолжал ликовать Хейм.— Дело в деньгах. В этих прекрасных-распрекрасных трофейных денежках.

«А как насчет экипажа, который должен доставить трофейный корабль на Землю? — напомнила Хейму деловая часть его сознания.— Мы чертовски близки к тому, что «Лис» останется фактически без личного состава. Еще несколько рейдов — и нам придется остановиться».

Хейма охватила ярость.

«Поэтому мы не станем продавать свой последний товар, а просто отправим к ним послание. Тот, кто захочет и дальше иметь долю в этом предприятии, может встретить нас у Строна, где мы будем пополнять свой арсенал. Располагая таким счетом в банке, который должен у меня сейчас быть, я смогу оплатить снаряжение еще для дюжины круизов. Мы не остановимся, пока

нас не вышибут из космоса — или пока Федерация не перестанет ломать комедию и не начнет честную войну».

Хейм с головой ушел в приготовления. Когда прозвучал сигнал боевой тревоги, весь корабль словно встряхнулся от кормы до рубки управления.

«Хорошие все же у меня ребята», — вновь с теплотой подумал Хейм. Когда возникала необходимость решать, кто отведет очередной алеронский корабль домой, добровольцев никогда не находилось. И все с неохотой тащили жребий. И хотя каждый день, проведенный в системе Авроры на пути к Земле, означал немалый риск для жизни, каждому хотелось все-таки остаться на «Лисе», чтобы принимать участие в сражениях. Разумеется, оставшиеся получали и соответственную добычу, но члены экипажа капера завербовались на корабль, где их привлекало нечто большее.

— Двигатели на полную мощность!

Если враг был настороже, он немедленно увидел бы на своих приборах, что другой корабль выходит на ту же орбиту. Радар был бесполезен на таких расстояниях, поскольку зарегистрированный им объект мог быть простым метеоритом, при условии, что он не начинал ускоряться.

— Внутреннее поле — до нормы!

Теперь на корабле снова царило земное притяжение.

— Поворотные векторы: крен на три румба, продольный крен на четыре с половиной румба, поворот двигателя двадцать румбов.

Звезды закружились в иллюминаторах.

— Ускорение — на максимум!

В компенсирующем поле, заполнявшем корпус изнутри, давление не ощущалось. Но двигатели взревели, как разъяренные звери.

— Приготовиться к Мах-ускорению! Внимание: 5, 4, 3, 2, 1!

Звездный свет задрожал, как если бы смотреть на него сквозь пелену струящейся воды, и снова стал неподвижен. На таком небольшом расстоянии фантастическое безынерционное ускорение не позволило достичь такой скорости, при которой в действие вступали абберрация и эффект Доплера. Но удаленный диск Авроры отпрыгнул еще дальше.

— Мах-ускорение прекратить!

Электронный сигнал отдал приказ раньше, чем Хейм успел произнести его.

Компьютеры щебетали под руками Пеннойера. «Лис» вернулся в обычное пространство гораздо ближе к противнику. Но последний все еще двигался со скоростью, превышающей ки-

нечеловеческую скорость капера, но теперь уже не составляло труда уравнивать векторы в пределах границы Маха.

— Орудие номер четыре, залп по курсу цели!

Ракета устремилась вперед. Среди созвездий блеснула мгновенная вспышка атомного огня.

— Радисты, дайте мне универсальную частоту,— скомандовал Хейм. Он почувствовал, что весь взмок от пота. Маневр, заключающийся в том, чтобы обойти противника с фланга, не был бы возможен, если бы не Утхг-а-К-Тхакв, нечеловеческая чувствительность которого при настройке гравитронной системы была единственной надеждой. А инженер мог и ошибиться. Но теперь Хейма переполняло не облегчение от миновавшей опасности, а самое настоящее ликование.

— Они в наших руках! Еще один залп!

Завыла сирена. Корабль содрогнулся. Сработала автоматика, раздался оглушительный лязг, затем последовали глухие удары.

— Боже мой,— фальцетом крикнул Пенoyer.— Они вооружены!

Иллюминаторы закрылись, чтобы не дать глазам людей ослепнуть от невыносимой яркости сверкающего вокруг огня. Рванные клочья атомов образовывали в вакууме нечто вроде дождя или снегопада и, закручиваемые в вихрь гипермагнитным полем корабля, уносились прочь, к звездам, предварительно плюнув в защитный экран судна жестким рентгеновским излучением. Метеоритные детекторы верещали вовсю, засекая шрапнель, посылаемую со скоростью нескольких километров в секунду касетными боеголовками.

На то, чтобы испугаться, просто не было времени.

— Открыть заградительный огонь! — скомандовал Хейм артиллеристам. — Лазерное орудие номер три, посмотрите, не удастся ли вам повредить на их посудине кольца Маха?

Это элементарное решение было все, что он мог сейчас сделать. Да и его высококвалифицированный экипаж мог сделать немногим больше: просто передать этот приказ автоматыке. Машины смерти были слишком проворны, слишком сильны по сравнению с человеческими возможностями. Лучи радаров нащупывали цель, компьютеры звякали, и ракеты врезались в летевшие навстречу боеголовки и уничтожали их, прежде чем те успевали нанести удар. Ослепительная энергия вырвалась из судна алерона. Остановить ее, казалось, было невозможно. Но в то мгновение, когда она коснулась «Лиса», успев вызвать лишь минимальные повреждения, тяжелый лазер земного корабля плюнул в ответ. Лист боевой обшивки превратился в пар, луч проник внутрь, и вражеское орудие умолкло. Оставляя жженный след, лазер провел

линию по корпусу алерона, нащупывая арматуру межзвездного двигателя. Это была мишень не из легких, если учитывать положение судна, двигавшегося с громадной скоростью. Но компьютеры решили эту задачу за какие-то миллисекунды. Корабль противника начал набирать ускорение, пытаясь вырваться. Через мгновение лазерный луч пронзал лишь пустоту. Но затем он безжалостно нашел свою мишень вновь и сжег ее.

— Боевая рубка — капитану! Их Мах выведен из строя, сэр.

— Хорошо. Теперь, что бы ни случилось, он уже не бросится на нас с ускорением Маха, — ответил Хейм.

— Капитанский мостик — радиорубке, продолжайте искать контакт. Мостик — машинному отделению. Приготовиться к маневрированию.

Сражение закончилось. Оно было не слишком долгим. Диспропорция между наспех вооруженным купцом и крейсером, имевшим полное боевое вооружение, была слишком велика. Не смехотворна — поскольку единственной ракеты, взорвавшейся на достаточно близком расстоянии, было достаточно, чтобы убить экипаж «Лиса» одной лишь радиацией, если не чем-нибудь еще, — и все же эта разница была слишком велика. «Лис» отражал всякую угрозу тем, что концентрировал в своих арсеналах подавляющее количество гораздо более мощного оружия, нежели другие корабли в космосе. В иллюминаторах снова появились звезды.

— Фу-у, — устало вздохнул Пенбйер. — А ведь они чуть было не застали нас врасплох, а?

— Ясно, что именно на это они и рассчитывали, — кивнул Хейм. — Я думаю, что после сегодняшнего нам лучше быть готовыми к тому, что любой транспортный корабль без сопровождения сможет оказать нам сопротивление.

О тех, которые имели конвой, не стоило и говорить. Это подразумевалось само собой. Их было не слишком много, поскольку основная сила алеронов была рассредоточена в пограничных областях, и лишь несколько боевых кораблей блуждали в глубинах космоса, охотясь на «Лиса». Его жертвой становились грузовые суда, доставлявшие оккупантам на Новой Европе все необходимое, чтобы сделать их победу необратимой.

Хотя Хейм только что побывал на краю гибели, он не ощущал запоздалого страха. Если бы его спросили об этом, он бы сказал, что судьба наградила его темпераментом флегматика. Но на самом деле причина была в другом: его внутреннее торжество не оставило места другим чувствам. Он вынужден был сдерживать себя, чтобы его голос звучал спокойно.

— Я не встревожен. Напротив, даже горд. В этом поединке мы проявили себя лучше, чем можно было ожидать, имея такую разношерстную команду.

— О, не знаю, сэр. Вы здорово вымуштровали нас.— Пенойер вытащил сигарету.— Эти взрывы могли засечь. И кто знает, может быть, на место происшествия приплут кого-нибудь покрупнее.

— Угу. Но мы не станем торчать здесь, любуясь окружающим пейзажем.

— А как насчет этой посуды? До Солнечной Системы ей не добраться.

— Мы приткнем ее на орбите какой-нибудь малозаметной кометы, и на досуге починим... Э, да вот ответ на ваш вопрос.

Судовой экран осветился тускло-красным цветом. С него смотрел алерон.

— Какой-то важный чин,— определил Хейм, увидев прекрасное женственное лицо, блестящие золотые волосы и серебристый мех. Даже в минуту ярости и горя его речь напоминала звуки музыки, достойной Бетховена.

Хейм потрянул головой:

— Прошу прощения, я не знаю вашей Высшей Речи. Будете ли вы так любезны говорить по-французски?

— Нет надобности,— пропел алерон.— В прекрасных звездных лугах, где мы находимся сейчас, язык Новой Европы не обязателен. «Мироэт» вынужден сдать ее вам, гребители.

Хейм рад был узнать, что наконец-то может вести переговоры по-английски, до сих пор ему встречались только двое говоривших по-испански, а с большинством приходилось объясняться либо по-французски, либо по-китайски. Во всех остальных случаях на помощь приходил язык жестов, причем в одной руке Хейму приходилось держать пистолет, чтобы было более понятно.

— Так вам, значит, известно, кто мы такие? — спросил Хейм.

— Сейчас всем известно о том, кто именует себя в честь стремительного животного с острыми зубами. Да лишит вас удача своего благословения,— монотонно пропел алерон.

— Благодарю. Теперь слушайте. Мы сейчас вышлем к вам abordажную команду. Ваш экипаж будет заключен под стражу, но мы никому не собираемся причинять зло, при условии, что нам не будет оказано сопротивление. Более того, если у вас есть раненые... Нет? Хорошо. Вы будете доставлены в своем корабле на Землю и интернированы до конца войны.

Внутренне Хейм сомневался в этом. Земля была далеко, даже само Солнце невозможно было рассмотреть невооруженным глазом. У него не было способа получить какие-либо известия

оттуда. Абордажная команда не могла вернуться и встретиться с кораблем, который сражался в одиночку против целой империи и чье спасение было лишь в непредсказуемом маневрировании в огромном космическом пространстве. Он предполагал, что Парламенту все же пришлось смириться с утверждением Франции, что Всемирная Федерация действительно находится в состоянии войны с алеронами и признать законность его экспедиции. В противном случае здесь уже сейчас были бы земные корабли — или, по крайней мере, представители Земли на захваченных им алеронских кораблях, — которые потребовали бы его возвращения домой.

Но за шесть месяцев, прошедших со времени их отлета, они не получили ни слова одобрения, никакой помощи, ничего. Им приходилось сражаться в одиночку. Последний пленный алерон, с которым ему довелось говорить, сказал, что два флота по-прежнему лишь любуются друг на друга через границу, и Хейм этому поверил.

«Неужели они все еще не могут выйти из тупика, решая: начать войну или продолжать переговоры? — думал Хейм. — Неужели они никогда так и не поймут, что с врагом, который вбил себе в голову вышвырнуть нас из космоса, не может быть и речи о переговорах до тех пор, пока ты не докажешь, что в состоянии дать ему отпор? Боже милостивый! Со времени захвата Новой Европы прошел уже почти год!»

Черты лица на экране тронула печаль:

— Если бы нам дали хорошее вооружение, мы могли бы уничтожить вас. — Руки — тонкие, четырехпалые, двухсуставные — словно ища утешения, ласкали одну из цветущих лиан, украшавших капитанский мостик. — Для вас, человеческих существ, механизм строил сам дьявол.

«Ого! Так, значит, этот корабль был переоснащен прямо на планете, — подумал Хейм. — Пришла ли эта идея кому-то в голову из находящихся там?»

— Прекратите ускорение и приготовьтесь к абордажу, — сказал он алерону.

Затем, выключив связь, он начал отдавать команды своему экипажу. Возможность какой-нибудь вероломной попытки не исключалась.

«Лис» должен был сохранять дистанцию и выслать катер. Хейм не прочь был бы и сам принять участие в прогулке на вражеский корабль, но долг обязывал его находиться на «Лисе». К тому же, в желающих и без того не было недостатка.

«Как будто мальчишки, которые играют в пиратов...— подумал Хейм.— Что ж, сокровища, которые они захватили, и впрямь сказочные».

«Мирозет» сам по себе вряд ли представлял интерес. Алеронам Новая Европа нужна была как сильная застава, но даже это не было главным. Главной была их цель отнять планету у людей и тем самым изгнать их из всего района Феникса. Грузы, посылаемые с Эйта на Аврору, были промышленными или военными, а потому представляли из себя большую ценность. Назад ничего важного не отправлялось: гарнизон Новой Европы должен был максимально использовать все полученное, чтобы наладить производство и запуск на орбиту тех защитных средств, которые должны были сделать планету фактически неуязвимой.

И все же корабли не всегда возвращались с Новой Европы пустыми. Часть добычи, захваченная Хеймом, озадачила его. Отправлялось ли это на Алерон из чистого любопытства, или в надежде продать это когда-нибудь на Земле, или... Какова бы ни была причина, его парни не долго раздумывали, когда захватили чуть ли не вагон шампанского.

Векторы были равными. Катера устремились вперед. Хейм опустился в кресло перед главным контрольным пунктом и наблюдал за ними, крошечными яркими осколками, до тех пор, пока их не поглотила тень огромного, похожего на акулу, цилиндра, охраняемого «Лисом». Однако мысли его в это время были далеко: он вспомнил Землю, ее величественные города и мягкие небеса, Лизу, которая, возможно, выросла и изменилась до неузнаваемости, Джосселин, которая все же не совсем еще ушла из его сердца, и потом снова Новую Европу, людей, покинувших свои дома и отправившихся навстречу неизвестности, и еще Мэдилон...

Загудел зуммер внутренней связи. Хейм включил изображение. На него глянуло круглое лицо Блюмерга, одетого в боевой скафандр. Шлем был открыт. Хейм не мог понять, почему Блюмерг такой красный, то ли благодаря красноватому свету внутри корабля, то ли по какой-то иной причине.

— Абордажный отряд докладывает, сэр.— Блюмерг даже заикался от нетерпения.

У Хейма тревожно дрогнуло сердце.

— Что случилось? — резко спросил он.

— Ничего... Ситуация у нас под контролем... Но, сэр, у них на борту люди!

ГЛАВА 2

Короткий безынерционный полет вывел «Лиса» так далеко за пределы системы, что вероятность быть замеченным практически приближалась к нулю. Хейм оставил управление на попечение автоматов и объявил празднование в честь очередной победы.

Судовая столовая была полна людей. Из всей команды капера осталось только двадцать пять человек, плюс дюжина новобранцев, и хотя столовая была рассчитана на сто мест, они заполнили ее своим криком, пением, звоном бокалов — словом, тем веселым шумом, от которого дрожали переборки. В одном углу, благодушный и невозмутимый Утхг-а-К-Тхакв доставал шампанское, бутылку за бутылкой, из устроенного им самим холодильника, и, с пистолетным хлопком вышибая пробку, разливал на всех. Уже неплохо набравшись, артиллерист Мапуо Хаяши и стройный молодой колонист пустились в спор, что эффективнее: каратэ или приемы апачей. По столам стучали игральные кости, шелестели долговые расписки на добычу против обещаний пылких предложений девушек на планете в случае победы. Трио Ашанти — выпускников университета — исполняло боевой танец под аккомпанемент зрителей, барабанивших по кастрюлям и сковородкам. Андре Вадаж вскочил на стол и, с трудом удерживая равновесие, ударил по струнам гитары. Все больше и больше французов подпевало ему:

Это цветок, цветок прерий,
Это прекрасная роза Прованса.

Сначала Хейм от души смеялся над последней шуткой Джина Иррибарна, но потом музыка захватила его. Он вспомнил одну ночь в Бон Шанс, словно бы вновь оказался там. Вокруг сада высились крыши, черные под звездным небом, желтый свет из окон домов сливался со светом восходящей Дианы. Легкий ветерок шевелил ветви кустов, смешивая аромат роз и лилий с пряным запахом местных цветов. Ее рука лежала на его руке. Гравий похрустывал под ногами, когда они шли к летнему домику. А где-то кто-то играл на свирели, и нежная мелодия плыла в теплом воздухе, напоминая о Земле.

У Хейма защипало глаза. Он резко тряхнул головой.

Иррибарн пристально посмотрел на него. Новобранец был среднего роста, а потому рядом с Хеймом выглядел пигмеем, темноволосый, с удлинённой головой и правильными чертами лица. На нем все еще была та одежда, в которой его взяли в

плен: зеленая куртка, мягкие ботинки, берет, засунутый за чешуйчатый кожаный пояс — униформа планетарной полиции, превратившаяся в форму бойца маки. На плечах поблескивали лейтенантские нашивки.

Иррибарн что-то спросил по-французски.

— А? — заморгал Хейм. Невообразимый шум вокруг, плохое знание французского языка и тот факт, что Новая Европа была уже на полпути к созданию своего собственного диалекта, были причиной того, что Хейм не понял вопроса.

— Вас что-то взволновало, — перевел свои слова Иррибарн. В прежние времена планету посещало достаточное количество людей, говоривших по-английски, и жители города в той или иной степени владели этим языком.

— О... пустяки. Воспоминания. В свое время я провел на Новой Европе несколько восхитительных отпусков. Но это было... черт побери, в последний раз я был там двадцать один год назад.

— Стало быть, вы думаете о чужаках, которые крадутся по улицам, где больше нет людей. Как мягко они крадутся, словно пантеры, вышедшие на охоту.

Иррибарн нахмурился, глядя в свой стакан, поднял его и конвульсивным жестом опрокинул в себя содержимое.

— Или, может быть, вы вспоминаете о какой-то девушке и гадаете, погибла она или прячется в лесах. Так?

— Давайте лучше снова наполним бокалы, — резко ответил Хейм.

Иррибарн положил свою руку на руку Хейма:

— Один момент, силь ву пле. Население всей планеты составляет всего пятьсот тысяч человек. Городских жителей, с которыми вы, вероятно, встречались, намного меньше. Быть может, я знаю.

— Мэдилон Дюбуаз?

— Которая раньше жила в Бон Шанс? Ее отец врач? Ну да! Она вышла за моего собственного брата Пьера. Судя по последним сведениям, которые до меня дошли, они живы.

У Хейма потемнело в глазах. Он прислонился к переборке, хватая ртом воздух, попытался взять себя в руки, но не мог унять бешеного сердцебиения.

— Слава Богу, — выдохнул он наконец. С самого детства он не произносил слов, которые были бы столь близки к молитве.

Иррибарн не отводил от него пронизательного взгляда прищуренных карих глаз.

— А, это для вас так важно. Идемте, не лучше ли нам поговорить наедине?

— Хорошо, благодарю.

Хейм пошел впереди. Иррибарн едва успевал за ним. А люди, сидевшие за столами, положив руки друг другу на плечи, продолжали распевать веселые французские песни под аккомпанемент гитары Вадажа.

В каюте Хейма, казалось, и так была абсолютная тишина, а теперь она стала просто гнетущей. Иррибарн сел и с любопытством осмотрел опрятную небольшую комнату, среди обстановки которой были Шекспир, Берно и Киплинг в книжном варианте с потрепанными переплетами, микрокассеты с творениями менее маститых литераторов, модель боевого корабля, портреты женщины и девушки.

— Ваша семья? — спросил Иррибарн по-французски.

— Да, хотя моя жена умерла. Дочь сейчас на Земле, у деда.

Хейм предложил гостю одну из оставшихся сигар, а себе принялся набивать трубку. Пальцы его слегка дрожали, и он не смотрел на собеседника.

— А что с вашей семьей?

— Все в порядке, спасибо. Конечно, так было две недели назад, когда был захвачен мой отряд.

Иррибарн закурил и откинулся назад, устраиваясь поудобнее. Хейм остался стоять.

— Как это случилось? У нас ведь фактически еще не было возможности поговорить как следует.

— Думаю, просто не повезло. На Кот Нотр-Дам есть урановая шахта. Как вам, вероятно, известно, на Новой Европе не так уж много урана, она не такая плотная планета, как Земля. Поэтому если бы шахту удалось взорвать, это был бы удар для алеронов. Мы взяли спортивную субмарину, которую нашли в Порт Августин, где горы спускаются прямо в море Драконов, и поплыли на ней. Мы знали, что единственное, чего нет у этих проклятых ублюдков — это оборудования для обнаружения субмарин. Надеюсь, вам понятно, почему: из-за засухливости их собственной планеты. Но шахта охранялась лучше, чем мы ожидали. Когда мы ночью всплыли, чтобы высадиться на берег, по нам ударил снаряд. Он оказался химическим, иначе я не смог бы сидеть здесь. Алероны намного предусмотрительней, они подождали и выбрали, так сказать, все, что выпало в осадок. После этого были разговоры о том, чтобы расстрелять нас в назидание другим или, того хуже, извлечь из нас информацию. Но об этом узнал новый верховный командующий и наложил свой запрет. Мне кажется, он прибыл на Новую Европу с заданием выследить вас, мой друг, так что своим спасением мы не только прямо, но и косвенно обязаны вам. Нас отправили на Алерон. Насколько мы поняли, предполагался обмен пленными.

— Понятно.

— Но вы это дело притормозили. Однако вам хотелось бы побольше узнать о Мэдилон, не так ли?

— Черт побери, я страшно не люблю касаться личных вопросов... О'кей, мы любили друг друга, когда я однажды из-за болезни пробыл на Новой Европе довольно долго. Наши отношения носили вполне невинный характер, уверяю вас. Настолько невинный, дьявол их дери, что это меня немного отпугивало и... Как бы там ни было, когда я прилетел туда в следующий раз, ее там уже не было.

— Все верно. Она перебралась в Шато Сент-Джеквес. Я всегда считал, что она попала к Пьеру... как бы это сказать... ну, рикошетом, что ли. То и дело она со смехом вспоминала об огромном норвежце, с которым была знакома до замужества. Такой смех, полувеселый, полупечальный, всегда следствие молодости.— Взгляд Иррибарна похолодел.— Пьер хороший муж. У них четверо детей.

Хейм вспыхнул.

— Не поймите меня превратно,— сказал он, пуская клубы дыма из своей трубки.— Я не мог бы жениться более удачно, чем женился. Это было просто... Она попала в беду, и я надеялся, что смогу помочь. Старая дружба, ничего больше.

Хейм сам поверил в правдивость своих слов. Несколько иных мыслей пронеслось у него в голове, но они были не настолько болезненны, чтобы их нельзя было похоронить. Сознания того, что Мэдилон все эти годы жила счастливо, что она до сих пор жива, было вполне достаточно.

— К числу своих друзей вы теперь можете причислить и нас всех,— сердечно сказал Иррибарн.— А теперь скажите мне еще кое-что, прежде чем мы вернемся к праздничному столу. Я слышал, что ваш корабль — это частный капер, имеющий выданное Францией свидетельство. Но почему до сих пор медлит наш Боевой Флот? Когда он прибудет сюда?

«Боже, помоги мне,— подумал Хейм.— Я же хотел пощадить их чувства до завтра».

— Не знаю,— ответил он.

— Черт побери! — Иррибарн резко выпрямился.— Что это вы говорите?

Хейм медленно, словно клещами вытаскивая из себя слова, рассказал о том, что Флот Глубокого Космоса стоит на приколе с зачехленными орудиями, в то время как в Парламенте продолжаются дебаты, и не исключено, что одни лишь пиратские набеги «Лиса» являются преградой для возобновления переговоров,

которые для Алерона представляют собой лишь наиболее эффективную разновидность войны.

— Мы... мы... вы... и это астронавты...— Иррибарн с трудом овладел собой, сделал глубокий вдох и тихо сказал:

— Ваш корабль курсирует в системе Авроры. Неужели вам не удалось добыть никаких доказательств того, что мы живы?

— Я пытался,— ответил Хейм. Он ходил из угла в угол, нещадно дымя трубкой, стуча каблуками, заложив ненужные сейчас огромные руки за спину и стиснув их так, что побелели ногти.— Пленников, которые были отправлены на Землю в числе прочих трофеев, возможно, допросили. Сделать это нелегко. У алеронов реакции иные, чем у людей. Но кто-то мог все-таки выудить из них правду! Видимо, никто и не пытался.

Кроме того, я однажды прошел вблизи Новой Европы. Это не так уж трудно, если быть попроворнее. Большинство их защитных спутников все еще не оборудованы, и мы не заметили ни одного боевого корабля, который угрожал бы нам. Поэтому я сделал фотографии, весьма четкие, на которых видно, что разрушен только Сюр д'Иовни, а над Гарансом никакого огненного смерча не было и в помине. Послал эти фотографии на Землю. Думаю, что кое-кого они убедили; но, видимо, все же не тех, кого надо бы. Не забудьте, что сейчас многие политические карьеры связаны с делом мира. Поэтому человек, который мог бы признать в собственной неправоте и занять верную позицию, если бы дело касалось только его одного, будет испытывать колебание по поводу того, стоит ли тянуть за собой всю партию.

О, я уверен, что настроение общественного мнения на нашей стороне. Это началось еще тогда, когда мы только готовились к экспедиции. Вскоре после того, на Строне, где мы пополняли свои арсеналы, я встретил несколько человек, только что приехавших с Земли. Они сказали, что идея дать отпор алеронам находит все больше сторонников. Но это было четыре месяца назад.

Хейм вынул трубку из рта, остановился и продолжал более спокойно:

— Я догадываюсь, какой очередной аргумент выдвинула фракция примирения. «Да-да,— вероятно, сказали они,— возможно, новоевропейцы и в самом деле еще живы. Так разве их спасение не является сейчас самым важным? Посредством войны мы этого не добьемся. Алероны смогут уничтожить их, когда им только заблагорассудится. Нам придется отдать Новую Европу в обмен на жизнь находящихся там людей». Вероятно, подобные речи звучали в Парламенте и сегодня вечером.

Иррибарн уронил голову на грудь и что-то пробормотал по-французски. Потом вдруг резко сказал:

— Но они все равно погибнут. Неужели это непонятно? У нас осталось всего несколько недель.

— Что? — взревел Хейм. Его сердце тяжело ухнуло. — Неужели враг собирается выжечь вас?

«Сделать это не составляет никакого труда, — подумал он в ужасе. — Взорвать в один прекрасный день на орбите спутника тысячу или около того мегатонн — и большая часть континента утонет в огне. Мэдилон».

— Нет-нет, — сказал колонист. — Ресурсы планеты нужны им самим для укрепления защитной системы. Континентальная огненная буря или радиоактивное заражение слишком дорого обошлось бы им самим. А вот витамин С — другое дело.

Постепенно картина прояснилась. Ни на секунду не сомневаясь в том, что Земля поспешит им на помощь, жители расположенного на побережье Пейз д'Ж Экспо бежали в глубь материка, в леса и горы Оут Гаранс. Эта фактически неисследованная дикая местность была столь богата дичью и съедобными растениями, сколь богата ими была Северная Америка до появления там белого человека. Имея в своем распоряжении современную технику и не испытывая неудобств перенаселения, люди быстро обустроились. Вряд ли нашелся бы там человек, не имеющий охотничьего, рыбацкого и туристского снаряжения, равно как и флайера, способного летать на любые расстояния. Используя летный камуфляж и соблюдая осторожность, люди без особого труда прятали от алеронов разбросанные повсюду домики и летние коттеджи, и, конечно, обнаружить все пятьдесят тысяч этих строений было просто невозможно. Изредка, когда враги все же натыкались на какие-то жилища, их обитатели могли укрыться в палатке, в пещере или под навесом.

Портативные аккумуляторы, в равной степени способные использовать солнечный свет, ветер или бегущую воду, тоже относились к числу обычного, похожего на дорожное снаряжения. Стандартные миниатюрные передатчики поддерживали коммуникационную сеть. Подслушивание мало что давало противнику. Алероны располагали переводчиками с французского, но в силу своей собственной окостеневшей культуры, лишенной каких бы то ни было диалектов, не учли, что земляне станут переговариваться, к примеру, на наречии басков или каком-нибудь другом. Наиболее смелые из числа землян периодически делали набег на врага, остальные просто прятались.

В силу того, что Новая Европа имеет небольшой наклон оси, в ее умеренной зоне преобладает мягкая и дождливая зима, даже на сравнительно больших высотах. Одним словом, люди, казалось бы, могли держаться бесконечно.

Однако они все же были не на Земле. Жизнь возникла и развивалась здесь сама по себе в течение двух или трех миллионов лет. Сходные условия привели к сходной химии. Человек мог получить из местной пищи почти все необходимое. Но сходство — это все же не идентичность. Кое-что на Новой Европе отсутствовало, особенно это касалось витамина С. Беглецы захватили с собой запас пиллюль. Теперь этот запас подходил к концу. Алероны удерживали в своих руках фермерские земли, где росли земные растения, и города, где находились необходимые биохимические предприятия.

Цинга убивает медленно, начиная свою разрушительную работу с десен и перебираясь затем на мышцы, пищеварительные органы, кровь и кости. Чаше всего жертва умирает от какой-нибудь другой болезни, которой она уже не в силах сопротивляться. Однако, так или иначе, но человек умирает.

— И они знают об этом,— проскрежетал Иррибарн.— Эти дьяволы, они знают, в чем наша слабость. Им остается только ждать.— Он поднял кулак.— Неужели же мы не сможем пристыдить Землю и заставить ее действовать?

— Не знаю,— уныло отозвался Хейм.— Конечно, можно попробовать. Но... может быть, я шизофреник... но мне все чудится эти бесконечные споры. «Ничего, кроме переговоров, пока мы не сделаем стимулирующих уступок». Я более чем уверен в том, что окажись «Лис» в Солнечной Системе, ему уже не позволят снова покинуть ее. Закон, видите ли, предусматривает наличие ядерного оружия только на судах армии Мирного Контроля, и это распространяется также на пусковые установки. А у нас есть и то, и другое. Формально сейчас мы владеем этим на законных правах, однако все будет иначе, когда мы окажемся в пространстве, принадлежащем Федерации.

— Но разве нельзя временно демонтировать боевое оборудование?

— На это ушли бы недели. Оно составляет единое целое с кораблем. Да и вообще, какая разница? Говорю вам, ваше появление на Земле могло бы стоить нам исхода войны. А это побудило бы алеронов начать переговоры и подготовку к новой агрессии.— Хейм снова подумал о Мэдилон.— Во всяком случае, так мне кажется. Быть может, я ошибаюсь.

— Нет,— мрачно сказал Иррибарн.— Вы правы.

— Возможно, это и впрямь единственный выход. Сдаться.

— Должно быть что-то еще! Я не такой фанатик, чтобы настаивать, зная, что женщинам и детям грозит смерть. Но риск умереть против шанса сохранить наши дома — да, это то, на что мы все сознательно пошли, когда организовали отряды маки.

Хейм сел, выбил трубку и принялся вертеть ее в руках, устремив неподвижный взгляд на модель своего первого корабля. Чувства его необъяснимым образом вдруг начали меняться. С него словно свалилась какая-то тяжесть, вызывая внутреннее движение сквозь мрак далекого и слабого, но придающего сил проблеска.

— Послушайте, — сказал он. — Давайте попытаемся продумать все до конца. «Лис» препятствует выходу Земли из состояния войны, отказываясь прекратить свои рейды. До тех пор пока мы здесь и сражаемся, люди на Земле, думающие точно так же, как мы, могут заявить, что алеронов учат уму-разуму безо всякого ущерба для налогоплательщиков. И — да-да — они могут ударить в барабаны пропаганды, представить нас в виде легендарных героев и расшевелить укоренившееся чувство стадности. Они не имеют политического влияния, способного заставить правительство отдать боевому флоту приказ к выступлению, но в их силах воспрепятствовать тому, чтобы нас отозвали назад. Я пришел к такому выводу на основе тех простых фактов, что флот по-прежнему не двигается с места, а нас не отзывают назад.

Разумеется, подобная ситуация весьма неустойчива. Я уверен, что она так долго удерживается потому, что Франция связала Парламент по рукам и ногам, предоставив ему решить вопрос, действительно ли Земля, согласно закону, находится в состоянии войны с алеронами. Выход из тупика должен быть найден в ближайшее время. Мы хотим склонить равновесие в свою сторону.

О'кей, один метод достижения данной цели — следовать установленному порядку и сделать достоянием гласности тот факт, что вы и другие новоевропейцы живы, — допустим, это стало известно — а также дать всем ясно понять, что вы не собираетесь сдаваться. Сделать это можно... дайте подумать... да. У нас есть «Мироэт». Стоит его немного подладить, и он сможет одолеть расстояние до Земли. Или же можно попытаться захватить еще один корабль. Однако мы сами останемся здесь. А на Землю пошлем не мужчин, а сотню женщин и детей. — Хейм с треском хлопнул ладонью по колену. — Вот какой довод будет самым лучшим!

У Иррибарна глаза чуть не вылезли из орбит.

— Вы что, рехнулись? Вы собираетесь сесть на Новую Европу?

— Космическая планетарная защита еще не приведена в готовность.

— Но... нет, у них есть несколько детекторных спутников, и боевые корабли на орбите, и...

— О, все это дело случая, — возразил Хейм. Чувство опасности сейчас начисто у него отсутствовало. Все сомнения подавило нарастающее возбуждение. — «Лиса» мы оставим в космосе и

большинство ваших людей тоже. Если попытка окажется неудачной, «Лис» сможет захватить другую добычу, и ваши люди полетят на Землю во вновь конфискованном корабле. Но мне кажется, у меня есть шанс посадить «Мироэт» и снова подняться. Чтобы точно рассчитать все, надо будет поработать с компьютерами, но я думаю, все это вполне осуществимо. Если же нет — что ж, надеюсь, вы не откажетесь принять меня в партизаны.

— Ах! — Иррибарн глубоко затынулся. — Разрешите задать вам вопрос: была бы эта идея для вас столь привлекательна, не обещая она вам шанса на встречу с Мэдилон?

Хейм чуть не поперхнулся.

— Пардон, — проблеял Иррибарн. — Я не хотел вас обидеть. Всего лишь старая дружба, как вы сказали. Верность — неплохое качество в людях.

Он протянул руку и встал.

— Идемте, — сказал он все еще довольно взволнованно. — До завтра мы больше ничего не сможем сделать. Давайте вернемся в кают-компанию.

ГЛАВА 3

«Лис» опускался, — с потушенными огнями, с заглушенными двигателями, с минимумом включенного оборудования, необходимого для поддержания жизни на корабле — опускался к обратной стороне луны Диана. Она не охранялась, а диаметр в 1275 километров служил надежным укрытием. Однако опасность все равно была. Отошедшее от «Лиса» грузовое судно могло быть замечено каким-нибудь бродячим алеронским кораблем, особенно в такой момент, когда оно сбрасывало ускорение, чтобы совершить посадку. Очутившись на неровной, лишенной атмосферы поверхности Дианы, экипаж грузовика спрятал судно в кратере потухшего вулкана, надел космические скафандры и вышел наружу. Их путешествие на полушарие Дианы, обращенное к планете, могло бы стать сюжетом для небольшой эпической поэмы, но сейчас достаточно будет лишь сказать, что люди выполнили свою задачу и вернулись назад. Рандеву с кораблем было слишком рискованным, чтобы действовать наугад. Люди погрузились в кратер и стали ждать.

Вскоре после этого гигантский метеорит врезался в Новую Европу, оставив после себя пылающий след в ночном небе, и рухнул в океан дю Жестин в нескольких сотнях километров от

побережья Гаранс. Небольшая приливная волна ударила в Байи де Пешур, вышвырнула корабли на сушу в Бон Шанс, промчалась по Буше дю Карсак — грохочущая линия с гребешками из белой пены, лоснящаяся черными цветами под звездами — и проникла в глубь материка до самого притока реки Борде. Атмосфера словно бы взбесилась во всех детекторах алеронов.

Постепенно суматоха улеглась. Поднятые по тревоге флайеры вернулись на свои места. Вновь воцарилось ночное спокойствие.

Однако люди на борту «Мироэт» не дремали.

Когда пять тысяч тонн скальных пород, к которым был прикреплен корабль, вошли в атмосферу, он освободился от «привязи» и постепенно отстал. Но не на слишком большое расстояние. Необходимо было погасить громадную скорость, а работу двигателя при этом, несомненно, засекли бы. Но, используя метеорит в качестве экрана, можно было замаскироваться.

Радары не смогли бы засечь ионы, ударившие в поверхность камня и, отразившись назад, исчезающие в следе от падающего метеорита. Оптические и инфракрасные детекторы как бы ослепли в космической ауре, вызванной метеоритом. Точно нацеленные и настроенные детекторы, возможно, все-таки зарегистрировали что-либо не имевшее местного естественного происхождения. Но кто стал бы искать корабль посреди такого бешенства? Автопилот для подобных операций никогда не предусматривался, его просто не существовало. Все зависело сейчас от одного только Гуннара Хейма. Малейшее отклонение от узкой щели частичного вакуума — и он перестал бы существовать быстрее, чем успел бы об этом узнать. В своих действиях он руководствовался только датчиками температуры обшивки корабля и своей интуицией. Кроме того, он располагал еще расчетами компьютера, показывающими место и скорость корабля, все эти данные постоянно мелькали на экране дисплея. Хейм словно бы слился с кораблем воедино; его руки мелькали над компьютером с такой скоростью, что слились в одно расплывчатое пятно. Он не замечал ни накатывающейся волнами жары, ни ударов и завываний, вызываемых турбулентностью — ничего, за исключением бури где-то глубоко внутри себя.

Его космос сузился до размеров огненной полосы, а его сознание — до единственной мысли: держать эту неуклюжую машину в кильватере снижающейся глыбы. Однажды, целую вечность назад, ему уже приходилось вести свою космическую яхту по опасной, как тогда казалось, траектории на Остров Вознесения. Но тогда это был вопрос умелого пилотирования легкого и быстро отзывающегося судна. Сегодня же Хейм был роботом, выполнявшим команды кружившихся в вихре электронов.

Нет, он представлял из себя нечто большее. Обработка данных, проходивших сквозь тончайшие детекторы чувств, принятие на

этом основании верного решения, воля делали всю операцию возможной. Но все это происходило на бессознательном уровне, на уровне инстинкта. Для осмысления просто не было времени.

Все произошло в считанные минуты. Впрочем, живая материя не выдержала бы подобного напряжения более длительное время. Метеорит, чью скорость лишь слегка замедлила воздушная стена, в которую он нырнул, ушел от корабля и врезался в море с такой силой, что всплеска воды не было — водная масса как бы раскололась. «Мироэт» в это время все еще был в нескольких километрах от поверхности планеты, замедлив свою скорость до того уровня, которые еще мог выдержать металл. На ленте появилось слово «стоп», и Хейм хлопнул по выключателю. Рев двигателя прекратился и перешел в урчание, а потом наступила тишина.

Капитан проверил приборы.

— Все в порядке,— сказал он. Собственный голос показался ему каким-то чужим, и он мало-помалу начал приходить в себя.

— Мы находимся ниже линии горизонта Бон Шанс. Направление — на юго-запад. Как раз та траектория, на которую мы пытались выйти.

— Фу-у! — облегченно вздохнул Вадаж. Волосы облепили его продолговатое лицо с высокими скулами. Одежда промокла насквозь.

— Капитанский мостик — машинному отделению,— вызвал Хейм.— Докладывайте.

— Все в порядке, сэр,— раздался голос Диего Гонсалеса, третьего инженера на «Лисе». — Во всяком случае, настолько, насколько это вообще возможно. Правда, приборы напряжения корпуса показывают некоторую деформацию в двух листах носовой обшивки. Впрочем, ничего страшного. Может быть, пока включить охлаждение?

— Спрашивает так, словно ему нравится эта печка,— проворчал Джин Иррибарн. Жар исходил из каждой переборки.

— Включайте,— решил Хейм.— Если кто-то окажется достаточно близко, чтобы заметить аномалию, все равно будет уже слишком поздно.

Он не отрывал взгляда от пульта, но при этом ткнул указательным пальцем в сторону Вадажа.

— Показания радара?

— Чисто,— ответил венгр.— Похоже, что мы тут одни.

Это все, кто был на борту. Для благополучной посадки больше не требовалось, а в случае неудачи Хейм не хотел терять жизни людей, необходимых «Лису».

Гонсалес, например, был хорошим помощником в своем отделении, но Утхг-а-К-Тхакв и О'Хара вполне могли обойтись

и без него. Вадаж являл пример умелого стюарда, да и как певец играл достаточно большую роль в поднятии духа у людей. Тем не менее его тоже нельзя было считать незаменимым на «Лисе». Чтобы направлять «Мироэт», было достаточно одного колониста, и Иррибарн вызвался выполнить это опасное и почетное задание. Остальные должны были вернуться на Землю и рассказать там обо всем, в случае, если план не удастся. Что же касается самого Хейма...

— Вам нельзя, — протестовал Пенойер, когда обсуждались кандидатуры для десанта.

— Неужели? — усмехнулся Хейм.

— Но ведь вы же шкипер!

— Ты можешь справиться с этой работой ничуть не хуже меня, Дейв.

Пенойер покачал головой:

— Нет. Я все больше и больше убеждаюсь в этом. И дело даже не в том, что вся эта экспедиция была вашей идеей и вашим детищем. И не в том, как вы осуществляли все это — я имею в виду, как тактик, — хотя со времени лорда Нельсона вряд ли кому-либо еще удавалось что-нибудь подобное. Но черт побери, Гуннар, сэр, без вас мы перестанем быть сплоченным коллективом.

— Я чересчур прост, чтобы изображать из себя простака, — растягивая слова, произнес Хейм. — То, что ты сказал, возможно, и соответствует истине, особенно первая часть. У нас разношерстная команда, набранная по всей Земле, и каждый человек — это личность, обладающая своим собственным достоинством. Кроме того, еще эти предрассудки против наковсов. Мне пришлось несколько раз воспользоваться своей властью, чтобы пресечь это, помнишь? Однако теперь, после такого долгого совместного похода, когда столько пережито вместе, мы — настоящий экипаж. То, что называется «корабль», черт побери. Б. И. столько раз проявлял себя молодцом, что среди нас не осталось ни одного, кто не свернул бы шею всякому, сказавшему про Б. И. что-нибудь плохое. А что касается тактики, Дейв, то половина трюков, которые мы провернули — это твои идеи. Ты бы и без меня справился как надо.

— Ну... но... но почему именно вы, сэр? Почему вы должны отправляться вниз? Любой из нас, имеющий свидетельство пилота, мог бы сделать это, и благодарил бы судьбу за такой случай. Ваше решение кажется мне чертовски бессмысленным.

— Говорю тебе, смысл есть, — ответил Хейм. — Конец дискуссии.

Когда он начинал говорить подобным тоном, никто уже больше не решался спорить. Однако внутренне Хейм вовсе не был столь суров.

Мэдилон...

Нет, нет, это нелепица. Быть может, правду говорят, что нельзя позабыть первую любовь.

Но приходят новые увлечения, и пока Конни была жива, Хейм редко вспоминал о Новой Европе. Кстати говоря, и воссоединение с Джосселин Лори на Строне тоже почти целиком ушло из его воспоминаний. Пока.

Нет сомнений, что его так заклинило на Мэдилон из-за... он сам не был вполне уверен, из-за чего. Быть может, это была просто глупая царзпина, оставшаяся после ушедшей юности. Теперь она была уже женщиной средних лет, удачно вышла замуж и прибавила в весе, судя по тому, что рассказал о ней брат ее мужа. Разумеется, Хейму хотелось снова увидеться с нею и добродушно посмеяться над прежними глупостями. Но все, что от него требовалось, это проинструктировать пилота «Мироэт», с тем, чтобы он непременно захватил Иррибарнов в числе прочих эвакуированных.

«Б. И. пробуюлькал бы, что этого недостаточно,— подумал Хейм.— Здравый смысл имеет весьма ограниченное применение. Это нечто иное. Могло бы случиться много непредвиденных вещей. Я лично хочу быть в гуще событий».

Новый звук заполнил корпус — пронзительный звук рассекаемого воздуха, постепенно понижающийся до какого-то пустого гула, по мере того как «Мироэт» снижался,— это скорость корабля упала ниже звукового барьера. Хейм выглянул в передний иллюминатор. Внизу широко простирался океан: фосфоресцирующие волны от горизонта до горизонта. Вдали неясно вырисовывалась какая-то тень, и Вадаж сказал, что, судя по показаниям радара, это остров. Стало быть, они уже добрались до Айл дю Резвез, находящегося в конце полуострова Нотр-Дам. Хейм хотел, чтобы между кораблем и детекторными приборами, установленными, возможно, на урановой шахте дальше к северу, находился архипелаг. Тогда можно будет снова включить гравитроны. Для этого придется попотеть, алеронская баржа не была предназначена для аэродинамических маневров. Хейм приподнял нос корабля включив тягу на минимум.

Гораздо предпочтительнее было сесть в океан де Ораж и двинуться на запад от Пейз д'Ж Экспо, пересекая незаселенные территории Терра Саваж, чтобы добраться до центральных гор континента. Но хотя космических метеоритов хоть отбавляй, их метеорит должен был удовлетворять многим требованиям. Он

должен был быть большим, и все же не настолько, чтобы потребовалось много энергозатрат для перевода его на нужную орбиту, где к нему должен был подцепиться корабль; кроме того, он должен был двигаться после освобождения по вполне естественной траектории и упасть в один из океанов. В поисках такого метеорита можно было рыскать по системе Авроры вечно, так что пришлось удовлетвориться первым попавшимся более-менее подходящим «камушком». Тем временем полным ходом шла реконструкция «Мироэт»: свет, температурный режим, воздушные системы — все подгонялось под людей. Была отремонтирована система Маха, во внутренних помещениях уничтожались ползучие растения, аппаратура контроля заменялась на ту, что была привычна для землян. Капитанский мостик выглядел как после набега доисторических варваров.

Корабль падал все медленнее и ниже, океан словно бы поднялся, лизнув его бока. Вадаж, неуклюже обращаясь с приборами — обучали его этому наспех — внимательно обследовал небо. Рот его был полуоткрыт, словно он был готов в любую минуту произнести слово «огонь» для Иррибарна, занявшего пост у одной из орудийных башен. Но обнаружил он только ночь, неторопливые ветры да странные созвездия.

Невозможно было бы проделать подобный путь незамеченными над населенными районами. Но поверхность Новой Европы составляет семьдесят два процента поверхности Земли. Это целый мир. Сюр д'Иовни был едва ли не единственным аванпостом на одном из континентов — в то время как на другом такой заставой был Пейз д'Ж Экспо — и этот город был уничтожен. Алероны оккупировали Гаранс, где находились шахты и машины, всего лишь край безбрежного пространства. Поэтому им приходилось полагаться на разбросанные там и сям детекторные станции, совершающие регулярные облеты флайеры, а также на все еще незаконченную спутниковую систему. Поскольку их прилет остался незамеченным, Хейм получал преимущество в игре.

И тем не менее... осторожность и еще раз осторожность.

Когда архипелаг остался позади и корабль начал зарываться носом в воду, Хейм снова включил двигатель. Словно темный летучий кит, «Мироэт» перевернулся и неуклюже поплыл на запад. Мимо проплыл остров. Хейм разглядел прибой, набегающий на берег, затемненный дерзвьями, и представил себе, что слышит шелест их листьев и даже аромат субтропического леса. Видение было туманным, каким-то полуреальным — воистину, остров мечты.

«Человеческой мечты,— гневно подумал Хейм,— и больше ничьей».

Когда корабль пересекал море Драконов, все почувствовали себя как бы голыми на таком обширном открытом пространстве и при увеличенной скорости. Теперь направление изменилось: они двигались на северо-запад. Показалась Диана, почти в полной фазе. Этот спутник Новой Европы был меньше, чем Луна — его угловой диаметр составлял двадцать две минуты, — и менее яркий, но все же похожий на рыжевато-коричневый с голубым отметинами рог изобилия, рапластавший над морем металлические крылья.

Потом показался материк: горы, леса, а в отдалении — снежные вершины. Хейм взглянул на приборы, определяя высоту.

— Пожалуй, тебе стоит подежурить у радио, Джин, — сказал он. — Не хотелось бы, чтобы они, заметив нас, разбежались и попрятались. Куда мы направляемся?

— Лак окс Нуагес, — ответил Иррибарн.

Хейм принялся изучать карту:

— Да, я вижу, это здесь. Большое высокогорное озеро. Не слишком ли это нарушает конспирацию, постоянный штаб?

— Укрытие здесь довольно надежное, в основном благодаря большой территории, постоянному туману и благодаря тому, что если будет нападение, есть возможность укрыться в окрестных зарослях острова, — сказал Иррибарн.

В интеркоме раздались звуки его шагов, когда он вышел из оружейной башни, направляясь в радиорубку, а вслед за этим — торопливый говор на языке басков.

Земля внизу становилась все более неровной. Сбегавшие со снежных вершин реки, перескакивая через уступы и пенясь, устремлялись в глубокие долины и исчезали из вида, серебрясь, среди лесов. Потревоженная птичья стая поднялась ввысь, когда над ней проплыл корабль, не меньше миллиона пар крыльев заслонили небо. Вадаж ошарашенно присвистнул и что-то пробормотал по-венгерски.

— Раньше меня удивляло, сколько времени люди могут прятаться, да что там — просто оставаться живыми — в кустах. Однако эти существа, превышающие их численностью более чем в три раза, способны на это.

— Да, — хрюкнул Хейм. — Если бы не одно обстоятельство.

В поле зрения появилось озеро, широкая светлая полоса среди темнеющих деревьев, окруженная вдали горами, чьи ледники блестели в свете луны. Иррибарн передавал по радио инструкции. Хейм нашел указанное место, как раз напротив северного берега, и посадил корабль. Вода сомкнулась над ними, скрывая от посторонних глаз. Хейм услышал, как слегка скрипнули шпангоуты, ощутил, как неопишемое мягкое сопротивление прошло

сквозь остов корабля, выключил двигатели, и «Мироэт» лег на дно, удобно устроившись в иле.

Выключив внутреннее поле тяготения, Хейм обнаружил, что палуба заняла наклонное положение.

Сердце его ушло в пятки, но он только сказал:

— Давайте выбираться на берег.

Даже при 0.7 g попытка добраться до шлюза аварийного выхода, не упав при этом, была бы смехотворной.

Когда все четверо, связав одежду в узел и повесив его на шею, были готовы к выходу, Хейм задрал внутреннюю дверь и открыл наружную. Вода, холодная, как лед, хлынула внутрь. Хейм оттолкнулся от корабля по направлению к поверхности и поплыл как можно быстрее к берегу. Лунный свет блестел на ружьях людей, стоявших там в ожидании.

ГЛАВА 4

Палатка была довольно большая. А деревья, окружающие ее, еще выше. Их красновато-коричневые стволы завершались словно бы фонтаном из веток, листья которых образовали сплошной свод, закрывавший павильон и отбрасывавший на него холодноватые тени. Листва здесь имела тот зеленовато-золотистый оттенок, который был характерен для местной растительности и благодаря которому земля Гаранс и получила свое название. Но на ветру листва шелестела точно так же, как и на Земле. При очередном порыве ветра, когда в зеленом шатре образовались прорехи, Хейму удалось увидеть лежащее внизу озеро. Оно как-то тревожно блистало, вся его поверхность, насколько хватало глаз. То тут, то там виднелись покрытые лесом острова, и, не считая их, единственной сушей, видимой в этом направлении, была Сьерра, увенчанная белой короной. Кажущиеся издалика голубыми, снежные вершины создавали своеобразный узор на фоне темно-синего неба.

С восхода Авроры прошло еще не так много времени. Восточные горы по-прежнему были в тени, а западные лишь слегка окрасились в нежный оранжевый цвет. В таком состоянии они должны были пробыть еще некоторое время. Для совершения одного оборота Новой Европе требуется более семидесяти пяти часов. Здешнее солнце не особенно отличалось от земного: на глаз яркое, причем цвет более близок к оранжевому, чем к желтому. Как-то на рассвете Хейм обнаружил Вадажа, всего

покрытого росой, наблюдавшего за игрой света в тумане, клубившемся над озером. Венгр был не в состоянии вымолвить ни единого слова.

Это время было уже в прошлом, как и тот час, когда полковник Роберт де Виньи, в прошлом начальник планетарной полиции, а теперь некоронованный король маки, вернулся в штаб. Впрочем, вместо короны у него был берет. Вернулся он не из налета, а из экспедиции, предпринятой с целью найти несколько техников и организовать их переброску в «сторожку Равиньяк», где требовал ремонта главный гидроэлектрический генератор. Из такой вот незаметной скромной работы и складывалось великое дело выживания новоевропейцев. В прошлом было уже первое ликование воссоединения с Иррибарном, который считался пропавшим без вести, с Вадажем, отсутствовавшим в течение года, и с Хеймом, который последний раз побывал здесь целую вечность назад.

Де Виньи сказал что-то по-французски и сел за свой стол. Вадаж нашел стул, сел, низко пригнувшись, и уставился на собственные ботинки.

— Расскажи ему, Джин,— наконец пробормотал он.— Мой французский совсем выветрился за столь долгое отсутствие.

Де Виньи сжался, словно в ожидании удара. Он был сед и не слишком высок, но спина у него была прямая, как струна, а лицо могло бы принадлежать жителю Трои.

— Продолжайте,— сказал он по-французски совершенно бесцветным голосом. Баски с нетерпением ждали.

— Рассказывайте,— снова предложил де Виньи, но Иррибарн, казалось, не знал, с чего начать, столько накопилось разных новостей.

Когда он закончил свой рассказ, полковник по-прежнему хранил внешнее спокойствие. Только одна рука тихонько барабанила по столу.

— Итак,— сказал он совершенно спокойно,— Земля предала нас.

— Не вся Земля! — воскликнул Вадаж.

— Не вся, это верно, ведь вы же здесь, — маска постепенно исчезла с лица де Виньи, обнажив туго натянутые мускулы рта, две глубокие складки по обе стороны от седых щетинистых усов и пульсирующую жилку на шее.— И, насколько я понимаю, вы здорово рискуете. В чем состоит ваш план, капитан Хейм?

Теперь найти слова было гораздо проще. Хейм говорил по-английски, которым де Виньи владел в достаточной мере.

— Как я уже объяснил лейтенанту Иррибарну, Землю необходимо убедить в двух вещах. Во-первых, что ваши люди живы, а во-вторых, что вы не согласитесь ни на какое

примирение, если это будет сделано нечестно и будет стоить вам ваших домов. Что ж, те из ваших людей, которые сейчас находятся в космосе, на борту моего корабля, могли бы стать решающим доказательством первого пункта. Однако людям свойственно прихвастнуть и преувеличить, когда разговор зайдет о предполагаемой борьбе, в которой они могли бы участвовать, поэтому, объяви они о своем решении, о котором сказано в пункте два, их заявление просто-напросто могли бы оставить без внимания.

— И правильно бы сделали,— заметил де Виньи.— История знает немало примеров того, когда нации, объявившие, что будут сражаться до последнего человека, не выполняли свои клятвы. Тем более никогда не возникало вопроса о том, чтобы сражаться до последней женщины или до последнего ребенка. Если Земля в ближайшее время не придет нам на помощь, я, вне всякого сомнения, попытаюсь спасти людей, заключив с алеронами любую сделку, какую они только пожелают.

— Я как раз подхожу к этому,— сказал Хейм.— Если мы сумеем отправить на Землю часть ваших женщин и детей, для среднего землянина это прояснит все дело в целом как нельзя лучше. Они станут могущественной поддержкой той фракции, которая стремится именно к победе. Есть три способа воздействия на умы: старая банальная слезная мольба; живое доказательство того, что сопротивление алеронам вовсе не обязательно влечет за собой фатальное бедствие; и... право, женщина, заявляющая, что ее народ не желает сдаваться, обладает гораздо большей способностью к убеждению, нежели мужчина. Баланс мнений на Земле, на мой взгляд, весьма шаток. Возможно, одного только их появления будет достаточно, чтобы склонить чашу весов в нашу сторону.

— Возможно. Вы оперируете гипотезами, месье капитан. Я же вынужден иметь дело с печальной действительностью, которая состоит в том, что все мы будем больны.

— Ну, а если они сообщат также, что вам ничего не грозит... что тогда?

Де Виньи сжал кулаки:

— Что вы предлагаете?

— Достать для вас необходимые витамины. Послушайте, разве неправда, что алероны испытывают немало затруднений в работе с вашими механизмами? И неужели вы не усугубили все это своими руками?

— Да. Но это вряд ли имеет значение, поскольку они разрываются сейчас на части, чтобы поскорее закончить космические укрепления, а я вообще выбил их из графика так, что

они, надеюсь, еще не скоро очухаются. Мне кажется, если бы вы предложили оставить их в покое, а может быть, даже послали к ним несколько техников, они пошли бы на обмен. Дали бы вам нужные пилюли. Разумеется, вам бы пришлось прежде убедиться в том, что это капсулы именно с витамином С, но это, должно быть, нетрудно будет сделать.

— Что? — вскипел Иррибари.— Пойти на сделку с врагом?

— На войне это случается не так уж редко.— Де Виньи поскреб подбородок.— Честно говоря, именно такие условия я и собираюсь поставить в случае, если мы дойдем до полного отчаяния. Они поймут, что мы стараемся выиграть время в надежде на помощь с Земли. Но если они не в курсе того, что эта помощь в конце концов все же может прийти... Да. Почему бы им не использовать наиболее легкий способ избавиться от наших нападений? Они посчитают, что разобратся с нами можно будет и попозже... Разумеется, они могут потребовать безоговорочной капитуляции, настаивая на том, чтобы мы спустились в долины, где бы нас окружили и согнали в какой-нибудь загон.

— Если они этого потребуют,— сказал Хейм,— я думаю, мы могли бы попробовать захватить припасы, хранящиеся в пакгаузах, или даже промышленное оборудование. В совместной операции ваших бойцов и моего корабля. Или, если это вам кажется совсем уж невероятным...— он проглотил горечь.— Мы можем выложить такой козырь как мое обещание возвратиться домой.

— Око за око,— вздохнул де Виньи.— Это, разумеется, их бы устроило. Но давайте сначала попробуем сделать первое предложение, за которое не пришлось бы платить столь дорогой выкуп. Сделаем вид, что мы не имеем с вами никакой связи, а ваш корабль будем пока держать в резерве.

— О, кроме того, мы ведь должны еще отправить отсюда эвакуируемых, а для этого необходима внезапность.

Де Виньи пристально посмотрел на Хейма:

— Признаться, меня весьма удивляет ваша озабоченность судьбой сотни либо двух сотен женщин и детей. Лично я придаю им гораздо меньшее значение. Наше продолжительное пребывание здесь, как свободных людей, пожалуй, быстрее заставило бы Землю предпринять какие-то шаги. Однако... Двести спасенных есть все же двести спасенных, поэтому поступайте как хотите. Но как вы намереваетесь вывести эту неуклюжую посудину, перегруженную людьми, на предел Маха?

— «Лис» сделает сопроводительный рейс, стоит лишь дать ему сигнал.

— Что? Значит, он так близко, и его до сих пор не заметили? Что за чертовщина? И как вы устраиваете с ними лазерный контакт, если радары алеронов не могут его обнаружить?

— Мой инженер сейчас как раз объясняет вашим техникам всю эту систему. Давайте пока вернемся к тактическим вопросам. Отвлечение на технические детали заняло бы слишком много времени. Один хорошо вооруженный корабль, атакующий внезапно, способен создать такой бедлам, что чертям будет тошно. Как только «Мироэт» окажется в космосе, «Лис» будет сопровождать его до тех пор, пока он не выйдет на рубеж Мах-ускорения. Согласно всей имеющейся у нас информации, выдаваемой приборами, захваченной в числе прочего документации, радиоперехватам, а также полученной одним парнем, который — дай ему срок — способен разобраться в любом языке, так вот, согласно этой информации, большая часть вражеского флота сейчас занята охотой на «Лиса» в системе Авроры и за ее пределами. Поэтому мы должны успеть уйти из опасной зоны прежде, чем они узнают, куда подтянуть силы, которые смогут противостоять «Лису».

Полковник нахмурился:

— На мой взгляд, вы жонглируете слишком многими неизвестными.

— На мой — тоже, — сухо сказал Хейм. — Но один способ прояснить некоторые из них очевиден. Позвольте мне отправиться вместе с вашей делегацией к алеронам. Они примут меня за одного из колонистов. Но я их знаю достаточно хорошо. Да это и не удивительно, столько лет мы с ними деремся. К тому же, как у любого профессионального астронавта, глаз у меня наметанный, чего они, конечно, ожидать не будут. Андре тоже должен пойти. Как поэт, он очень быстро схватывает суть психологии инопланетян. Между нами говоря, мы могли бы помочь вам не только совершить сделку на более выгодных условиях, но и доставить назад немало полезной информации, на основе которой можно будет в дальнейшем строить наши специфические планы.

— М-м-м... Ну что ж... — с минуту де Виньи напряженно думал, потом вдруг сказал: — Так и быть. Время дорого, так что не будем его терять. Итак, насколько я понял, план нашей деятельности выглядит следующим образом. Мы немедленно начинаем подготовку к эвакуации. В течение нескольких дней люди, выбранные для этой цели, будут доставлены сюда по одному или двое. Мы должны также собрать необходимый запас провианта, причем, сделать это необходимо незаметно. Но мои

люди смогут доставлять груз из леса к одной из ваших плюзовых камер под водой, так что сверху ничего видно не будет.

Тем временем я устанавливаю радиокontakt с алеронами и прошу у них согласия на переговоры. Они, без сомнения, согласятся, тем более, что их новый шеф по операциям военного флота, согласно донесениям, кажется весьма любезным малым. Я думаю, что они будут готовы принять наших представителей уже завтра.

Если мы сможем достичь соглашения, предложив прекращение партизанской войны и, возможно, оказание технической помощи в обмен на витамины — хорошо. Начнется реальное воплощение этого договора или нет — делегация возвращается сюда.

Потом ваш корабль атакует, чтобы дать возможность транспорту благополучно взлететь.

Затем, если нас снабдят капсулами, вы продолжаете свою игру в космосе сколько возможно. Если же нет, и если нам не удастся похитить их, я вновь даю вызов по радио и предлагаю ваш выход из игры в обмен на нужные нам витамины. На это-то они согласятся, как пить дать.

В результате, большой или малой ценой, мы выиграем время, в течение которого, будем надеяться, Земля придет нам на помощь. Так?

Хейм кивнул и вытащил трубку.

— Идея именно такова,— сказал он.

Де Виньи расширил ноздри:

— Табак? Мы о нем уже почти забыли.

Хейм усмехнулся и бросил кисет на стол. Де Виньи позвонил в маленький колокольчик. У входа возник адъютант, рука поднята в приветствии.

— Найди мне трубку,— сказал он.— И, если капитан не возражает, можешь захватить одну для себя.

— Будет исполнено, мой полковник! — адъютант исчез.

— Ну что же,— де Виньи слегка расслабился.— Униженно благодарить не в моих правилах. Что может Новая Европа сделать для вас?

Хейм заметил полунасмешливый, полусочувственный взгляд Вадажа, покраснел и ответил, запинаясь:

— У меня есть на этой планете давний друг, который сейчас состоит в родстве с Джином Иррибарном. Это жена его брата. Пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы она и ее семья были в числе эвакуированных.

— Пьер не захочет улетать, если другие мужчины останутся,— мягко заметил баск.

— Но они, безусловно, придут сюда, если вы хотите,— продолжил де Виньи. Он вновь позвонил, вызвав другого адьютанта.

— Лейтенант, почему бы вам не отправиться вместе с майором Леграном в моем флайере? Его аппаратура позволяет связаться с любым уголком Оут Гаранса. Если вы сообщите оператору, где находятся ваш брат и его семья...

Когда с этим было покончено, он сказал, обращаясь к Хейму и Вадажу:

— Сегодня у меня дел будет хоть отбавляй, это ясно, как божий день. Однако давайте отдохнем до ленча. Нам есть что рассказать друг другу.

Сказано — сделано.

К тому времени, когда пришла пора расставаться, Хейм и Вадаж были с полковником на короткой ноге. Уже совсем стемнело. Хотя в лагере вокруг озера было немало людей, их укрытия, разбросанные в разных местах и тщательно замаскированные, невозможно было заметить постороннему глазу. Вся деятельность тоже осуществлялась очень скрытно. Время от времени мимо пролетал флайер, вскоре терявшийся между стволами деревьев под лиственной крышей. В нескольких местах были установлены небольшие радары, на случай маловероятного появления алеронского судна. Инженеры не могли доставить на корабль грузовой тубус до наступления ночи, разве что над озером повиснет туман, что случалось здесь нередко, и послужит надежным прикрытием. В одеянии, подходящем для этого момента, люди, чтобы скоротать время, рассказывали друг другу анекдоты, играли в карты, занимались мелкими хозяйственными делами. Всем хотелось поговорить с землянами, но те вскоре устали повторять одно и то же. Кроме того начала сказываться и физическая усталость. Они уже были на ногах добрых восемнадцать часов.

Вадаж зевнул.

— Пошли в палатку,— предложил он.— У этой планеты очень неудобный период вращения. Приходится проводить во сне треть дневного времени и бодрствовать две трети ночного.

— Что ж,— отозвался Хейм.— Иначе она была бы непригодна для освоения.

— Как? Это еще почему?

— А ты не знаешь? Ну, слушай. Масса Новой Европы составляет лишь половину массы Земли и получает всего около восьми процентов солнечной радиации. Воздух давным-давно исчез бы здесь, если б не то обстоятельство, что потери атмосферы происходят, главным образом, вследствие взаимодействия маг-

нитного поля с солнечным ветром. Даже звезда класса D5, такая, как Аврора, выбрасывает в пространство весьма немалое количество излучений. Но медленное вращение означает слабое магнитное поле.

— Стало быть, и за это мы должны благодарить Провидение, — задумавшись, сказал венгр.

— Хм! — фыркнул Хейм. — Тогда мы должны винить Провидение в том, что Венера удерживает слишком много атмосферы. Это просто вопрос физики. Чем меньше планета и чем ближе она к своему солнцу, тем меньше разница углового механического момента между внутренним и внешним сектором пылевого облака, из которого она образовалась. И, как следствие, тем медленнее вращение.

Вадаж хлопнул его по плечу:

— Не завидую я твоим философским способностям, мой друг. Господь милостив. Но нас подстерегает смертельная опасность: превратиться в педантов. Давай-ка же вернемся к себе в палатку. Там у меня есть бутылка бренди, и...

Они уже подходили к палатке, пересекая луг, усыпанный огненными цветами, когда из-за деревьев выступил Джин Иррибарн.

— А, — воскликнул он. — Вот вы где. А я вас искал.

— Что-нибудь случилось? — спросил Хейм.

Лейтенант сиял.

— Ваши друзья здесь, — он повернулся и позвал: — Э-эй!

Они вышли на открытое место, все шестеро. Кровь прилила к сердцу Хейма и отхлынула вновь. Облитые солнечным светом сумерки вихрем закрутились вокруг него.

Она робко приблизилась к нему. Походную одежду, выцветшую и бесформенную, сегодня сменило платье, захваченное в числе прочего в лес и каким-то чудом сохранившееся. Легкое и белое, оно трепетало на ветру вокруг ее длинноногой стройной фигурки. Аврора обесцветила ее аккуратно заплетенные каштановые волосы, сделав их светлее кожи. Но они все-таки блестели, и одна прядка, выбившаяся над высоким лбом, мягко шевелилась на ветру, как живая. На Хейма смотрели глаза цвета фиалки.

— Мэдилон, — хрипло прокаркал он.

— Гуннар! — женщина взяла его за обе руки. — Мы так давно не виделись. Здравствуй.

Она говорила по-французски, но Хейм понимал ее.

— Я... — у него перехватило дыхание. Он расправил плечи. — Я был поражен, — с трудом говорил он, выдавливая из себя слова. — Твоя дочь так похожа на тебя.

— Прощу прощения? — Женщина не уловила смысла фразы, произнесенной на английском языке, от которого давно отвыкла.

Ее муж, копия Джина, но только в более старшем и мощном исполнении, перевел, пожимая руку Хейму. Мэдилон рассмеялась и что-то сказала дочери по-французски, из чего Хейм понял лишь последние слова:

— ...мой старый добрый друг Гуннар Хейм.

— Очень рада, мсье, — сказала Даниэль Иррибарн.

Ее было едва слышно сквозь шум ветра, шелестевшего листвою и заставлявшего свет и тень исполнять замысловатые танцы. Пальцы девушки, маленькие и холодные, быстро выскользнули из руки Хейма.

Он несколько рассеянно ответил на приветствия подростков Джеквеса, Сесиль и Айвза. Мэдилон много говорила — в основном, дружеские банальности, — а братья Иррибарны выполняли роль переводчиков. Все это время Хейм стоял и молчал. Попрощавшись и пообещав организовать настоящую встречу после сна, Мэдилон улыбнулась ему.

Хейм и Вадаж долго смотрели им вслед, прежде чем пройти к себе. Когда их поглотил лес, менестрель принялся насвистывать.

— Так значит, это и есть образ твоей бывшей возлюбленной, та девушка? — спросил он.

— Более или менее, — ответил Хейм, вряд ли осознавая, что отвечает не себе, а кому-то другому. — Мне кажется, есть отличия. Память иногда проделывает с нами подобные шутки.

— Тем не менее, и дураку было бы понятно, что ты имел в виду, когда... Прости меня, Гуннар, но позволь, я дам тебе совет: будь осторожен. Слишком много лет пролегло между вами и очень легко о них запннуться.

— Боже правый! — злобно взорвался Хейм. — За кого ты меня принимаешь. Я просто был ошарашен, ничего больше.

— Ну, если ты так уверен... Видишь ли, мне не хотелось бы...

— Заткнись. Давай лучше поищем твое бренди.

Хейм устремился вперед семимильными шагами.

ГЛАВА 5

День незаметно клонился к вечеру. Но жизнь по-прежнему бурлила в лагере на берегу озера, напоминая о том, что время

было военное. На закате Хейм обнаружил, что они с Даниель сидят на мысу вдвоем.

Теперь у него не было прежней уверенности. Вслед за первой встречей состоялся «пир», настолько праздничный, насколько это было возможно, под навесом, сооруженным по соседству с флайером Иррибарна. Шампанское, которое Хейм предусмотрительно захватил на борт «Мироэт», лилось рекой, утопив в себе натянутость и неловкость первой встречи. Растянувшись на траве, все слушали, а многие и подпевали гитаре Вадажа. Но Хейм и Мэдилон держались несколько в стороне, пытаясь завести разговор, а ее старшая дочь молча сидела рядом.

О прошлом говорить, в принципе, было нечего. Хейм о нем не жалел, да и Мэдилон, как ему показалось, тоже. Встретившись сейчас вот так, они увидели, насколько далеко разошлись их пути; теперь лишь взгляд, улыбка, короткая усмешка могли преодолеть разделявшее их расстояние.

«Она в высшей степени достойный человек,— думал Хейм,— но она не Конни и даже не Джосселин. А я, если на то пошло, не Пьер».

Поэтому они ограничились лишь тем, что рассказали друг другу о том, как жила все это время. Ее жизнь была вполне тихой и спокойной, пока не пришли алероны. Пьер, инженер по профессии, занимался строительством плотин и электростанций, а она воспитывала детей. Потом настала очередь Хейма рассказать о себе, и незаметно для себя он начал приукрашивать факты своей биографии самым старательным образом. Получилось это естественно и непринужденно.

То и дело он ловил себя на том, что украдкой смотрит на Даниель.

Именно с этого момента в голове Хейма начиналась путаница. Он помнил, как компания начала понемногу распадаться. Лично он не хотел спать, хотя вино и шумело в голове, но тело требовало разминки. Он сказал что-то насчет того, чтобы пройтись. Пригласил ли он девушку пойти с ним, или же она сама попросилась, или Мэдилон, рассмеявшись своим грудным смехом, отослала их вместе, пошутив насчет того, что ему нужен гид? Говорили все, но отчасти из-за своего слабого французского, отчасти из-за шума в голове он не помнил точно, что именно кто говорил. Единственное, что он помнил точно, это что Мэдилон слегка толкнула их в сторону, где лес был особенно густым: его одной рукой, ее — другой.

Некоторое время до них еще доносилась песня Вадажа, но когда они вышли на берег озера, вокруг раздавался только плеск воды, шелест листьев и похожее на флейту пение какой-то птицы.

Аврора садилась за западный горизонт на фоне огненно-золотистого скопления облаков. Длинные светлые тени протянулись от солнца к ним, словно расплавленные мосты над водой. Но на востоке уже клубился туман, наступавший неторопливо, как и закат: топазовая стена, верхушка которой вздымалась знаменами цвета одуванчиков в небо, все еще по-дневному светлая. Кожу слегка охлаждал ветерок.

Хейм заметил, что девушка обхватила себя руками.

— Вам холодно, мадемуазель? — спросил он по-французски, ужасно страшаясь мысли, что им придется вернуться. Даниель улыбнулась ему, прежде чем он успел снять с себя пиджак, вероятно, ее рассмешило его произношение. Хейм накинуд пиджак ей на плечи. При этом его рука слегка коснулась ее шеи, он почувствовал, как напряглись ее мышцы, и поспешил отдернуть руку.

— Спасибо,— ее голос был слишком тонок для английского или норвежского; а поэтому родной язык в ее устах звучал как песня. — Но как же вы сами?

— Ничего. Все в порядке. (Проклятье! Имеет ли фраза «все в порядке» то значение, которое он хотел выразить?) Я... — он мучительно подыскивал слова. — Слишком стар и... (как это?) ...Слишком стар и слишком волосат, чтобы чувствовать холод.

— Вы не старый, мсье,— серьезно сказала она.

— Ха! — он сунул руки в карманы брюк. — А вам сколько лет? Девятнадцать? У меня есть дочь, которая... которую... она... у меня есть дочь, всего на несколько лет младше вас.

— Что ж... — она взяла себя за подбородок. Хейм подумал, как изящен овал ее лица, переходящий в нежный рот с чуть припухшими губами, и как заorno торчит кверху ее вздернутый носик, на котором кое-где проступают веснушки. — Я знаю, что вы ровесник моей матери. Но вы выглядите моложе, а то, что вы сделали, было бы под силу далеко не каждому.

— Благодарю, благодарю. Пустяки.

— Мама была так взволнована, когда услышала о вас, — продолжала Даниель. — Мне кажется, папа даже слегка приревновал. Но теперь он полюбил вас.

— Твой отец — хороший человек.

Убогость собственного словарного запаса приводила Хейма в бешенство. «Что это за разговор, когда ты не можешь произнести ни одной фразы, выходящей за рамки школьной программы для первого класса?»

— Могу я вам задать один вопрос, мсье?

— Задавай какой угодно.

Непокорная прядка волос выбилась из ее прически.

— Я слышала, что мы — те, которые отправятся на Землю — делаем это для того, чтобы просить помощи. Вы действительно считаете, что наша просьба будет иметь такое большое значение?

— Ну, э... видишь ли, нам необходимо было прилететь сюда. То есть, мы теперь установили связь между вашими людьми и моими в космосе. А заодно мы сможем захватить отсюда часть людей.

Между бровями Даниель на мгновение появилась озабоченная морщинка.

— Но я слышала разговор о том, насколько сложно было посадить такой большой корабль незаметно. Разве не лучше было бы воспользоваться каким-нибудь кораблем поменьше?

— Вы очень умны, мадемуазель, но...

Прежде чем он смог сконструировать фразу-прикрытие, она прикоснулась к его руке (как легко!) и сказала:

— Вы прилетели, рискуя жизнью, ради мамы. Разве не так?

— М-м-м... ну конечно, я думал о ней. Мы старые друзья.

Даниель улыбнулась:

— Старые возлюбленные, как я слышала. Не все еще рыцари перевелись, капитан. Сегодня я сидела возле вас, вместо того чтобы петь с другими, потому что вы так красиво смотрелись.

Сердце его подпрыгнуло, но затем он понял, что «вы» означало местоимение второго лица множительного числа. Он от всей души надеялся, что свет закатного солнца сделал незаметным краску, покрывшую его лицо.

— Мадемуазель,— сказал он,— ваша мать и я — друзья. Только друзья.

— О, конечно. Я понимаю. И все же это было так мило с вашей стороны, все, что вы для нас сделали.— Над его головой зажглась вечерняя звезда. — А теперь вы отвезете нас на Землю. Я мечтала об этом путешествии с самого детства.

Появилась превосходная возможность сказать, что скорее Земля должна бы сесть на задние лапки и просить ее о чем-то, а не наоборот. Но Хейм лишь неповоротливой глыбой возвышался над ней, пытаясь найти способ выразить это как-нибудь поэтичнее. Даниель вздохнула и отвернулась.

— Ваши люди тоже рыцари,— сказала она.— У них не было даже такой причины, как ваша, чтобы сражаться на Новой Европе. Кроме, может быть, мсье Вадажа.

— Нет, у Вадажа здесь никого нет,— ответил Хейм.— Он трубадур.

— Он так чудесно поет,— пробормотала Даниель.— Я слушала с удовольствием. Он венгр?

— По рождению. Сейчас у него нет дома.

«Андре, ты славный парень, но что-то мы говорим о тебе чересчур много», — подумал Хейм, а вслух продолжал:

— Когда вы прибудете на Землю, ты и твоя семья, пользуйтесь моим домом. Я приеду, когда смогу, и возьму вас в свой корабль.

Даниель захлопала в ладоши.

— О, чудесно! — весело щебетала она. — Ваша дочь и я, мы станем хорошими подругами. А потом, путешествие на боевом корабле... Какие победные песни мы будем распевать, возвращаясь домой!

— Ну... так... возвращаемся назад в лагерь? Скоро стемнеет.

В подобных обстоятельствах лучше всего проявить себя настоящим джентльменом, насколько это возможно.

Даниель закуталась в пиджак:

— Да, если хотите.

Хейм не был уверен, что она сказала с неохотой. Но поскольку она сразу же пошла, он не стал больше ничего говорить, и по дороге они обменялись лишь несколькими фразами.

Пикник и в самом деле подходил к концу. Хейм и Даниель вернулись как раз в тот момент, когда все уже желали друг другу доброй ночи. Когда девушка возвращала ему пиджак, Хейм отважился легонько сжать ей руку. Вадаж галантно поцеловал эту руку, напомнив придворного кавалера времен какого-нибудь Людовика.

Когда они возвращались к себе в голубых сумерках, наполненных шелестом листвы, менестрель сказал:

— Ах, ты все же счастливчик.

— О чем ты? — изумился Хейм.

— Покорить такую очаровательную девушку! О чем же еще.

— Ради бога! — прорычал Хейм. — Нам просто хотелось немного размять ноги. Я пока еще не дошел до того, чтобы выкрадывать младенцев из колыбели.

— Не такой уж она младенец... Ты сам-то веришь в то, что говоришь, Гуннар? Нет, постой, не стирай меня в порошок. Во всяком случае, не в очень мелкий. Я просто хочу сказать, что мадемуазель Иррибарн очень мила. Ты не будешь возражать, если я навещу ее?

— Какого черта я должен возражать? — огрызнулся обозленный Хейм. — Но запомни, что она дочь моего друга, а эти колониальные французы сохранили средневековые представления о нравственности и приличиях. Ты меня понял?

— Безусловно. Можно к этому больше не возвращаться.

Весь остаток пути Вадаж весело насвистывал, а забравшись в свой спальный мешок, тотчас безмятежно захрапел. Хейм же еще долго мучился, перед тем как заснуть.

Может быть, именно поэтому он поздно проснулся и обнаружил, что в палатке никого больше нет. Вероятно, Диего помогал саперам де Виньи, а Андре куда-то ушел.

Для партизан было нецелесообразно устанавливать постоянные часы приема пищи, и, судя по походной плитке, светившейся тусклым светом, завтрак был уже приготовлен. Хейм сварил себе кофе, разогрел кусок дичи и отрезал ломоть хлеба, испеченного в традициях старой, истинно французской кухни и не годившегося для нежных желудков. Потом он умылся, сбрил щетину, накинул кое-какую одежду и вышел наружу.

«Очевидно, для меня нет пока никаких сообщений,— подумал Хейм.— А если поступят, то мне передадут. Что-то тревожно на душе. Не искупаться ли?»

Он взял полотенце и пошел к озеру.

Диана была уже высоко. Свет, проникавший сквозь листву, превращался в колеблющийся сумбур черного и белого, среди которого одиноко качался луч его фонаря. Воздух нагрелся, и туман рассеялся. Хейм слышал типичные для местного леса звуки: посвистывание, чириканье, кваканье, хлопанье,— и все же они чем-то стлчались от земных. Когда он вышел на берег, озеро показалось ему сверкающим соболиным мехом, каждая «воронка» — маленькая волна — переливалась в лунном свете. Седые снежные вершины величаво возносились к бесчисленным звездным россыпям. Хейм вспомнил, как однажды на Строне он пытался разглядеть Аврору; теперь это не составляло труда, поскольку в здешнем небе она пылала огромной яркой звездой. Его триумф, состоявшийся приблизительно тогда, когда Даниель еще только родилась...

Хейм разделся, оставил фонарь зажженным, чтобы не искать потом одежду, и зашел в воду. Она была холодная, но Хейму понадобилось меньшее, чем обычно, волевое усилие, чтобы заставить себя целиком погрузиться в воду. Некоторое время он просто плескался, согреваясь, потом поплыл длинными спокойными взмахами. Лунный свет рябил на поверхности дорожки, остающейся позади него на воде. Легкий теплый ветерок ласкал его кожу, как пальцы девушки.

«Кажется, дела идут на лад,— подумал Хейм со все нарастающим удовлетворением.— У нас действительно есть неплохой шанс спасти эту планету. И если взамся, в числе прочего, я должен буду прервать свою пиратскую карьеру, что ж, зато я вернусь на Землю».

Звучала ли это мелодия внутри него, или какая-то птица запела в своем гнезде?

Нет. Птицы не играют на двенадцати струнах. Хейм улыбнулся и, поплыв вперед, старался двигаться как можно более бесшумно. Для надпочечников Андре будет очень полезно, если сзади его схватит холодная влажная рука, а чей-то голос завопит: «Бу-у-у».

Песня становилась все слышнее. На сей раз менестрель пел на немецком языке о прекрасной Розалин.

Когда песня закончилась, Хейм увидел сидевшего на бревнах Вадажа, темный силуэт которого вырисовывался на фоне неба. Он был не один.

Ясно различимый в ночной тишине, прозвучал голос девушки, вторившей певцу по-французски.

Вадаж рассмеялся, и они стали разговаривать. Из всего диалога Хейм уловил только, что речь шла о Гете, о красоте природы, о песнях...

Даниель зябко повела плечами, и Вадаж, подняв с земли плащ, набросил его на них обоих, снова прошептав что-то по-французски, на что девушка, словно бы колеблясь, ответила:

— Да, но мои родители...

— Пф-ф! — фыркнул Вадаж и опять что-то затараторил.

Даниель весело хихикнула.

— ...песню о любви, — разобрал Хейм последние слова Вадажа, прежде чем тот мягко тронул струны, и чарующие звуки музыки слились с окружающим миром, превратились в неотъемлемую часть ночи, леса и воды. Голос певца вплетался в этот чудесный венок, делая его еще прекраснее. Даниель вздохнула и еще теснее прижалась к своему спутнику.

Хейм поплыл назад.

«Нет, — повторял он себе снова и снова. — Нет. Нельзя винить Андре в предательстве. Он ведь спрашивал моего разрешения».

Однако непонятная обида, сдавившая его горло, не проходила. Хейм больше не старался двигаться без шума, а рассекал воду с силой настоящего парохода.

«Он молод. А я гожусь ей в отцы. Но я упустил свой шанс. Я думал, все вернулось назад. Нет. Я был смешон. О, Конни, Конни!»

«Богом клянусь, — в ярости Хейм начал думать на языке своего детства. — Если он что-нибудь сделает... Я еще не слишком стар, чтобы свернуть шею такому вот шустряку».

«Однако какое мне до всего этого дело, черт побери!»

Он с шумом устремился из воды на берег и едва не содрал с себя кожу, яростно растираясь полотенцем. Натянув одежду, он, спотыкаясь, пошел через лес. В палатке еще осталась не совсем пустая бутылка.

Возле палатки его ждал какой-то человек. Хейм узнал одного из адъютантов де Виньи.

— Итак?

Офицер быстрым взмахом руки отдал честь:

— У меня есть сообщение для вас. Мсье Полковник установил контакт с врагом. Они ждут делегацию в Бон Шанс, как только наступит рассвет.

— О'кей, доброй ночи.

— Но, мсье...

— Я знаю, нам нужно посоветоваться. Что ж, я приду, когда смогу. Времени у нас достаточно. Впереди целая ночь.

Хейм прошмыгнул мимо адъютанта в палатку и опустился на кровать, прикрыв полог, закрывавший вход.

ГЛАВА 6

Внизу, широкая и плодородная, простиралась долина Карсака. Можно было разглядеть фермы со службами, деревни, иногда — фабрику, окруженную садами. Но нигде ни одного человека. Земля была безлюдна, стада бродили сами по себе, поля заросли сорняками. Среди них струилась река, металлически поблескивая в лучах раннего солнца.

Выглянув из окна флайера, Хейм увидел эскорт, четыре алеронских военных аппарата. Затеяливый, выполненный яркими веселыми красками рисунок на них не смягчал их очертаний, напоминавших баррикаду.

На безоружных новоевропейцев была нацелена по меньшей мере дюжина орудий.

«Из делегатов мы за полсекунды можем превратиться в пленников», — подумал Хейм, доставая трубку.

— Пардон, — подполковник Чарльз Наварра, возглавлявший группу парламентариев из восьми человек, слегка похлопал его по плечу. — Лучше спрячьте это, мсье. У нас в отряде маки давно не видели табака.

— Проклятье! Вы правы. Извините. — Хейм поднялся и сунул трубку в «бардачок».

— Они, кстати, не дураки, — Наварра придиричиво оглядел великана. — Может быть, с вами еще что-нибудь не так, капитан Альфонс Лафайет?

— Нет. Все остальное в порядке, — ответил Хейм по-английски. — Но давайте сойдем вниз последними. Вполне

очевидно, что моя форма подобрана наспех, но для партизана это естественно. Я не похож на типичного колониста, но они, возможно, этого не заметят, а если и заметят, то это их не удивит.

— Что вы имеете в виду? — спросил другой офицер.

— Разве вы не знаете? — ответил Хейм. — У алеронов со временем вырабатывается стандартизированный тип индивидуума. С их точки зрения, все люди настолько разные, что отличия в размерах и цвете не имеют никакого значения. Кроме того, они не настолько хорошо знают французский, чтобы заметить мой акцент, тем более, что я постараюсь, в основном, держать язык за зубами. Последнее, думаю, нетрудно будет сделать, поскольку я принимаю участие в данной экспедиции лишь в надежде добыть некоторые разведывательные данные.

— Да-да, — нетерпеливо сказал Наварра. — Но будьте при этом крайне осторожны.

Он наклонился к Вадажу, сидевшему сзади.

— И вы тоже, лейтенант Гастон Жерар.

— Напротив, — возразил менестрель. — Мне нужно как можно больше болтать и придуриваться, и, возможно, привести их в некоторое раздражение. По-другому невозможно исследовать внутренний мир инопланетян. Но вы не бойтесь. Все это продумано. Я всего лишь младший офицер, не заслуживающий особого внимания, а следовательно, и особого обращения со мной. — Он испытующе улыбнулся, глядя на Хейма. — Ты ведь можешь поручиться, что роль никчемного человека всегда прекрасно мне удастся, а, Гуннар?

Хейм что-то проворчал в ответ. Боль и удивление скользнули по лицу венгра. Когда его друг в первый раз обошелся с ним очень холодно, Вадаж приписал это приступу меланхолии. Теперь, когда он убедился в том, что неприязнь Хейма не прошла, у него не было возможности спросить у своего капитана в этой тесной, заполненной шумом кабине, что случилось.

Хейм почти в точности прочел мысли Вадажа. Вздохнув, он вернулся на свое сиденье впереди.

«Я глупец, эгоист, и вообще сукин сын, — думал он. — Но я не могу забыть Даниель, этот восход с каплями росы, словно бриллиантами, на ее волосах, и тот взгляд, который она подарила ему, когда мы прощались. Разве я не больше достоин такого взгляда?»

Он был рад прервать эти размышления, почувствовав, что флайер пошел на снижение.

Через увеличительное стекло иллюминатора, прежде чем оно опустилось до линии горизонта, Хейм увидел, что Бон Шанс

несколько вырос за двадцать лет. Но все же это по-прежнему был небольшой городишко, примостившийся на материковом плече, вдающемся в море, городишко с окрашенными в мягкие цвета и оштукатуренными стенами и красными черепичными крышами, с доками, забитыми разными судами, и с вездесущими деревьями. Привезенные с Земли зеленый орех и тополь росли попеременно с золотистыми «бальфлер» и «грацис». Гавань качалась и ослепительно сверкала, предместья полыхали множеством цветов, окружая город со всех сторон — совсем как в те времена, когда он гулял здесь рука об руку с Мэдилон.

Только... дороги были засыпаны опавшими листьями, дома глядели пустыми глазницами окон, в гавани гнили брошенные лодки, покрывались ржавчиной стоящие без дела машины, обычно сидевшие на башнях грачи вымерли или улетели, и вместо них в небе кружили на тонких крыльях «фукетты», высматривая добычу. Последним детищем людей, еще продолжавшим жить, был космопорт, находившийся в двадцати километрах от города вглубь материка.

Однако по его бетонным дорожкам двигались не люди и не их транспортные средства. Космические корабли, прибывавшие сюда с грузами, были построены не земными инженерами. Фабрики, которые они обслуживали, представляли собой вытянутые наподобие сфероида купола без окон, неестественно элегантные, несмотря на то, что это были всего лишь наспех собранные стандартные строения. Конвейеры, грузовые платформы, лифты были сделаны людьми, но пульты управления этими механизмами были приспособлены к мозгам, по-иному воспринимающим числа. Поля окружали казармы, сотни строений, простиравшихся вплоть до самых гор; сверху они выглядели как бронзовые цветки с раскрытыми лепестками. Среди них высились ракеты, которые были готовы к внезапному рывку, словно акулы перед нападением. На открытых площадках теснились вспомогательные суда. Среди них был вооруженный крейсер, чье рыло торчало на уровне кафедрального креста.

«Должно быть, он относится к классу линейных крейсеров планетарной обороны, — решил Хейм. — И если он один такой, значит, другие боевые корабли отсутствуют, неся патрульную службу. Возможно, это стоит запомнить».

— Не представляю, каким образом вы сможете использовать эту информацию, — сказал Наварра. — Единственное такое судно обеспечивает полное превосходство в космосе и в воздухе, когда ему противостоят одни флайеры. А наши флайеры даже не военные.

— Тем не менее, всегда полезно знать, что именно тебя ожидает. Кстати, вы уверены, что вся их сила сосредоточена здесь?

— Да, абсолютно уверен. В этом районе находится большинство нашего промышленного оборудования. Гарнизоны есть везде, на многих шахтах и заводах, равно как и посты наблюдения. Но наши разведчики сообщили, что их можно не принимать в расчет.

— Значит, на основании того, что алероны терпеть не могут толкучки, можно приблизительно определить общую цифру — давайте подумаем, — я бы сказал, что она составляет около пятидесяти тысяч. Безусловно, число военных не превышает пятой части этого количества. Большого для защиты им просто не нужно. Квалифицированные рабочие, те, кого мы без труда назвали бы инженерами, менеджерами и т. д., способны сражаться, но не обучены этому. Однако представители низшего класса алеронского общества, составляющие его большинство, воинственны по своей природе, это воспитывалось у них поколениями. Следовательно, причиной для беспокойства нам следует считать всего десять тысяч алеронов. Сколько у вас боеприпасов и боеспособных людей?

— Мы без труда могли бы набрать сотню тысяч, но однако, их уничтожат в тот самый момент, когда они выйдут из леса.

— Я знаю. От винтовки мало проку, если ей противостоят образцы космического и воздушного оружия, — невесело ухмыльнулся Хейм.

Флайер коснулся бетонной полосы в означенном месте и остановился. Его эскорт остался в воздухе. Наварра поднялся.

— Пошли, — коротко сказал он и направился к двери.

Снаружи их ожидало двадцать алеронов класса воинов, стоящие в ряд по обе стороны от выхода: поджарые, широкогрудые, волосы, ниспадающие из-под конических шлемов, заплетены в тугие косы, лица скорее некрасивые, но очень выразительные и совершенно бесстрастные. Длинные солнечные лучи, казалось, добела раскалили их чешуйчатые одежды. Они не вытащили из-за поясов своих кривых сабель и не наставили ружей на делегатов. Они стояли, как вкопанные, как неживые статуи. Их офицер выступил вперед, опустил хвост и поклонился, слегка коснувшись кончиками пальцев земли, что являлось знаком уважения. Он был выше, чем остальные, и все-таки ниже среднего роста человека.

— Добро пожаловать, — сказал Наварра нарочито медленно, чтобы офицер понял его диалект. В сравнении со струившейся, подобно флюиду, ласкавшей слух речью алерона, его голос

напоминал жесткую и шероховатую наждачную бумагу.— Мы готовы немедленно приступить к переговорам.

— Тем не менее, прежде вам все же следует осмотреть свои апартаменты. Мы приготовили лучшее, что могли найти неподалеку от резиденции Властителей Интеллекта Сада Войны.— Офицер издал прямо-таки соловьиную трель, отдавая какой-то приказ. Появилось несколько рабочих низшего класса. Они не соответствовали традиционному образу алерона, сложившемуся в сознании людей. Их одетые в черное тела были слишком массивны, черты лиц чересчур грубы, волосы слишком коротки, мех почти совсем не блестел, и в них не было и частицы того врожденного неосознанного высокомерия, которое отличало высшие слои их общества. Однако в них не было и раболепия, и они вовсе не были глупы. Миллионы лет истории, единственной реальной переменной, в которой было, подобное ледниковому, сползание к все более и более унифицированному обществу, привели к тому, что сами алероны приспособились к осуществлению этого предназначения.

Если офицера можно было сравнить с пантерой, его солдат — со сторожевыми собаками, то эти были огромными горячими скакунами.

Играя отведенную роль помощника, Вадаж показал алеронам багаж делегации. Когда тщательная проверка была закончена, офицер что-то просвистел, воины окружили парламентаров и повели их через поле. Шли они вовсе не маршевым шагом, однако все их движения были синхронными, словно у частей одного и того же организма. Лучи Авроры били в контактные линзы, защищавшие глаза алеронов от ее яркого света, и превращали их в рубины.

По мере того как они шли, Хейм не переставал исподтишка стрелять глазами по сторонам. Других воинов почти нигде не было видно, во всяком случае, их было не много. Должно быть, некоторые заняты делами, выполняя те таинственные ритуалы, какими были для алеронов ниже пятого класса власти общение, разговоры, спортивные игры и молитва. Остальные, вероятно, на дежурстве возле ракет или в воздушном патрулировании.

Кругом сновали рабочие и контролеры, разгружая транспортеры, переноса металлы из павильона плавильни и электрооборудование с завода в другое место, где оно устанавливалось на какое-нибудь орбитальное орудие. Их машины жужжали, лязгали, грохотали. Тем не менее, на взгляд, а вернее, на слух человека, тишина стояла ужасная. Ни криков, ни разговоров, ни шуток или ругательств, только время от времени мелодичная команда,

негромкое звучание записанной на пленку оркестровой музыки и мягкий топот тысяч ног.

Вадажа было не узнать, он оскалил зубы в какой-то непонятной усмешке и пробормотал по-французски Наварре что-то насчет патологической серьезности алеронов.

Хейм не мог поручиться наверняка, но ему показалось, что офицер бросил на Вадажа недоумевающий взгляд.

— Помолчите! — ответил Наварра.

«Однако Вадаж, вероятно, прав, — подумал Хейм. — Юмор — это результат определенного внутреннего искажения. А для того великого единства, каким является душа алерона, это кажется невозможным, немислимым в прямом смысле этого слова.

Кроме... Да, делегаты, посланные на Землю, особенно адмирал Синби, проявляли некоторые признаки холодного остроумия. Но они принадлежали к самому высшему классу власти. Это предполагало отличие от остальных особей их вида, которые...»

Хейм отвлекся от этих размышлений и вновь вернулся к функции наблюдателя.

Наконец они остановились возле сооружения в нескольких сотнях метров от края поля. Внешне оно ничем не отличалось от других таких же зданий с множеством изгибов, стоящих вокруг. Однако изнутри все явно было недавно убрано, стены покрыты пластиком, а на полу виднелись следы в тех местах, где прежде находились клумбы для растений. Мебель, душевая, светильники земного типа, позаимствованные из брошенных новоевропейцами домов были расставлены с геометрической точностью, которая — как, безусловно, считали алероны — импонировала людям.

— Сюда вам будут приносить пищу и питье, — пропел офицер. — Если вам захочется куда-нибудь пойти, часовые, стоящие у дверей, вас проведут.

— Я не вижу коммуникатора, — сказал Наварра.

— Его здесь нет, дабы вы не вели секретных переговоров с обитателями леса. Ваши охранники будут передавать ваши сообщения в пределах лагеря. Теперь мы должны открыть ваши емкости для вещей и осмотреть вашу одежду.

Трудно было понять, выражал или нет этот голос оскорбление, но Хейму показалось, что нет. Офицер просто констатировал факт.

— Очень хорошо, — сплюнул Наварра. — Мы подчинимся против своей воли, и это вам еще зачтется в числе прочего после того, как Земля одержит над вами победу.

Алерон даже не потрудился ответить. Обыск был до странного небрежным.

Никакой контрабанды обнаружить не удалось, поскольку оной не было вообще. Многие колонисты удивились, когда офицер сказал:

— Если вам будет угодно, мы сейчас же отправимся на поиски Властителей Интеллекта.

Основываясь на опыте своих прежних встреч с Алеронами, Хейм не был расположен к этому. Высшие чины Алерона всегда проявляли большую гибкость, чем их земные партнеры. Имея за своими плечами столь консервативную цивилизацию, они могли себе это позволить.

— А... кто они такие? — спросил Наварра, проявляя признаки колебания и не зная, на что решиться.

— Они — имбиак планетарной и космической защиты, имеющие в своем подчинении главного инженера-оператора. Кроме того, им доверены хранилища информации и советов, — ответил офицер. — Вас устраивает? И соответствует или нет этому ваше собственное официальное положение?

— Я представляю здесь констебулярное правительство Новой Европы, — сказал Наварра. — А эти люди — мои эксперты, — совершенно беспристрастно произнес он. — Но любое соглашение между нашими двумя сторонами, если оно будет достигнуто, должно быть ратифицировано нашими вышестоящими представительствами.

И вновь на женственном лице, неуместном на этом звероподобном теле, мелькнуло выражение, которое можно было принять за растерянность.

— Так вы идете? — прозвучал мелодичный вопрос.

— А почему бы и нет? — сказал Наварра. — Прошу вас, господа, возьмите с собой свои бумаги. — Щелкнув каблуками, он направился к выходу.

Хейм и Вадаж подошли к двери одновременно. Менестрель поклонился.

— Только после вас, мой дорогой Альфонс, — сказал он. Хейм колебался, не желая вступать в игру. Но делать было нечего, этикет необходимо соблюдать. Поэтому склонив голову в ответном поклоне, он сказал:

— После вас, мой дорогой Гастон.

Их пререкания продолжались в течение нескольких секунд.

— Это какой-то ритуал? — спросил офицер.

— Один из наиболее древних. — Вадаж выскользнул наружу бок о бок с ним.

— Никогда прежде не замечал у вашей расы такой традиции, — произнес офицер.

— Ну что ж, если позволите, я расскажу...— Вадаж пустился в пространственные объяснения.

«Свое дело он делает как надо»,— нехотя вынужден был признать Хейм.

Чтобы отделаться от мыслей о Вадаже, он стал смотреть прямо перед собой на здание, к которому они приближались. В отличие от остальных, оно поднималось вверх одной высокой кривой, на вершине которой виднелся символ, похожий на древне-китайскую идеограмму. Стены были бронзовые, но не гладкие, а изборозжденные множеством микроскопических канавок, от чего все здание словно бы шевелилось, изумительно переливаясь всеми цветами радуги. Теперь Хейм понял, что музыка, которую они слышали на поле космопорта, передавалась отсюда, в диапазоне, неизвестном людям.

Часовых не было видно. Своих подчиненных алероны могли не опасаться. Стена расступилась, пропуская подошедших, и вновь сомкнулась за ними.

Декомпрессионной кабины здесь не было. Должно быть, хозяевам было удобнее самим приспосабливаться к тяжелой влажной атмосфере этой планеты, возможно, они это делали с помощью допингов. Холл постепенно уходил вверх, еле освещенный тусклым светом со сводчатого потолка. Пол устилал ковер из живого пушистого и мягкого мха, стены были сплошь покрыты фосфоресцирующими лианами и цветами, медленно качавшимися в такт музыке и насквозь пропитавшими воздух своим ароматом. Люди собрались в одну плотную группу, словно так им было спокойнее. Среди призрачного молчания и призрачных теней они проследовали в зал заседаний, сопровождаемые своими охранниками.

Зал, в который они вошли, вздымался ввысь гигантскими сводами, терявшимися в темноте, и среди этой темноты по-зимнему холодно и резко сверкали искусственные звезды. Интерьер представлял собой зыбкий, колышавшийся лабиринт из шпалер, кустарников и цветов. Свет исходил лишь из фонтана посередине, малиновые воды которого поднимались вверх на пять метров из чаши, вырезанной в форме открытого рта, затем снова падали вниз и наполняли каждый уголок этих джунглей своим громким плеском и бульканьем. Когда Хейм обходил вокруг фонтана, ему показалось, будто в темноте над головой прошумели крылья.

Лорды-завоеватели уже стояли в ожидании, стоя опираясь на хвосты и когтистые лапы. В общей сложности их было полдюжины. Никаких знаков отличия или звания на них не было, но свет красиво блестел на одежде из металлической сетки, на

глянцевых волосах и серебристом мехе. Ангельские лица были абсолютно спокойны.

Офицер преклонил перед ними колена, а воины опустили ружья. Было пропето несколько слов. Затем охранники отступили в темноту, и люди остались одни.

Один из властителей алеронов вдруг выгнул спину и зашипел, однако почти мгновенно справился с собой. Он сделал несколько мелких шажков вперед, так, чтобы его лицо хорошо было видно, и рассмеялся низким теплым смехом.

— Итак, капитан Гуннар Хейм,— промурлыкал он по-английски.— Странно, как судьба сводит нас вместе. Вы еще не забыли Синби рю Тарена?

ГЛАВА 7

Вселенная Хейма с такой скоростью закружилась вокруг него, что он едва отдавал себе отчет в происходящем. Красноватая мгла наполнилась трелями, это алероны переговаривались между собой. Один из них ошетинился и выкрикнул какой-то приказ охране. Синби отменил этот приказ повелительным жестом. Сквозь шум в ушах и бешеный стук сердца Хейм слышал, как адмирал пробормотал:

— Вас следовало бы немедленно уничтожить, но этого не будет. Правда, мы не можем вас освободить, и теперь вы почетные военнопленные.

За этим последовали почести, и наконец людей отвели назад, в их апартаменты. Но Хейм остался.

Синби удалил всех военных предводителей и охранников, кроме четверых. К тому времени пот, покрывавший кожу Хейма, испарился, сердце колотилось уже не так сильно, и первый приступ всепоглощающего отчаяния прошел, уступив место суровой настороженности. Он молча ждал, сложив руки на груди.

Лорд алеронов, крадучись, приблизился к фонтану, на фоне которого его силуэт выделялся словно на фоне жидкого пламени. Некоторое время он играл цветущей лианой. Единственными звуками вокруг были музыка, звуки падающей воды и невидимых парящих в вышине крыльев. Наконец Синби произнес нараспев, мягко и не глядя на человека:

— Я прибыл сюда для того, чтобы охотиться на вас, охотника. Я лелеял надежду, что мы встретимся в космосе и выразим свою

любовь друг другу посредством наших орудий. Что привело вас на эту скучную землю?

— Вы и в самом деле полагаете, что я отвечаю? — проскрежетал Хейм.

— У наших с вами наций есть много общего. Сожалею, что я вынужден нарушить данное мною слово и взять вас в плен. Хотя ваше присутствие говорит о том, что эти переговоры — фикция.

— Отнюдь. Просто случилось так, что я смог принять в них участие. И вы не имеете права удерживать здесь новоевропейцев.

— Давайте не будем торговаться. И вы, и я выше этого. Если я освобожу остальных, они пошлют сообщение на ваш корабль. И не исключено, что он нападет. А у нас здесь нет ничего, кроме моего крейсера «Юбалхо». Не имея сведений о том, что случилось с вами — его душой, — «Лис» будет выжидать, а я тем временем выиграю время для того, чтобы вызвать сюда свою эскадру.

Хейм с шумом выпустил сквозь зубы воздух. Синби круто обернулся. Глаза его впились в человека, словно пронзающие лучи лазера.

— О чем это вы подумали?

— Ни о чем! — рывкнул в ответ Хейм.

Однако в голове у него с молниеносной скоростью пронеслось:

«Он считает, что я посадил «Лиса». Что ж, это вполне естественно. Не догадываясь о нашем трюке с метеоритом, он должен прийти к выводу, что только очень маленькое или очень быстрое судно могло проскользнуть мимо его охраны. А с какой стати мне было прилетать сюда на яхте? «Лис» мог бы произвести на поверхности чудовищные разрушения, мог бы уничтожить ракетами эту базу и обстрелять его флагман, находящийся в позиции лягушки, сидящей в болоте.

Не знаю, какую пользу можно извлечь из этой дезинформации, но извлечь нужно. Держи ухо востро, парень. Сейчас у тебя нет ничего, кроме твоих старых ржавых мозгов».

Синби некоторое время изучающе смотрел на Хейма.

— Я не отваживаюсь слишком долго ждать, прежде чем начать действовать, — пропел он. — А мои корабли далеко.

Хейм заставил себя сделать язвительное замечание:

— Практический предел лазерного луча составляет около двадцати миллионов километров. При этом погрешность в вычислении позиции корабля чересчур велика, не говоря уже об остальном. И нет никакой возможности зацепиться за ускоряющее судно до тех пор, пока оно не окажется так близко, что вы сможете пустить в ход обыкновенный передатчик. Координаты корабля меняются слишком быстро, к тому же всегда может

случиться нечто непредвиденное, например, какой-нибудь хитрый трюк с астероидом. Так сколько у вас соединений на известных орбитах в радиусе двадцати миллионов километров?

— Не надо меня оскорблять,— спокойно ответил Синби. Он величаво прошествовал к стене, раздвинул живой занавес из цветов и нажал на кнопки инфотрива. Машина защелкала и вытолкнула перфокарту. Адмирал склонился над символами.

— Крейсер «Айнисент» и улан «Севайдж» находятся в пределах досягаемости; остальные, не имея сведений, будут продолжать следовать своим курсом до тех пор, пока не вернутся один за другим в режим торможения и не обнаружат лишь пепел сражения.

— А каковы моменты тех двоих? — осведомился Хейм. Он сказал это в основном для того, чтобы не дать окрашенному в кровавый цвет безмолвию вновь воцариться. Оно раздражало его — правда не настолько, чтобы ему хотелось забивать свой мозг какими-то цифрами,— но тут Синби пропел по-английски все орбитальные данные и точные координаты обоих кораблей.

— Итак, я посылаю своих собратьев вызвать их сюда,— продолжал алерон.— При наибольшем ускорении, продолжительном и отрицательном, «Севайдж» совершает орбитальный облет вокруг Новой Европы за восемнадцать часов, а «Айнисент» — за двадцать три часа. Я не думаю, чтобы экипаж «Лиса» так скоро начал беспокоиться за вас. Когда все три корабля будут в воздухе, мы обобщем всю эту планету. Стоит вашему кораблю едва шевельнуться — и он немедленно будет уничтожен. Но если даже он затаится, все равно мы найдем его логово, расставив повсюду детекторы.

В голосе Синби не было и намека на угрозу. Он стал еще мягче, когда алерон сказал:

— Я говорю вам все это, лишь питая слабую надежду, что вы добровольно выдадите «Лиса». Этот корабль был слишком отважен, чтобы теперь погибнуть вот так, на суше, а не среди звезд.

Хейм крепко сжал губы и покачал головой.

— Что я могу предложить вам в обмен на добровольную капитуляцию? — печально спросил Синби.— Разве что вы согласитесь принять мою любовь и расположение?

— Какого черта? — воскликнул Хейм.

— Мы так одиноки, и вы, и я,— пропел Синби. В первый раз за все время в его голосе послышались насмешка, когда он резко дернул хвостом в сторону воинов, стоявших с застывшими, ничего не выражавшими лицами, полускрытые густыми сумерками.

— Вы думаете, у меня с ними много общего? — Синби скользнул ближе. Светотени причудливо переплетались на сверкающих локонах и волнуяще прекрасном лице. Большие глаза алерона остановились на человеке.

— Стара наша планета Алерон,— пропел он.— Стара, стара. Слишком долговечны красные карликовые звезды, и поздно появляется жизнь в такой ничтожной радиации. Однажды мы появились, наша раса, на планете, где моря испарились, реки превратились в слабые ручейки среди пустыни, где не хватало воздуха, воды, металла, жизни; прошли неисчислимые поколения, а мы все влачили жалкое существование, медленно, очень медленно выбираясь из первобытной дикости. Ах, не скоро появилась у нас первая машина. Того, что вам удалось сделать за несколько веков, мы добились в течение десятков тысячелетий, и когда это было достигнуто, миллион лет тому назад, выжить сумело лишь одно общество, поглотившее все остальные, и машинная мощь дала ему возможность связать нас узами, разорвать которые невозможно. Странники отправились к звездам. Интеллектуалы совершили величайшие открытия, но все это вызвало лишь едва заметную рябь на поверхности цивилизации, корни которой уходят в вечность. Земля живет для непрерывно меняющихся целей. Алерон — для сохранения постоянства. Понимаешь ли ты это, Гуннар Хейм? Чувствуешь ли, насколько далеки вы от нас?

— Я... Вы имеете в виду...

Пальцы Синби коснулись запястья Хейма, словно легкое дыхание. Он почувствовал, как встали дыбом волоски на коже, и непроизвольно начал искать, за что бы ухватиться: мир вокруг внезапно покачнулся и поплыл перед глазами.

— Вообще-то... э... такие предположения высказывались. Точнее говоря, некоторые люди считают, что все действия алеронов по отношению к нам — это просто реакция на то, что мы угрожали вашей стабильности. Но в этом нет никакого смысла. Мы могли бы достичь компромисса, если единственное, чего вы хотите — это чтобы вас оставили в покое. Вы же пытаетесь выдворить нас из космоса.

— Мы должны это сделать. Здравый смысл, благоразумие, логика — что это, по-вашему, такое, если не орудия единого наиболее древнего инстинкта? Если расы, менее могущественные, чем наша, изменяются, то это значит для нас не больше, чем простое размножение насекомых. Но вы, вы появились за какие-то десять или двадцать тысяч лет — почти мгновенно. Вы вышли из пещер с каменными топорами в руках, но они в мгновение ока превратились в оружие, способное потрясать планеты. Вы

облетели близлежащие звезды, и теперь ваши мечты распространились уже на всю галактику, на весь космос. Этого мы потерпеть не можем! Инстинкт подсказывает, что нам грозит гибель, если мы допустим, чтобы наша планета превратилась в жалкий клочок, окруженный чужими владениями, беззащитный и отданный на милость покорителей галактики. А сами вы разве стали бы, разве смогли бы доверять расе, которая обрела могущество благодаря тому, что питалась и питается живыми существами, также имеющими мозг? Алероны больше не в состоянии доверять расе, алчные стремления которой не знают пределов. Вас следует отбросить назад, к вашим планетам, а может быть, даже к вашим пещерам или вашей первобытной грязи.

Хейм стряхнул мягкую руку Синби со своего запястья, сжал кулаки и прорычал:

— И вы еще говорите о какой-то дружбе между нами и вами?

Синби твердо взглянул прямо в глаза, но в голосе его твердости не было.

— До сих пор, говоря «мы», я имел в виду всех алеронов. Но это безусловно не так. Когда впервые возникло ясное понимание вашей угрозы, стало ясно, что алеронам, у которых веками воспитывалась застойность сознания, превращавшая их в различные части единого механизма Конечного Общества, не устоять перед вами, теми, кто обладает гибким сознанием и не боится нового. Я принадлежу к тому классу, который был создан для того, чтобы мыслить и действовать как люди и в конечном итоге превзойти их.

Синби сцепил руки:

— Одиноки, одиноки!

Хейм смотрел на него, прекрасного и несчастного, и не находил слов.

Алерон вдруг спросил с необычной страстностью в голосе:

— Неужели вы не догадываетесь, насколько одиноким я должен себя чувствовать, я, чей образ мышления похож на человеческий так, как ничей другой, за исключением тех немногих, которые были созданы подобно мне? Знаете ли вы, каким счастьем для меня было побывать на Земле, встретиться там с умами, для которых тоже не существует горизонтов, погрузиться в ваши книги, музыку и такое живое искусство изображения? Бесплодны мы, Властители Интеллекта Сада Войны, мы не в силах произвести потомков, которые могли бы потревожить покой Алерона; но нам были даны силы жизни, чтобы наша воля и ярость достигли тех же вершин, что и ваши, и чтобы при нашей встрече эти силы помогли нам выстоять в

испытаниях, которые знали те, кто выстоял при Фермопилах. Но... когда вы захватили меня, Гуннар Хейм, в тот раз, когда выкупили за меня свою дочь... потом я понял, что это тоже было испытанием.

Хейм сделал шаг назад. Дерзкая мысль пронзила его мозг и отозвалась жаркой вспышкой в каждом нервном окончании.

Синби рассмеялся. Хейму казалось, что в этом смехе прозвучало торжество.

— Не буду вас пугать, капитан. Я всего лишь хочу предложить вам что-либо на ваш выбор.— Затем, очень мягко:

— Дружба? Беседа? Совместное путешествие? Что больше вас устроит? Я не предлагаю вам предавать ваших людей. Мне достаточно лишь приказать — и ваши знания, ваши планы будут исторгнуты из вашего мозга, однако я никогда не пойду на это. Считайте, что вы — военнопленный и что никакого вреда не будет, если вы поделитесь своими сведениями с тем, кто взял вас в плен и мог бы стать вашим другом.

«Господи,— подумал Хейм. Звуки доходили до него словно через барьер огромного расстояния или лихорадки.— Дай мне немного времени, я смог бы использовать его».

— Помните,— настойчиво продолжал Синби,— что власть моя на Алероне очень широка, и в один прекрасный момент я могу наложить запрет на преследование расы, воспитавшей вас, и тем самым спасти ее от гибели.

— Нет! — чисто рефлекторно отозвалось в мозгу у Хейма.— Я не хочу. Я не могу.

Синби протянул ему руку.

— Пожмите эту руку, как сделали однажды,— умоляюще произнес он.— Поклянитесь, что не попытаетесь бежать или предупредить своих собратьев. Тогда я не стану приставлять к вам охрану, и вы сможете свободно, как я сам, ходить по нашему лагерю и осматривать корабли.

— Нет! — взревел Хейм.

Синби отпрыгнул назад. Зубы его блеснули.

— Невелико же ваше уважение ко мне,— прошипел он.

— Я не могу дать вам честное слово,— сказал Хейм, а про себя подумал: «В любом случае, нельзя давать ему прикидываться простачком. Может быть, еще есть какой-то шанс. Лучше погибнуть, пытаясь вырваться, чем...»

Какая-то мысль молнией сверкнула у него в голове и исчезла, прежде чем он успел понять, что же это было. Его сознание развернулось и бросилось в погоню, отчего кожа стала покрываться потом, а сердце бешено забилося в груди.

Тем не менее, несмотря на, то что мускулы страшно напряглись, а комната приняла вид ночного кошмара, Хейм сухо сказал:

— Какой от этого будет толк? Я же знаю, что вы не дурак. За мной все равно стали бы присматривать, разве не так?

Если человека это могло бы рассердить, то Синби, напротив, смягчился и усмехнулся с довольным видом.

— Это правда. По крайней мере до тех пор, пока не был бы обезоружен «Лис». А вот впоследствии, когда мы лучше узнаем друг друга...

Хейм наконец поймал ускользнувшую от него мысль, и, когда осознал ее, это было равносильно удару. Взвешивать шансы было некогда. Вероятнее всего, они были абсолютно безнадежны, и ему предстояло погибнуть.

«Но надо хотя бы попробовать,— подумал он.— Немедленного заключения под стражу, кажется, не предвидится. Если будет ясно видно, что это не сработает, тогда я и пытаться не буду».

Облизнув сухим языком пересохшие губы, он откашлялся и сказал:

— Все равно никогда и ни при каких обстоятельствах я не смог бы дать вам честное слово, Синби. Ваше мышление все же отличается от человеческого, иначе вы бы поняли почему.

Глаза алерона заволоклись мембранами. Золотистая голова поникла.

— Но в вашей истории повсеместно встречаются примеры взаимного уважения и восхищения между противниками,— прозвучал музыкальный протест.

— О, это да. Послушайте, я действительно буду рад пожать вам руку.

К удивлению самого Хейма, то, что он сказал, было правдой, и когда четыре тонких пальца легли в его ладонь, он не сразу выпустил их.

— Но я не могу вам сдаться даже на словах,— продолжил Хейм.— Мне кажется, этого не позволяют мне мои собственные инстинкты.

— Нет, но люди часто...

— Говорю вам, этого нельзя объяснить словами. Я не могу до конца прочувствовать то, что вы сказали насчет естественного страха алеронов перед людьми. Точно так же и вы не можете до конца понять, что я имею в виду. И все же вы дали мне некоторое грубое представление. Быть может, и я мог бы дать вам некоторое представление о том... в общем, о том, что должен чувствовать человек, если его народ потерял свой дом.

— Я слушаю.

— Но мне придется вам это показать. Символы и... У вас ведь, у алеронов, отсутствует религия в том понимании, в котором она имеется у людей, не так ли? Это лишь один вопрос из множества. Если бы я мог показать вам несколько вещей, которые вы могли бы увидеть и потрогать, и постарался бы объяснить, что они символизируют, может быть, тогда.... Ну, так как? Съездим в Бон Шанс?

Синби сделал шаг назад. В мгновение ока он стал ужасно похож на kota.

Хейм насмешливо посмотрел на него.

— О, стало быть, вы боитесь, что я попытаюсь проделать какой-то трюк? Разумеется, возьмите с собой охрану. Или лучше не стоит беспокоиться, если вы боитесь. — Он полуразвернулся. — Пожалуй, я лучше вернусь к своим.

— Вы пытаетесь задеть мою гордость, — крикнул Синби.

— Еще чего! Я просто сказал: «Подите вы к черту», — больше ничего. Вся беда в том, что вы даже не знаете, что сделали на этой планете. Вы неспособны держать в голове такую информацию.

— Арван! — Хейм не смог бы с уверенностью сказать, гнев или что-то другое преобладало в этом взрыве.

— Я принимаю ваш вызов. Мы отправимся немедленно.

Волна внезапной слабости прошла сквозь Хейма.

«Вот так-так! Стало быть, я и в самом деле начинаю разбираться в его психологии, — подумал он. — Андре и то не мог бы лучше справиться с этой задачей».

Почувствовав, что силы вновь вернулись к нему, Хейм сказал:

— Хорошо, — однако внутренне он трепетал. — Просто я хочу, чтобы вы поняли как можно больше. Как вы сами недавно заметили, вы смогли бы оказать большое влияние на ход войны между Землей и Алероном, если таковая когда-нибудь случится, и события примут неблагоприятный для нас оборот. Или если ваша сторона проиграет — а это может случиться, вы хорошо знаете: наш военный флот лучше вашего, если только у нас хватит мозгов его использовать как следует, — так вот, в этом случае мой голос тоже будет иметь кое-какой вес в решении дальнейшей участи Алерона. Давайте возьмем с собой Вадажа. Я уверен, что вы его помните.

— А, да-да, мне всегда казалось, что он неуместен в такой экспедиции, как ваша; какая от него может быть польза? И зачем он вам сейчас?

— Да я, вообще-то, не мастак говорить. Возможно, ему скорее удастся объяснить вам все как следует.

Про себя Хейм подумал:

«Он умеет говорить по-немецки, и я тоже немного знаю этот язык. Синби знает английский, французский, без сомнения, испанский, но немецкий?»

Адмирал пожал плечами и отдал какой-то приказ. Один из воинов, подняв руку в салюте, повернулся и вышел, в то время как остальные последовали за Синби и Хеймом вниз по залу, в свет утреннего солнца, через поле к военному флайеру. По дороге Синби один раз остановился, чтобы защитить глаза от красного уголька солнца контактными линзами.

Вадаж и его охранники уже ждали их. Венгр казался маленьким, скорбленным и совершенно павшим духом.

— Гуннар, — понуро спросил он. — Что все это значит?

Хейм объяснил. На мгновение Вадаж был озадачен. Потом надежда загорелась в его глазах.

— Какова бы ни была твоя идея, Гуннар, я с тобой, — сказал он и придал лицу бесстрастное выражение.

Полдюжины воинов заняли места в задней части флайера. Синби сел за пульт управления.

— Посадите машину на площади, — предложил Хейм. — А оттуда мы прогуляемся пешком.

— Странные у вас привычки, — высоким голосом пропел Синби. — Мы считали, что провели полное исследование и поняли вас, думали, что вы с вашими слабостями и недалечностью у нас в руках, но тут появился «Лис». А теперь...

— Ваша проблема, сэр, состоит в том, что алероны любого конкретного класса, за исключением, разумеется, вашего, стереотипны, — сказал Вадаж. — А каждый человек — это сам себе закон.

Синби ничего ему не ответил. Флайер взлетел. Несколько минутами позже он приземлился. Пассажиры вышли из машины.

Под огромным небом висела жуткая тишина. Опавшие листья покрывали тротуары, заполнили сухой фонтан, где по-прежнему стояла скульптура Ламонтэня. Потрепанные непогодой рыночные палатки, опрокинутые столы и стулья уличных кафе, порванные маленькие зонтики, некогда такие веселые. Только собор возвышался все так же твердо и непоколебимо. Синби двинулся к нему.

— Нет, — сказал Хейм. — Давайте зайдем туда в последнюю очередь.

Он пошел по направлению к реке. Под ногами шуршали листья и мусор, шаги эхом отзывались от стен пустых домов.

— Разве вы не видите, что здесь не так? — спросил он. — Здесь жили люди.

— Теперь они отсюда изгнаны, — ответил Синби. — Пустой город наводит ужас на меня, алерона. И все же, Гуннар Хейм,

этот город подобен... бабочке-однодневке. Неужели вашу неумную ярость вызвало лишь то, что людям пришлось покинуть место, на котором они не прожили еще и столетия?

— Со временем город бы расстроился,— сказал Вадаж.

Лицо Синби исказилось так, что стало безобразным.

На тротуаре лежала небольшая кучка костей. Хейм указал на нее со словами:

— Это была чья-то домашняя собака. Она повсюду следовала за своими божествами, и ждала их, а однажды, не найдя нигде, умерла с голоду. Ваших рук дело.

— А вы питаетесь плотью,— отпарировал Синби.

В одном из домов тоскливо скрипела распахнутая дверь, качаясь на ветру, который дул от воды. Сквозь дверной проем можно было разглядеть большую часть внутренней обстановки, покрытой пылью и попорченной дождем. У порога валялись остатки тряпичной куклы. Хейм вдруг почувствовал, как к глазам подступили слезы.

Синби прикоснулся к его руке.

— Надеюсь, это вы мне не станете предъявлять как свидетельство нашей кровожадности,— сказал он.

Хейм продолжал идти вперед гигантскими шагами.

Вдали уже показалась набережная Эспранада. За ее узорчатой оградой устремлялись к гавани воды Карсака, широкие и ворчливые. Солнечный свет так ослепительно сверкал на их поверхности, что казалось, будто звук медной трубы воплотился в нечто зримое и осязаемое.

«Пора»,— подумал Хейм. Кровь бешено застучала в его висках.

— Один из наших поэтов так сказал о том, что я имею в виду,— проговорил он медленно и продолжал по-немецки:

— Когда мы выйдем на берег реки и увидим справа от себя мост, тогда прыгаем вниз и плывем к нему.

Он не отважился взглянуть на Вадажа, чтобы увидеть, как тот прореагировал на его слова. Как во сне услышал он вопрос Синби, в голосе которого звучало некоторое смущение:

— Что означают эти слова?

Вадаж ответил абсолютно бесстрастно:

— Человек, достойный звания человека, никогда не теряет веры в себя, если только в нем не умерла человечность.

«Молодец!» — мысленно похвалил его Хейм. Но в основном все его внимание было сейчас сосредоточено на ружьях, нацеленных ему в спину.

Они пошли по набережной в западном направлении.

— И все же, я не совсем понял,— прозвучала трель Синби,— алероны тоже не лишены чувства гордости и достоинства. Так в чем же разница?

Хейм почувствовал, что больше медлить нельзя. Момент, казалось, был довольно подходящий, во всяком случае, если попытка будет неудачной, все завершится вечной тьмой и концом страха.

Он остановился и облокотился на ограду.

— Разница,— сказал он,— объясняется в другом изречении того же поэта.— Он снова сказал по-немецки: — Я сейчас столкну этого типа в воду. После того прыгаем оба вниз.

Затем добавил алерону, переходя вновь на язык, понятный ему:

— Это... э... это трудно перевести. Но взгляните*вниз, туда.

Вадаж присоединился к ним. Губы его тронула едва заметная улыбка, но он мрачно объявил:

— Стихотворение основано на высказывании из Гераклита: «Дважды в одной реке не искупаешься».

— Об этом я читал,— Синби пожал плечами.— Столь ужасные мысли встречались довольно редко.

— Видите? — Хейм положил на плечо алерона руку и легонько подтолкнул его вперед, так что Синби теперь тоже стоял, перегнувшись через ограду. Текучая поверхность приковала к себе его взгляд, гипнотизируя.

— Вот там один из основных человеческих символов,— сказал Хейм.— Река, связанная с морем, сможет затопить огромные площади суши, если эту реку запрудить. Движение, сила, судьба, само время.

— На Алероне нам это неизвестно,— прошептал Синби.— В нашем мире есть одни только голые скалы.

Хейм сомкнул пальцы на его шее, а другой рукой оперся об ограду. Одно движение плечом — и, опрокинувшись через ограду, они вместе упали в реку.

ГЛАВА 8

Тяжелые ботинки тащили его вниз. Отпустив алерона, Хейм перекувыркнулся и вцепился ногтями в их застёжки. Свет из зеленого стал коричневым, а затем и вовсе исчез. Вода, холодная и тяжелая, била и переворачивала его снова и снова. Долой один... теперь второй... отчаянно отталкиваясь руками и ногами,

он устремился вверх. Легкие, казалось, готовы были разорваться. Преодолевая сопротивление воды, Хейм понемногу выпустил воздух через рот. Сознание начало затуманиваться.

— Ну,— подумал он.— Теперь либо дыхание, либо огненный луч.

Слегка высунув лицо из воды таким образом, чтобы только успеть набрать в легкие воздуха, Хейм краем глаза увидел набережную и снова ушел под воду.

Еще трижды он повторял этот маневр, прежде чем решить, что теперь он отплыл уже достаточно далеко, чтобы можно было рискнуть и посмотреть, где Вадаж. Страхнув воду с волос и протерев глаза, Хейм поплыл австралийским кролем. Над одеждой в подкрашенный бетон берегами реки высились деревья, сквозь золотисто-зеленую листву которых просвечивали солнечные лучи. Иногда в поле зрения появлялись коньки крыш, но в основном над кронами деревьев сияло лишь бесконечное синее небо.

Вскоре неподалеку вынырнула из воды голова Вадажа. Хейм помахал ему рукой и поплыл дальше, пока не очутился под мостом. Это было все же хоть какое-то укрытие от преследователей. Ухватившись за опору, Хейм придал телу вертикальное положение. Через несколько секунд к нему присоединился и менестрель. Он тяжело дышал.

— Черт побери, Гуннар, ты несешься так, словно за тобой гонится сам дьявол!

— А разве нет? Хотя для нас большой плюс то, что алероны здесь не слишком-то хорошо видят. Контактные линзы спасают их глаза от слепящей яркости, но Аврора испускает гораздо меньше лучей, близких к инфракрасным, чем Эйт, а именно к этим лучам они наиболее чувствительны.

Хейм обнаружил, что подобные рассуждения на ученые темы действуют на него успокаивающе, поскольку превращают его из преследуемого животного в военного тактика.

— Тем не менее, нам все же лучше держаться под водой как можно дольше. И к тому же порознь. Знаешь старый Кви де Коквилагео? Он все еще на месте. О'кей, встретимся под ним. Будем ждать в течение часа. Если за это время один из нас не появится, другой должен считать, что его напарник погорел.

Поскольку Вадаж выглядел более усталым, чем он сам, Хейм поплыл первым. Он двигался неспеша, отдаваясь на волю течения, и добрался до устья реки в довольно хорошей форме, настолько хорошей, что сумел даже почувствовать удивление, еще раз мысленно пережив свой побег. Потом он намеренно выкинул из головы все эти мысли и, прячась под доком, просто наслаждался игрой солнечных бликов на поверхности воды, зрелищем накло-

ненных мачт, ласковым прикосновением прохладных струй, шершавой поверхностью пирса, за который держался, характерным плеском маленьких волн о борта судов и разнообразием окраски их корпусов. Приподнятое настроение уже начало было меняться, вытесняемое тревогой («проклятье, надо было рассказать Андре обо всем, что я знаю»), когда венгр наконец появился.

— А они не станут нас искать прежде всего именно здесь? — спросил Вадаж.

— Сомневаюсь, — ответил Хейм. — Не забудь, что они жители сухой планеты. Поэтому идея использовать воду для чего-либо кроме питья не может возникнуть у них так же естественно, как, допустим, у наксов, которые из нее фактически не вылезают. Обрати внимание: они здесь ничего не тронули, хотя каботажный транспорт был бы весьма неплохим подспорьем для их воздушных грузовиков. Первым их предположением должно быть то, что мы как можно скорее постарались выбраться на берег, а поэтому наша задача сейчас — найти какую-нибудь лодку в рабочем состоянии.

— Ну, уж тут тебе выбирать. Я-то ведь прирожденный сухопутный житель.

— Что ж, зато я никогда не преуспевал в верховой езде, так что по части славы мы равны.

Хейм рискнул взобраться на причал, чтобы осмотреться. Он выбрал крепкое на вид прогулочное судно, типа гидрофойла, способное двигаться под водой, и трусцой двинулся к нему. Погрузившись под воду, оно будет недоступно любому из приборов, имеющих доступ к алеронам.

— А внутрь мы сможем попасть? — спросил из воды менестрель.

— Да, он не заперт. Яхтсмены доверяют друг другу.

Хейм отвязал швартовы, подтянул гидрофойл к понтону и, протянув руку, помог Вадажу взобраться на палубу. Они быстро спустились в кабину и задраили люк.

— А теперь займись радио, пока я проверю двигатель.

Год бездействия нанес судну не особенно большой ущерб. Более того, солнце зарядило его аккумуляторы до максимума. Правда, днище его порядком обросло, но это можно было пережить. Возбуждение охватило Хейма.

— Вообще-то, моя идея заключалась в том, чтобы попытаться найти коммуникатор в городе, передать сообщение в лагерь, а потом где-нибудь спрятаться в надежном месте и надеяться, что нас не станут искать или мы не умрем с голоду, — сказал он. — Но теперь, черт побери, мы сможем вернуться назад собственной персоной! По крайней мере, врагу будет сложно перехватить наше

сообщение и послать в его источник самонаводящуюся ракету, если мы будем в море. Так что поехали.

Мотор запыхтел. Судно скользнуло прочь от суши. Вадаж озабоченно выглядывал из купола.

— Не понимаю, почему они не гонятся за нами, как бешеные? — беспокойно пробормотал он.

— Я ведь тебе уже говорил, как все получилось. Просто они еще не догадались, что мы выберем этот путь. Кроме того, у них там сейчас, наверное, суматоха, как в публичном доме по утрам в понедельник, после того, что я сотворил с Синби.

Тем не менее Хейм был рад оставить позади препятствия и погрузился в воду. Опустившись на максимально допустимую глубину, он задал автопилоту курс на юго-восток и принялся стягивать свою мокрую одежду.

Вадаж смотрел на него с благоговением.

— Гуннар, — сказал он голосом, в котором слышались слезы, — я напишу об этом балладу, и, даже если она не очень удалась, ее все-таки будут петь и через тысячу лет. Потому что твое имя будет жить очень долго.

— О, чепуха, Андре. Не заставляй мои уши краснеть.

— Нет, я просто говорю то, что есть. Однако неужели ты все заранее настолько продумал?

Хейм включил обогреватель, чтобы обсушиться. Воды океана, со всех сторон окружавшие судно — темно-зеленые, населенные множеством рыб причудливой формы, то и дело мелькавших поблизости, — эти воды должны были рассеять инфракрасное излучение. Хейма охватило непреодолимое чувство возвращения домой, словно он опять стал мальчишкой, проводящим все свободное время на морях Геи. На некоторое время это чувство вытеснило все остальные. Хрупкость и незавершенность его триумфа станет видна ему позже. Сейчас же он упивался им.

— Ничего я не придумал, — признался Хейм. — Идея возникла как бы сама собой, Синби до ужаса хотелось... чтобы мы стали друзьями, или что-то в этом роде. Я уговорил его посетить Бон Шанс, надеясь, что там, может быть, подвернется какой-нибудь случай, который можно будет использовать для побега. Мне пришло в голову, что, вероятно, никто из его банды не умеет плавать, поэтому набережная казалась самым подходящим местом, чтобы попытаться. Я попросил взять тебя с собой, потому что мы могли воспользоваться немецким у них под носом. А потом, я исходил из того, что если нас двое, то и шанс, что кто-то удержит, увеличивается вдвое.

С Вадажа всю почтительность как рукой сняло, лишь только он услышал про немецкий, и на его лице появилась ехидная ухмылка.

— Да уж, такого ужасающего «Цвайндойч» я в жизни не слыхивал. Лингвистом тебе не быть.

Воспоминание больно ударило по самолюбию Хейма.

— Да уж,— сухо сказал он. Стараясь хотя бы ненадолго продлить миг своей искренней радости, он быстро продолжал.— Мы были уже там, когда я подумал, что если бы мне удалось столкнуть Синби в воду, охранники все бросились бы следом спасать его, так что некому было бы стрелять в нас с берега. Если ты не умеешь плавать, то это весьма веселенькая работенка, спасать еще одного такого же неумеющего.

— Так ты думаешь, он утонул?

— Ну, надеяться никому не воспрещается,— сказал Хейм с меньшей долей равнодушия в голосе, чем ему хотелось бы.— Меня бы не удивило, если бы они потеряли по меньшей мере пару воинов, выуживая Синби из воды, а его самого мы вряд ли видели в последний раз. Даже если он и самом деле утонул, то они, вероятно, смогут доставить его в камеру оживления прежде, чем начнет разлагаться его мозг. В любом случае, до тех пор пока он не вернется в строй, врагу будет нелегко разобраться во всей этой путанице. И дело даже не в том, что без него они не смогут наладить организацию. Но в течение некоторого времени им просто не удастся найти верную ориентацию для своей деятельности, во всяком случае, в той ее части, которая касается нас. Это время мы используем для того, чтобы забраться подальше в море и вызвать на связь де Виньи.

— Ну... да, разумеется, они смогут выслать нам на помощь флайер.

Вадаж откинулся назад с улыбкой кота, сидящего возле клетки с канарейкой.

— Прекрасная Даниэль увидит меня еще раньше, чем она того ожидает. Но не слишком ли смело с моей стороны говорить, что она этого ожидает?

Гнев волной поднялся в Хейме.

— Чтоб тебя укусила бешеная собака, безмозглый тупица,— прорычал он.— Здесь тебе не пикник. Наше счастье, если нам удастся предотвратить катастрофу.

— Что... что...— Вадаж вздрогнул и побледнел.— Гуннар, что такого я сказал...

— Слушай меня,— Хейм трахнул кулаком по ручке кресла, в котором сидел.— Наша дилетантская попытка шпионажа сорвалась, и весь задуманный план пропал. Разве ты забыл, что

наша миссия заключалась в том, чтобы договориться об условиях, которые спасли бы наших людей от авитаминоза? Теперь это исключено. Может быть, что-то можно будет предпринять позднее, но в ближайшее время наша задача — остаться в живых. Наш план эвакуации беженцев теперь тоже исключается. Синби пришел к выводу, что сам «Лис» находится на планете. Он вызвал крейсер и улана на помощь своему флагману. Кто-нибудь из этих троих может заметить «Мироэт» на подъеме и разнести его в куски. Оставлять корабль в укромном месте тоже нельзя. Они сейчас повсюду разошлют воздушные патрули с мощными детекторами. Так что прекрасное убежище, которое предоставил нам де Виньи в Лак-о-Нуачес, тоже отпадает. И если уж на то пошло, при настоящем положении вещей, когда три вражеских корабля находятся в непосредственной близости, самому «Лису», похоже, угрожает смертельная опасность.

А ты жизнерадостный эгоистичный болван! Неужели ты думал, что я играл со смертью лишь ради того, чтобы мы могли удрать? На что бы мы тогда вообще годились? Главное — предупредить наших.

Все еще ворча, он повернулся к инерционной навигаторской панели. Нет, они еще не были далеко. Но, может быть, все же стоит всплыть, и — будь что будет — передать партизанам и экипажу «Мироэт» все, что ему известно в данный момент.

Судно пульсировало, словно живое. Обогреватель урчал, обдавая людей волнами тепла. В кабине пахло нефтью. За иллюминатором ничего не было видно.

— Эти корабли будут здесь в течение земного дня, — сказал Хейм. — «Лису» лучше отойти подальше в космос, а людям — поглубже в лес.

— Гуннар, — начал было Вадаж.

— О, помолчи!

Менестрель вспыхнул и, повысив голос, сказал:

— Нет, я не знаю, что я такого сделал, чтобы ты мог меня оскорблять, и если у тебя не хватает даже любезности сообщить мне об этом, то это твое дело. Однако я должен кое-что сказать тебе, капитан. Мы не сможем установить контакт с «Лисом» вовремя.

— Что? — резко обернулся Хейм и уставился на венгра.

— Может, ты подумаешь сам. Большая лазерная установка Диего находится возле озера. Но утро давно уже наступило, Диана почти в полной фазе. Теперь следующий ее восход будет, я думаю, не раньше чем через тридцать часов.

— Сатан... и... хельведе, — проговорил, задыхаясь, Хейм, в минуты сильного волнения всегда переходивший на свой родной

язык. Силы покинули его. Во всем теле вдруг возникла боль, и он понял, что начал стареть.

Через некоторое время, в течение которого Хейм просто сидел, устремив в одну точку неподвижный взгляд, Вадаж робко сказал:

— Ты не такой человек, чтобы раскисать от этого. Если ты считаешь, что это столь важно, что ж, возможно, нам удастся поднять вверх «Мироэт». Его коммуникатор достанет до луны. Вражеские спутники засекут «Мироэт», а поблизости находится крейсер. Но ты сам говорил, что этот корабль потерян для нас в любом случае, так что он может сдаться. Для того чтобы сделать это, нам понадобится всего лишь три-четыре человека. Я буду одним из них.

Хейм вскочил с молниеносной быстротой, шарахнувшись головой о купол. Он посмотрел вверх и увидел над собой круг солнечного света, ослепительно сверкающий на поверхности океана.

— Здорово стукнулся? — спросил Вадаж.

— Клянусь небом... и преисподней... и всем, что посередине, — Хейм протянул руку, — Андре, я вел себя хуже всякой скотины. Просто возомнил себя таким подростком средних лет. Простишь ли ты меня?

Вадаж ответил крепким рукопожатием. В его глазах мелькнуло понимание.

— О, так вот в чем дело, — пробормотал он. — Молодая леди... Гуннар, она для меня ничего не значит. Просто человек, в обществе которого довольно приятно находиться. Я думал, и ты чувствуешь то же самое.

— Сомневаюсь, — проворчал Хейм. — Но это не имеет значения, у нас сейчас цель покрупнее. Послушай, я случайно узнал координаты орбит и стартовые позиции этих кораблей. Синби не видел причины, почему бы не сообщить их мне, когда я его попросил; мне кажется, я подсознательно следовал старому военному принципу: собирать каждый клочок информации, какой только будет возможно, независимо от того, есть или нет у тебя надежды когда-нибудь этой информацией воспользоваться. Ну, а мне еще известно, какого они класса, а стало быть, известны их потенциальные возможности. Исходя из этого, мы запросто вычислим их траектории. Положение цели можно будет определить в любой момент, с точностью, достаточной для ведения боя, но недостаточной для того, чтобы их наземные базы смогли передать им любое предупреждение. О'кей. Значит, одно преимущество, хоть и небольшое, у нас все же есть. Что еще?

Он принялся ходить — два шага до конца кабины, два — обратно, — ударяя кулаком в раскрытые ладони. На скулах у него

выступили желваки. Вадаж скромно держался в стороне. На губах его снова появилась свойственная котам усмешка. Гуннар Хейм в подобном состоянии составлял для него привычное зрелище.

— Слушай! — капитан начал говорить, и по ходу дела как бы сам собой вырисовывался стройный план. — «Мироэт» — большой транспортник. Поэтому у него мощные двигатели. Будучи пустым, он, несмотря на свои габариты и неуклюжесть, может двигаться со скоростью управляемого снаряда, выпущенного чертями из преисподней. Мимо трех кораблей, патрулирующих на орбите, ему не проскочить, но в данный момент там находится всего лишь один из трех, а именно, личный флагман Синби «Юбалхо». Его орбита мне известна, и вероятность того, что он будет на вполне достаточном расстоянии в момент взлета «Мироэт», весьма велика. Разумеется, он может броситься в погоню и подойти так близко, что «Мироэт» не сможет увернуться от ракеты, но он знает, что где бы я ни был, «Лис» всегда находится где-то неподалеку, и флагману надо, в первую очередь, защищать свою базу от «Лиса», до тех пор пока не прибудет подкрепление, поэтому он не станет стрелять. Или, если расстояние будет достаточно велико, он примет транспортник за наш крейсер и не станет рисковать.

Итак, о'кей, при хорошем пилотировании «Мироэт» имеет отличный шанс удрать под самым носом у алеронов. И сможет послать восточку «Лису». Но потом... Что потом? Если «Лис» просто возьмет нас на борт, мы окажемся на том же самом месте, с которого начали. Нет, мы в худшем положении, чем алероны, потому что новоевропейцы и так давно уже находятся в очень подавленном моральном состоянии, а теперь они вообще запросто могут все бросить и окончить борьбу. Так, постой... дай подумать... Да! — взревел Хейм. — Почему бы и нет? Чем быстрее мы будем двигаться, тем лучше. Немедленно вызывай штаб на озере. Ты знаешь язык басков или какой-нибудь другой, которого не знает алерон, но понимают люди де Виньи?

— Боюсь, что нет. И радиопередача, такая, которую должны провести мы, без сомнения, будет перехвачена. Могу использовать «Лишебем», если только это что-то дает.

— Может, и даст, хотя теперь они уже, наверное, его освоили... Хм. Нам надо придумать нечто двусмысленное для врагов, но понятное своим. Алеронам вовсе не обязательно знать, что это именно мы, и что мы передаем из подлодки. Пусть они считают, что это маки во флайере. А свои могут опознать нас по ссылкам на некоторые происшествия в лагере.

Мы скажем де Виньи, чтобы он немедленно отдал приказ о максимально возможном облегчении веса транспортника. От этого

вреда не будет, поскольку алероны все равно знают, что у нас есть корабль на планете. Данное сообщение укрепит их в мысли, что он должен находится в Оут Гаранс. В любом случае они начали бы искать прежде всего там.— Хейм потянул себя за подбородок.— Теперь... К сожалению, я ничего не могу больше передать, не выдавая себя. Придется доставить главные сведения лично. Стало быть, мы погрузимся сразу после того, как ты закончишь передачу, и направимся к месту встречи, где нас должен будет подобрать флайер. Но как обозначить это место, чтобы не обнаружить там потом врага с духовым оркестром и с клубами от города?

— Хм, хм. Дай-ка я взгляну на карту,— Вадаж вытащил из бардачка бумажный свиток и развернул его.— Наш радиус не слишком велик, если мы хотим, чтобы встреча состоялась поскорее. Эрго... да. Я скажу им... столько-то и столько-то километров от места...— он покраснел, указав на Флервилль, находящийся в глубине материка вниз по Кот Нотр Дам, где, как сказала Даниель Иррибарн Андре Вадажу, есть один грот, который они должны осмотреть.— Это было незадолго до заката. Мы... э... сидели на развилке сучка высокого дерева и...

Хейм снова почувствовал укол в сердце, но не стал обращать на это внимание и рассмеялся:

— О'кей. Давай проверим по компьютеру, где мы находимся в данный момент.

Вадаж нахмурился.

— Мы рискуем, действуя в такой спешке,— сказал он.— Прежде всего не следует забывать, что мы всплываем, или, по крайней мере, поднимаемся до уровня поверхности воды, и передаем сильный сигнал так близко от вражеской базы.

— Это не займет много времени. Мы успеем снова погрузиться, прежде чем они вышлют флайер. Я допускаю возможность, что в данную конкретную минуту над нами как раз пролетает таковой, но вероятнее всего, нет.

— И все же остается еще проблема, как добраться до лагеря. Ведь чтобы встретить нас, новоевропейцам придется проделать долгий путь по огромному пустому пространству, и это в дневное время, по краю драконова гнезда. И то же самое на обратном пути.

— Я знаю,— сказал Хейм, не отрывая взгляда от лежавшей у него на коленях карты.— Если бы у нас было больше времени, это можно было бы сделать с меньшим риском. Но сейчас мы вынуждены рисковать, иначе будет слишком поздно для чего бы то ни было. Мы застряли на этой орбите, Андре, так что теперь все равно, сколь близко к солнцу нам придется скользить.

ГЛАВА 9

— Капитанский мостик — боевым постам. Доложить готовность.

— Двигатель в порядке,— отозвался Диего Гонсалес.

— Главный радар в порядке,— сказал Вадаж.

— Орудийная башня один в порядке и готова взяться за дело,— произнес Джин Иррибарн.

Колонисты с остальных боевых постов присоединились к предыдущим докладам, и все это слилось в едином хищном хоре.

«Полегче, парни,— подумал Хейм.— Если нам придется испробовать эти хлопушки в поединке с настоящим, действующим боевым кораблем, мы пропали».

— Приготовиться к подъему,— скомандовал Хейм. Неуклюже двигаясь в своем скафандре, он положил руки на пульт.

Озеро закипело. Волны захлестнули берега. Среди деревьев пронесся вздох, и «Мироэт» поднялся вверх. На мгновение его громадное тело заслонило собой солнце, потихоньку подползавшее к луне, и испуганные животные бросились по своим тропам в чащобу. Затем, плавно набирая скорость, корабль устремился в небо. Расколотый воздух долго еще грохотал. Даниель и Мэдилон Иррибарн зажали уши руками. Когда очертания корабля исчезли из вида, они бросились друг к другу в объятия.

— Радар, докладывайте! — рявкнул Хейм сквозь гул и вибрацию.

— Чисто,— сказал Вадаж.

Корабль поднимался все выше и выше. Оставшийся внизу мир стал крохотным, изогнулся в дугу, облака накрыли его курчавой шапкой, а океаны окрасили в синий цвет. Небо потемнело, блеснули звезды.

— Сигнал по общей волне,— раздался голос Вадажа.— Должно быть, нас заметили на «Юбалхо». Отвечать?

— Черт поberi, нет,— ответил Хейм.— Все, что мне надо — это его позиция и вектор.

В пустом корпусе «Мироэт» звук словно попадал в ловушку, отовсюду отдавался гулким эхом, так что от кормы и до правого борта прокатывался грохот. Хейм ощущал непрерывный звон и пульсацию в голове. Стекло его шлема дребезжало.

— Не могу его найти,— сообщил Вадаж.— Должно быть, он далеко.

«Но он нашел нас,— подумал Хейм.— Что ж, у него там есть детекторные операторы-профессионалы экстра-класса. А мне при-

шлось обойтись тем, что нашлось в лагере. Для набора специально обученных людей не было времени.

Должно быть, он так далеко, что ему пришлось бы некоторое время нас преследовать, набрав при этом скорость, превышающую возможную для его ракет. И он решит, что его долг — оставаться на месте. Если я ошибаюсь в первом или во втором, значит, мы подняли свой последний бокал».

Хейм ощутил вкус крови, горячей и солоноватой, и лишь тогда до него дошло, что он прикусил язык.

Все дальше и дальше. Новая Европа становилась все меньше среди теснящихся солнц. Мало-помалу в поле зрения возникла и выросла Диана.

— Капитан — радиорубке. Забудьте обо всем на свете. Наведите лазер и подключите меня к линии.

Хейм потянулся за лежащими на полках справочниками и навигационными таблицами.

— К тому времени, когда вы как следует разогреетесь, я подготовлю для вас все цифры.

«Если нас прежде не сотрут в порошок,— добавил он про себя.— Пожалуйста... только бы мне успеть. Большого я не прошу. Пожалуйста, «Лиса» нужно предупредить во что бы то ни стало». Он размотал ленту с вереницей цифр.

Вадаж в своей каморке, окруженный со всех сторон приборами, смотревшими на него, словно глаза троллей, торопливо нажимал клавиши. Он не был специалистом в этом деле, но компьютер космосистемы заранее запрограммировали для него: все, что ему теперь оставалось — это вводить данные и нажимать повелительный «Enter». Одна из башен открылась в безвоздушное пространство. Из нее показалась скелетообразная головка передатчика, словно для того чтобы взглянуть на вселенную. Плотный пучок радиоволн устремился к Диане.

Здесь могли возникнуть различные неточности. Диана двигалась по орбите примерно в 200000 км с другой стороны Новой Европы, а «Мироэт» еще больше расширял эту пропасть, так как его скорость неуклонно возрастала. Но компьютеру и контролируемому им двигателю такое было не впервой. Дисперсия волнового луча была достаточной для того, чтобы охватить весьма широкий сектор ко времени достижения им района, в котором находилась цель. Кроме того, этот луч обладал достаточной суммарной энергией, чтобы его амплитуда к тому времени все еще была выше уровня шума.

Маленький заброшенный лунный кратер, по виду, обыкновенный камень среди тысячи таких же камней, но где-то на его склоне застыл сейчас в ожидании прибор, установленный людьми

с «Лиса». Но вот сигнал поступил. Прибор — обычный коротковолновый ретранслятор, каких полно на каждом космическом корабле, работающий на солнечной энергии — усилил принятый сигнал и передал его в виде другого волнового луча следующему такому же объекту, расположенному высоко на зазубренном горном пике. Тот, в свою очередь, передал его следующему, и так далее, по цепочке, охватившей весь неровный пустынный лунный диск. В цепочке было не так уж много звеньев. Горизонт на уровне человеческого роста равен на Диане приблизительно трем километрам, а с горной вершины — гораздо больше, и последний транслятор достаточно было установить на самом краю того полушария, которое никогда не бывает обращено к Новой Европе.

Оттуда луч снова устремился ввысь, преодолев около 29000 км от центра Дианы, где он уткнулся в «Лиса».

Главной проблемой при выборе места для засады перед прорывом на Новую Европу был такой вопрос: сможет ли космический корабль остаться незамеченным вблизи такой враждебной планеты, с которой пространство постоянно контролировали детекторы и вокруг которой несли боевое дежурство корабли? Если бы ему пришлось перейти в режим свободного полета, все системы работали бы в минимальном режиме, и эмиссия нейтрино была бы заметна только на очень небольшом расстоянии. Но глаза оптических, инфракрасных и радарных установок наверняка бы его засекли. Разве что между ними и планетой всегда находилась бы луна... Нет. Он не мог отважиться на то, чтобы опуститься и сидеть там на виду каждого, кто случайно окажется на достаточно близком расстоянии, когда на обратном обороте луны наступит день.

В любой системе, где имеются два тела, существуют три точки Лагранжа, в которых гравитация спутника сочетается с гравитацией планеты таким образом, что помещенный в данную точку большой объект все время будет оставаться на одном месте, на прямой, проходящей через оба космических тела. Правда, бывает, что иногда этот объект смещается со своего места, но «иногда» в биологическом времени — весьма нечастое явление. «Лис» спрятался в наиболее удаленной точке Лагранжа и двигался по орбите, надежно укрытой лунным диском, не прилагая для этого никаких усилий.

Подобный маневр никогда прежде не практиковался. Но если уж на то пошло, никому прежде не требовалось иметь под рукой боевой корабль так, чтобы об этом не знал противник, занявший территорию, которую ему не положено было занимать. Хейм подумал, что когда-нибудь это станет классическим примером из

учебника, если ему суждено остаться в живых и похвастаться своим опытом.

— «Мироэт» — «Лису», — произнес он. — «Мироэт» — «Лису». Слушайте и запишите. Запишите. Капитан Хейм — исполняющему обязанности капитана Пенонеру. Приготовиться к выполнению приказа.

Ответа не последовало и не могло последовать, кроме ответа для Лак-о-Пьюгес. Система, простая и сооруженная на скорую руку, была задумана в расчете на то, что он сможет вызвать оттуда своих людей. Если бы там что-то случилось, он узнал бы об этом лишь тогда, когда было бы уже слишком поздно. И сейчас он говорил в темноту и неизвестность.

— В силу непредвиденных обстоятельств мы были вынуждены взлететь без пассажиров. Погони за нами пока нет. Но мы располагаем чрезвычайно важными разведанными, на основе которых нами составлен новый план.

Первое: мы знаем, что на орбите вокруг Новой Европы находится всего лишь один линейный корабль. Остальные, кроме еще двух других, рассеяны за пределами досягаемости радиосигнала, и до их возвращения должно пройти еще немало времени. Судном, осуществляющим патрульную службу, является вражеский флагман «Юбалхо», крейсер. Я не знаю точно, какого он класса — посмотрите, может быть, найдете его в наших справочниках, — но, безусловно, он по меньшей мере в несколько раз превосходит «Лису».

Второе: врагу стало известно, что мы побывали на планете, и он вызвал на подмогу два судна, находившиеся в пределах досягаемости радиосигнала. В настоящее время они движутся к планете. Первое уже должно начать переход в режим торможения. Это улан «Севайдж». Второе — крейсер «Айнисент». Проверьте и их по справочникам. Но мне кажется, это обычные алеронские корабли соответствующих классов. Баллистические данные приблизительно таковы...

Он перечислил цифры.

— Теперь третье: вероятно, враг принимает «Мироэт» за «Лису». Он заметил нас, но с такого расстояния, на котором точное опознание должно быть затруднительным или невозможным, к тому же мы захватили его врасплох. Так что я думаю, что они полагают, будто «Лис» удирает, пока для этого есть благоприятные условия. Но они не смогут связаться с другими кораблями, пока те не приблизятся к планете, а Синби, безусловно, хочет иметь их под рукой.

Исходя из этого, мы имеем шанс взять их по одному. Теперь слушайте. На улана не обращайтесь внимания. «Мироэт» в

состоянии справиться с ним сам. Или, даже если меня постигнет неудача, это судно не представляет для вас особой угрозы. Более того, ядерные взрывы в космосе были бы замечены и заставили бы врага насторожиться, поэтому оставайтесь на месте, «Лис», и разработайте план перехвата «Айнисента». Он вашего появления не ожидает. Относительная скорость будет высокой. Если вы сумеете не упустить своего шанса, то у вас будет отличная возможность угостить его ракетой и отразить все ответные удары, если, конечно, у них будет время такие нанести.

После этого идите на подмогу к «Мироэту». Моя расчетная позиция и орбита на данный момент приблизительно таковы.— Снова вереница цифр.— Если «Мироэт» окажется уничтоженным, действуйте дальше по своему усмотрению. Но не забудьте при этом, что Новая Европа будет охраняться только одним кораблем.

Хейм набрал в легкие побольше воздуха. Он был горячим и наэлектризованным.

— Повторяю все сначала,— сказал он. В конце третьего повтора он добавил:

— Основная ретрансляционная точка, кажется, уходит за горизонт Дианы. Я вынужден объявить конец передачи. Гуннар Хейм — Дейву Пенoyerу и экипажу «Лиса». Счастливой Охоты! Отбой!

Затем он откинулся в своем кресле, взглянул на звезды в направлении солнца и вспомнил о доме. «Мироэт» мало-помалу набирал скорость. Совсем незаметно, хотя по интеркому было произнесено немало отрывистых команд, подошел момент реверсирования, чтобы начать торможение. Необходимо было тщательно выверить свой вектор перед встречей с «Севайдж».

Хейм направился в салон, чтобы перекусить. Там он нашел Вадажа в компании маленького рыжеволосого колониста, с такой жадностью прихлебывавшего из своей чашки, словно он только что вернулся из марсианской пустыни.

— А, мой капитан,— радушно приветствовал его последний.— Я целую вечность не пил настоящего кофе. Гран мерси!

— Возможно, вскоре у вас не будет особого повода для благодарностей в мой адрес,— сказал Хейм.

Вадаж по-петушиному склонил набок голову.

— Не надо быть таким мрачным, Гун... сэр,— укоряюще сказал он.— Остальные абсолютно уверены в успехе.

— Видимо, я немного устал,— Хейм тяжело опустился на алеронское сиденье.

— Ничего, я тебя верну в нормальное состояние. Рюмочку «Гранд Данаис» или сандвич, а?

Не получив отрицательного ответа, Вадаж тотчас вскочил и отправился за едой. Когда он вернулся, за спиной у него висела гитара. Он уселся на стол, болтая ногами, и, ударив по струнам, запел:

Жил-был один богач в Иерусалиме,
Глория, аллилуйя, хи-ро-де-рунг!

Сразу нахлынули воспоминания, и улыбка тронула губы Хейма, незаметно для себя он начал отбивать ритм, а вскоре его голос присоединился к двум другим голосам.

— Все в порядке! Кто сказал, что мы не сможем справиться с ними?

Возвращаясь на мостик, он чувствовал себя помолодевшим, и походка его была легкой, как у юноши.

Время пролетело незаметно, и вот уже звучит сигнал боевой тревоги. И в иллюминаторах появляется «Севайдж».

Руки, построившие этот корабль, не были человеческими руками. Но данная машина была предназначена для тех же самых целей и действовала по тем же законам физики, что и земные эсминцы. Маленький, изящный, пятнистый, как леопард (такая окраска была сделана для камуфляжа и термального контроля), и, как леопард, опасный и красивый, корабль этот настолько был похож на его старого «Звездного Лиса», что у Хейма на мгновение застыла рука.

— Честно ли убивать его таким способом?

Вполне разумная военная хитрость. Да. Он нажал кнопку интеркома.

— Капитанский мостик — радиорубке. Давайте сигнал бедствия.

«Мирозт» заговорил, не человеческим и не алеронским языком, а завывающими радиосигналами, которые, как давно было известно Военно-космической Разведке, предписывались алеронским уставом. Разумеется, капитан улана (Не был ли это его первый приказ?) велел попытаться установить связь. Ответа не последовало. Ловушка захлопнулась. Относительная скорость была невелика, но «Севайдж» весьма быстро вырос на глазах у Хейма.

Алерон, которого ни о чем не предупредили, не имел повода сомневаться в том, что перед ним одно из его собственных судов. Транспортник приближался к пределу Маха. Курс его был направлен точно к Эйту, но то же самое распространялось на все алеронские корабли, чтобы земной пират не смог вычислить их координаты. С кораблем что-то случилось. Должно быть, у него вышли из строя системы коммуникации. И офицер связи, видимо,

наспех залатал передатчик, чтобы он смог хотя бы передать сигнал «SOS». Неполадки явно были не в двигателях, поскольку они работали вполне нормально. Тогда в чем же дело? Может быть, в установках противорадиационной защиты? Или в воздушных рециркуляторах? Во внутреннем поле тяготения? Многое было возможно. Ведь жизнь — ужасно хрупкая вещь, особенно здесь, где ей сроду не положено было быть.

Или... поскольку возможность его случайной встречи с военным кораблем посреди этой астрономической безбрежности была бесконечно мала... может быть, он должен доставить какое-то срочное сообщение? Что-то такое, что в силу некоторой причины нельзя было передать обычным путем? На Алерона легла длинная холодная тень «Мироэта».

— Загерметизировать скафандры, — приказал Хейм. — Готовность номер один. — Опустив стекло собственного шлема, он все свое внимание сосредоточил на пилотировании. Краем сознания он тем не менее не упускал из вида двух угрожающих возможностей. Наиболее опасной из них, хотя и наименее вероятной, было то, что капитан вражеского судна заподозрит что-нибудь неладное и откроет огонь. Вторым, наихудшим вариантом, было бы, если бы «Севайдж» продолжил свой путь на подмогу к Синби. «Мироэт» не смог бы развить такое же ускорение, как улан.

На мгновение у Хейма вдруг возникло какое-то странное чувство безысходности.

Радар... векторы... импульс... «Севайдж» развернулся и приступил к маневрированию для сближения.

Хейм выключил двигатели почти полностью, так что теперь они издавали только негромкий шепот. Корабли располагались уже почти параллельно друг другу, причем улану приходилось расходовать огромное количество энергии на торможение, в то время как транспортник находился почти в режиме свободного падения. Теперь они были неподвижны относительно друг друга, и разделял их лишь километр вакуума. Затем улан с бесконечной осторожностью начал приближаться к более крупному судну.

Хейм рванул рычаг аварийного ускорения. Со всей силой, на какую он был способен, «Мироэт» ринулся навстречу своей судьбе.

У алерона уже не было времени ни выстрелить, ни увернуться. Корабли столкнулись. Страшный удар ревом прокатился по листам обшивки корпуса, распорол металл, швырнул алеронов, не пристегнутых ремнями, на пол и переборки с такой силой, что кости затрещали.

Броня космического корабля, даже космического военного судна, не слишком толста. Она может противостоять ударам

микрометеоритов. Камни большого размера корабль может засечь и уклониться, но они редки. Но ничто не может защитить от ядерного оружия, если уж оно попадает в цель. «Мироэт» не обладал высокой скоростью, но масса его была огромна. И «Севайдж» был пробит насквозь. «Мироэт» тоже получил несколько пробоин в корпусе. Вырываясь наружу белым облачком, воздух быстро терялся среди бесконечности световых лет. Поврежденные корпуса сцепились, словно олени своими рогами. Аврора ослепительно освещала их внутренности. Бесчувственные звезды холодно взирали на все это из своей дали.

— Приготовиться к отражению атаки экипажа!

Хейм не был уверен, что его коммуникатор шлема довел его команду до остальных. Скорее всего, нет. Все схемы были разрушены. Из поврежденного энергогенератора вышла наружу фьюжиреакция. На корабле царили тьма, невесомость и вакуум. Но это не имело значения. Его люди знали, что делать. Хейм отстегнул ремни и на ощупь начал пробираться к кормовой орудийной башне, которую заранее выбрал для себя.

Большинство из команды алеронов, должно быть, погибли. Возможно, некоторые и выжили — те, кто был в скафандрах или в герметичных отсеках, — если они сумеют найти уцелевшее оружие и привести его в действие, они будут стрелять. Если нет — пойдут врукопашную. Непривычные к таким условиям, новоевропейцы могут отступить под натиском врага.

Контрольная панель лазера, возле которого занял позицию Хейм, имела свою собственную подсветку. Рукоятка рычага, индикаторы мерцали, словно огни сигнального костра. Хейм осмотрел цилиндр, просвечивавший сквозь поврежденный глазок, понял, что лазер исправен. Он подавил легкий приступ тошноты, вызванный центробежными силами, выбросил из головы мысли о насмешливом торжестве холодных созвездий и начал высматривать врага. Сквозь страшное напряжение мелькнула мысль, что он стал основоположником нового тактического приема: тарана. Вообще-то, он не был таким уж новым. Его история уходила в глубь веков, к тем временам, когда люди впервые дерзнули оторваться от земли. И тут же воображение нарисовало впечатляющую картинку: Олаф Тригтвасен на залитой кровью палубе «Длинной Змеи».

Нет. К черту. У него сейчас одна задача: остаться в живых до того момента, когда их подберет «Лис». А это должно произойти довольно скоро.

Раздался орудийный залп. Хейм увидел лишь, как луч отразился от стальной поверхности, и, прикрыв глаза, подождал, пока пройдет ослепление.

«Кто-то из наших. Я надеюсь», — подумал Хейм.

Мощная вибрация сотрясла корпус корабля и тело Хейма. Взрыв? Он не был в этом уверен. У алеронов могло бы хватить фантазии и фанатизма, чтобы уничтожить «Мироэт» вместе со своим кораблем, подорвав ядерную боеголовку. Вероятность была мала, поскольку им потребовались бы специальные инструменты, а найти их в такой каше было очень трудно. Но...

Что ж, умение ждать — одно из главных на войне.

Через балку перелезла одетая в скафандр фигура. На фоне звезд черный неземной силуэт казался каким-то нереальным, и только светлый ободок на шлеме, отбрасывавший блики, говорил о том, что это не мистика.

«Ну вот, стало быть, по крайней мере один остался в живых и теперь храбро пытается...» — подумал Хейм. Он прицелился и открыл огонь. На месте растерзанного тела взметнулся створ пара, быстро исчезнувший в пространстве.

— Мне чертовски не хотелось это делать, — пробормотал Хейм, словно бы обращаясь к погибшему. — Но ты ведь мог бы притащить с собой какую-нибудь гадость, так-то вот.

Этот выстрел выдал его позицию. Вокруг него заплясал золотой луч, нащупывая цель. Хейм, скорчившись, укрылся за щитом. Невыносимо слепящая дорожка расплосковала металл буквально в нескольких сантиметрах от него. За первой последовало еще несколько таких молний, и затем вражеский лазер угас.

— Молодчина! — Хейм перевел дух. — Молодчина, кто бы ты ни был.

Сражение длилось недолго. Без сомнения, алероны, если кто-то из них еще остался в живых, решили затаиться и ждать, что будет дальше. И все-таки необходимо было оставаться настороже.

В состоянии свободного полета, подобном сновидению, мышцы не уставали от неподвижности. Хейм позволил течению своих мыслей самостоятельно выбрать русло. Земля. Конни, Джос-селин... Новая Европа, Даниель... В жизни мужчины, как правило, не так уж много вещей, имеющих для него особое значение. Но те несколько значили ужасно много.

Прошло несколько часов.

Напряжение стало уже понемногу спадать, когда к месту сражения приблизился тонкий и изящный «Лис». Нельзя сказать, чтобы Хейм при виде его не почувствовал никакой радости (он появился — значит, он выиграл битву), но что-то внутри уже перегорело за эти часы ожидания, к тому же предстояла очень сложная стыковка. Хейму пришлось прокладывать себе путь к выходу сквозь тьму и развалины, потом посылать сигнал с помощью встроенного в шлем радио, чтобы тендер подошел на

достаточное для прыжка расстояние, и когда это было сделано, он перешел на него и выпил маленько спиртного, чтобы нейтрализовать эффект воздействия радиации, которую он получил. Ну а потом — на борт крейсера...

Радостные восклицания и дружеские хлопки по спине, медвежий объятия и толкучка вокруг — это все воспринималось Хеймом из-за страшной усталости как нечто нереальное. Даже собственная победа не казалась уж настолько важной. Больше всего радовал его тот факт, что добрая дюжина алеронов осталась в живых и сдалась.

— Ну как, справились с «Айнисентом»? — спросил он Пенойера.

— О, да, конечно. Обычный фокус-покус! Один магический пассаж — и эта кастрюля превратилась в облако изотопов. Что дальше, сэр?

— Ну... — Хейм потер глаза, в которые словно бы насыпали песку. — Твой барраж должны были заметить с Новой Европы. Теперь, когда с «Айнисентом» покончено, враг должен понять, чья взяла. Возможно, он догадался, что следующий на очереди «Севайдж», и тот теперь идет на перехват. Но скорее всего, он остался поблизости от базы. И даже если это не так, все равно он обязательно туда вернулся бы. Как думаешь, сможем мы задать перцу этому «Юбалхо»?

— Смотря как повезет, сэр, судя по имеющимся у нас данным, этот корабль более зубастый, чем наш. Хотя мы имеем преимущество в скорости и маневре. С помощью компьютера я составил несколько тактических моделей, которые дают нам почти сто процентов удачи. Но стоит ли рисковать? — сказал, нахмурившись, Пенойер.

— Я думаю так, — сказал Хейм. — Если мы влипнем, что ж, будем считать, что наша сторона потеряет от этого не слишком много. С другой стороны, если мы выиграем, то Новая Европа — наша.

— Сэр?

— Без сомнения. Другой защиты, стоящей упоминания, у алеронов нет. Их наземные ракеты мы просто нейтрализуем из космоса. Потом мы обеспечим колонистам помощь с воздуха. Кстати, они уже готовят поход на побережье. Тебе известно не хуже чем мне, что ни один флайер сроду не имел ни малейшего шанса на поединок с космическим кораблем, имеющим ядерное оружие. Если алероны не сдадутся, мы просто вышибем их из воздушного пространства, а потом займемся наземными войсками. Но мне кажется, они капитулируют. Они ведь не дураки. И... тогда у нас будут заложники.

— Но... остальная часть их флота...

— Угу. Но по прошествии нескольких недель или месяцев они не станут возвращаться по одному. «Лис» вполне сможет преподнести им приятный сюрприз пыльным мешком из-за угла. Кроме того, все это время новоевропейцы будут работать не покладая рук, чтобы поскорее закончить систему космической обороны планеты. Вполне очевидно, что там осталось сделать не так уж много. Как только работа будет завершена, планета станет практически неприступной, чтобы ни случилось с нами.

Ко всему прочему, довольно скоро к Новой Европе должен подойти очередной транспорт, разумеется, ничего не подозревающий. Мы его оприходуем и отправим на Землю часть новоевропейцев, как было запланировано с самого начала. Когда Земля узнает, что они не только живы и не только далеки от поражения и капитуляции, но еще и успешно выдерживают космическую осаду и ведут колоссальную работу по укреплению космической обороны... ну, если уж и тогда Земля не пошевелится, я отрекусь от человеческой расы.

Хейм выпрямился.

— Я не претендую на роль какого-то дурацкого героя, — подытожил он. — Главным образом, мне хочется вернуться домой, к своему старому кальяну и стоптанным шлепанцам. Ну, а как на твой взгляд, стоит попытаться использовать такой шанс?

Пенойер раздул ноздри.

— Клянусь... клянусь Юпитером, — запинаясь, произнес он. — Конечно, сэр.

— Очень хорошо, возьми курс на планету и позови меня, если что-нибудь случится.

Пошатываясь, Хейм прошел в свою каюту, повалился на койку и уснул как убитый.

Разбудил его Вадаж, который тряс его за плечо и вопил в самое ухо:

— Гуннар! Установлен контакт... с «Юбалхо» ...встреча произойдет не позднее чем через полчаса.

Сон как рукой сняло, ушло все: усталость, страх, сомнения, даже злость. Шагая на мостик, Хейм чувствовал в себе такой прилив сил, какого не испытывал с тех пор, как умерла Конни. В иллюминаторах сияли звезды, такие огромные и яркие в кристальной темноте, что казалось, протяни руку — и дотронешься до них. Корабль тихо урчал и пульсировал, как живой. Люди стояли наготове возле орудий. Хейм почти физически ощущал единство с ними и с кораблем. Едва он успел занять свое командирское кресло, как из динамика зазвенел голос Синби:

— Капитан «Звездного Лиса», так значит, я вновь приветствую вас? Тяжелым был наш поединок. Ну, а как теперь, готовы ли вы его продолжить?

— Да,— ответил Хейм.— Мы идем к финишу и надеемся быть там первыми. Попытайтесь нас опередить.

Ответом был смех, подобный смеху Люцифера, который еще не повержен.

— Ну-ну, я благодарю тебя, брат мой. Пусть свершится то, что принесет с собой поток времени, плыть по течению которого — достаточно ужасная вещь... Я благодарю тебя за этот день.

— Ну что ж, я тоже говорю тебе спасибо,— сказал Хейм, а сам задумался с некоторым удивлением: «А ведь «спасибо» означает «спаси бог».

— Мой капитан,— пропел Синби,— всего тебе доброго.

Радиопередатчик умолк. Молча, с погашенными огнями, два корабля двинулись к месту встречи.

ГЛАВА 10

Когда-то, давным-давно, на Новую Европу явился человек из Нормандии и построил себе дом на морских утесах. От того места поверхность понижалась постепенно широкими уступами с золотистыми деревьями, с зарослями трав и диких цветов, волнуемых ветром, а потом вдруг резко падала вниз крутым склоном; страна гор, подпирающих плечами небо, которое звенело голосами птиц, эхом глубоких долин, плеском воды в озерах и водопадах, а на востоке расстилалась безбрежная соленая синева, прерываемая лишь линией горизонта. В те времена материалом для строительных работ ему могла служить только местная древесина и камень; он выбрал их за красоту. Конек крыши его дома, составлял как бы единое целое с окружающим горным ландшафтом. Внутри дома были расположены просторные комнаты, обшитые резными деревянными панелями, большие каминь, а стропила были подтянуты так высоко, что зачастую терялись в тенях под потолком. Из широких окон открывался вид на землю, с которой дом составлял единое целое. На славу удалась постройка этому человеку, как всем, кто считает себя всего лишь маленьким звеном в цепочке поколений.

Но из деревушки Бон Шанс превратилась в огромный город, протянувшийся на сотню километров к югу. Колонистов больше тянуло к долинам, чем к возвышенностям. Хотя при наличии

воздушного транспорта добраться до этого места не составляло никакого труда, наследники человека ушли туда, где было богатство и люди. Дом долго стоял заброшенным, диким.

Но не особенно страдал при этом. Сильный и терпеливый, он ждал. И наконец пришло время, когда его терпение было вознаграждено по заслугам.

Контр-адмирал Моше Петерс, командующий бласт-кораблем «Юпитер», Флот Глубокого Космоса Всемирной Земной Федерации, опустил позаимствованный на время флайер на посадочную площадку и вышел наружу. Свежий ветер раскачивал ветви деревьев в близлежащем саду, в небе бежали белые облака, а между ними просвечивали лучи солнца и, падая вниз, танцевали на волнующейся поверхности моря. Он шел медленно — человек небольшого роста, очень прямой в своей униформе, с орденскими планками на груди — и часто останавливался, чтобы полюбоваться открывающимся видом или каким-нибудь цветком.

Из дома, приветствуя его, вышел Гуннар Хейм, тоже в униформе. Но у него она была иной: серый китель с красным кантом вдоль брюк, с геральдическими лилиями на воротнике. Нависнув над гостем подобно готической колонне, он опустил лицо, сильно загоревшее за последнее время, приветливо улыбнулся, и маленькая рука утонула в его огромной ладони.

— Хэлло, Моше, рад снова видеть тебя! Сколько лет, сколько зим!

— Хэлло, — ответил Петерс.

Уязвленный такой холодностью гостя, Хейм выпустил руку и озадаченно спросил:

— Э... что-нибудь не так?

— Со мной все в порядке, благодарю. Чудесный у тебя дом.

— Ну, с ним еще придется повозиться, столько лет в запустении... Но мне он тоже нравится. Хочешь, мы сперва осмотрим сад?

— Пожалуй.

Несколько мгновений Хейм постоял молча, потом вздохнул и сказал:

— О'кей, Моше. Видно, ты принял мое приглашение к обеду не ради того, чтобы просто поболтать со своим старым приятелем по Академии. Если у тебя есть какие-нибудь вопросы, может быть, лучше обсудить их сразу? Довольно скоро сюда придет еще кое-кто.

Петерс пристально взглянул на него карими глазами, таящими в себе боль, и сказал:

— Да, чем раньше мы покончим с этим, тем лучше.

Они принялись прогуливаться по зеленой траве лужайки.

— Постарайся взглянуть на вещи с моей стороны,— сказал он.— Благодаря тебе Земля начала действовать. Мы нанесли алеронам решительное поражение в пограничной зоне, и теперь они просят мира. Прекрасно. Я гордился тем, что знаю тебя. Я нажал на все кнопки, на какие только можно, чтобы добиться назначения на командование кораблем, официально посылаемого Землей с целью узнать, как идут дела на Новой Европе, какую помощь может оказать Земля в ее реконструкции, какой мемориал следует соорудить в память о погибших с обеих сторон, ибо победы достались недешево, Гуннар.

— И что, с твоими людьми недостаточно хорошо обошлись? — спросил Хейм.

— Да нет,— Петерс сделал резкий жест рукой, словно срубая кому-то голову.— Все члены экипажа, получавшие краткосрочный отпуск с корабля, едва добирались до грузового катера, так щедро поили и кормили. Но... я дал разрешение на эти отпуска с величайшей неохотой, лишь потому, что мне не хотелось делать плохую ситуацию еще хуже. Когда мы подлетели к этой планете, опоясанной защитными установками — которые не собираются демонтировать,— нашему кораблю, кораблю Всемирного флота, указали, на какое расстояние он может подойти... Как ты думаешь, какие мысли могли возникнуть у человека, не один год прослужившего в Военном флоте?

Хейм закусил губу.

— Да. Этот приказ вашему кораблю был ошибкой. Я выступил в совете против этого, но голосование решило иначе. Могу поклясться, что ни у кого и в мыслях не было нанести вам оскорбление. Просто большинство считает, что мы должны продемонстрировать свой суверенитет с самого начала. После того как данный прецедент будет воспринят как надо, мы успокоимся.

— Но почему?

Ярость окончательно ушла, не оставив Петерсу ничего, кроме боли и изумления.

— Эта фантастическая декларация независимости... Какие виды вооруженных сил имеются в вашем распоряжении? Ваш флот не может насчитывать больше боевых единиц, чем твой старый капер да, может быть, еще несколько трофейных кораблей. Ну, плюс еще полиция. Какую силу могут противопоставить нам полмиллиона людей?

— Уж не угрожаешь ли ты нам, Моше? — мягко спросил Хейм.

— Что? — взвизгнул Петерс и остановился, хватая ртом воздух.— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, Земля собирается завоевать нас по примеру алеронов? Вам, конечно, это удалось бы. Пришлось бы потратить немало кораблей и денег, но в конечном счете это удалось бы.

— Нет... нет... Вы что, все здесь за время оккупации превратились в шизофреников?

Хейм покачал головой:

— Напротив, мы полагаемся на добрую волю и здравый смысл Земли. Мы ожидали, что вы будете протестовать, но в то же время мы знаем, что вы не станете применять силу. Тем более теперь, когда наши планеты совместно пролили столько крови.

— Но послушай. Если вы хотите получить национальный статус, что ж, это касается главным образом французского правительства. Но, судя по твоим словам, получается, что вы вообще покидаете Федерацию!

— Именно так,— подтвердил Хейм.— По крайней мере, юридически. Мы надеемся установить взаимоотношения с Землей в целом и всегда будем находиться в родстве, если можно так выразиться, с Францией. Фактически, Президент считает, что Франция будет только «за» и отпустит нас с миром.

— М-м... Я боюсь, что он прав,— как-то угрюмо сказал Петерс. Он снова принялся ходить туда-сюда, двигаясь все еще весьма механически.— Франция все еще весьма холодно относится к Федерации. Она не станет выходить из нее сама, но будет рада, если вы сделаете это за нее, тем более, если ее интересы при этом не пострадают.

— Она больше не станет точить зуб на Федерацию,— предсказал Хейм.

— Да, в свое время ты вырвался на свободу с той же целью?

Хейм пожал плечами:

— В определенной мере это, без сомнения, так. Конференция в Шато Сент-Джеквес была ничто иное как одна чудовищная эмоциональная сцена, поверь мне. Плебисцит выявил подавляющее большинство в пользу независимости. Но причиной тому была не только обида новоевропейцев на то, что Земля не пришла им на помощь в трудную минуту. Корни основных причин уходят в будущее.

— Де Виньи тоже пытался убедить меня в этом,— фыркнул Петерс.

— Что ж, давай теперь я попробую, только боюсь, мой язык не столь элегантен. Что такое Федерация? Нечто святое или просто орудие для достижения цели? На наш взгляд, как раз последнее, причем служить своей цели здесь она не может.

— Гуннар, Гуннар, неужели ты напрочь забыл всю историю? Известно ли тебе, что означал бы распад Федерации.

— Войну,— кивнул Хейм.— Но Федерация пока еще не собирается умирать. Несмотря на все свои недостатки, она имеет столь неоспоримые заслуги перед Землей, что отказ от нее невозможен, по крайней мере в ближайшем будущем. И все же Земля — это всего лишь одна планета. Ее можно облететь по орбите за девятнадцать минут. Нации живут в тесноте, словно сельди в бочке. Они вынуждены объединяться, чтобы не перебить друг друга. — Взгляд Хейма устремился куда-то вдаль.— Здесь у нас места побольше.

— Но...

— Вселенная слишком велика для каких бы то ни было шаблонов. Ни один человек не в состоянии постичь или проконтролировать ее, не говоря уже о правительстве. За доказательствами не надо далеко ходить. Нам пришлось пойти на обман, пришлось терзать и запугивать Федерацию, чтобы заставить ее сделать то, что — мы ясно видели это собственными глазами — было необходимо сделать. Потому что она этой необходимости не видела. Не в состоянии была увидеть. Если человек собирается освоить всю галактику, ему необходима свобода в выборе своих собственных путей, тех, которые, как подсказывает ему его прямой опыт, наиболее соответствуют его обстоятельствам. И разве раса при этом не осознает всего своего потенциала? И разве есть иной путь, кроме как пробовать все и повсюду?

Хейм хлопнул Петерса по спине:

— Я знаю. Ты опасаясь, что в будущем могут возникнуть межзвездные войны, если планеты станут суверенными. Не беспокойся. Это же абсурд. За что будут бороться цельные, независимые в экономическом отношении, изолированные миры?

— Одна межзвездная война только что закончилась,— напомнил Петерс.

— Угу. Что или кто ее вызвал? Некто, не желавший дать человеческой расе развиваться так, как ей хочется. Моше, вместо того чтобы ставить себя в точку замерзания, вместо того чтобы превращаться в какое-то ничтожество и мелюзгу только из-за страха утратить контроль, давай изберем тактику, которая приведет к совершенно противоположным результатам. Давай выясним, сколько видов общества — человеческих и не человеческих — смогли бы обойтись без нацеленного на них полицейского ружья. Мне кажется, здесь вряд ли может быть какой-то предел.

— Ну...— Петерс покачал головой.— Может быть. Я надеюсь, что ты прав. Потому что связал нас по рукам и ногам, чтоб тебе пусто было.

Адмирал говорил без всякой злобы. Помолчав минуту, он добавил:

— Должен признаться, у меня немного отлегло от сердца, когда Президент де Виньи принес официальное извинение за то, что наш корабль держали на приличной дистанции.

— Я ведь тоже извинился, от себя лично,— низким голосом сказал Хейм.

— Хорошо! — Петерс протянул руку и коротко рассмеялся.— Принято и забыто, проклятый ты старый скандинав.

Хейм тоже облегченно улыбнулся.

— Отлично! — воскликнул он.— Пошли в дом и займемся подготовкой к пьянке. Боже, сколько нас ждет всевозможных историй и анекдотов!

Они вошли в гостиную и сели. Появилась служанка, сделала реверанс и остановилась в ожидании.

— Чем тебя угощать? — спросил Хейм.— Кое-какие деликатесы у нас здесь пока еще в дефиците и, разумеется, не хватает автоматов, так что приходится держать большой штат прислуги. Но что касается винных запасов, то в этом французам, как всегда, нет равных.

— Пожалуй, я бы выпил виски с содовой,— сказал Петерс.

— Я тоже. Здесь, на Новой Европе, мы и впрямь отвыкли от виски. Э... с Земли скоро придут караваны с грузами?

Петерс кивнул:

— Некоторые уже в пути. Парламент будет вне себя, когда я доложу о сделанном вами, и неизбежно возникнут разговоры об эмбарго, но ты ведь знаешь, это ни к чему не приведет. Если мы не станем начинать военных действий, чтобы удержать вас против вашей воли, будет бессмысленно враждовать с вами путем мелких досаждений.

— Что еще раз подтверждает сказанное мной.— Хейм по-французски произнес служанке распоряжения относительно напитков.

— Пожалуйста, только не надо больше разговаривать на эту тему. Я ведь уже сказал, что принимаю это как свершившийся факт.— Петерс наклонился вперед.— Но могу я задать тебе один вопрос, Гуннар? Я понимаю причины, заставившие Новую Европу сделать то, что она сделала. Но ты лично... Ты мог бы вернуться домой, стать всемирно известным героем и миллиардером со своими трофейными богатствами. Вместо этого ты принял здешнее гражданство... нет, ради бога, они чудесные люди, но это не твой народ!

— Теперь мой,— спокойно ответил Хейм.

Вытащив трубку, он набил ее. Его речь продолжалась словно бы сама по себе:

— Как это обычно и бывает, мотивы здесь самые разные. Мне необходимо было оставаться здесь до конца войны. Сражаться пришлось много, а потом кто-то должен был налаживать космическую защиту. И... видишь ли... на Земле я был одинок. А здесь я нашел общую цель с людьми, с людьми в лучшем смысле этого слова. И в придачу — целый мир, просторный, открывающий бесконечные перспективы. В один прекрасный день, когда я почувствовал тоску по дому, на меня вдруг словно нашло озарение: а почему, собственно, я тоскую по Конни? Ее ведь уже нет на Земле и никогда больше не будет. Тогда зачем мне туда возвращаться? Чтобы покрываться плесенью среди своих долларов? Если моя дочь захочет сюда приехать, я буду рад. Не захочет — ее дело.

Итак, теперь я министр Космоса и Военного Флота Новой Европы. У нас не хватает рабочих рук, опыта, оборудования — буквально всего. Можешь назвать что угодно, и почти наверняка окажется, что нам этого не хватает. Но я вижу, как мы постепенно растем, день за днем. И в этом есть доля моего труда.

Он разжег трубку и выпустил клуб дыма.

— Я вовсе не собираюсь занимать место в правительстве дольше, чем это будет необходимо, — продолжал он. — Я хочу начать серию экспериментов с океаническими культурами и провести исследования других планет и астероидов этой системы, и основать свой торговый флот, и... черт побери, я просто не в состоянии перечислить все свои планы. Я не могу терять время, прежде чем снова стану лицом, не состоящим на государственной службе.

— Однако ты все же его теряешь, — заметил Петерс.

Хейм посмотрел в окно на море, солнце и небо.

— Что ж, — сказал он. — Это стоит того, чтобы принести некоторую жертву. Здесь затронуто больше, чем один только этот мир. Мы закладываем основу... — он сделал паузу в поисках подходящего слова, — основу адмиралтейства. Или, иными словами, космического министерства. Которым будет управлять человек, которое будет охватывать всю Вселенную.

Вошла служанка с подносом. Хейм был рад этому, не только потому, что мог освежиться, но и потому, что это давало возможность сменить тему. Он был не из тех, кто любит поговорить на серьезные темы. Человек делал то, что должен был делать, этого было достаточно.

Девушка наклонила голову.

— К вам еще гости, мсье, — сказала она по-французски.

— Хорошо,— отозвался Хейм.— Должно быть, это Андре Вадаж с женой. Тебе они понравятся. Именно благодаря ему мы и вылезли из всей этой каши. Теперь он имеет возможность полностью ублажить свою любовь к простору, доставшуюся ему в наследство вместе с генами цыгана, на ранчо в Долине Борде площадью в 10000 гектаров, при этом он по-прежнему остается певцом, равных которому нет во всей Солнечной Системе.

— Я буду очень рад познакомиться,— сказал Петерс, проводив вышедшую служанку оценивающим взглядом.— Ты знаешь, Гуннар,— пробормотал он,— мне кажется, я нашел весьма вескую причину, объясняющую твоё решение остаться здесь. Количество красивых девушек на Новой Европе просто ошеломляющее, и все они, по-моему, смотрят на тебя как на идола.

На глаза Хейма набежало мимолетное облачко.

— Боюсь, они здесь несколько иные, чем на Земле. О, ну что ж,— он поднял свой бокал.

— Скэл.

— Шалом.

Хейм и его гость встали, когда в гостиную вошла чета Вадаж.

— Бьенвену,— сказал Хейм, дружески пожал руку своему другу и поцеловал руку Даниель. Теперь он уже научился делать это только уважительно.

«Удивительно,— думал он, глядя на девушку,— как быстро заживает нанесенная ею рана. Жизнь — это, к сожалению, далеко не волшебная сказка, и в ней рыцарь, победивший дракона, не всегда получает в награду принцессу. Ну и что из того? Разве нашелся бы человек, пожелавший жить в мире, менее богатом и разнообразном, чем настоящий? Ты распоряжался собой, как кораблем — с дисциплинированностью, благоразумием и мужеством,— и в конце концов нашел свою гавань. К тому времени, когда ты, выполняя данное ей обещание, станешь крестным отцом ее первенца, тогда твои чувства к ней, вероятно, ничем уже не будут отличаться от чувств дяди по отношению к своей племяннице».

«Нет,— вдруг понял он, ощутив, как сердце внезапно забилось быстрее,— это произойдет даже раньше». Война кончилась. Он мог послать за Лизой. И почти не сомневался, что вместе с ней, или без нее, к нему прилетит Джосселин.

СОДЕРЖАНИЕ

НАСТАНЕТ ВРЕМЯ...	3
ЗВЕЗДНЫЙ ЛИС	131
Часть первая. Каперство и репрессалии.	132
Часть вторая. Порт-Арсенал.	210
Часть третья. Адмиралтейство.	283

ПОЛ АНДЕРСОН

Сборник фантастических романов

Редактор А. Лютиков
Технический редактор Ю. Жихарев
Корректор А. Тарасова

Сдано в набор 15.03.92. Подписано в печать 10.04.92. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура "Тип Таймс". Печать офсетная. Бумага кн.-журн. Усл.печ.л. 23,00. Уч.-
изд.л. 24,14. Тираж 51000 экз. Заказ N 18 28 "С" 188.

Объединение "Всесоюзный молодежный книжный центр". 101463, Москва, ГСП-
4, ул. Петровка, 26.

Набор произведен в Агентстве "СФИНКС СПб". 197022, Санкт-Петербург,
Невский пр., 176, а/я 875.

Отпечатано в московской типографии N 4 Министерства печати и информации
Российской Федерации. 129041, Москва, Б. Переяславская ул., 46.

